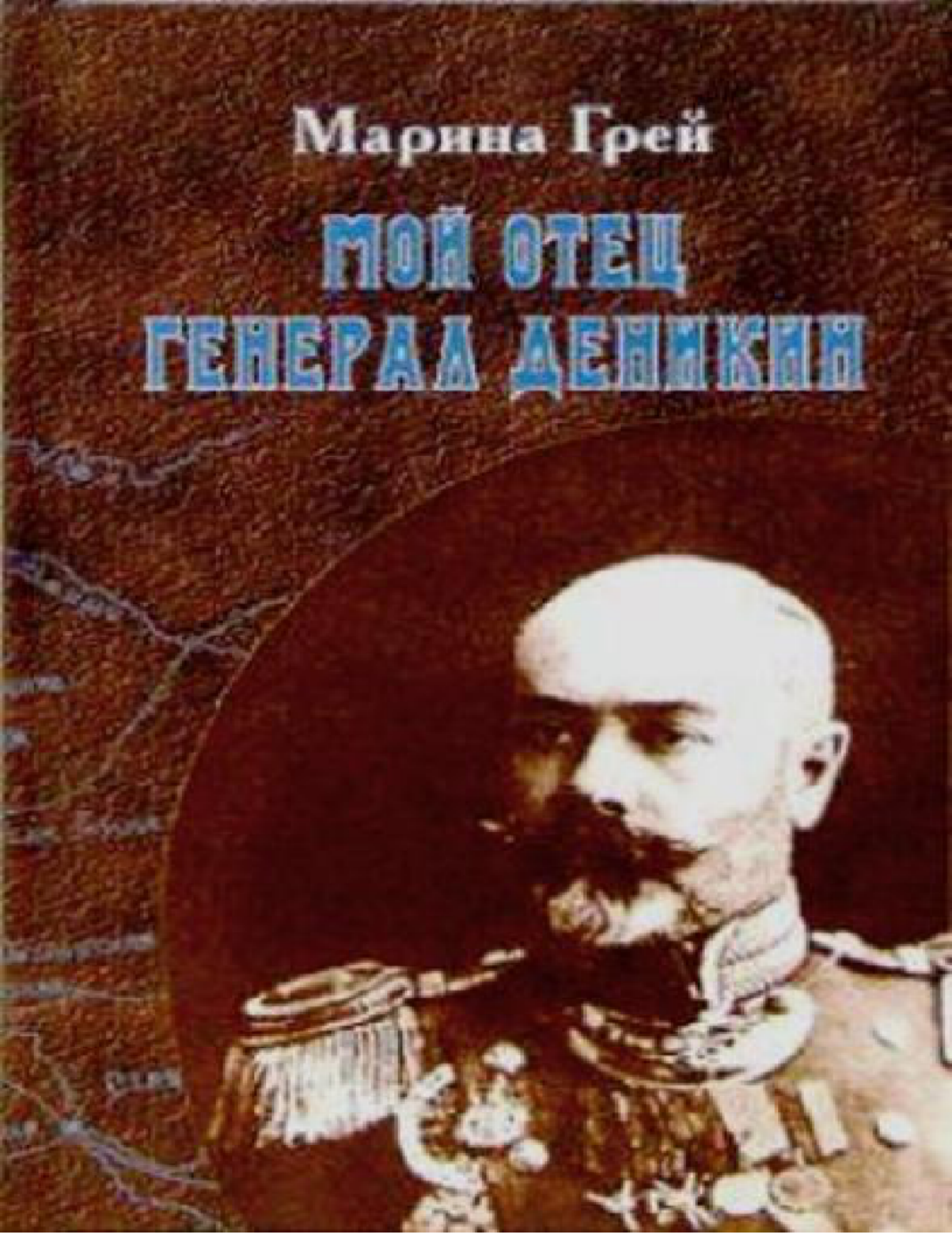
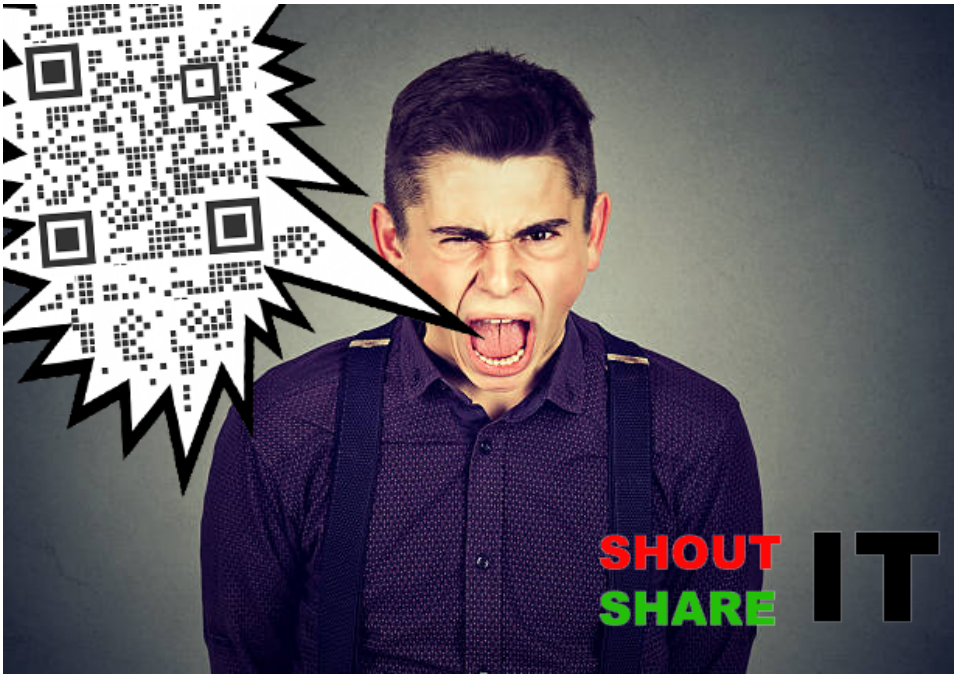
Марина Грей

Мой отец генерал Деникин




SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания Марины Антоновны Грей, изданные во Франции в 1985 году, — живое свидетельство дочери, книга воспоминаний, сюжет, который написан самым великим мастером — жизнью. В них в яркой художественной форме, насыщенной эпистолярным наследием отца, отмечены не только основные вехи его нелегкой армейской службы и боевого пути, но описаны взгляды и черты личности генерала, общественная деятельность и перипетии его повседневной жизни в эмиграции.

Предназначена для широкого круга читателей.

Публикация подготовлена Центром комплексных исследований российской эмиграции Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук.

Под общей редакцией доктора исторических наук А.Я. Дегтярева.

- Марина Антоновна Грей
  - «ПАРАЛЛЕЛИ», ИЛИ О ВРЕМЕНИ, АВТОРЕ И ГЕРОЕ
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI
  - Глава XVII
  - Глава XVIII
  - Глава XIX
  - Глава XX
  - Глава XXI
  - Глава XXII
  - Глава XXIII

- Глава XXIV
- Глава XXV
- Глава XXVI
- Глава XXVII
- Глава XXVIII
- ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Марина Антоновна Грей
Мой отец генерал Деникин

«ПАРАЛЛЕЛИ», ИЛИ О ВРЕМЕНИ, АВТОРЕ И ГЕРОЕ

Почти четверть века генерал Деникин был под «колпаком» у Сталина. Да и не только у него: руководители других ведущих стран Европы через свои спецслужбы в 1920—30-е годы интересовались судьбой русского генерала и пытались при определенных обстоятельствах использовать его в своих интересах. И это далеко не случайно.

Генерал-лейтенант А.И. Деникин оставил яркий след в отечественной истории. И не только на полях сражений трех войн: русско-японской, первой мировой и гражданской. Своим талантливым пером он в обширных мемуарах поведал современникам и потомкам о драматических событиях, активным участником коих ему довелось быть.

Главное из них — несомненно, гражданская война в России. Братоубийственная кровопролитная борьба, которая и спустя многие десятилетия отдается в сердцах и душах русских людей, в памяти соотечественников за рубежом. Социальный разлад, классовая злоба и ненависть. «Они» и «Мы»… Чего хотели «мы» (победившая сторона) и как за это боролись? Эти страницы истории, хотя далеко не полно и не всегда достоверно, но все же известны. А чего хотели «они», исторгнутые из лона Родины, как воспринимали происходящее и как определяли свои позиции, как боролись с новой властью и через какие жизненные драмы прошли? На это отвечают страницы книг, полные пафоса «белой борьбы», написанные самими участниками этих событий: генералами Н. Даниловым, П. Врангелем, А. Богаевским, А. Лукомским, П. Красновым, Н. Головиным и другими. Но наибольшей фундаментальностью в этом ряду отличается пятитомный труд одного из ведущих деятелей белого движения, главнокомандующего Добровольческой армией, а затем и Вооруженными силами юга России генерал-лейтенанта А.И. Деникина.

«Очерки Русской Смуты» — плод не только его личных воспоминаний, но и результат кропотливого исследования самого разного рода документов того времени, которые вместе рисуют довольно основательную картину гражданской войны в России: как она начиналась, какую роль в ее генезисе сыграла мировая война и русская армия, как развивался ход кровавых событий, почему белое движение потерпело крах и, наконец, как это все вместе представлялось одному из главных организаторов и

руководителей белого движения в стране.

Написанные талантливой рукой, очерки служат более объективному и полному рассмотрению истории тех лет.

В одной из заключительных глав этого пятитомного сочинения есть строки: «Великие потрясения не проходят без поражения морального облика народа. Русская смута, с примерами высокого самопожертвования, всколыхнула еще в большей степени всю грязную накипь, все низменные стороны, таившиеся в глубине человеческой души…» Народ встречал нас с радостью, пишет генерал, а провожал с проклятиями. «Так формулируют часто приговор над белым прошлым», — заключает он.

Для многих из нас, воспитанных в системе жестких идеологических координат, эти люди всегда были только контрреволюцией, «белогвардейщиной», «царским офицерьем». Мы редко видели в них родных людей, наших соотечественников, павших на поле боя за свое Отечество или с трудом выживших и боровшихся за жизнь своих детей и сохранение русской культуры на чужбине. Прах россиян, вставших после революции под белые знамена, являвшихся для них символом «законного правопорядка», покоится нынче не только на знаменитом парижском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, он развеян по всему свету.

Феномен «белого дела» так и останется до конца непонятым, если продолжать сводить его к антинародным происками кучки генералов-монархистов, словно и не сражались под их знаменами десятки тысяч вчерашних крестьян и мирных российских обывателей, искренне любивших матушку-Россию, которая на их глазах умирала в страшных мучениях.

Один из добровольцев — участников Первого Кубанского похода Н. Львов писал в книге, изданной в Белграде в 1924 году: «…Нас называют белыми. Когда, кто первый назвал этих подростков с винтовкою в руках, шедших по грязи в степи, в стужу, в рваных сапогах, с холщовой сумкой через плечо, белыми? За что? За то ли, что они были белыми. За то ли, что белая мечта влекла их за собой, а когда она гасла, они слабели и падали. Враги называют нас белыми. История сохранит это имя за нами.

…Вот откуда возникло белое движение.

Началась открытая борьба за армию. Генерал Корнилов, верховный главнокомандующий, поставил свои требования. Правительство должно было стать на ту или другую сторону. Назревала необходимость в диктатуре. Но Керенский чувствовал, что не он станет диктатором… Отсюда уловки, отговорки, оттяжки в принятии решения, переговоры с Корниловым в

подавлении вооруженной силой большевистского восстания и страхи потерять власть разрывом с революцией… В быховской тюрьме зародилось белое движение».

Гражданская война — это не тема для легкомысленного воспевания братоубийства. Это величайшая российская трагедия, в ходе которой за узкопартийными и эгоистическими социальными интересами противоборствующих сторон были потеряны подлинные национальные интересы.

До сих пор история российской революции и гражданской войны пишется в основном с позиций победивших. До сих пор идеология «белого дела» представлена в большинстве работ как великодержавный шовинизм, воинственный антибольшевизм, милитаризм, бонапартизм, социальная демагогия. Но ведь подобные черты (за исключением, конечно, ненависти к себе) были характерны и для противоборствующей стороны, большевизма. Дань традиции понятна и естественна, но отнюдь недостаточна для подлинно научного исследования, не терпящего искусственных ограничений политического и идеологического свойства. Мы не сможем до конца понять Великую французскую революцию, если будем рассматривать ее только через якобинскую, роялистскую или термидорианскую линзу. В каждом случае это будет лишь часть правды, но далеко не вся правда. То же самое можно отнести и к нашей истории. Изучение политических программ белого движения, всех его течений и направлений, знакомство с его вождями и идеологами, выяснение социально-массовой опоры — непременные условия создания подлинно научной истории революции и гражданской войны в России.

В романе «Сивцев Вражек» русского писателя-эмигранта Михаила Осоргина отражен, пожалуй, наиболее правильный, объективный подход к трагической российской драме: «Стена против стены стояли две братские армии, и у каждой была своя правда и своя честь… Были герои и там и тут; и чистые сердца тоже, и жертвы, и подвиги, и ожесточение, и высокая внекнижная человечность, и животное зверство и страх, и разочарование, и сила, и слабость, и тупое отчаяние.

Было бы слишком просто и для живых людей, и для истории, если бы правда была лишь одна и билась она с кривдой; но были и бились между собой две правды и две чести — и поле было усеяно трупами лучших и честнейших».

В гражданской битве начинают действовать свои законы, когда чувства и желания классового, или, если хотите, социального, группового эгоизма выходят из под контроля, довлеют не только над разумом, но и над политикой и низводят

человеческие ценности до нуля. Брат может пойти на брата, а отец может встать против своих сыновей. В художественной форме это ярко выражено в романах М. Шолохова «Тихий Дон» и М. Булгакова «Бег».

Почти три года сотрясали страну артиллерийская канонада и пулеметная стрельба, топот многотысячных кавалерийских соединений и рев несущихся в сабельные атаки бойцов. Почти три года соотечественники яростно и беспощадно уничтожали друг друга. Смертельная межа расколола Россию. Кровавое ристалище гражданской войны можно назвать «русским погостом», на котором все, по словам Деникина, и «красные», и «белые» пустили реки крови. Все участники этого чудовищного пира — «белые» и «красные», «зеленые» и «желто-блакитные» выпили свои чаши до дна. За три года на полях братоубийственной войны от террора белых и красных, болезней и голода погибло, по некоторым оценкам, до 13 млн человек.

* * *

А.И. Деникин, как следует из его воспоминаний («Путь русского офицера») и свидетельств дочери, происходил из бедной офицерской семьи, глава которой родился крепостным, был сдан в рекруты и 22 года служил солдатом. Затем И. Деникин был произведен в чин прапорщика и получил личную свободу. Он продолжал служить и вышел в отставку майором пограничной стражи. На всю жизнь сын сохранил любовь и почтение к своему отцу и своей обожаемой матери.

С детства находясь в армейской среде, Антон не мыслил себе другой жизни. В армию он пошел вольноопределяющимся. Пришлось служить, учиться и зарабатывать на жизнь, поскольку посмертной пенсии отца даже на маленькую семью, состоящую из трех человек — матери с престарелым дедом и его самого, — катастрофически не хватало. Но он получил образование и воспитание в традициях русского офицерства, почитавшего все ценности корпоративной воинской этики.

До начала Великой войны в 1914 году А.И. Деникин прослужил уже 22 года и был на хорошем счету у начальства. Правда, не хватало родовитости и высоких покровителей. Зато с избытком — устремленности и работоспособности, самостоятельности и ответственности.

Его высокий авторитет в армии основывался не только на том, что он командовал «железной» дивизией, увенчавшей себя славой еще до знаменитого Брусиловского прорыва. Не только на

том, что он был известен как боевой генерал, не раз лично ходивший в атаку, почти полный Георгиевский кавалер, да еще награжденный Георгиевским оружием с бриллиантами за взятие Луцка, но и как сторонник демократического реформирования армии.

В своих статьях в военной печати Деникин отстаивал необходимость либерализации армейской жизни. «Среди служилых людей, — писал он, — с давних пор не было элемента настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство. Буквально нищенская жизнь, попрание сверху прав и самолюбия; венец карьеры для большинства — подполковничий чин и болезненная, полуголодная старость».

Возмущало его и то, что в связи с первой русской революцией в армии был введен политический сыск, участились случаи преследования офицеров за политические убеждения. Глубоко оскорбило Деникина и введение в 1915 году таких наказаний, как розги и смертная казнь за членовредительство.

Февральскую революцию генерал встретил как естественное возмущение народа бездарной и во многом преступной политикой царского правительства. Его кумиром всегда был П.А. Столыпин, он искренне верил в эволюционное преобразование России путем реформ. Но в критическую, переломную для страны пору, когда многие в военной среде утратили всякие политические ориентиры, Деникин рассуждал логично и выбор осознанно сделал в пользу военной диктатуры. «Явилась власть, — писал он. — Источником ее могли быть три элемента: верховное командование (военная диктатура), буржуазная Государственная дума (Временное правительство) и революционная демократия (Совет)». Путь военной диктатуры, которому он отдал предпочтение, привел к пропасти во взаимоотношениях с народом. Трудящиеся массы не пошли за белым движением. О его программе можно судить по выступлению Деникина на открытии Кубанской Рады 1 ноября 1918 года. Командующий войсками, специально приехав с фронта на заседание, заявил: «…Большевизм должен быть раздавлен. Россия должна быть освобождена… Не должно быть Армии Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской. Должна быть единая Русская Армия, с единым фронтом, единым командованием, облеченным полной мощью и ответственным лишь перед русским народом, в лице ее будущей законной власти… вопрос о формах государственной власти является последующим этапом и будет решен волей русского народа. Отдельные народности имеют право на широкую автономию при

условиях сохранения государственного единства».

Доминирующая идея А.И. Деникина была выражена им по-военному четко и ясно: «скорейшее восстановление Великой, Единой, Неделимой России».

Неумолимая логика истории уже через несколько лет привела российскую революционную демократию к военно-политической диктатуре. И в 1921 году Ленин говорил о трещине между диктатурой пролетариата и народными массами, возникшей по сходным причинам.

Антон Иванович был прямым человеком и никогда не кривил душой. Когда 16 июля 1917 года в Могилеве открылось совещание министров Временного правительства, Ставки и главнокомандующих фронтами, посвященное причинам поражения и мерам по выходу из военно-политического кризиса, он, тогда главнокомандующий Западным фронтом, резко призвал Временное правительство признать ошибки в отношении армии и восстановить доверие к офицерскому корпусу. Среди первоочередных мер, которые могли бы стабилизировать положение на фронте, Деникин предложил следующие: 1) предоставить Верховному главнокомандованию всю полноту военной власти и ответственности; 2) устранить политическую деятельность в армии, упразднив комиссаров и солдатские комитеты; 3) восстановить жесткую дисциплину, возродив прежнюю власть командиров и начальников; 4) вернуться к прежним кадровым принципам выдвижения офицеров; 5) создать особые подразделения для подавления бунтов; 6) ввести военно-революционные суды в тылу и применять смертную казнь в отношении военнослужащих и гражданских лиц по всей стране.

На всех присутствующих речь Деникина произвела глубокое впечатление. Министр-председатель Временного правительства Керенский встал и, пожимая Деникину руку, сказал: «Благодарю вас, генерал, за ваше смелое, искреннее слово».

Все высшее офицерство не покидала мысль: спасти Россию могут только военные. Время смуты, по мнению Деникина, можно было преодолеть не только патриотизмом россиян, но и «твердой рукой». Он просчитался только в одном: нашлась более «твердая рука».

Великий парадокс революции (разные этапы которой, как отмечал Ленин, не отгорожены друг от друга Китайской стеной): Февраль дал свободу, но не смог дать мира и земли, Октябрь дал землю и мир, но вынужден был забрать свободу.

Не был свободен в своем выборе и действиях и генерал Деникин. Все диктовалось тектоническими сдвигами русской истории. Дойти почти до Москвы, а затем откатиться до

Новороссийска и оказаться на Крымском полуострове…

Деникин не искал водительства. Оно было возложено на него волею судеб. Как-то он сказал Н.И. Астрову: «Я знаю, что я делаю самую неблагодарную работу и что меня будут поносить и, может быть, проклинать. Но кто-то должен эту работу сделать». В «эту работу» он внес две ценные черты: невозмутимое спокойствие и изумительную работоспособность — он по неделям спал не более двух-трех часов в сутки, разделяя свои силы между фронтом и тылом. Как он и предвидел, многие его стали поносить. Но личной вины за неудачу на нем нет — он сделал все, что мог.

У лучшей части русского офицерства воинская честь всегда была превыше всего, выше самой жизни. Деникин не стал ожидать выражения ему недоверия Военным Советом и написал письмо его председателю генералу А.М. Драгомирову.

«Многоуважаемый Абрам Михайлович!

Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбою. Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность Армии и в ее историческое призвание мною не потеряна, но внутренняя связь между вождем и Армией порвана. Я не в силах более вести ее…

Уважающий вас А. Деникин».

Вечером 22 марта 1920 года Деникин на английском миноносце навсегда покинул родную землю. Потерпевший поражение генерал, комкая в руках фуражку и еле сдерживая комок в горле, всматривался в удаляющийся берег.

Через день, в Константинополе, его ожидал очередной удар — монархистами был застрелен сопровождавший его ближайший друг и соратник генерал И.П. Романовский.

С этого ужасного дня начались длившиеся четверть века скитания семьи Деникиных (Антона Ивановича и Ксении Васильевны с их маленькой, полугодовалой Мариной и престарелым дедом жены) на чужбине: Англия, Бельгия, Венгрия, снова Бельгия, Франция…

Об этом периоде своей жизни генерал Деникин не оставил воспоминаний. О нем повествуют лишь немногие документы, хранящиеся в архивах разных стран, и воспоминания дочери.

Они свидетельствуют о том, что генерал все свое время старался отдавать общественной и литературной деятельности: писал «Очерки…» и другие труды, выступал с лекциями и докладами, встречался с сослуживцами, писателями и политиками. Большая дружба его связывала с И. Шмелевым, который посвятил Ксении Васильевне поэму под названием «Черная вдова».

Гонораров не хватало. И жизнь требовала иного вида работ. Чтобы выжить, Деникиным приходилось заниматься и огородничеством, и разводить свиней, кур и гусей, вести примитивную меновую торговлю. Иногда жизнь прижимала так, что бывший главнокомандующий шел подрабатывать сторожем и истопником.

Публикация «Очерков Русской Смуты» вызвала многочисленные отзывы, благожелательные, нередко восторженные, и критические. Военные и политики отдавали должное правдивости и объективности повествования, писатели Бунин, Шмелев и Алданов отмечали чистоту и яркость языка. В СССР «Очерки» вызвали у руководства неподдельный интерес. Неизвестно, что сказал о них И. Сталин, но Л. Троцкий сделал, по свидетельству М. Грей, не лишенное восхищения замечание, которому попытался придать ироническую форму: «Удары судьбы, по-видимому, научили некоторых русских генералов-эмигрантов, например Деникина, владеть словом и пером».

Сокращенные до двух томов «Очерки» вышли на родине, в Госиздате, и получили положительную оценку М. Горького.

««Очерки Русской Смуты» я считаю самым важным делом моего эмигрантского житья, — указывал А.И. Деникин. — На работу эту я смотрел как на свой долг в отношении Белого движения, перед памятью павших в борьбе, как на добросовестное свидетельское показание перед судами народными. Судами истории». И отмечал, что придет время, когда «история подведет итоги нашим деяниям».

Деникин выступал активным противником продолжения вооруженной борьбы и интервенции в России. Поэтому он не входил ни в какие военные и политические объединения в эмиграции, отрицательно относился к террористической деятельности Русского общевоинского союза и других организаций. И не без оснований полагал, что вся их деятельность находится под «колпаком» ГПУ-НКВД.

И как мы знаем, это было действительно так. Более того, руководители РОВС генералы Кутепов и Миллер были похищены агентами советской разведки, генерал Врангель, по одной из версий, был отравлен. Причем во всех этих акциях были замешаны некоторые бывшие генералы-добровольцы, которые занимали значительные посты в эмигрантских организациях, как, к примеру, генерал Скоблин, бывший командир Корниловского полка. По одной из версий, и к генералу Деникину был «приставлен» полковник Колтышев. Во всяком случае, без сомнения, так считает Марина Грей. В одном из писем автору этих строк в 2002 году она решила, наконец, рассказать об этом

совершенно откровенно. Приведу лишь одну выдержку из него:

«О П.В. Колтышеве я в своей книге писать не хотела. О том, что я ему частично рассказала, историк Черкасов-Георгиевский («Генерал Деникин», издание «Русич», Смоленск, 1999) не поверил, считая Колтышева истинным другом моего отца.

Вот вся правда: Я с юности не любила Колтышева, потому что он усиленно ухаживал за моей матерью (отец ничего не замечал), а когда мне исполнилось лет 14, он «взялся» за меня. Я возмутилась и уведомила об этом мать. Она взяла с меня клятву, что я ни слова не скажу об этом отцу, «чтобы не разочаровать его в лучшем его друге». Колтышев продолжал постоянно бывать у нас, а после отъезда родителей в Америку — у меня, под предлогом узнать те новости, которые я получаю из New York. Я ему доверенно показывала последние письма до того, как я получила странное письмо от отца: «Прошу тебя, дорогая Маша, не доверять Петру Владимировичу и его избегать». Я положила это неожиданное письмо в ящик письменного стола, где хранила и предыдущие. На следующий день явился Колтышев. Я ему приготовила чашку чая и сказала, что новых писем не получала. Когда он ушел, мне захотелось перечитать последнее письмо… Его больше не было в ящике. Колтышев перестал ко мне заходить».

М. Грей сообщила и другие подробности, которые, по ее мнению, свидетельствуют, что Сталин постоянно следил за ее отцом, так как «очень интересовался его деятельностью и его мнением».

Вряд ли в этом можно сомневаться. Марина Грей — известная писательница и историк, долгое время работавшая журналисткой на французском радио и телевидении. Она создавала передачи с такими звездами, как Эдит Пиаф, Франсуаза Саган, Жерар Филипп. Встречалась с Пикассо и Дали, дружила с Марком Шагалом. После окончания журналистской деятельности она занялась литературным трудом и историей, на что повлиял, по-видимому, ее муж — известный французский историк, граф Жан Франсуа Кьяпп. С тех пор из-под ее пера вышло около 20 романов и исторических трудов, посвященных главным образом российской истории XIX — начала XX века, судьбам белого движения и эмиграции.

В середине 30-х годов, когда среди части эмиграции распространились надежды на скорое «освобождение» России с помощью нацистской Германии, Деникин в своих статьях и выступлениях активно разоблачал захватнические планы Гитлера, называя его «злейшим врагом России и русского народа». Он доказывал необходимость поддержки Красной Армии в случае

войны, высказывая надежду, что после разгрома Германии она «свергнет коммунистическую власть» в России.

«Я признаю злейшими врагами России державы, помышляющие о ее разделе, — говорил он. — Считаю всякое иноземное нашествие с захватными целями — бедствием. И отпор врагу со стороны народа русского, Красной Армии и эмиграции — их повелительным долгом».

По окончании войны проходит слух, что, возможно, французское правительство выдаст всех русских Сталину. Вновь прежние опасения вспыхивают с новой силой. На встречах с соотечественниками Деникин опять повторяет: «С русским народом, но против большевистского режима».

Опасаясь насильственной депортации на родину, Деникин в ноябре 1945 года уезжает с женой в США, собирается написать книгу «Вторая мировая война». Но старость и болезни уже давали о себе знать.

Во вступлении к «Очеркам» вчерашний главнокомандующий писал: «В кровавом тумане русской смуты гибнут люди и стираются реальные грани исторических событий… После свержения большевизма, наряду с огромной работой в области возрождения моральных и материальных сил русского народа, перед последним с небывалой еще в отечественной истории остротой встанет вопрос о сохранении его державного бытия. Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики. Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе разума».

В воспоминаниях Марины Антоновны Грей, изданных во Франции в 1985 году, в яркой художественной форме, насыщенной эпистолярным наследием отца, отмечены не только основные вехи его нелегкой армейской службы и боевого пути, но описаны взгляды и черты личности генерала, общественная деятельность и перипетии его повседневной жизни в эмиграции. Написание научной биографии А.И. Деникина — это дело специалистов. И за последние годы уже состоялись несколько попыток ее создания. Перед читателем же — живое свидетельство дочери, книга воспоминаний, сюжет, который написан самым великим мастером — жизнью.

Ю.В. Мухачев

Глава I
ИВАН

Мой дед по отцовской линии, Иван Ефимович Деникин, родился 26 сентября 1807 года. Он мог бы собственными глазами увидеть Наполеона, но французские войска не дошли до берегов Волги, где затерялась деревня Ореховка Саратовской губернии и где подрастал отец будущего «правителя России».

Иван Деникин был младшим сыном крепостного, вся семья которого принадлежала помещику. В возрасте двадцати лет Иван женился на своей молодой соседке Марии Осиповне, фамилии которой я не помню. Она была слишком развязна и свободна в своем поведении и никак не могла составить счастье крестьянского парня, воспитанного в самых строгих нравах. Когда у помещика потребовали определить в армию рекрута, то он по собственному усмотрению остановил свой выбор на Иване, который отнесся к этому спокойно ив 1834 году пошел на службу без всяких сожалений. При Николае I крепостные, которых брали на службу, не могли продвинуться дальше звания унтер-офицера и не имели права на отпуск, но если после 25 лет службы государю императору они оставались живы, то становились свободными. Солдат Деникин в 27 лет умел немного читать и писать, не в пример большинству своих вышедших из крестьян товарищей. Во время венгерской, крымской и польской кампаний он усовершенствовал свою орфографию, приобрел некоторые сведения по арифметике и углубил свои познания в воинском уставе. После того как Александр II отменил крепостное право, унтер-офицеру Деникину представилась наконец возможность продвинуться по службе. Он сдал экзамены по чтению, письму, арифметике, блестяще ответил на вопросы по воинскому уставу и по закону Божьему и получил чин подпоручика. Ему было тогда 49 лет. Теперь он имел право на отпуск и даже мог, при желании, оставить воинскую службу. Но куда ему было деваться? Его часть была расквартирована в Польше. Родная деревня Ореховка так далеко, а родители давно умерли. Жену ему не хотелось видеть, но все же он попытался найти ее, желая добиться официального расторжения брака. Ему это не удавалось. Все же в конце концов православная церковь по его ходатайству расторгла брак по причине неявки жены в суд. У Ивана были брат и сестра. Но он знал, что сестра уехала из Ореховки, и не представлял себе, как можно найти ее на огромных просторах Российской империи. Он мог бы обратиться к брату, но не хотел этого делать. Еще до

уничтожения крепостного права брат получил вольную и ему удалось «найти свой путь в жизни». Иван узнал об этом по возвращении из Венгрии, когда их часть стояла в русском городе, название которого он отказывался уточнять. Как ему говорили, брат его занимал там значительную административную должность. Солдат Деникин отпросился из части на несколько часов и поспешил к дому, где проживал его родственник. Слуга пропустил Ивана в кухню. Вошла жена брата и объявила: «Муж очень занят, у нас обедают важные гости. После обеда он, конечно, уделит вам несколько минут. Пока же Настя подаст вам здесь тарелку супу». Иван был оскорблен, надел фуражку и вышел не попрощавшись. Больше он своего брата никогда не видел.

В 1856 году подпоручик Деникин осознал, что он один, у него нет семьи. И остается в армии. Дисциплина там была суровой, практиковались телесные наказания, но, может быть, так и надо было? Много позднее, уже на гражданской службе Иван часто вздыхал с тоской: «Тогда все было по строгости. Времена очень изменились».

Годы были мирные, и Иван, ставший прапорщиком, служил теперь в части, охранявшей границы Польши, которая после раздела входила в состав Российской империи и Пруссии. Иван проникся любовью к польскому народу. Он считал совершенно естественной аннексию Россией герцогства Варшавского и соседних с ним областей, но не одобрял произвол и жестокость властей. В сентябре 1862 года, накануне исторического восстания, в часть пришло сообщение: руководители местных заговорщиков собираются вечерами по пятницам в пригородном районе в доме одного поляка. Деникин знал хозяина этого дома. Ему было поручено арестовать заговорщиков. В следующую пятницу прапорщик Деникин расположил взвод своих солдат вокруг дома и отдал приказ:

— Если через полчаса не вернусь, начинайте штурм. Ставни одной из комнат пропускали свет. Иван вошел в комнату, где собралось около двух десятков человек. Все были поражены. Те, кто его не знал, предложили разоружить, другие воспротивились этому. Иван привык говорить четко и ясно, ему чужды были тонкости салонных бесед.

— Я знаю, почему вы здесь, но я солдат, а не доносчик. Если же придется скрестить штыки, я выполню свой долг, и в этом вы не сможете меня упрекнуть. Я пришел сюда, чтобы сказать, что вы поступаете глупо. Вы не можете противостоять русской мощи и силе. Одумайтесь, пока еще есть время. Только зря погубите много народу!

И он вышел.

Его советами пренебрегли, и в январе 1863 года пришлось-таки «скрестить штыки». За проявленную храбрость получил чин и был произведен в капитаны и награжден орденом Станислава. Выполняя свой долг, он всегда поступал согласно требованиям своей совести. Так, когда в мае 1863 года была захвачена с оружием в руках группа студентов и лицеистов, ему было поручено, в зависимости от их возраста, по своему усмотрению их или расстрелять, или сослать в Сибирь. Но новоиспеченный капитан выбрал менее суровое наказание. Он велел выпороть молодых людей и отпустил их по домам. Восстание было жестоко подавлено, и многие «несчастные» действительно поплатились за это своей жизнью.

Иван больше не покидал пределов русской Польши. Выйдя на пенсию в 1869 году, майор Деникин решает обосноваться во Влоцлавске, городе Царства Польского. Он думает о женитьбе. Вот уже два года, как он любит молодую польку Елисавету Федоровну Вржесинскую, брюнетку с серыми глазами, волнистыми волосами, немного большим носом, но очень выразительным ртом. Мать ее умерла. Отец, мелкий землевладелец, потерял все, что имел, во время аннексии Пруссией его родного города Стрельно. Он эмигрировал в русскую Польшу. Здесь он обрел убежище, но не благополучную, сытую жизнь и умер бы с голода, если бы его дочь не стала зарабатывать на жизнь вышивкой и шитьем. Нищета в семье Вржесинского не остановила Деникина. У Елисаветы была благородная душа, она не была эгоистична, но… исповедовала католическую веру и упорно отказывалась принять православие. Однако любовь в конце концов победила. В 1871 году майор Иван Ефимович Деникин в возрасте 64 лет женится на Елисавете Федоровне Вржесинской, которой должно было вскоре исполниться тридцать. «Молодые» вместе со старым отцом обосновываются в деревне Шпеталь Дольный, которую отделяет от Влоцлавска только река Вистула, так как квартиры там были дешевле. Елисавета вынуждена была отказаться от шитья, так как здесь не было клиентуры, но тридцати шести рублей в месяц, которые получал майор, хватало на то, чтобы сводить концы с концами. Через семь или восемь месяцев в дом пришла радость и одновременно беспокойство. Елисавета забеременела. Опасаясь за исход первой поздней беременности, Иван горячо молил Бога и решил, что сын его получит имя Антон и примет православную веру. Будущая мать, кажется, больше думала о девочке. Но муж настаивал на своем: Создатель не может отказать ему в сыне. Антон появился на свет 4, по новому стилю 16, декабря 1872 года.

Воспоминания будущего генерала о жизни в Шпеталь Дольном были довольно смутными. Однако один день 1878 года отчетливо запечатлелся в его памяти. Его отец, обычно разговорчивый, стал молчаливым и в течение нескольких недель только поглаживал свою белую веерообразную бороду. В этот день прибыла депеша. Иван дрожащими руками вскрыл конверт, протянул бумагу жене. Там было написано, что во исполнение его желания он направляется в крепость Новогеоргиевскую с тем, чтобы принять командование батальоном резервистов, которых ожидали на фронте.

Между Россией и Турцией шла война, и Иван, тайком от жены, ходатайствовал о своем в ней участии. Елисавета возмутилась:

— И ты мне ничего не говорил, Ефимыч. Идти на войну в твоем возрасте? Ведь тебе уже 68 лет!

Антону передалось волнение матери, и он также залился слезами, но позднее признавал: «В глубине души я был горд тем что мой отец отправляется на войну».

Однако затем приказ был отменен: мирные переговоры приобретали благоприятный характер, и батальон резервистов был расформирован.

Окончательно вернувшись к гражданской жизни, майор с грустью свернул свой старый мундир, спрятал в чемодан, присыпав табаком от моли. Он бы охотно ходил в нем хоть каждый день, но боялся износить и поэтому надевал лишь по особо торжественным случаям. Так как новый мундир стоил очень дорого, то Иван волей-неволей свыкся со скромной гражданской одеждой, но никогда не расставался с военной фуражкой.

По примеру всех уважаемых и респектабельных семей Деникины после рождения Антона взяли в дом няню, сироту из крестьян, по имени Аполлония, которая согласилась на их условия, потребовав самой незначительной платы. Но на пятерых тридцати шести рублей пенсии стало не хватать. К концу каждого месяца надо было у кого-нибудь занимать. Иван запирал на замок свою гордость, надевал фуражку и шел к одному из друзей занимать 5-10 рублей до первого числа следующего месяца. Этот заколдованный круг разрывался только раз в год, когда семья получала дополнительную пенсию в 100 рублей, которую министерство финансов выплачивало старым солдатам-пограничникам. Тогда Елисавета делала покупки, заказывала ткани, а Иван приглашал друзей на обед.

Когда Ивану должно было исполниться 69 лет, до очередной манны небесной оставалось еще полгода. Однако Елисавета

решила сделать мужу неожиданный и удивительный подарок. Она плохо говорила по-русски, но умела писать и еще лучше читать и обучила этому четырехлетнего сына. Когда наступил день рождения, мальчик встал и, сияя от гордости, начал читать статью из газеты. Иван остановил его:

— Довольно, малыш, ты считаешь меня совсем глупым. Я знаю, что мать тебя заставила выучить эти фразы наизусть. А нука, прочитай мне это место, а потом вот это.

Антон почти не останавливался, хотя слова были очень трудные. Никакой подарок не мог порадовать так старого отца, как беглое чтение сына.

Сорок лет спустя Деникин, вспоминая в изгнании этот эпизод своего детства, вновь пережил его. Ко дню рождения моей матери он тайком научил меня читать, писать по-русски и считать до ста. Как моя мать должна бы быть горда и счастлива! Результат, однако, был обескураживающим. Подобно деду, отказываясь сначала верить своим ушам, она вдруг расплакалась и заперлась в своей комнате. Я и отец были поражены. Когда наконец дверь открылась, я услышала упреки:

— Ты совсем потерял голову, Иванович! Несчастному ребенку ведь только четыре года, и она определенно умрет от менингита.

Я, однако, выжила.

Освоив кириллицу, Антон легко одолел и латинский алфавит. Ребенок владел двумя языками. Его отец, хотя и понимал польский, говорил только по-русски, мать же никогда не знала русский достаточно хорошо. Антон говорил с отцом по-русски, а с матерью по-польски. Этих лингвистических познаний было недостаточно для того, чтобы сделать из Антона офицера. А, по утверждению родителей, ребенка явно влекло это призвание, что проявилось в его первый день рождения. По старому обычаю, перед ним положили на подставке крест, маленькую деревянную саблю, книги и стакан для водки. На что ребенок обратит внимание, то и должно было определить, кем он будет: священником, военным, ученым, служащим или же просто пьяницей. Ребенок сразу схватил саблю, затем на мгновение оставил ее, чтобы поиграть со стаканом, и потом снова взял саблю и уже больше не бросал ее.

Гаданье и сбылось, и не сбылось. Сабля действительно предрешила его жизненный путь, но и от книжной премудрости он не отрекся. А пьяницей не стал. Был пьян раз в жизни — в день производства в офицеры.

Однако будущему воину скоро должно было исполниться семь лет, и требовалась более серьезная школьная подготовка. Ближайшая школа находилась в Влоцлавске, на другом берегу

Вистулы. Чего бы это ни стоило, надо было переезжать. Семья обосновалась в отдельной квартире на Пекарской улице: две комнаты, кухня и небольшая клетушка. Одна из комнат стала «приемной», родители и ребенок спали в другой. Немощный отец Елисаветы спал в клетушке. Нянька же жила на кухне. Уезжая из Шпеталь Дольного, Деникины хотели рассчитать няню: жизнь в городе очень дорогая, и они не могли платить ей жалование. Но служанка на коленях умолила их оставить ее с ними. Она отказывалась от жалования, довольствуясь только спальным матрацем и тарелкой супа, и осознавала себя как часть семьи.

И вот они все вместе во Влоцлавске. Елисавета находит кое-кого из своих прежних клиентов, но вышивка и шитье утомляют ей глаза, частые мигрени портят характер.

Каждое первое число месяца, принося пенсию, Иван готовится встретить упреки: едва получив деньги, он всегда тратит какую-то мелочь, давая в долг еще более бедным, чем он, друзьям, часто без всякой надежды на возвращение. Жена возмущалась:

— Ефимыч! Неужели ты не понимаешь, что нам самим не хватает на пропитание?

Много позднее я стану свидетельницей подобных же сцен, когда моя мать упрекала моего отца за такое же поведение.

Однажды, когда мигрень мучила ее особенно сильно, Елисавета не выдержала:

— В этом месяце мы не продержимся даже до 15-го. Очень дорого стоит твой табак.

В тот же вечер Иван перестал курить.

«Посерел как-то, — вспоминал Антон, — осунулся, потерял аппетит и окончательно замолк. К концу недели вид его был настолько жалкий, что мы оба — мать и я — стали просить его со слезами начать снова курить. День упирался, на другой закурил. Все вошло в норму».

Если Елисавета часто жаловалась на судьбу, то Иван обычно отвечал на эти причитания спокойным молчанием, что в конце концов успокаивало жену. Достоинство и значительность этого молчания во впечатлительной душе ребенка вызывали глубокое уважение.

Семилетний ребенок, сознавая бедность своих родителей, не чувствовал из-за этого никакого унижения. Один раз, правда, он был унижен, но отцу удалось компенсировать оскорбление. Однажды летом, босоногий и в залатанной рубашке, Антон играл с соседними мальчишками на улице. Мимо проходил лицеист старшего класса. Он приподнял мальчугана, подбросил его в воздух. Находившийся рядом учитель строго обратился к своему ученику, выговаривая ему за то, что он «компрометирует себя

общением с этими маленькими хулиганами». Плача от негодования, Антон пожаловался отцу. Иван надел свою фуражку:

— Этот собачий сын осмелился назвать тебя хулиганом. Пойду поговорю с ним.

Очевидно, он основательно, по-военному распек учителя, тот явился и принес извинения.

Будучи глубоко верующим, Иван редко пропускал службы в маленькой деревянной церкви. Сын сопровождал его, отстаивал службу, затем пел в хоре. В мае месяце, во время праздника Богородицы, муж, исповедующий православную веру, чтобы угодить своей жене-католичке, иногда сопровождал ее на службу, но признавался, что чувствует себя там, как «на спектакле», считал, что каменное здание церкви слишком холодное, торжественное. После смерти своего старого отца Елисавета стала чаще исповедоваться. Однажды она вернулась совершенно не в себе, с красными глазами и после долгих расспросов объяснила причину своего расстройства: ксендз отказал ей в отпущении грехов, потому что ее сын исповедует православную веру. Она допускалась к причастию, только если давала обещание тайно обратить его в католичество. Иван снова надел фуражку и пошел к ксендзу. В условиях русской «оккупации» всякому поляку, обвиненному в попытке религиозного давления, грозила депортация. Ксендз принялся умолять Ивана «забыть» этот инцидент. Майор пообещал все забыть, его жене были отпущены грехи, но с этих пор она стала ходить в церковь одна.

В 1880 году стало известно, что царь Александр II, возвращаясь из-за границы, собирается проезжать через Влоцлавск. Царский поезд должен был минут на десять остановиться на вокзале. Кроме представителей «властей» на платформу допускались только немногие особо привилегированные лица: майор Деникин был из их числа. Ему было позволено взять с собой своего сына. Иван достал из чемодана мундир, почистил его, надраил пуговицы. Елисавета провела всю ночь за шитьем своему сыну бархатных штанов и шелковой рубашки. Парадный костюм дополняла шапка, недавно приобретенная на зиму. Пора отправляться на вокзал! На платформе не было ни одного ребенка. Антон почувствовал гордость. Будет что рассказать своим товарищам! Вот царский поезд подъезжает. Сквозь опущенное окно видно, как царь склоняется, непринужденно разговаривает с сопровождающими его официальными лицами. Иван, стоя навытяжку и превратившись в статую, не сводит с него глаз. Антон знает о почти мистической любви своего отца к императору. Он и сам чувствует глубокое волнение. Поезд трогается. Все кончено. Один

из друзей шутя окликает майора:

— Иван Ефимович! Я и не думал, то ты воспитаешь сына в таком неуважении к императору! Он ведь не снял шапку с головы.

Иван покраснел. Антон, до этого, казалось, парящий на небесах, почувствовал, как на глаза его навертываются слезы. «Каким я теперь буду в глазах моих товарищей. Они узнают о моей рассеянности и посмеются надо мной». Отец, догадываясь о замешательстве сына и о том, какой стыд он испытывает, ограничился тем, что объяснил кому-то этот случай лишь робостью ребенка. Антон почувствовал к нему глубокую благодарность. Впрочем, любовь и восхищение его к отцу не знали границ.

«Меня отец не поучал, не наставлял. Не в его характере это было. Но все то, что отец рассказывал про себя и про людей, обнаруживало в нем такую душевную ясность, такую прямолинейную честность, такой яркий протест против всякой человеческой неправды и такое стоическое отношение ко всяким жизненным невзгодам, что все эти разговоры глубоко западали в мою душу». В год посещения царем Влоцлавска в качестве подарка ко дню рождения отца сын сочинил в его честь стихотворение. Он написал каллиграфическим почерком на трех листах «кружевной» бумаги, украшенной ангелом, виноградной кистью и двумя экзотическими птицами. Рифмы не отличались богатством, но орфографических ошибок почти не было и неоспоримо присутствовало весьма благородное воодушевление.

К тебе мои стихи, отец, Текут, как чистые воды. Да сохранит тебя Творец На долгие и многие годы. Я верю, детская молитва К Его Престолу упадет, Я верю, Ангел, твой хранитель, Ее в надземный мир снесет.

Достоин ты Его щедрот
По жизни мысли и деяниям,
Прожитое тобою не умрет
По моим воспоминаниям.
Живя в душе простой, незлобной,
Без ропота на свет и на людей,
Не гнался за мыслей модной,
Нигде ни в чем ты не был фарисей.
Твой голос правды не угас,
Для родины всегда ты был верным сыном,
Живи ж теперь, родной, для нас
И научи меня быть Русским гражданином.
Антон Деникин
26 сентября 1880 года

Следует отметить, что обращение на «ты» здесь было поэтической вольностью: в повседневной жизни Антон обращался к родителям на «вы».

В то время как сын сочинял стихотворение, желая отцу «долгих лет», тот первый раз в жизни почувствовал себя нездоровым. Что делать? Обратиться к врачу? Иван не хотел этого, он никогда не обращался к врачу. Он согласился лишь пить настой «волшебной травы», которую собирала соседка. В начале 1885 года уже не вставал с постели. Терзающие его боли сопровождались бесконечными приступами икоты. Нарушая приказ мужа, Елисавета вызвала врача. Тот осмотрел больного и, не утруждая себя никакими эвфемизмами, поставил диагноз: рак желудка, жить больному осталось несколько дней.

Антон теперь спал в «приемной». Когда отец мог говорить, он очень спокойно вел речь о смерти. Тринадцатилетний мальчик втихомолку плакал, но молил Бога о чуде. Больной также молился, иногда громко, повторял одну и ту же фразу:

— Господи, сделай такую милость, чтобы я умер в тот же день, что и ты!

Приближалась Пасха. Каким образом умирающий мог протянуть еще несколько недель?

Иван позвал сына. Он хотел говорить с ним.

— Скоро я умру. Я оставляю тебя и мать в нужде. Не горюй, Бог не оставит вас. Будь только честен и заботься о своей матери. Бог сделает все остальное. Я жил достаточно долго, благодарю Создателя за все. Единственное, что меня удручает, — это то, что я покидаю вас, не увидав твоих офицерских погон.

Последний раз больной говорил так долго, теперь можно было лишь разобрать едва слышимую молитву:

— Господи… сделай так, чтобы я умер в один день с тобой! В поддень страстной пятницы, когда Антон пел в деревенской церкви благовест страстей Господних, за ним прибежали:

— Иди скорее. Тебя спрашивают дома.

Антон, запыхавшись, вбежал в маленькую комнату. Его отец умирал. Он отошел в три часа… как раз в то же время, что и Иисус Христос.

Глава II
АНТОН

Господь, выполнивший последнее желание умирающего, не взял на себя труд «сделать все остальное», то есть позаботиться о благосостоянии убитой горем семьи.

Месячная пенсия вдовы сократилась теперь до 20 рублей. Шитье и вышивка приносили гроши. Как жить? Антон предложил давать уроки мальчикам, которые были моложе его. В двух семьях приняли его услуги. Антон ежедневно помогал детям делать домашнее задание. Это приносило 15 рублей в месяц.

«Никакого влечения к педагогической деятельности я не имел, и тяготили меня эти занятия ужасно. В особенности зимой, когда рано темнело. Вернувшись из училища часа в 4 и наскоро пообедав, бежал на один урок, потом — в противоположный конец города на другой. А тут уже и ночь да свои уроки готовить надо… Никакого досуга ни для детских игр, ни для Густава Эмара. Праздника ожидал, как манны небесной».

В тринадцать лет Антон — ученик четвертого класса городского лицея. После двух лет учебы в муниципальной школе он, в возрасте девяти лет и восьми месяцев, блестяще сдал вступительный экзамен в первый класс лицея. Год был закончен успешно и экзамен во второй класс казался только лишь формальностью, когда ребенок заболел ветряной оспой и скарлатиной и пришлось прервать занятия. Старый, срочно призванный отставной военный врач лишь только взглянул на потерявшего сознание и мечущегося в жару ребенка, перекрестил его и вышел, не сказав ни слова. Обезумевшая мать кинулась звать «гражданского доктора», который быстро поставил мальчика на ноги, но Антон уже не мог наверстать упущенное. Из хорошего ученика он превратился в посредственного и был вынужден остаться в пятом классе. В течение года он ничего не мог понять из объяснений учителя математики Епифанова. Для того чтобы постичь тайны алгебры, геометрии и тригонометрии, ему пришлось пожертвовать каникулами. Он стал работать и вошел во вкус математики. К началу года он знал все правила из учебников и умел решать все предложенные в них задачи.

Увидев знакомые парты пятого класса и учителя Епифанова, Антон внутренне возликовал.

— Ну вот мы и опять вместе, Епифаша!

Епифанов был буквально влюблен в свой предмет. Хорошими учениками он считал только тех, кто был силен в математике. Ко

всем остальным он относился со снисхождением, близким к презрению. В начале каждого учебного года он отбирал пять-шесть учеников, сажал их в первый ряд и уделял им особое внимание, обращаясь с ними, как с равными себе. Остальные с завистью и уважением называли этих избранных «пифагорейцами». Пифагорейцы решали совсем не те обычные задачи из учебника, которые предлагались всему классу. Им учитель выбирал гораздо более трудные задачи из регулярно получаемого им «Математического журнала».

Однажды в октябре 1887 года, решив меньше чем за десять минут «обычную задачу», Антон положил свою тетрадь на стол учителя и стал слушать то, что делали пифагорейцы. Учитель предложил им:

— Попробуйте ответить на следующий вопрос: каково среднее арифметическое всех хорд круга?

Пифагорейцы стали перешептываться, но пребывали в сомнении. Вернувшись на свое место, Антон также задумался. Вдруг он поднял руку. Епифанов спросил его:

— Что случилось, Деникин?

— Мне кажется, я нашел ответ на этот вопрос.

— Так какой же он, если вы нашли его?

Не в состоянии вымолвить ни слова, дрожа и краснея, мальчик протянул учителю листок бумаги, на котором было написано: Пr/2. Епифанов ничего не сказал, только открыл свой дневник и вывел там какую-то отметку таким решительным и размашистым жестом, что все поняли, что Деникин получил твердую пятерку. Антон стал пифагорейцем. В том, что он перейдет в шестой класс, не было никакого сомнения. Твердая пятерка была у Антона также по гимнастике. Еще во время своего пребывания в Шпеталь Дольном мальчик полюбил физические упражнения. Зимой катался на коньках по замерзшей реке, занимался конным спортом, летом купался в Вистуле. Эти купания беспокоили майора, который огорчался, что его сын не умеет плавать. Иван был слишком стар, чтобы самому входить в воду, но он заручился поддержкой одного молодого деревенского парня и решил использовать самый радикальный метод. Все трое поехали кататься на лодке, и вот посередине реки Иван спихнул Антона в воду. Побарахтавшись в страхе несколько секунд, мальчик поплыл по-собачьи. Позднее он стал одним из лучших пловцов Влоцлавска.

Я вспоминаю мое первое лето, проведенное в Капбретоне. Считалось, что это место океана очень опасно. Мой отец, которому было пятьдесят пять, плавал в открытое море, невзирая на мольбы моей матери. Она всегда боялась воды. Мне было семь

лет. Поддаваясь ее страху, я отступала назад, когда вода доходила мне до колен. Мой отец сумел вылечить меня от этого страха, научив «лежать доской» в неподвижных водах озера Хоссегор во время прилива. Конечно, я не была мальчиком.

В 1888 году жить семье Деникиных стало трудно. Елисавете не удавалось сводить концы с концами. Она объявила это своему сыну и служанке Аполлонии, когда они собрались на семейный совет.

— Это не может больше так продолжаться!

— Что делать? Мать вздохнула:

— Если бы только я смогла получить место содержательницы одного пансиона для лицеистов.

Ученики, проживающие в пансионах, размещались небольшими группами в зданиях, связанных с лицеем. Их содержание доверялось женщинам, известным своим безупречным поведением и выбираемым директором. Юный пифагореец, оказавшись на хорошем счету, добился для своей матери свидания с директором. Как раз оказалось свободным место содержательницы дома на восемь человек. Аполлония взяла на себя заботы по кухне и по хозяйству. Елисавета ведала бельем и следила за поведением, тогда как Антон получил звание «старосты»: он нес перед директором ответственность за все похождения лицеистов. Елисавета получала за каждого пансионера 20 рублей в месяц, что составляло в сумме 160 рублей. Для них это было почти «золотое дно».

Ходатайство Антона перед директором, должность «старосты» совершенно изменили семейные отношения: он стал главой семьи. Прекратились наказания и упреки. Мать стала отныне поверять ему свои радости и горести, стала спрашивать у него совета.

Пансионеры были поляками и исповедовали католическую веру. Русских в лицее было меньшинство. Евреи — а они составляли добрую половину населения — предпочитали отдавать своих детей в еврейские школы. С самого раннего детства Антон столкнулся с русско-польской проблемой. В его семье никаких сложностей по этому вопросу не было, но такое положение скорее было исключением, чем правилом. Проводимая часто очень грубо русификация оскорбляла национальные чувства. Копились недовольства и желание реванша. В лицее все преподавание должно было вестись по-русски. Преподавать польский язык — на русском языке — было поручено учителю немецкого языка! Эти нелепые директивы, поступающие из Санкт-Петербурга, способны были возмутить даже самых лояльных и русофильски настроенных представителей местных властей.

Только в 1905 году пришло распоряжение преподавать польский язык… по-польски. Все это поляки в свое время припомнят. Начиная с 1921 года «полонизация» русских территорий, отошедших к Польше по Рижскому договору, и дерусификация польских территорий приведут к уничтожению всех русских школ и разрушению многих православных церквей. Оставшиеся же должны будут проводить службы не на церковнославянском, а на польском. В 1985 году русско-польские проблемы столкнутся с еще большими трудностями.

В восьмидесятых годах Антон, русский по отцу и поляк по матери, не испытывал никаких ограничений. Но, сделав с самого раннего детства свой выбор, он не посещал уроков учителя немецкого языка и старался усвоить все богатство русского языка, родного языка отца. Он сочинял, тайком посылая свои произведения в журнал «Нива». Его юношеский пессимизм находил, например, выход в следующих стихах:

Зачем мне жить дано Без крова, без привета, Нет, лучше умереть — Ведь песня моя спета.

Разочарованный тем, что не получал никакого ответа и так и не увидел своих стихов опубликованными, Антон пришел к следующему категорическому заключению (которое он позднее изменит): поэзия — несерьезное дело. Не понимая еще, к какому жанру прозы у него склонность, он пересматривает свои произведения, пишет сочинения за тех своих польских друзей, которые оказываются менее других способны к русскому языку. Меняя каждый раз стиль, ему удается дать три, четыре, пять вариантов на одну и ту же тему. Подобные литературные упражнения нравятся ему, он покупает карандаши марки «Фабер», приобретает книги, а самое главное — он «чувствует удовлетворенным свое самолюбие». Возвращая однажды исправленное сочинение одному из клиентов Антона, учитель русского языка заметил:

— Сочинение замечательное, но оно не ваше. Я убежден, что вам помогал какой-нибудь студент из Варшавского университета.

Вдохновляемая рассказами моего отца, я постаралась повторить его подвиги в тридцатые годы, во время учебы в Шартрском лицее. За свои анонимные сочинения, написанные по-французски, я получала удовлетворительные оценки. Мой отец был очень горд этим.

Одновременно с этим, перестав читать Жюль Верна и Постава Эмара, Антон, не помня себя, увлекся современной литературой, открыл Чехова, Достоевского, был восхищен «Анной Карениной». Товарищи его переживали «кризис веры», что заразило и его, заставило углубиться в более серьезную литературу. Со всей

остротой встал мучительный вопрос: есть ли Бог?

В детстве Антон слепо верил не только в Бога, но также и в силу молитвы. Когда ему было восемь лет, его в наказание оставили в муниципальной школе. Предчувствуя горячие упреки матери, мальчик встал на колени в пустом классе и громко обратился к Богу с молитвой (надеясь быть лучше услышанным).

— Господи! Умоляю тебя, пусть меня отпустят домой! Встав на ноги, он увидел, что открывается дверь: пришел

учитель, чтобы его освободить. «Чудо», которому он стал свидетелем в 13 лет, когда его отец умер точно в назначенный им самим себе день, еще только больше укрепило его веру. Но вот Антона стали терзать сомнения. Наказание в пустом классе? Учитель мог услышать его восклицание через окно, и раскаяние Антона могло его растрогать. Смерть отца? Настойчивая воля умирающего, несомненно, способна была продлить его жизнь до того дня, который он сам себе установил. Короче, сделал ли это Бог, существует ли он? Среди товарищей Антона, как католиков, так и православных, шли бесконечные и горячие споры. Они разбирали по косточкам Библию, перечитывали Ренана. Обрести спокойствие, обратившись с вопросом к батюшке или к ксендзу? Первый, не отличающийся большим умом и религиозным рвением, решительно избегал всех разговоров на теологические темы. Второй, более ревностный, постоянно доносил директору на тех, кто не ходил на причастие. Что же он может сделать с тем, кого заподозрит в «атеизме». Один молодой поляк рискнул нарушить регламент, пошел исповедоваться к городскому священнику и осмелился признаться ему, что утратил веру. Священник выслушал его, не выразив никакого возмущения. И только сказал:

— Сын мой, я требую от тебя только одного обещания, которое тебя не обяжет ко многому.

— Отец мой, я обещаю вам это.

— Каждый раз, когда вы почувствуете сомнение, соберитесь с силами и произнесите эти слова: Господи, если ты существуешь, помоги мне познать Тебя!

Молодой человек был потрясен. Через неделю он со всей твердостью мог утверждать: «Теперь я совершенно убежден в том, что Бог существует».

У Антона для разрешения этой проблемы не было нужды обращаться к священнику. Через два или три месяца заблуждений и колебаний он пришел наконец к следующему выводу:

«Человек — существо трех измерений — не в силах осознать высшие законы бытия и творения. Поэтому, отметая звериную психологию Ветхого Завета, всецело приемлю христианство и

православие».

Этот кризис был последним. Преодолев его, будущий генерал никогда больше в жизни не испытывал сомнений.

Приближался конец учебного 1888–1889 года. Переход в седьмой класс — «дополнительный», или «завершающий» — нисколько не волновал бы Антона, если бы этот класс не был упразднен во Влоцлавске три или четыре года назад. Для завершения среднего образования надо было выбирать между классическим лицеем Варшавы и техническим лицеем (с уклоном в математику) в Ловиче. Пифагореец Деникин не колебался.

Мать осталась во Влоцлавске для того, чтобы продолжать содержать пансион и оплачивать учебу Антона в Ловиче. К счастью, новый ученик завершающего класса, размещенный во флигеле, где жили двенадцать человек, снова был утвержден в должности «старосты», что налагало на него определенную ответственность, но сокращало почти наполовину плату, которую он должен был вносить за свое содержание и учебу.

Жили по три-четыре человека в комнате. «Староста» имел право на комнату на двоих, которую он делил со своим хорошим товарищем по Влоцлавску Станиславом Карпинским. Правила поведения в учебных заведениях на территории всей русской Польши были одинаковые: категорически запрещалось разговаривать по-польски как дома, так и на занятиях. Староста каждого флигеля был обязан каждый месяц делать подробный доклад о поведении своих товарищей, указывать на тех, кто говорит на своем родном языке. И, конечно, каждый раз он отвечал на этот вопрос одно и то же: «Без происшествий».

Проходит три месяца, директор вызывает Деникина.

— В третий раз вы свидетельствуете о том, что в вашем коридоре никто никогда не говорит по-польски.

— Именно так, господин директор.

— А я знаю, что это не так. Вы не понимаете, что эти меры продиктованы государственной необходимостью. Наш долг — умиротворить, русифицировать страну. Когда-нибудь вы это поймете. Знайте же, что за доклады, искажающие реальное положение дел, мы будем смещать с должности старосты.

Карпинский выслушал все то, что ему рассказал Антон.

— И что же ты напишешь в следующем своем докладе?

— А то же самое. Напишу: «Без происшествий».

Его не сняли с должности старосты. После окончания учебы одиннадцать товарищей поклялись друг другу всю жизнь хотя бы раз в год писать Деникину. Через три или четыре года Антон потерял их всех из виду.

Однажды в 1937 году я вернулась из лицея — в то время мы

жили в Севре — и увидела, что отец чем-то очень обрадован. Я подумала, что выиграла наконец наша десятка в лотерее — единственная надежда стать богатыми. Мой отец вывел меня из этого заблуждения:

— Еще лучше, Маша, я сейчас получил письмо из Польши. Мой лучший друг Станислав Карпинский нашел меня и написал мне!

Вот что он мне рассказал. После того как Польша стала независимой, Карпинский стал первым директором государственного банка, затем министром финансов. Они стали переписываться. Вторая мировая война оборвала переписку. Письма убедили моего отца в том, что его товарищ Карпинский был беспристрастным человеком: признав, что как русские, так и поляки совершили по отношению друг к другу много ошибок, он проповедовал «будущее нерушимое согласие двух стран».

В Ловиче время проходило в упорных занятиях. Приближались экзамены. Сначала должны были проходить письменные испытания. Один только ректор Варшавской академии знал темы экзаменов, так как именно он выбирал их среди тех, которые преподаватели последних классов обязаны были ему посылать. Преподавателей учебных заведений, набравших нужный процент «поступивших», поздравляли и даже продвигали. Остальных же подвергали осуждению. За два последних года результаты, полученные в Ловиче, были катастрофическими: выпускники городского технического лицея не справлялись со многими задачами по механике и тригонометрии. Однако их преподаватель, некто К., был человеком знающим и добросовестным; но, увы, ему не удавалось донести свои знания до учащихся. Если на третьем году ученики не выдержали бы испытания, то его бы уволили. К. поэтому обратился к одному из тех, кому доверял:

— Я совершаю государственное преступление: знакомлю вас со списком тех вопросов, которые посылаю ректору. Доведите их до сведения только тех из ваших товарищей, которые способны хранить тайну.

Дав по кругу одну торжественную клятву за другой, весь класс стал «обрабатывать» тему. Но в день экзамена всех постигло полное разочарование: в конверте, распечатанном председателем «экзаменационной комиссии», находились совсем другие темы. Хуже того: они были непонятны. После нескольких минут раздумья Антон встал и отдал свой листок председателю:

— Предложенная задача не имеет никакого смысла.

За ним последовали другие кандидаты. Члены комиссии, почесывая затылки, перечитали данные и решили обратиться к

конверту с запасным вариантом задач. Ура! На этот раз это были задачи, составленные К.

Позднее стало известно, что патентованный переписчик пропустил в тексте строчку.

Блестяще сдав письменные экзамены, Антон стал готовиться к устным. Вначале сдавали закон Божий. Первыми шли католики, их было большинство. Их преподаватель, ксендз, который должен был экзаменовать католиков в присутствии комиссии, испытывал такое же беспокойство, как и К. Его занятия так же мало посещали, как, впрочем, и занятия православного священника. Он собрал экзаменовавшихся, дал каждому из них какую-то определенную тему. Эта тема, конечно, ни в коем случае не могла совпадать с той, которую каждый ученик вытягивал из корзины, но какое это имело значение. Прочитав громким голосом содержание билета, экзаменующий начинал свое изложение приблизительно со следующей фразы: «Перед тем как начать наш рассказ… мы считаем необходимым уточнить…» и далее следовал заранее согласованный текст. Ксендз знал по своему опыту, что члены комиссии очень невнимательно слушают отвечающих на устном экзамене по закону Божьему. Если экзаменующийся отвечал бойко, они его слушали рассеяно и соглашались с той хорошей оценкой, которую ставил аббат. Все происходило так, как было запланировано заранее. На следующее утро настала очередь экзаменующихся православных. Старый священник Елисей собрал их в тот же вечер.

«Наслышан я, что ксендз на экзамене плутует. Нельзя нам, православным, ударить в грязь лицом перед римскими католиками. Билет — билетом, а спрашивать я буду вот что…» и указал каждому тему.

Для Антона подобные обманы на этом и кончились. Он получил пять по закону Божьему, гимнастике и по всем математическим дисциплинам, четыре по физике, естественной истории, технологии и три по химии, техническому рисунку, архитектуре и межевому делу.

Несмотря на то, что эти отметки, сопровождаемые самой похвальной аттестацией директора лицея, открывали перед семнадцатилетним юношей самые блестящие перспективы на пути к карьере математика и инженера, сын майора даже не подумал об этом. Ведь уже с первого года своей жизни он выбрал военную карьеру.

Глава III
КИЕВ

На протяжении всего своего детства Антон засыпал под рассказы о военных походах отца. Семья переехала во Влоцлавск. Мальчик пробирался во двор казармы, занимаемой стрелковым батальоном, и смотрел на учения. Он подстерегал уланов, водивших каждый день лошадей к реке на водопой. Его сажали на круп лошади и разрешали иногда одному прокатиться галопом. Однажды ему удалось продать свои старые школьные тетради, и на эти деньги он купил у солдат патроны. Вынув из них порох, Антон воспользовался ими, чтобы поучиться стрелять из старого пистолета.

Мне было шестнадцать лет, когда отец, бережно хранящий браунинг и парабеллум времен гражданской войны, решил, что настало время учить меня стрелять. Мать, глубоко потрясенная всем случившимся во время гражданской войны, энергично этому воспротивилась. И отец, не без разочарования, наконец уступил ей. Что касается меня, то я никогда не сожалела о своем неумении стрелять, без сомнения, унаследовав от матери глубочайшее отвращение к любому оружию.

Если в восьмидесятые годы жизнь солдат казалась Антону захватывающей и увлекательной, хотя и несколько несвободной, то в отношении существования офицеров, занимающих более престижное положение, он сохранял все иллюзии и представлял себе их жизнь как нескончаемую смену подвигов и удовольствий. Эта вера еще более укрепилась во время его знакомства с двумя корнетами (подпоручики в кавалерии), расквартированными в доме на той же улице, где жил Антон. Мальчик восхищенно смотрел, как они гарцуют на лошадях, не вынимая изо рта сигару, слушал их смех и пение. Непринужденная манера одного из них, которого соседи уважительно звали Павел Карлович, особенно приводила Антона в восторг. Какая радость жизни! Какая беззаботность, какое презрение к опасности! Ведь он совсем не боялся садиться на край окна, свесив ноги в пустоту. И со стаканом в одной руке, рискуя потерять равновесие, приветствовал проходящих мимо знакомых.

В ужасе, но полный восхищения, Антон молился про себя:

— Господи! Сделай так, чтобы он не упал! Если он упадет с третьего этажа, то непременно разобьется.

Антон надеялся, что в один прекрасный день блестящий офицер снизойдет наконец до того, чтобы заметить своего

маленького соседа и перекинется с ним несколькими словами. Это тайное желание осуществилось лишь двадцать пять лет спустя. В Маньчжурии во время русско-японской войны отличившийся в войне с Китаем генерал Павел Карлович Ренненкампф, которому еще предстояло пережить поражение в наступлении 1914 года, каждый день беседовал с начальником штаба подполковником Антоном Ивановичем Деникиным.

В 1889 году с дипломом об окончании лицея Антон покидает Лович, возвращается в Влоцлавск и объявляет своей матери, что записался волонтером в 1-й стрелковый полк, расквартированный в Плоцке. До последнего года только два типа школ выпускали офицеров. Военные школы, из которых выходили подпоручики, принимали только кадетов, то есть выпускников средних школ для сыновей офицеров. Юнкерские школы были открыты для всех, для поступления в них не требовалось никакого диплома, что портило их репутацию. Вышедшие из них офицеры могли надеяться только на службу в пехоте или кавалерии. Это не могло удовлетворить молодого человека, мечтающего стать артиллеристом. К счастью для него, только что был создан третий тип школы, в которую принимали только солдат вольноопределяющихся, имеющих диплом об окончании гимназии.

И вот Антон семнадцати с половиной лет живет последние три месяца в казарме в Плоцке. С октября он поступает в одну из новых офицерских школ, находящуюся в Киеве (другая была в Москве).

Девяносто волонтеров из-за отсутствия собственного жилья были расквартированы в юнкерской школе. У них — свои классы и свои преподаватели, но они делят комнаты вместе с юнкерами и ходят вместе с ними на учения. Крепости, в которой они живут, более ста лет. Толстые стены, выходящие на улицу стрельчатые окна, из узких бойниц видны зеленеющие берега Днепра. Время учений, занятий, отдыха и сна распределено точно по минутам. Не существует перегородок, закрывающих кровати, дверей, отделяющих отхожее место. У учащихся есть право только на один «выход» в город в неделю, которого могут лишить из-за плохих отметок или нарушений регламента. Антон принимает суровую дисциплину, ему удается победить в себе искушение выходить ночью на запрещенные прогулки, но он с готовностью дает свои простыни менее послушным друзьям, которые связывали простыни за концы и с их помощью достигали желанной земли и желанной свободы.

Большинство офицеров-воспитателей оказались несговорчивыми в том, что касалось регламента, однако

некоторые, случалось, проявляли понимание. Однажды Антон, мучимый непреодолимым желанием пройтись по городу, выскользнул через большую дверь как только закончились уроки. Ему нужно было вернуться перед вечерней перекличкой и залезть через окно одной из учебных аудиторий. Предупрежденные товарищи должны были, услышав тихий стук, отвлечь офицера-надзирателя и увести его в коридор. Сначала появляются фуражка, шинель и штык, затем грешник, который садится на них так, чтобы их не было видно, и принимает самый невинный вид. Вернувшийся офицер видит, что он погружен в чтение. Теперь нужно пройти в комнату под испытующим взглядом капитана. Один из его друзей прячет на груди его фуражку, другой скрывает штык. Из трех компрометирующих предметов, являющихся доказательством запрещенной прогулки, остается одна шинель. Антон небрежно набрасывает ее на плечи. Капитан останавливает его:

— Что делает эта шинель на ваших плечах?

— Дело в том, господин капитан, что я чувствую, что у меня жар. Меня знобило весь день…

— Тогда прямо в лазарет! Вам измерят температуру.

— О! В этом нет необходимости, господин капитан, я уже чувствую себя гораздо лучше…

Капитан недоверчиво хмурит брови и, поколебавшись несколько минут, отпускает больного ученика, позволив ему выздоравливать самому. Он, конечно, вспомнил времена юности, когда тоже чувствовал «жар».

Французский генерал в отставке преподавал родной язык. Владея с детства двумя языками, Антон за семь лет учебы в лицее так и не смог одолеть этот третий язык. Один из его друзей, некто Нестеренко, напротив, владел им как родным. Генерал был близорук и плохой физиономист. Когда он вызывал «Деникин», а вставал Нестеренко, он не замечал обмана. Во время сочинения Деникин вызывается перевести вслух на французский текст Пушкина. Нестеренко начинает, как всегда, немного запинаясь на словах, имитируя плачевный акцент своего друга, чтобы получить не более 7 или 8 из 12 — оценки вполне достаточной и правдоподобной. Но увлеченный красотой текста, он забывает об акценте и находит очень точные слова. Удивленный генерал приближается и узнает его. Вызывается Деникин, который на этот раз встает сам.

— Идите оба для объяснений в кабинет директора.

Так как исключение было неминуемо, то товарищи стали просить:

— Будьте милосердны, Ваше превосходительство! Извините

нас!

Сохраняя неумолимый вид, генерал берет обоих виноватых за руки и ведет к двери. Весь класс поддерживает:

— Извините их, Ваше превосходительство. Около двери генерал отпускает своих пленников.

— Хорошо, на этот раз я все забуду. Но чтобы этого больше не было. Вы, Деникин, должны приложить старание. Французский — очень красивый язык. Я уверен, что однажды вы пожалеете о том, что так плохо его знаете.

В 1926 году, когда мы уже были в изгнании, судьба привела нас во Францию, где мои родители прожили около двадцати лет. В течение этого времени мой отец предпочитал выражать свои мысли жестами, иногда акцентируя их двумя десятками слов, которые ему удавалось произносить вполне прилично. Зато он был чрезвычайно горд успехами своей дочери в языке, которым сам не смог овладеть.

Глубоко укоренившиеся юнкерские традиции, которые должны были принять вновь поступающие, основывались на двух фундаментальных понятиях: уважении к дисциплине и чувстве чести. Первое почти детально совпадало с точкой зрения военного командования, второе же часто с ней расходилось. Так, «возвращение из города» в состоянии более или менее сильного опьянения сурово наказывалось офицерами, но не противоречило правилам чести в восприятии учеников, так же как не был предосудительным обман в классе и на экзамене. Драки в городе, подвергавшиеся суровым санкциям со стороны директора, какими бы ни были их причины, единодушно одобрялись юнкерами, если речь шла об отмщении за обиду, нанесенную одному из них. Два преступления не прощались: донос и кража. В течение двух лет, проведенных в Киеве, Антон оказался свидетелем наказаний тех немногих молодых людей, которые были виновны в доносе. Но зато не было совершено ни одного воровства. Впрочем, что было воровать? Униформа и белье, такое же как у солдат, выдавались интендантом. Большинство юнкеров происходили из семей со скромным достатком. Многие довольствовались содержанием в 25 копеек в день (солдаты получали 15) и рассчитывали на великодушие более счастливых товарищей, которым помогали семьи, чтобы иметь возможность иной раз кутнуть в городе или просто приобрести табаку или зубную щетку. Пять рублей, которые Антон каждый месяц получал от своей матери, приходились ему более чем кстати.

Молодые люди охотно спорили о военном искусстве, литературе, теологии и, конечно, о любви. Социальные и политические интересы оставались для них чуждыми. Их

окружение не позволяло им интересоваться политикой: всякая склонность подобного рода квалифицировалась как «низкая» и недостойная. Антон был удивлен, узнав от одного из своих друзей, что в университетах Российской империи дело обстоит совсем иначе, что недавняя статистика гласит — в Технологическом институте Санкт-Петербурга 80 из 100 студентов состояли в различных политических кружках, 72 из 100 являлись членами левых партий, во время постоянных стачек и манифестаций они выдвигали социальные и политические требования. Не зная ничего об этих событиях, юнкера Киева и других городов не проявляли к ним никакого интереса. Разрыв между офицерами, с одной стороны, и учащейся молодежью и интеллигенцией — с другой породил взаимное непонимание, переросшее во время революций 1905 и 1917 годов в открытую враждебность.

Выпускной экзамен проходил в июне 1891 года. Он состоял из двух разделов — военное искусство: тактика и стратегия, стрельба и верховая езда; общая подготовка: закон Божий, механика, химия, анализ, французская и русская литература прошлых веков (современная могла послужить распространению вредных идей…). Антон получил среднюю оценку 10,4 балла из 12, самую высокую во всем выпуске. Столь высокая оценка давала ему право выбирать вакансии в различных полках Российской армии. В этот год была лишь одна вакансия в гвардии, пять — в артиллерии, шесть — в инженерных войсках, остальное — в пехоте. Служба в гвардии была наиболее престижной, но, хотя по этому поводу не существовало официального предписания, традиция закрепляла это место за офицерами благородного происхождения. Антон выбрал 2-ю артиллерийскую бригаду, потому что его привлекал этот вид войск, и, кроме того, эта бригада стояла в городе Беле Седлецкой губернии, находящейся почти рядом (250 километров напрямик) от Влоцлавска, в котором жила его стареющая мать Елисавета Деникина.

Двух лучших друзей молодого подпоручика звали Павел Сытин и Сильвестр Станкевич. Первый стал артиллеристом, второй — пехотинцем. К концу I мировой войны генерал Сытин будет командовать артиллерийской бригадой. Затем, в 1917 году, под влиянием новых идей он перейдет к большевикам и осенью 1918 года будет командовать их Южным фронтом, выступающим против белой Добровольческой армии генерала Деникина. Генерал Станкевич, поляк по происхождению, герой мировой войны, тоже сделает свой выбор и на стороне Белой армии погибнет в битве… с Красной армией под командованием Сытина.

В июле 1891 года новоиспеченные офицеры из Киева, получив распределение, с нетерпением ждали официального назначения. В Военной школе, выпускающей кадетов, это назначение всегда сопровождалось торжественной церемонией. Все, например, знали, что в столице в конце пышного парада царь лично поздравлял получивших назначение офицеров. Две новые офицерские школы — в Москве и Киеве — существовали только два года и не могли похвастаться этими традициями. Что же в конце концов произошло? Эхо празднования в Санкт-Петербурге и в других городах достигло молодых подпоручиков Киева, стало известно, что их коллег чествовали с достаточной пышностью. Они разочарованно говорили: «О нас забыли!» Наконец на исходе августа один из юнкеров возвестил, пробегая по учебным аудиториям старой крепости:

— Господа офицеры, вас просят собраться около подъезда.

Все поспешили, застегивая в последний раз солдатские портупеи. Появившийся на верхней ступени директор прочел громким голосом только что полученную телеграмму, прибавил несколько слов поздравления. И это все? Да, все!

В тот же вечер офицеры забыли о своем разочаровании. Обходя всю ночь лучшие рестораны в городе, они танцевали, пели, пили водку и коньяк, курили папиросы в компании со своими преподавателями, ставшими теперь им почти ровней.

Антон не сможет потом вспомнить, каким чудом он проснулся на следующий день в полдень в своей собственной комнате.

Через два дня друзья, одетые в новую униформу, расстанутся, чтобы провести короткий отпуск каждый у себя дома. «Новая жизнь» начнется с начала октября.

Глава IV
«НОВАЯ ЖИЗНЬ»

Бела, где была расквартирована 2-я бригада, насчитывала не более восьми тысяч гражданского населения. Половина из них, монополизировавшая коммерцию и легкую промышленность, принадлежала к иудейскому вероисповеданию. Три тысячи поляков старались избегать любого общения с русскими, будь то чиновники или военные. Ни один артист или лектор не забирался так далеко и не выступал в Беле, где не было даже муниципальной библиотеки. Местная интеллигенция собиралась один или два раза в неделю в клубе или в одном из немногих ресторанов. Только здесь католики, православные или евреи (единственный еврей-интеллигент был врачом) снисходили друг к другу и обменивались несколькими словами. Как те, так и другие обычно посещали семьи своих единоверцев.

Так как жалование в 51 рубль не позволяло Антону перевезти к себе мать из Влоцлавска, он поселился в городе и довольствовался сначала обществом своих друзей военных.

В один из апрельских дней 1892 года они пригласили его поохотиться на кабанов; огромное количество этих диких животных становилось угрозой для будущего урожая. Подпоручик сдержанно относился к охоте, но развлечения были редки, и он согласился к ним присоединиться. Охотники вышли ночью, чтобы перекрыть путь кабанам, возвращающимся к логовам. Небо уже просветлело, показалось солнце, когда Антон услышал крик о помощи. Углубившись в лес, он заметил охотника, который вцепился в ветку дерева, поджав под себя ноги. Взбешенный кабан бросался на ствол, на шее у него была открытая рана. Антон выстрелил ему в голову, и зверь упал. Висящий человек отпустил ветку и, сожалея о промахе, который, как он говорил, случился с ним впервые на кабаньей охоте, тепло поблагодарил своего спасителя. Антон узнал налогового инспектора, некоего Василия Чижа, которого он видел в одном из ресторанов и который слыл одним из самых искусных охотников Белы. Через восемь дней подпоручика пригласили на крестины Ксении Чиж, дочери Василия, родившейся тремя неделями ранее. Он не мог отказать. Орущий младенец несколько раздражал его, но его мать понравилась ему чрезвычайно. Это была блондинка с прекрасными голубыми глазами, с большим открытым лбом. Он нашел, что ее несколько длинный нос очень своеобразен, губы обворожительны. Изысканные манеры дочери барона сочетались с

естественностью. Сердце Антона билось быстрее, когда голубые глаза устремлялись на него. По-видимому, его борода и отпущенные усы, серые глаза и высокие непослушные брови не вызывали у нее неприятия. Подпоручик первый отвел взгляд и присоединился к группе, окружавшей счастливого отца. Как человек чести, он не считал возможным ухаживать за замужней женщиной, за матерью семейства. Однако вскоре он стал близким другом семьи и год спустя присутствовал на втором крещении — Дмитрия, брата маленькой Ксении, которую все звали Асей.

Если не считать этих редких выходов в свет, будущий генерал посвящал все свое время обучению унтер-офицеров. С конца 1894 года визиты Антона в семейство Чиж стали реже, поскольку он стал готовиться к конкурсу на право поступить в академию Генерального штаба. Ему надо было повторить весь учебный материал за последние два года, проведенные в Киеве, усовершенствоваться во французском, истории и географии. Конкурс проходил в два этапа. Тысяча пятьсот офицеров сдавали экзамены по местному военному ведомству, четыреста из них были приняты и среди них — Антон. Принятые на местах делали попытку продвинуться дальше: осенью 1895 года они сдавали экзамены в Санкт-Петербурге. Выбраны из них были лишь сто пятьдесят. Антон с радостью увидел среди них себя.

Первый год он слушал лекции по национальному и международному праву, изучал французский, немецкий, астрономию, географию, геометрию и, конечно, военное искусство. Как ни удивительно, военная история начиналась с походов Ганнибала и кончалась войной с Наполеоном I. Офицеры предпочли бы знакомство с современным материалом.

Практические занятия были оставлены на третий год. Перегруженная программа и 81 рубль ежемесячного жалования не позволяли наслаждаться развлечениями, которые предлагала столица. Следующий год казался более многообещающим. Но увы! Антон срезался на экзамене. Профессор военного искусства задал ему вопрос, вызвавший у него полное недоумение:

— Что произошло ровно в полдень в день битвы под Ваграмом?

Подпоручик стал говорить о расстановке сил противников, но его прервали.

— Скажите мне, что произошло ровно в полдень.

Он растерялся, начал запинаться и увидел, как рука экзаменатора против его фамилии выводит ноль. Так как регламент запрещал повторно проходить один и тот же материал, то нужно было вновь сдать трудный вступительный экзамен и начать все заново. Осенью 1896 года он принимается

четырнадцатым из ста пятидесяти.

Три следующих года, проведенных в столице, позволили ему завести новые знакомства. Он посещает театры, присутствует на нескольких приемах императора в Зимнем дворце. Именно первый из них потом вспоминал Антон в малейших деталях.

В этот день только что произведенный в офицеры поручик Деникин, один из двадцати приглашенных из военной школы, был представлен во дворце. Все здесь казалось скромному провинциалу сплошной феерией: глубина величественного зала, сверкающий паркет, ослепительный свет люстр, разнообразие и чрезвычайная изысканность женских туалетов. Приглашенные встали полукругом, лицом к огромной двери. Открылись обе створки, и при звуках полонеза вошли царь и царица. Они обошли полукруг, поприветствовав и улыбнувшись приглашенным, затем разместились в соседнем зале, дверь в который осталась открытой.

Бал начался. Иностранные дипломаты, русские сановники один за другим приглашались для короткой беседы с Николаем II. Все следили глазами за входящими к царю, говорили об изменениях во внешней политики, о том, что, оказывается, опять в милости министр, считавшийся до сих пор в опале…

Антон внимательно следил за каждым жестом царя, заметил «грустный взгляд его добрых глаз», длинные паузы, прерывавшие разговор, видел, как августейшая рука нервно играла аксельбантами мундира. Его Величество, должно быть, очень застенчив, сделал заключение поручик, ему, наверное, не по себе на больших приемах…

Антон не танцевал, предпочитая французское шампанское, которое предлагалось в многочисленных буфетах. В назначенный час тысяча пятьсот гостей поднялись на второй этаж к столу. За императорским столом и за соседними расположились гости, приглашенные по особому списку, занимающие более привилегированное положение. Другие сели независимо от ранга и там, где им хотелось. Подали изысканные блюда. После кофе царь встал, прошел всю анфиладу залов, где накрыт был обед, останавливался там и здесь, обмениваясь несколькими фразами с приглашенными.

Следующие приемы укрепили впечатление «первого бала». Антон всегда будет восхищаться пышностью двора, у него вызывала удивление атмосфера детского простодушия придворного этикета, который он считал более строгим, его беспокоила безопасность царя, окруженного сотней людей, а среди них могли оказаться и «нигилисты».

Поручику пришлось пройти и через опыт совсем иного

порядка. Две знакомые студентки пришли к нему с просьбой:

— Позвольте нам оставить у вас на неделю или две нашу «литературу». Наряд полиции уже приходил к нашим друзьям, и теперь мы на очереди.

— Я с удовольствие окажу вам эту услугу при условии, что вы разрешите мне просмотреть эту «литературу».

Содержание трех чемоданов, состоящее из брошюр и листовок, было достаточно неприемлемо. Деникин отметил про себя, что авторы апеллируют к самым низменным чувствам, совершенно не знают реальных проблем, призывают к всеобщему разрушению, при этом абсолютно отсутствуют позитивная идея, какой-либо конструктивный план, который мог бы привнести хоть что-то реальное и пробуждающее надежду. Одна фраза особенно шокировала Антона: «Победоносная социалистическая революция, опираясь на крестьянские и рабочие массы, окончательно покончит с проклятой кастой военных!»

Это неожиданное чтение полностью укрепило его политические позиции. Он следующим образом резюмировал концепцию будущего русского либерализма, которая соответствовала его взглядам:

1. конституционная монархия;
2. радикальные реформы;
3. мирные пути обновления страны.

Позиции, принятой в 1898 году, Антон будет придерживаться и дальше, избегая непосредственно вмешиваться в политику, вплоть до 1917 года, когда провозглашение «победоносной социалистической революции» все-таки вынудило его вмешаться.

В начале 1899 года начальник академии Генерального штаба был заменен близким другом военного министра Куропаткина — генералом Сухотиным. Он обещал «радикальную реформу» образования. Однако выпускной экзамен проходил как обычно. Пятьдесят поручиков, имеющих наилучшие результаты, должны были быть повышены в звании и причислены к корпусу Генерального штаба. Другие же пятьдесят повышались в звание капитана, но без диплома и должны были вернуться в свои полки. В вывешенных списках Антон нашел свою фамилию среди первых пятидесяти.

Прошло две или три недели, и распространилась новость: коэффициенты по всем предметам экзаменов были изменены и вывешен новый лист с фамилиями первых пятидесяти кадровых офицеров. Имени Деникина и четырех других его товарищей среди них не значилось. Все начали говорить о произволе и несправедливости. Сначала обвиняли Сухотина, но вскоре стало известно, что военный министр подписал по просьбе своего друга

распоряжение об изменениях всех коэффициентов. Антон сказал своим товарищам, пострадавшим, как и он:

— У нас остается только одна возможность. Существует специальная канцелярия, дающая заключения на прошения, направленные царю. Там рассматриваются самые спорные случаи, представленные в виде жалобы на то или иное государственное учреждение, на того или иного высокопоставленного чиновника. Товарищи Антона отступились, и он один подписал жалобу на военного министра. Скандал потряс все военные учреждения столицы. Руководство академии использовало все, что было в его распоряжении, — от красноречия и давления до угроз. Напрасно, Антон не забрал своей жалобы. Официальное назначение было отложено, дело затянулось. Наконец была назначена дата представления офицеров царю. Имя Деникина стояло на том же месте. Будет ли восстановлена справедливость? Настал решающий день. Когда Николай II подошел к Антону и спросил его:

— А вы, капитан, в какой штаб вы назначены? Деникин ему ответил:

— Это зависит от Вашего Императорского Величества. Я жду вашего решения.

Пришедшему в замешательство царю Куропаткин поспешил объяснить:

— Этот офицер, Ваше Величество, был вычеркнут из листа кадровых капитанов… за плохой характер.

Через две или три недели пришел ответ из специальной канцелярии: «Его Императорское Величество после встречи с военным министром распорядился не давать хода Вашей жалобе».

Жребий был брошен. Капитан Деникин вернулся во 2-ю артиллерийскую бригаду в Беле.

За пять или почти пять лет в городе ничего не изменилось за исключением командования бригады. Новый командир, генерал Завацкий, более рассудительный и интеллигентный, сразу же снискал симпатии своих коллег. Его помощник поручик Аркадий Иванович был образованным молодым человеком с приятными манерами. Он носил очки, что не шло артиллеристу, и победоносные усы, что ему шло гораздо больше. Антон вновь встретил своих друзей, семейство Чиж, и понял, что Аркадий стал близким другом дома, что он не остался равнодушным к обаянию прекрасной Елисаветы, матери маленькой Аси. Увлечения, пережитые им в Петербурге, сделали его более снисходительным, и он терпимо отнесся к идиллии, представшей его глазам. Девочка, которую он крестил, превратилась в очаровательного ребенка. В день восьмилетия Антон подарил ей куклу, купленную

в столице. Когда ее клали, она закрывала глаза. Ася прыгала от радости.

Капитан был полностью поглощен совершенно новым для него делом, теперь в его ведении находилось интендантство. Вечером он любил присоединяться к кругу своих друзей, которые часто организовывали культурные собрания. Красноречие, низкий голос, обширные знания, неотразимая логика молодого капитана покоряли друзей. Все, кроме того, знали, что он осмелился выступить против произвола и несправедливости, подал жалобу на министра. На собраниях, где выступал Деникин, всегда было достаточно слушателей. Иногда он брался и за перо. Его статьи появлялись не только в «Разведчике», военном периодическом издании, но также и в популярной варшавской газете. Первые касались проблем армии, вторые посвящались будничной жизни провинции и не были чужды юмора. Одна из последних статей вывела общество Белы на некоторое время из летаргии.

Местный «миллионер», еврей-предприниматель Пижиц, составил себе состояние благодаря военным заказам (постройка казарм, поставка дров и т. д.), которые он получил всеми правдами и неправдами. Его непосредственный конкурент, некий Филькенштейн, менее ловкий и более честный, спал и видел, как Пижиц разорится. Они ненавидели друг друга. Сын Пижица должен был идти на военную службу, что приводило в отчаяние его отца и радовало Филькенштейна. Отец прибег к своим обычным методам, и призывная комиссия сочла, что молодой человек, обладающий острым зрением, не пригоден для службы по причине… близорукости. Освобожденные от воинской повинности в связи с плохим зрением должны были подвергнуться контр-экспертизе, проводимой специальной комиссией в Варшаве. Председатель этой комиссии слыл взяточником. Пижицу удалось добиться аудиенции, которую он считал чрезвычайно многообещающей.

Филькенштейн приехал в Варшаву и, выдавая себя за Пижица, нанес визит председателю прямо домой за день до назначенной даты. Он был принят, проявил такую наглость и предложил в самых дерзких выражениях столь ничтожную сумму, что выведенный из терпения хозяин выпроводил его manu militari (дланью военного). Когда на следующий день слуга доложил ему, что господин Пижиц (уже настоящий) просит его принять, уязвленный председатель велел слуге «гнать его сапогом в зад». Через несколько дней молодой Пижиц должен был присоединиться к отдаленному полку, расквартированному где-то за Уралом. Только теперь Филькенштейн, очень гордый собой, начал рассказывать всем, кто только хотел слушать, историю о

своем визите под чужим именем к председателю и о «разговоре» с ним за день до визита Пижица.

Когда эта забавная история была опубликована в «Варшавском Дневнике», губернатор округа пришел в ярость и велел провести расследование. Были раскрыты махинации некоторых членов призывной комиссии, вследствие чего произведены замещения и увольнения. Пижиц несколько дней не показывался из дома. Филькенштейн торжествовал. Он ходил взад и вперед по главной улице с газетой в руке, останавливал проходивших мимо и говорил: «Вы читали? Здесь идет речь о нас — обо мне и Пижице! А знаете вы, кто этот Ночин, имя которого стоит под статьей? Это Деникин, один из здешних капитанов!»

Действительно, «литературный» псевдоним, используемый Деникиным как в «Разведчике», так и в «Варшавском Дневнике», не так трудно было расшифровать, он основан на противопоставлении — день — ночь.

Интендантство, культурные собрания, увлечения журналистикой и общение с друзьями в конце концов смягчили горечь испытанной им несправедливости, совершенной военным министром Куропаткиным. Так как страсти улеглись, капитан, вычеркнутый из листа кадровых офицеров штаба, решил спокойно рассказать всю правду: в осенний вечер 1901 года он написал письмо, составленное в самых умеренных выражениях, приводя лишь «для памяти» хронологию фактов, и направил его военному министру. Он не ожидал никакого ответа, чувствуя облегчение после того, как ему удалось выразить все, что так долго хранил в своем сердце. Через несколько недель, накануне Нового года, пришла официальная телеграмма на имя «капитана Деникина», в которой кадровому офицеру штаба было предложено явиться к командующему округом в связи с новым назначением. Антону потом стало известно, что министр, получив его письмо, поспешил расследовать дело, и ему были представлены доказательства обоснованности жалобы потерпевшего. Во время высокой аудиенции Куропаткин выразил царю свои сожаления «в связи с делом капитана Деникина, о котором он был недостаточно информирован» и получил разрешение «исправить совершенную несправедливость».

В первые дни января 1902 года Антон покидает Белу.

Глава V
НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Быстро пролетели следующие два года; они были более разнообразны и менее монотонны, чем предыдущие. Вначале Антону, направленному в штаб 2-й пехотной дивизии, расположенной в Брест-Литовске, было поручено на один год командование ротой 183-го Пултусского пехотного полка. Эта рота находилась в Варшаве, как и 2-й корпус кавалерии, к которому он присоединится через год после обязательной годичной «практики командования». Никакие сколь-либо заметные происшествия не ознаменовали его короткого пребывания в Брест-Литовске. Командование ротой оставило у него лишь смутные впечатления; несколько более выразительных воспоминаний были связаны с Асей Чиж и «Десятым павильоном».

Родители девочки, решившись к этому времени на развод, приехали тем не менее вместе проводить Асю, которая поступала в Александро-Мариинский институт в Варшаве, где девочки из хороших семей получали среднее образование. Ей было уже десять лет. Длинное темное платье, пелерина и белый гофрированный фартук, закрывающий грудь и спускающийся до лодыжек. Не растеряется ли она, находясь так далеко от дома? Не согласится ли капитан Деникин, старый друг дома, время от времени выводить девочку на прогулки. Он охотно соглашается. Шалости и веселый нрав этого ребенка, обещающего вырасти в очень красивую девушку, трогали тридцатилетнего Антона. По воскресеньям, когда ему позволяла служба, он приходил в институт.

Ася вспоминает: «Капитан начинал всегда с того, что производил «мне смотр», замечал выбившуюся прядь, чернильное пятно на руках и полусерьезно начинал возмущаться: «Не можешь ли ты мне сказать, по кому твои ногти носят траур?» Когда он наконец делал вывод, что мой внешний вид безукоризнен, он вел меня есть пирожные».

В «Десятом павильоне», находившемся в Варшавской крепости, содержались особо опасные политические заключенные. Среди них был Йозеф Пилсудский, будущий маршал и диктатор Польши. Симулируя безумие, он впадал в транс при одном виде русского мундира, отказывался от еды из страха быть отравленным, не ел ничего, кроме сваренного вкрутую яйца. По заключению психиатра, его сообщника,

Пилсудский был переведен в столичную клинику, откуда благополучно бежал. Поскольку по всей Варшаве прокатились слухи об «отравлениях», на офицеров охраны была возложена обязанность пробовать еду, подаваемую заключенным. Рота Антона периодически назначалась охранять пресловутый «Десятый павильон», и он мог лично убедиться, что меню заключенных ни в чем не отличалось от его собственного.

Солдат кормили также достаточно хорошо. Суп, который каждый день ел Антон, был однообразным, но сытным. Ежедневно выдавалось 1,3 кг хлеба; утром — кружка чая, в обед — овощной суп, 220 гр мяса или рыбы и порция каши; на ужин — каша, приправленная салом. Состав армии был такой: 80 % крестьян и 10 % рабочих, мясо и рыба в их родном доме редко появлялись на обеденном столе, и потому никто не жаловался. Условия обитания были менее удовлетворительными. Два ряда нар, расположенных друг против друга, тянулись от одного конца комнаты до другого. Не было ни простыни, ни одеяла. Часто мокрые и запачканные во время учения шинели должны были предохранять спящих от ночной свежести. Эти шинели, одни и те же как летом, так и зимой, одинаковые для солдат, служащих на Крайнем Севере, в Сибири и на южных берегах Черного моря, были сшиты из тонкого сукна. Лишь кавалерия имела право зимой на меховую одежду.

Ночин-Деникин отражал в своих статьях эти парадоксы и недостатки, проповедовал введение спортивных занятий в программу обучения и особенно обращал внимание читателей на то, каких больших успехов достигли артиллерийские войска в отличие от консервативной пехоты. Действительно, в то время как все большее распространение получают пулеметы, увеличивается темп стрельбы, все упражнения пехоты заключались лишь в построении в каре и чеканке размеренного шага.

Его критика была услышана лишь двумя годами позднее, когда в русско-японскую войну русские заплатили слишком дорого за последствия такого нерадения.

Признаки приближающейся войны беспокоили капитана все больше и больше с тех пор, как он поступил в штаб 2-го корпуса кавалерии.

15 марта 1898 года Китай отдал в аренду России на двадцать пять лет полуостров Порт-Артур, который, впрочем, русские уже занимали несколько месяцев. Недооценив аппетит японцев, которые вели себя уже господами в Корее, русские радовались, что наконец в их руках окно в Желтое море, и начали строить город. Считалось, что 34-тысячного гарнизона вполне достаточно

для защиты Порт-Артура. Японцы выказывали наглость и угрожали. Все это казалось несерьезным. Что может предпринять против русского гиганта эта опереточная армия, способная объединить под своими знаменами не более 250.000 человек?

Но война пришла, и те, кто гордился своими тайными агентами, были очень удивлены, оказавшись перед лицом хорошо управляемой двухмиллионной армии, прекрасно вооруженной благодаря военной помощи Великобритании и экономической — Соединенных Штатов, больше озабоченных русским присутствием на Дальнем Востоке, чем экспансионистскими планами японцев, которые они игнорировали, разыгрывая японскую карту.

В июле 1903 года Николай И сообщил своим ошеломленным министрам об учреждении наместничества на Дальнем Востоке и о назначении наместником адмирала Алексеева. Оборона, администрация, политика в этих отдаленных районах отныне находились в руках побочного сына Александра II, которого все знали как плохого моряка, как упрямого, малоинтеллигентного человека, не умеющего себя держать в обществе. Действительно, поскольку японцы окончательно решили выступать против России, более компетентный наместник, без сомнения, смог бы заранее предвидеть столкновение.

10 февраля 1904 года Россия узнала, что она находится в состоянии войны, что четыре дня назад японцы отозвали коммерческие суда и что 8 февраля флот адмирала Того внезапно атаковал эскадру Порт-Артура, потопив два броненосца и один крейсер.

В конце января во время маневров в пригороде Варшавы под капитаном Деникиным упала верховая лошадь, придавив ему ногу. Она застряла в стремени, и лошадь протащила его сотню метров. Разорванные связки, вывихнутые пальцы, многочисленные кровоподтеки вынудили раненого оставаться в постели, в то время как другие шли в бой! Для Антона эта ситуация была невыносима. 10 февраля он поспешил предупредить свое начальство, что в состоянии встать в строй. Ему ответили, что 2-й корпус кавалерии получил приказ оставаться на месте. Тогда он просил изменить место назначения. Ему задали вопрос, знает ли он английский. «Нет, но я чувствую себя способным драться так же хорошо, как те, кто его знает!» Тем не менее ему отказали. 12 февраля генерал Безрадецкий, которому Деникин не давал покоя, согласился наконец послать телеграмму одному из своих друзей, принадлежащих к высшему командованию. И 14 февраля капитана направляют в Харбин, в Маньчжурию, за семь тысяч километров от Варшавы. Сообщив Деникину эту хорошую новость, генерал пожелал ему скорого

выздоровления, высказав предположение, что через месяц раненый почувствует себя способным совершить утомительное путешествие. Но Деникин не соглашался ни на какую отсрочку. Он зарезервировал для себя свободное место в первом же поезде на Москву. Отъезд состоялся 17 февраля.

Когда Антон жил в Варшаве, его мать и Аполлония перебрались к нему. Они жили втроем в небольшой меблированной квартире. Елисавета ничего не возразила, когда сын объявил об отъезде, не пролила ни одной слезы. «Я уже вволю выплакалась», — признавалась она позднее, уже после ухода поезда. Ковыляя и хромая, капитан пришел на вокзал. В Москве он провел как раз столько времени, сколько было необходимо для того, чтобы зарезервировать себе место на дальневосточный поезд. Пять его прежних товарищей, которых он встретил на перроне, сообщили, что в том же поезде едут две известные личности: адмирал Макаров, только что назначенный командующим Тихоокеанским флотом, и генерал Ренненкампф, командующий Забайкальской казачьей дивизией. Антон хорошо помнил генерала, который в бытность корнетом свешивал ноги с подоконника третьего этажа. Последующие подвиги бывшего корнета во время китайской кампании создали вокруг него ореол еще более заслуженной славы. О Макарове Деникин знал только понаслышке. Но какие подвиги уже успел совершить Макаров! Двадцать пять лет назад, во время русско-турецкой войны, он потопил транспортное судно, груженное войсками, пустил ко дну мощный броненосец, преследовал врага в глубине портов. Ученый не уступал в нем воину. В мирное время Макаров опубликовал океанографические работы по исследованиям Черного моря, Африки и Антарктики, затем занялся проблемами полярной навигации. По его собственным чертежам в Англии был построен «Ермак» — первый в мире ледокол. Этот необычный человек, конечно, имел полное право на специальный вагон для себя и своего штаба. С самых первых дней этого путешествия, которое продлилось шестнадцать дней, пассажирам стало известно о том, что Макаров готовит серьезные реформы и желает основательно реорганизовать весь Тихоокеанский флот. Иногда по вечерам вместо отдыха адмирал беседовал с офицерами в вагонном салоне. Деникин сохранил воспоминание о нем: типично русское лицо, окладистая борода, умный взгляд. От него исходили какие-то токи, которые сообщали всем, кто его видел и слушал, веру в благоприятный для России исход этой новой войны.

На каждой остановке поезда перед телеграфом толпились корреспонденты различных газет. В дороге они охотно громко читали написанное ими. Известная ежедневная газета «Новое

время» предложила Деникину постоянное сотрудничество на выгодных условиях. Капитан обязывался писать статьи не только на заданные темы и в определенные даты, но и был свободен в выборе сюжетов и мог писать в любое время. Газета послала на фронт писателя Кравченко, который ехал в том же поезде, что и Деникин, и читал ему свою яркую прозу. Печатный орган военного министерства назначил специальным корреспондентом есаула Краснова. Антон, признавая несомненный литературный талант этого человека, упрекал последнего, однако, в недостатке объективности, отвергая следующее его объяснение: «Что вы хотите? Поэтическая свобода имеет свои права…»

Судьба Краснова достаточно необычна. В 1917 году он командовал армейским корпусом, которому Керенский поручил свою защиту от большевиков. Став позднее атаманом на Дону, Краснов вступил в конфликт с главнокомандующим белой Добровольческой армии генералом Деникиным, который сместил его за излишнее германофильство. Эмигрировав в Берлин, Краснов жил литературным трудом, сочиняя романы. Затем, поддержав Гитлера, он активно участвовал в создании «казачьих полков», сформированных для того, чтобы сражаться с Красной армией. В конце второй мировой войны был выдан союзниками советской власти и повешен в Москве в 1947 году.

В феврале 1904-го транссибирский поезд продолжал идти на восток через степи и тайгу, где величественные ели соседствовали со знакомыми и близкими березами. На редких остановках пассажиры выходили размять ноги. Деникин смотрел, как они сходили и поднимались, но сам еще сделать этого не мог: ступеньки были слишком крутыми. В Омске по вагонам распространилась новость: царь назначил бывшего министра обороны Куропаткина командующим всей дальневосточной армией. С тех пор как министр «устранил» несправедливость, свершенную по отношению к капитану Деникину, Антон питал к нему доверие, считая честным и компетентным человеком. Лишь позднее, по результатам его действий, русские офицеры поймут все плачевные последствия этого рокового назначения.

Иркутск. В первый раз Антон рискнул спуститься на перрон. Продавцы предлагали жаренных в масле птиц, свежие сливки, крутые яйца, пироги с золотистой коркой. Сибирь казалась такой богатой!

Поезд остановился в Харбине 5 марта. Для Антона это был конец пути, он почти не хромал. В штаб-квартире он узнал, что назначен начальником штаба 3-й Заамурской бригады. Это была должность, которую занимал полковник, но подобное продвижение не обрадовало капитана, так как новая бригада

размещалась вдоль железнодорожного полотна, соединяющего Харбин с Владивостоком, довольно далеко от театра военных действий. Его задача? Защита конвоев и железнодорожных составов от набегов китайских и маньчжурских разбойников, которых, по слухам, было полным-полно в этих местах.

Противник казался смехотворным, он не походил на того, о котором думал Деникин, когда мечтал столкнуться с японцами. Однако опасность набегов была вполне реальной, их жертвами становились многие русские солдаты. Трудность охраны конвоев заключалась в том, что обмундирование солдат китайской регулярной армии (сохраняющей нейтралитет в этой войне) ничем не отличалось от обмундирования маньчжурских крестьян и китайских разбойников. Как распознать их вовремя? Так, во время инспектирования постов, раскиданных вдоль железной дороги, капитан замечает силуэты вооруженных людей. Он спрашивает своего полковника:

— Кто это? Друзья или враги?

— Посмотрим. Если будут стрелять по нам, то это разбойники. Если не будут, то это солдаты китайской армии.

Мало-помалу Деникин привыкал к простой жизни, к постоянным перестрелкам то на одном посту, то на другом, к своеобразным нравам местных жителей. Русские войска занимали всю Маньчжурию, но не вмешивались в деятельность гражданской администрации. С китайцами общались только с помощью жестов, так как и те, и другие понимали только свой родной язык, а местные переводчики не вызывали доверия. Русские солдаты охотно вступали в дружеские отношения с маньчжурскими крестьянами, распивали с ними русскую водку или местную ханчинскую, которая сильно драла горло, с удивлением смотрели, как китайцы промывали воду и речной гравий в поисках золота, как ставили на кон свои мизерные сбережения, азартно играя в игры, которых русские совершенно не понимали, иногда сопровождали их туда, где совершались смертные казни. Китайские судьи отличались безжалостностью. Всех разбойников — хунхузов, переданных им русскими, они приговаривали к обезглавливанию. Маньчжурские крестьяне охотно присутствовали на этих церемониях.

Летом приехал передвижной цирк, расположился на деревенской площади. Повозки крестьян выстроились в круг, и зрители могли вволю наслаждаться спектаклем. Первая пьеса, которую увидел Антон, показалась ему «очень оригинальной и совершенно непонятной». Внезапно среди зрителей он заметил русскую девочку и ее родителей. Она была очень похожа на маленькую Асю Чиж! Ему так не хватало их в этой чужой стране.

Он увидел торговца, продающего охапки разноцветных бумажных цветов, купил их и предложил удивленной и восхищенной девочке.

Вспоминая яркие детали тогдашней жизни, Деникин огорчался тем, что ему приходилось быть только лишь «охранником железных дорог»; он старался, чтобы его отправили на фронт, и досадовал, что старания не имели успеха. Было, правда, одно утешение, которое отвлекало от мрачных мыслей: Антон переживал идиллическую любовь к одной молодой брюнетке. Волосы ее были пышны и роскошны, рот немного капризен. Небольшого роста, прекрасно сложена. На указательном пальце блестело кольцо. Было ли это кольцо обручальным, и кто была она сама?

В возрасте пятнадцати лет, листая альбом, я обратила внимание на фотографии, внизу которых стояла дата —1904 год. Я отметила несколько снимков, где на фоне скал, водопада, ограды каких-то садов мой отец был снят вместе со слегка прижимающейся к нему молодой брюнеткой. Лицо его выражало довольство и счастье. Я спросила:

— Кто это, папа? Это какая-то твоя бывшая пассия? Моя мать, ревнивая по природе, поддержала меня, искусственно небрежно бросив:

— Ну, Иваныч, расскажи же своей дочке приключения с прекрасной Марией!

Отец покраснел и захлопнул альбом. Больше я никогда не затрагивала эту тему.

Глава VI
КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

Осень 1904 года. Радость русских воинов была недолгой. Великие надежды, вызванные назначением Макарова командующим Тихоокеанским флотом, потонули 12 апреля вместе с адмиралом, когда его «Петропавловск» взорвался на японской мине недалеко от Порт-Артура. Среди десятка уцелевших был великий князь Кирилл, не пользовавшийся популярностью родственник царя. Офицеры и солдаты оплакивали смерть своего любимого адмирала и, узнав о спасении великого князя, поговаривали: «Всплывает только г…!» После гибели Макарова японцы установили блокаду Порт-Артура.

Армия проявила не больше расторопности, чем флот. Враг превосходил наши силы в численности и в вооружении. Главнокомандующий Куропаткин подчинялся наместнику Алексееву, приказы и контрприказы которого не сообразовывались с реальностью и имеющимися в распоряжении армии возможностями. Боясь не понравиться дяде царя, Куропаткин пассивно выполнял эти приказы, добавляя к ним свои указания следующего рода: «В решительный бой с превосходящими силами противника не вступать». Эта рекомендация вынуждала генералов (Штакельберга, Келлера или Зарубаева) отдавать приказ к отступлению там, где это не было оправдано ситуацией, и даже перед лицом равного им по силам противника (Куроки, Оку или Нодзу). Русские отдавали плацдарм за плацдармом.

Тем не менее подкрепление, пришедшее из европейской России, уравновешивало силы противников: 193.000 солдат и 758 орудий у русских и 150.000 солдат и 648 орудий у японцев. Куропаткин писал в приказе: «Пришло для нас время заставить японцев повиноваться нашей воле, ибо силы Маньчжурской армии стали достаточны для перехода к наступлению».

Прошел слух о возможном отъезде наместника. И действительно, 26 октября Алексеев был отозван. Моральный дух армии поднялся. Все снова заговорили о победе.

Когда офицер, осуществляющий назначения в главном штабе Маньчжурской армии, предложил Деникину пост начальника штаба генерала Ренненкампфа, командующего Забайкальской казачьей дивизией, он добавил:

— Вы можете отказаться. Ренненкампф слывет за человека, который не очень дорожит своими людьми, головы у его людей не

очень крепко держатся на плечах.

— Я знаю, но я с радостью приму это назначение. Господь милостив.

И вот Антон с двумя ординарцами и лошадью, везущей его скромный багаж — то галопом, то рысью, то еле двигаясь, — пробирается через горы, простирающиеся подобно спинному хребту вдоль Ляодунского полуострова, на крайнем юге которого постоянно взывал о помощи Порт-Артур.

Офицеры штаба Ренненкампфа жили все вместе в одной фанзе. Вдоль стен стояли каны — нечто вроде нар из кирпичей, покрытых циновками и постоянно подогреваемых, чтобы просушить их. В глубине небольшая перегородка обеспечивала генералу минимум уюта. Солдаты в большинстве случаев жили в глубоких землянках, прорытых в хрупкой глине; в них были вставлены самодельные трубы из старых фляг, чтобы мог выходить дым из очага. Спали солдаты на подстилках из гаоляновой соломы. К горному селению Цинхечен было достаточно трудно добираться из-за бездорожья, поэтому сюда редко заглядывали интенданты. Хлеба часто не хватало, его заменяли печеными лепешками, в мясе недостатка не было, поскольку выручало обилие местного скота.

Деникин составил представление о своем начальнике уже в первой перестрелке. Это был мужественный человек, всегда рвущийся в бой, но вынужденный отступать независимо от того, какими были силы противника. Подчиненные восхищались им и с готовностью выполняли приказы, но, чувствуя отношение к себе как к простому «пушечному мясу», не любили его. Ренненкампф оказал самый сердечный прием своему новому начальнику штаба, но отношения между ними никогда не переходили границ взаимного уважения.

19 ноября подполковник Деникин принял боевое крещение. В этот день генерал, уставший от долгого периода бездействия, решил «немного подразнить» противника. Три батальона и два взвода с четырнадцатью пушками отправились в путь. Люди и лошади спустились в ущелье, казаки взобрались на возвышающуюся над ними скалу, чтобы охранять их продвижение. Утро выдалось ясным. Стук сапог и копыт по земле сопровождался раздражающим жужжанием невидимых «мух». Остановка. Деникин, сев на камень, начал писать свой первый рапорт. Подошел Ренненкампф:

— Мои поздравления, Антон Иванович.

— В связи с чем, Ваше превосходительство?

— С вашим «крещением»! Жужжащими «мухами» были японские пули.

Враг был выбит из своей деревни, и русские на ночь устроились на их еще теплых канах. На рассвете перестрелка разбудила штаб. Японцы, обманув бдительность часовых, вернулись к краю деревни. Ренненкампф отдал приказание и велел подать чай. Его пили медленно, по примеру командующего, который потом пошел умываться в ближайшем источнике, не боясь жужжащих вокруг «мух». Закончив туалет, все присоединились к батальону, стоящему в резерве и сгрудившемуся на развилке двух дорог под открытым небом. Санитары унесли раненого, затем другого, затем сразу троих.

Деникин возмутился:

— Эти люди слишком соблазнительная цель. Нужно отвести их под прикрытие скалы.

Ренненкампф не согласился.

— Нет, Антон Иванович, не сейчас. Те, кто в бою, выведены из равновесия неожиданностью атаки. Присутствие нашего резерва успокаивает их и вселяет уверенность.

— В таком случае останемся здесь на виду мы сами, а эти несчастные пусть укроются за скалой!

После пятых носилок генерал сдался. Деникин вспомнил услышанную недавно фразу: «Головы у его людей плохо держаться на плечах».

В честь праздника Нового года главнокомандующий посетил войска Ренненкампфа, который представил ему своего начальника штаба.

Куропаткин улыбнулся:

— Уже давно, очень давно мы знаем друг друга…

И он дружески пожал руку своей бывшей жертве.

Едва прошел Новый год, как гарнизон Порт-Артура вынужден был отступать. Японцы потирали руки, в Лондоне и Вашингтоне всюду слышались поздравления, в то время как французская ежедневная газета «Эхо Парижа» объявила о подписке для учреждения наград «героическим защитникам Порт-Артура». Моральный дух Маньчжурской армии упал, и лишь объявление о неизбежном генеральном наступлении, которое колеблющийся Куропаткин обещал в начале февраля, немного воодушевило войска. Но это наступление вскоре будет отменено и выльется в несколько разрозненных и бесполезных боев, унесших жизни двенадцати тысяч человек, из них трехсот пятидесяти офицеров. Внезапно главнокомандующий как бы спохватывается: он назначает общевойсковой удар на 25 февраля. Решающую роль в нем должны были играть казаки Урало-Забайкальской казачьей дивизии, атакующие врага с тыла. Увы, командующий этой дивизии Мищенко, один из наиболее достойных генералов армии,

был незадолго до этого ранен и эвакуирован. Ренненкампф занимает его место, Деникин следует за ним. И вот наконец происходит битва, известная впоследствии как Мукденское сражение. Для русских оно стало настоящей катастрофой. Куропаткин отдает приказ к «временному отступлению» и возвращает Ренненкампфа к его прежнему месту службы. Вследствие простой случайности — потери досье — Деникин вынужден остаться.

Царь отзывает главнокомандующего, которого он наконец-то признал некомпетентным, и заменяет его Линевичем. Назначение на эту должность стареющего генерала, слывшего храбрым человеком, но плохим стратегом, приводит армию в недоумение… Бойцы пока не теряют присутствия духа, но только потому, что ждут прихода направляющейся к маньчжурским берегам Балтийской эскадры под командованием блестящего адмирала Рожественского. Выбранный путь несколько… сбивал с толку: Северное море, Атлантический океан, берег Африки, затем Индийский океан и, наконец, Китайское море. Двенадцать тысяч миль за один месяц. Двенадцать броненосцев, восемь крейсеров и девять миноносцев с некоторым запозданием вошли в Северное море, где 22 октября 1904 года открыли огонь по мирным британским траулерам, приняв их за японские суда! Кругосветное путешествие могло бы на этом и кончиться, если бы инцидент не был урегулирован усилиями дипломатов. Внушающая столько надежд эскадра приближается, и новый главнокомандующий решает не начинать до ее прихода генерального наступления.

Все казалось спокойным, когда 10 марта генерал Мищенко, залечив рану, прибыл в армию и стал во главе Урало-Забайкальской казачьей дивизии. Он был не очень доволен, найдя здесь начальника штаба, «завещанного» Ренненкампфом, которого он изрядно не любил. Установились самые холодные отношения, но поскольку оба были наделены той «человеческой теплотой», которой в высшей степени не хватало Ренненкампфу, то лед в конце концов растаял.

Армия в Маньчжурии была разделена на три части. Казачья дивизия, входившая во вторую часть, защищала левый фланг. Несмотря на фактическое перемирие, она была вынуждена совершать постоянные рекогносцировки, постепенно превратившиеся в настоящие и кровопролитные бои. Так, 17 мая Мищенко во главе 4500 кавалеристов, вооруженных шестью пушками, вышел на дорогу к реке Ляохе. Рейд длился четыре дня. Казаки разрушали склады, сжигали грузовые платформы, перехватывали обозы. Японцы, не любившие сдаваться, дрались до конца и в безысходной ситуации кончали с собой. В плен взяли

только 234 человека, но благодаря проворству разведчиков и депешам, перехваченным у японских курьеров, генерал Мищенко смог сковать три вражеские дивизии, потеряв лишь 187 человек. За этот «майский рейд» Деникин получил звание полковника и две награды — орден Святого Станислава с мечами и орден Святой Анны с мечами и лентой.

Бой, который дали японцам казаки Мищенко 1 июля 1905 года, оказался последним боем русской армии. В далеком Портсмуте (Соединенные Штаты) под эгидой президента Теодора Рузвельта были начаты переговоры о мире. Договор о мире был подписан 5 сентября. Россия потеряла свои права на Ляодунский полуостров, на всю южную Маньчжурию, оставляла японцам ветку транссибирской дороги и уступала им половину Сахалина.

Но не столько эти уступки, в конце концов незначительные возмущали Деникина и большинство участвующих в войне офицеров, сколько преступное легкомыслие чиновников, не соизволивших посоветоваться с армией и подписавших этот преждевременный мир, в то время как победа была уже почти в руках! Эта убежденность могла бы, конечно, вызвать удивление. Некомпетентность и малодушие высшего командования были всем известны. 28 марта 1905 года сбылись надежды, возлагавшиеся на наступление на море! В этот день долгожданная эскадра адмирала Рожественского, не дойдя до Китайского моря, вступила в бой в Корейском проливе. Там ее ждал флот адмирала Того. У берегов острова Цусима начался бой. Русские корабли один за другим шли ко дну. Рожественский, получив ранение, попал в плен. Лишь нескольким крейсерам удалось уйти из этой ловушки. Японцы не потеряли ни одного судна и сохранили на море бесспорное превосходство.

Но на земле дело обстояло совсем по-другому. Совершенно исчерпав свои резервы, японская армия находилась в очень тяжелом положении. Японцы, попавшие в плен летом 1905 года, в большинстве случаев были призывного возраста или не достигали двадцати лет. Их страна находилась на грани разгрома. Зато в русских войсках пополнение не переставало прибывать, теперь двое русских воевали против одного японца. Достойные доверия секретные донесения, приходившие из Токио, давали возможность сделать заключение, что истекающая кровью Япония собиралась отозвать свои войска.

Сорок лет спустя, в 1946 году, Деникин, познакомившись с документами, остававшимися до тех пор секретными, писал: «Что касается вопроса: каков был бы исход войны, если бы весной 1905 года нам позволили бы перейти в наступление, то, взвесив все за и против, я бы, как и тогда, ответил: исходом была бы победа

русских».

Кого же обвинять в «убийстве победы»? Англичан или американцев, которые, напомним, больше боялись экспансионизма русского гиганта, чем аппетитов японского карлика, и потому склонны были встать на сторону японцев? Русских дипломатов, менее ловких, чем японских? Протеже царя Витте, ведшего переговоры? Окружение царя Николая II, убедившего царя в том, что «все потеряно»?

Главной причиной, заставившей царя подписать Портсмутский договор, была всевозрастающая угроза революции. Террористические акты с каждым днем множились, поднималась Польша, стачки будоражили крупные города. Волнения доходили и до деревни. Царь хотел освободиться от внешних забот, чтобы оказаться лицом к лицу с внутренними проблемами, ставящими под угрозу само существование монархии, но упустил из виду, что демобилизация и возвращение домой сотен тысяч солдат лишь ускорит события.

Солдаты — участники войны на Дальнем Востоке, заброшенные в маньчжурские города и долины, ничего не знали о реальной ситуации в стране. Вернувшись домой, они увидели новую страну и, оценив события, столь их возмущавшие, начали новую, на этот раз братоубийственную войну.

Глава VII
«ОТДЫХ» БОЙЦА

Участие в военных действиях и верховая езда разбудили боль в ноге, и Деникин снова начал хромать. В то время как войска генерала Мищенко ждали решения своей судьбы, молодой полковник тридцати трех лет получил разрешение вернуться в Европу. В Харбине он должен был сесть на транссибирский поезд, но забастовки железнодорожников и телеграфистов, тысячи демобилизованных солдат, заполнивших город, дезорганизовали транспорт. Нужно было ждать.

Деникин узнал много нового о событиях, потрясших Россию с начала 1905 года. Ему стали известны подробности «кровавого воскресенья» 9 января, когда мирные и безоружные демонстранты, руководимые полусумасшедшим и проникнутым плохо понятыми социалистическими идеями попом Талоном, состоящим на службе у тайной полиции, пришли в столкновение с силами порядка: на земле остались лежать ранеными и убитыми четыреста человек. Он слушал рассказы об убийстве великого князя Сергея, дяди царя, подорвавшегося на бомбе, брошенной нигилистом Каляевым, и о великодушии его вдовы, сестры царицы, которая пыталась спасти убийцу от смертной казни. Он беседовал с другими офицерами о лояльности флота, о значении мятежа на крейсере «Князь Потемкин-Таврический» и о других беспорядках как на Черном море, так и в Финском заливе. В начале октября, перед самым началом парализовавшей всю Россию всеобщей забастовки, все в Харбине узнали, что в столице по идее некоего Бронштейна, называвшего себя Троцким, были созданы Советы рабочих. Они стремились к захвату власти, и все серьезно начали опасаться, как бы не началась революция. В первые дни ноября руководство Дальнего Востока узнало, что в России будет принята конституция.

Николай II колебался. В письме своей матери, вдовствующей императрице, он писал: «Мы с Витте предвидим лишь два выхода. Или раздавить бунт силой. Это даст время передохнуть, но никто нам не гарантирует, что через несколько месяцев мы не вынуждены будем вновь прибегнуть к силе. Другим решением будет дать народу те права, которые он требует, — свободу слова и свободу печати — и провести эти права и законы через Думу, что будет равноценно принятию конституции».

Сергей Витте — министр финансов при предыдущем царе, инициатор Портсмутского договора — склонялся ко второму

решению. Царь, без сомнения, предпочитал первое, он стоял «за то, чтобы раздавить бунт силой», установив диктатуру. Великий князь Николай Николаевич, дядя царя, будущий верховный главнокомандующий, был единственным, кто удостаивался его абсолютного доверия. В этот момент великий князь был командующим военным округом Санкт-Петербурга. Он с негодованием отверг предложение царя. Один из его друзей так передавал его слова: «Если император не примет программу Витте, если он захочет сделать из меня диктатора, то я на его глазах пущу себе пулю в лоб!»

Одним словом, царь решил подписать составленный Витте манифест и тем самым превратить Россию в полуконституционную монархию.

Избирался парламент (Дума), были предоставлены свобода совести, союзов, свобода слова. Тем не менее Николай II по-прежнему должен был сам назначать министров и сохранял за собой право решающего голоса в вопросах национальной обороны и иностранных дел.

Вопреки всем ожиданиям этот акт доброй воли не успокоил ни правых, ни центр, ни левых. Защитники автократии были глубоко возмущены этой «уступкой». Умеренные отказывались верить обещаниям государя, которые они, впрочем, считали недостаточно либеральными. Что касается левых, то их непримиримая оппозиция нашла свое выражение в статье Троцкого, напечатанной в новой газете «Известия»: «Пролетариат не желает ни полицейского палача Трепова (шефа полиции), ни либеральной акулы министра финансов Сергея Витте; ему не нужны ни зуб волка, ни хвост лисы. Кнутом надо гнать полицию, обрядившуюся в конституционный пергамент!»

«Манифест 30 октября», не получивший одобрения ни одной из политических партий, породил великое замешательство в умах гражданских и военных властей Дальнего Востока; смысл его остался для них не совсем ясен. Комендант Владивостокской крепости, осажденной развязной чернью, поспешил сдаться. В Чите военный губернатор Забайкалья счел за лучшее подчиниться новым солдатским и рабочим советам и раздал им оружие, чтобы они могли обеспечить новый порядок — порядок народной власти. Линевич, главнокомандующий трех армий в Маньчжурии, уже не понимавший больше, в чем заключается его долг, принял в своем специальном вагоне делегатов различных революционных комитетов и удовлетворил их требования.

В Харбине ситуация была еще более абсурдной. Недостоверные слухи будоражили умы. То говорили о свержении царя и о победе революции, то утверждали совсем

противоположное. Во всех городах Маньчжурии, куда прибыло пополнение готовых к бою, но оказавшихся не у дел солдат, возникли беспорядки. Не столько потому, что они поддались пропаганде советов, сколько просто потому, что как можно скорее желали отправиться домой. Главнокомандующий в конце концов изменил программу возвращения войск и отдал приказ отъезжать в последнюю очередь тем, кто прибыл первым. Зная вошедшую в поговорку беззаботность солдат, ответственные за транспорт наметили пункты на всей протяженности пути, где им будет выдаваться паек — деньгами и продовольствием. Но демобилизованные потребовали, чтобы им выдали все сразу в момент отправления и в денежном выражении. Результат оказался самым плачевным. Вагоны штурмовались пьяными солдатами, деньги пропивались сразу же, как только их получали. На следующих станциях толпы уже голодных людей грабили буфеты, разоряли все ближайшие лавочки.

Около 10 ноября Деникин добился наконец места в поезде. Он едва узнавал местность, которую проезжал двадцать один месяц назад. Стены вокзалов были обклеены афишами, на перронах развевались флаги; разносчиков товаров нигде не было видно. Мелькали новоявленные «народные республики» — Иркутск, Красноярск, Чита… Эти «республики», плохо координируя свои действия, составляли противоречащие друг другу расписания, и приходилось часами ждать на запасных путях. Из-за периодических забастовок поезда на несколько дней застревали на тех или иных станциях. Буфеты опустошались, приходилось довольствоваться продуктами, взятыми в Харбине. Так прошел месяц. И вот в одни прекрасный день, проснувшись на запасном пути, пассажиры обнаружили, что исчез паровоз. Солдаты одного из составов с вышедшим из строя паровозом заявили, что они имеют право ехать первыми, и ночью забрали чужой. «Это становится невыносимым, — заявил Деникин, обратившись к группе офицеров, ехавших вместе с ним в поезде. — Необходимо что-то делать». Полковник, раньше всех получивший это звание, назначается «комендантом поезда». Провозглашается «закон военного времени». В каждом вагоне назначается ответственный, двух человек выделяют для охраны будущего паровоза. Для выполнения этих задач офицеров оказывается недостаточно, приходится обратиться к солдатам, до отказа заполнившим вагоны. Добровольцев оказалось немного. Офицеры и несколько гражданских лиц устраивают складчину и затем каждому выдается по 60 копеек в день. В этом столпотворении организовать спокойное продвижение очень трудно. Против нового порядка высказались лишь бывшие

железнодорожники, мобилизованные и теперь возвращающиеся домой. Но никто не обратил на это внимания, все были заняты задачей № 1: найти новый паровоз. Как раз в это время на станцию подошел поезд с «первоочередниками». Вооруженный отряд отцепляет паровоз под возгласы протеста не осмеливающихся выступать открыто солдат. Вид офицеров убедил машиниста проявить послушание, и офицерский поезд отправился в путь. Мимо проносились станции, где предупрежденные по телеграфу представители комитетов или советов тщетно пытались помешать продвижению поезда. Иногда вынуждены были останавливаться, чтобы пополнить запасы воды и топлива. Вот и Урал. До Москвы осталось лишь несколько дней. Увы, в Самаре движение оказывается парализовано, пути забиты стоящими поездами.

Машинисты начали забастовку, которая, как они заявили, «будет длиться не меньше недели». Машинист «офицерского состава», воспользовавшись замешательством и переговорами, исчез. Что делать?

Офицеры начинают совещаться, и в это время подходят двое железнодорожников из тех, кто протестовал против «закона военного времени»:

— Мы так же, как и вы, хотим встретить Новый год у себя дома. Мы машинисты и можем довести поезд до Москвы. Но наши друзья не согласны с нами. Не могли бы вы прийти с оружием и арестовать нас, чтобы нас потом не обвинили в предательстве интересов пролетариата…

Предложение было принято, и в то время как три офицера пошли арестовывать двух машинистов, как будто бы выказывающих сопротивление, «комендант» и Деникин составляли управляющему станцией письмо следующего содержания: «Через тридцать минут наш поезд на полном ходу проедет мимо вашей станции. Позаботьтесь, чтобы пути были свободны. Иначе…»

Пути освободились. Остальной путь до Москвы проехали без приключений.

Город лихорадило. Советы провозгласили «временное правительство». Восставшие — рабочие, студенты, социалисты — строили баррикады. Полк гренадеров присоединился к восставшим, другие войска угрожали последовать их примеру. Губернатор, адмирал Дубасов, обратился в Санкт-Петербург, прося помощи, и теперь с нетерпением ждал скорого приезда обещанных ему верных полков, среди них верную гвардию Семеновского полка. Им понадобится девять дней, чтобы усмирить Москву.

В 1925 году мы жили в Форест-Ворст, бельгийском городе недалеко от Брюсселя. Наше жилье было не слишком просторным. Моя мать однажды сказала мне, что я должна уступить на одну ночь мою спальню одному дяде, приехавшему из-за границы повидать моего отца, и переночевать в спальне моих родителей. Со следующим поездом приехал еще один дядя, и оба они должны были провести ночь в моей комнате. Моя мама шутя сказала: «Надеюсь, они не подерутся!» Эта перспектива привела меня в ужас. Но я успокоилась, удостоверившись на следующий день, что дяди пьют кофе с молоком в полном согласии и беседуют с самым дружеским видом. Гораздо позднее узнала, почему так сказала моя мать.

Два человека, случайно встретившиеся у меня в комнате, были генерал, воевавший в Белой армии Деникина, и либеральный политический лидер Астров, которого мой отец сделал министром в своем правительстве. Эти люди увиделись впервые, но у них было одно общее воспоминание. Во время волнений в Москве в конце 1905 года первый, будучи молодым офицером, командовал отрядом Семеновской гвардии и взорвал дом, в котором укрылись восставшие. Рядом оказался студент Астров, смотревший на происходящее расширившимися от ужаса глазами. Он пришел помочь своим осажденным друзьям. Впоследствии либерал Астров, естественно, встал под знамена тех, кто боролся с большевизмом.

В декабре 1905 года, не ожидая окончания московских событий, Деникин продолжил свой путь и приехал в Санкт-Петербург накануне Нового года. После нескольких месяцев Японской кампании, всех несообразностей жизни на Дальнем Востоке и в течение всего пути в европейскую Россию, после волнений в Москве жизнь в столице показалась ему почти нормальной. Все были заняты выборами в Думу, улыбались при виде двухгодовалого царевича, о страшной болезни которого еще никто не знал. Некоторое беспокойство вносили слухи о тайном возвращении в Россию руководителя большевиков, виновника всех волнений, но все знали, что его по пятам преследует полиция. Некоторые утверждали даже, что он вновь уехал за границу. Все чувствовали, что угроза революции отодвигается, что зачинщики ее выдыхаются. Повторится ли подобное в будущем? Ни один из монархистов не допускал и мысли об этом.

С весны 1906 года можно было считать, что с революцией покончено. Методы, использованные для достижения этой цели, были различны — от подавления силой, невзирая ни на какие жертвы, до переговоров. Известные Деникину генералы Ренненкампф и Меллер-Закомельский получили приказ усмирить

«транссибирскую магистраль». Первый шел с востока, второй — с запада. Ренненкампф проводил переговоры и добился капитуляции городов и станций без единого выстрела.

Второй брал их штурмом, не жалея патронов, и объяснил свои действия в рапорте царю следующим образом: «Бескровное покорение взбунтовавшихся городов не производит никакого впечатления… Мои солдаты и артиллеристы исполнили свой долг…»

Если верить расчетам официального советского историка Покровского, то «число жертв преступного царского режима в первую русскую революцию» составило 13381 человек. В 1946 году Деникин напишет: «По большевистским масштабам и большевистской практике, цифра эта должна казаться им совершенно ничтожной…»

Задавая себе вопрос о причинах неудачи советов, Деникин в 1906 году отмечал:

1) Решительность и дисциплина офицерского корпуса как на земле, так, за несколькими исключениями, и на море сыграли большую роль в победе верных царю войск.

2) Отсутствие у восставших способных руководителей и конструктивной программы определило исход их предприятия. «Выдвигая лишь один лозунг: «Долой!», — они не могли найти (в это время) благоприятной почвы в настроениях русского народа».

Во власти этих размышлений полковник ждал назначения, которое ему обещали при отъезде из Харбина. В какую дивизию он будет назначен начальником штаба? Наконец он понял, что все свободные места отданы офицерам, оставшимся в европейской России. Воевавшие на Дальнем Востоке могли надеяться в ближайшем будущем лишь на второстепенные посты. Полковнику пришлось принять подобную должность — временно, как ему говорили, на три или четыре месяца — в штабе 2-го корпуса кавалерии, все еще расквартированного в Варшаве.

К радости вновь видеть свою старую мать прибавилось удовольствие от встречи с Асей Чиж. Ногти четырнадцатилетней девочки утратили свой траурный цвет, ее талия утончилась, прическа стала более кокетливой, она смеялась не так громко, ела пирожные медленнее, короче, Ася превратилась в девушку. Ее родители были в разводе, Дмитрий остался с отцом, и поскольку мать Аси, все еще столь же привлекательная, собиралась стать мадам Ивановой (с чем Антон без задней мысли поздравил своего друга), то Асей занялись ее дедушка и бабушка Тумские.

Александр Тумской, дворянин с большой родословной, государственный советник, председатель мирового суда в управлении Седльца был важным человеком. Его жена, баронесса

лютеранского вероисповедания, уроженка Прибалтики, была еще более импозантной, чем ее муж, — всегда одета в черное, светлые волосы очень аккуратно зачесаны в шиньон, поражающий проницательный взгляд черных глаз. Антон их часто видел в семье Чиж в Беле. Их разрешение было необходимо, чтобы «выводить гулять» юную ученицу по воскресеньям. Теперь он пришел к Тумским с визитом в их квартиру в Седльце. Осмотрев комнатку Аси с диваном-кроватью, обитым крепом в цветочек, он вошел в огромный салон. На стенах висел бесконечный ряд портретов, Антон насчитал до десяти столов различной величины, столкнулся с одним из двадцати пяти горшков с зелеными растениями, увидел себя в одном, потом в другом зеркале, отражавшем его с головы до ног, побоялся сесть в одно из обитых дорогой тканью кресел, обошел канапе с шелковыми подушками и наконец выбрал оттоманку, накрытую толстым ковром. Сочетание желтого и черного (дерево, из которого сделана мебель, отделано черной инкрустацией, обои и подушки — цвета лютика) вызвало у Антона полную растерянность. Но прием Тумских оказался чрезвычайно теплым.

«Временное» назначение Деникина в Варшаве затянулось. Рутинная работа оставляла много времени для работы над статьями в разные газеты. По приезде в столицу его ждал сюрприз — в качестве гонорара за свои «корреспонденции» с Дальнего Востока в газету «Новое время» он получил «астрономическую» сумму в 5000 рублей! Он побаловал свою старую мать, маленькую Асю, оставшуюся сумму положил в банк, где она не переставала округляться благодаря новым статьям. Чувствуя себя «богатым» и в данный момент ненужным в армии, Антон — после долгих шести лет службы и войны — начал мечтать об отпуске. Ему дали четыре месяца с правом провести их за границей. С июля по сентябрь Антон объезжает Берлин, Вену, Париж, Рим и Венецию. На пути домой он останавливается на несколько дней в швейцарских горах. Больше всего ему понравилась Италия, только о ней он упомянул в адресованном своей невесте письме 22 апреля 1916 года: «В одном только вопросе проявляю недостаточно патриотизма, каюсь: когда думаю об отдыхе после войны, тянет к лазурному небу и морю Адриатики, к ласкающим волнам и красочной жизни Венеции, к красотам Вечного города. Когда-то, 10 лет тому назад, я молчаливо и одиноко любовался ими…»

Уставший от немецкой, французской и австрийской экзотики или просто почувствовав недостаток денег, полковник вернулся в Варшаву в начале сентября 1906 года, на «тридцать семь дней раньше», как он отметил в своем послужном списке… Он

напомнил о себе ответственному за назначения в несколько развязной, как он признавался, манере. Ответ не заставил себя ждать. «Мы предлагаем полковнику Деникину пост начальника штаба 8-й Сибирской дивизии. Если он откажется, он будет вычеркнут из списка кандидатов». Принуждать старших офицеров соглашаться на тот или иной пост, особенно в Сибири, было не принято. Возмутившись, полковник коротко сформулировал свой ответ: «Нет!», проявив затем беспокойство касательно реакции своих корреспондентов. Но напрасно. Ему было сделано новое, вполне приемлемое предложение, и никакого намека на принуждение. И вот он — начальник штаба 57-й резервной бригады. Не дивизия, а простая бригада? Дело в том, что эта бригада, состоявшая из четырех полков, в каждом из которых было по два батальона, ничем не отличалась от дивизии. Место будущего назначения — Саратов привело в восторг как самого Антона, так и его мать, поехавшую вместе с ним: наконец они своими глазами увидят то место на берегу Волги, где около века тому назад появился на свет Иван Ефимович Деникин.

Глава VIII
ВРЕМЯ МЕЖДУ ВОЙНАМИ

По дороге в Саратов Деникин остановился в Санкт-Петербурге. Он хотел составить представление о различных политических партиях, чьи программы оказывали влияние на армию.

Меньшевики, большевики и социалисты-революционеры стремились к радикальному изменению режима. Первые две партии считали себя последователями Карла Маркса. Будучи первоначально едиными, они затем разделились на две отдельные партии. Большевики проповедовали немедленные действия и беспощадный террор, в то время как меньшевики, считая русский народ недостаточно «зрелым», полагали необходимым какое-то время подождать. Чтобы численное преобладание рабочего класса могло решить исход восстания, индустриальное развитие страны должно быть достаточно высоким.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Идея запаздывающего развития России в начале века как в индустриальном, так и в коммерческом плане остается чрезвычайно распространенной на Западе. Но она в высшей степени не соответствует истине. Начиная с 1890 года благодаря бакинскому месторождению Россия вышла на второе место по мировой добыче нефти. Донецкий бассейн давал к 1890 году 2 миллиона тонн угля, а в 1900-м — 11 миллионов тонн. Производство стали увеличилось с 590 000 тонн до 3 миллионов. Протяженность железных дорог была 30 600 км в 1890 году и 54 000 км — в 1900-м. В результате реформ, проведенных Сергеем Витте, возросло производство легкой и тяжелой промышленности. В 1914 году французский экономист Эдмон Тери утверждал: «Если в 1912–1950 годах великие европейские страны будут развиваться такими же темпами, как в 1900–1912 годах, то к середине этого века Россия займет в Европе доминирующую роль как с точки зрения политической, так и с точки зрения экономической и финансовой». А позднее советский физик Орлов, член Армянской академии наук, признает: «Дореволюционная Россия занимала пятое место в мире по объему производства и первое место — по темпам промышленного развития». Постоянный прирост населения, составляющий 18 % в год, позволял рассчитывать, что к 1950 году народонаселение составит около 300 миллионов. В 1907 году

число рабочих достигало 2 миллионов и продолжало быстро расти. Все это объясняло «постепенство» меньшевиков.

Социалисты-революционеры, последователи «народников» прошлого века, делали ставку на крестьянство, стремясь к тому, чтобы революция приняла крестьянский характер.

Две умеренные партии — социалисты-трудовики и народные социалисты мечтали о бескровном изменении режима.

Либеральная партия, не стремившаяся к революции, была образована в 1905 году. Эта партия, называющая себя конституционно-демократической, или партией кадетов, состояла в основном из интеллигенции. Ее члены — учителя, врачи, юристы, студенты надеялись когда-нибудь побудить самодержца Российской империи принять парламентскую систему, аналогичную парламентской системе Франции. Некоторые были готовы довольствоваться монархическим строем английского типа.

Существовала также партия октябристов, созданная после появления известного «октябрьского манифеста». Октябристы считали, что либерализм в России не должен идти дальше создания Думы и принятия конституции.

Русские монархисты и члены Союза русского народа показали себя яростными сторонниками автократии.

Деникин добросовестно изучил программы всех партий, и ни одна его не удовлетворила. Он считал все же, что программа партии кадетов была наименее неприемлемой. Деникин отправился в Саратов, более чем когда-либо убежденный в том, что будет держаться вне политики.

Казанский военный округ, куда входил Саратов, был одним из самых больших в европейской части России. В отличие от других частей страны, спокойствие здесь так и не восстановилось, и армия была вынуждена выполнять функции жандарма: в военных трибуналах судили за преступления и проступки, совершаемые гражданскими лицами, если они квалифицировались как анархисты. В Санкт-Петербурге считали, что правление необходимо поручить «сильной личности», и назначили командующим округом генерала Сандецкого, сторонника крутых мер. С первых же дней своего прибытия Деникин понял, что террор царит не только в гражданской сфере, но также и в военной.

Разместив мать и Аполлонию, полковник представился своему непосредственному начальнику, скромному, тихому человеку, боявшемуся впасть в немилость к Сандецкому.

— Добро пожаловать, Антон Иванович. Я полностью рассчитываю на вас. Принимайте решения, пишите рапорты; я

буду только расписываться. Я хоть немного отдохну. Своими бесконечными вопросами и требованиями Сандецкий меня совершенно задергал…

Деникин, когда получил первую почту из Казани, сразу понял, что имеет в виду его начальник. Командующий военным округом хотел знать точное число верст, пройденных каждым пехотинцем со времени последних маневров, количество хлеба, выпеченного в каждой полевой пекарне, требовал сведений о поведении офицеров как на службе, так и во внеслужебное время. Членам трибунала он отдавал самые жесткие приказы, требуя за многие проступки и преступления высшей меры наказания.

Некоторые считали Сандецкого идиотом, другие утверждали, что он сумасшедший. Первый раз Деникин его увидел в Саратове. Он ошеломленно смотрел, как Сандецкий топает ногами и оскорбляет своих подчиненных. Все опасались за себя, боясь, что их не будут продвигать по службе и, возможно, даже понизят в должности. Ведь Сандецкий продвигал по службе исключительно тех, кто ему льстил, остальных же преследовал. Возмущенный такой глупостью и тиранией, Деникин решил начать борьбу с командующим округом. Бороться он мог только с помощью печатного слова. Он начал писать статьи о злоупотреблениях и проявлениях самодурства, свидетелем которых оказывался каждую неделю. Никакой реакции не было вплоть до того дня, когда появилась «юмористическая история» под заглавием «Сверчок». Ночин-Деникин рассказывал здесь об инспектировании одной из рот командующим военным округом. Описываются всевозможные нелепые истории, но в конце концов все уже заканчивается хорошо или как будто хорошо, когда инспектируемый капитан получает следующий выговор: «В роте полный порядок и чистота, но в кухне пел сверчок». Автор истории заключает: «Получив этот выговор, бедный капитан сам запел сверчком. С этим его и увезли в больницу». Эта подлинная история (с той лишь разницей, что сумасшедшим был собственный начальник Деникина, командующий 57-й резервной бригадой) достигла Казани в отсутствие Сандецкого, отправившегося на воды. Начальник штаба, знавший, кто есть Ночин, отдал приказ, чтобы Деникин предстал перед военным советом. Вернувшись на место, командующий округом на какое-то время как будто проявил здравомыслие и прекратил преследования.

Поскольку кампания в прессе не достигла своей цели — смещения Сандецкого, группа офицеров решила обратиться непосредственно к военному министру. Подробный рапорт о действиях командующего округом вернулся назад «для одобрения

и уточнения» и лег на стол… Сандецкому. Единственным результатом этого демарша было преждевременное увольнение всех подписавших рапорт.

Деникин с отчаянием убедился в том, что все его усилия на местном уровне оказываются подобными подвигам Дон-Кихота. Но зато его радовали общевойсковые реформы, которые начали изменять лицо армии. Солдат стали учить читать и писать, все теперь получили право носить суконные шинели и иметь одеяла. Пехота теперь не подставляла себя, наступая плотными рядами, под огонь артиллерии, командирам вменялось в обязанность проходить занятия, «направленные к развитию военных познаний», проводились аттестации и проверки знаний старших начальников, оказывающиеся для многих непреодолимыми, в результате чего происходило омоложение кадров.

12 июля 1910 года полковник Деникин был назначен командиром 17-го пехотного Архангелогородского полка, расквартированного в Житомире, в 130 километрах от Киева и в 1500 километрах от Казани. Он с облегчением покидает Самару.

Архангелогородский полк был создан Петром I и собирался отмечать свое двухсотлетие. Его 3000 солдат и 100 офицеров слыли самыми дисциплинированными и хорошо обученными. Командующий Киевским округом, генерал Иванов, оказался полной противоположностью Сандецкому. Деникин почувствовал себя на своем месте. Он познакомился со всеми офицерами. В основном все они были русскими за исключением пяти-шести поляков, трех обрусевших немцев, одного армянина, одного черкеса и одного еврея-выкреста. Лицам иудейского вероисповедания не присуждались офицерские звания, однако военная карьера оказывалась открыта для тех, кто принял православие. Таким образом в русской армии оказалось какое-то число генералов еврейского происхождения.

Еще в первый приезд в Киев Деникин подружился с одним полковником из штаба Иванова. Этот офицер по фамилии Духонин будет последним главнокомандующим русской армией, организует побег Деникина из тюрьмы, куда его заключит Временное правительство, и будет казнен большевиками. В 1910 году он служил в звании полковника жандармерии. С тех пор как министром обороны стал Сухомлинов, в каждом штабе округа была учреждена должность начальника контрразведки, которую исполнял жандармский офицер. Ему официально поручалось выслеживать шпионов, работающих на иностранные державы, и в то же время тайно надзирать за каждым. Деникин, неотъемлемыми свойствами характера которого были честность и достоинство, с отвращением относился к этой работе, однако,

доверяя новому другу, поделился своими подозрениями о протеже Сухомлинова полковнике Мясоедове, деспотичном самодуре, располагающем «астрономическими» суммами и исполняющем свои функции с вызывающим неприязнь Деникина рвением. Будущее подтвердило его предчувствие: Мясоедов был обвинен в шпионаже в пользу Берлина и в 1915 году расстрелян.

Деникин испытывал удовлетворение от успехов своих стрелков, боевой подготовки полка. Обогащенный «японским» опытом, он решает еще более усовершенствовать эту подготовку. Он проводит занятия вне учебных программ, ускоренные марши, тренировки. Например, часть выходит к берегу глубокой реки, не имеющей брода. Деникин дает приказ форсировать реку.

— Но, Ваше высокоблагородие, мы же не провели никакой подготовки. У нас нет ни понтонов, ни лодок.

— Как раз так и происходит на войне. Я отдал приказ переправляться через реку. Выходите из положения сами.

Солдаты находят доски и веревки, кто-то приносит охапки соломы. Они переправляются через реку, кто вплавь, кто зацепившись за барабан, а кто используя в качестве спасательных кругов охапки соломы. Артиллеристы разбирают колеса повозок, кладут их друг на друга, перевозя по этим импровизированным понтонам пушки и пулеметы. Солдаты веселятся, как дети. Через четыре года, когда им придется на фронте действовать совместно с Железной дивизией, командовать которой будет генерал Деникин, они вспомнят эти учения и признают их пользу.

В конце августа 1911 года в окрестностях Киева должны были состояться крупные маневры, на которых собирался присутствовать царь. Город с нетерпением ожидал прибытия императорской семьи, которая должна была участвовать в торжествах по случаю открытия памятника Александру II. Программа была очень насыщенной: приемы, экскурсии, спектакли. Военные думали только о маневрах и о параде, который за ними последует. Полк Деникина «открывал» парад, который намечалось провести 2 сентября и после которого должен был состояться обед в Киевском дворце, куда приглашались все высшие офицеры округа.

И вот утро 2 сентября. Воинские части прибыли на сборный пункт. Общий энтузиазм заражает Деникина. И вдруг он узнает невероятную новость: накануне вечером в киевском оперном театре совершено покушение на главу правительства Столыпина. В глубине души Деникин восхищался премьер-министром; тем глубже было его потрясение.

Петр Аркадьевич Столыпин, ученый-естественник по образованию, начал свою карьеру как губернатор Саратовской

губернии, затем стал министром внутренних дел и в 1906 году — председателем Совета министров. Его реформы в области сельского хозяйства (закрепление за крестьянами в собственность участков земли, право выходить из крестьянской общины на хутора), решительные меры по ликвидации последствий революции, оздоровление выборных законов, по которым в две первые распущенные Думы выбирались лишь только такие депутаты, которые оказывались враждебными монарху, что делало страну неуправляемой, — все это в глазах Деникина превращало великого патриота и приверженца конституционной монархии и сильной России Столыпина в провиденциальную для судьбы страны фигуру. Против Столыпина выступали как правые, так и левые; одни называли его «реакционером», другие «революционером».

Что же произошло в киевском театре 1 сентября 1911 года? Там шла опера Римского-Корсакова «Царь Салтан» по сказке Пушкина. Николай II занимал ложу губернатора провинции, Столыпин — кресло в первом ряду. Во втором антракте, когда министр стоял лицом к залу, какой-то человек в вечернем костюме приблизился к нему, вынул из кармана револьвер… Одна пуля пробила правую руку Столыпина, другая попала в грудь. Видя, как по его белому френчу течет кровь, раненый прошептал: «Это конец…», — потом сказал громко: «Я счастлив умереть за царя».

О последующих событиях Николай II рассказывает в письме своей матери: «Ольга и Татьяна были рядом со мной; мы только что вышли из нашей ложи, где стало очень жарко, когда услышали два выстрела. Я побежал в ложу. Женщины кричали. Как раз передо мной стоял Столыпин. Он медленно повернул голову в мою сторону, поднял левую руку и перекрестил пространство перед собой. Только тогда я заметил, что он очень бледен и мундир его в крови. Он медленно опустился в кресло и начал расстегивать френч. Толпа хотела немедленно линчевать убийцу. Сожалею, что полиция вырвала его из рук разъяренной публики. Ты можешь представить наше состояние. Татьяна была совершенно потрясена, она все время плакала. Столыпин провел очень трудную ночь».

Убийцу (министр умер четыре дня спустя) звали Мордко Богров. Он оказался двадцатичетырехлетним сыном богатого еврейского продавца мебели, принадлежал к революционной организации, затем служил в охранке, которая в этот вечер поручила ему охранять Столыпина! Императрица выражала свое возмущение в письме: «Чудовищно и позорно; чего хорошего можно ожидать от полиции, назначающей информатором и

охранником первого министра столь мерзкую личность, как этот революционер. Это переходит все границы и свидетельствует только о безмерной тупости начальства».

Через 12 дней Богров будет повешен, на допросе он заявил что выбрал бы своей жертвой царя, если бы не боялся, что это вызовет волну погромов, направленных против его соплеменников. Погромов действительно удалось избежать только благодаря присутствию духа министра финансов Коковцова, который был назначен вместо Столыпина. Но в обществе поползли слухи о том, что заказчиком убийства была охранка, то есть люди из крайне правого окружения царя.

Деникин и его подчиненные узнали о покушении 2 сентября. Почта из Киева сообщала о безнадежном состоянии раненого. Казалось бы, парад следовало отменить. Не тут-то было, ведь на нем присутствовал сам царь! Когда он закончился, генералов и полковников пригласили во дворец, где состоялся обед. Единственная уступка, сделанная в память умирающего главы правительства, — на обеде не было музыки.

Уже несколько месяцев ходили слухи о том, что Столыпин в немилости у царя. Но недоверие царя не могло, в глазах Деникина, послужить оправданием того равнодушия, которое почти афишировал монарх. Раньше полковник объяснил бы это робостью царя, но теперь это его неприятно озадачивало и смущало. Атмосфера во время обеда была мрачной. Кофе подавали в парке. Николай II переходил от одних к другим, приблизился к Деникину, спросил его что-то о маневрах, обратился к его соседу… Офицеры напряженно слушали царя, тщетно пытались поймать какую-нибудь фразу, улыбку, хоть единственное слово, которое бы шло от сердца, но, как вспоминает Деникин, «не пробежало никакой живой искры».

6 сентября архиепископ, будущий митрополит Антоний, служил мессу по Столыпину. Возмущенный полковник вышел из церкви: архиепископ, воздавая должное покойному, обвинял его в том, что тот «проводил слишком левую политику и не оправдал доверие Государя». Он закончил такими словами: «Помолимся же, чтобы Господь простил ему его прегрешения».

Взволнованный всеми этими событиями, полковник, пользуясь предложенным ему отпуском, покидает Житомир и решает навестить своих друзей, оставшихся в Варшаве. Там он встречается с Василием Чижом, его сыном Дмитрием, узнает от них, что «маленькая Ася», блестяще закончив Александро-Мариинский институт, думает поступить на исторический факультет Санкт-Петербургского университета, но в настоящее время пока не может покинуть своего деда, овдовевшего

несколько месяцев назад. Почему бы ему не съездить в Седльц?

Антон видит, как в салон, уставленный желтой и черной мебелью, входит девушка, которая его сразу же очаровывает. Он не думал, что ребенок, свидетелем рождения которого ему довелось быть, может превратиться в двадцатилетнюю девушку. Темные волнистые волосы, живые искрящиеся глаза орехового цвета, капризные губы, приоткрывающие в улыбке перламутровые зубы, талия, изящество которой подчеркивал широкий пояс, красивые, с наманикюренными ногтями руки, взмывали в кружевах, как бабочки, когда она хотела обратить внимание на какие-то свои слова, хотела подчеркнуть что-то.

Она, казалось, не замечает смущения стоявшего перед ней «старого» полковника, друга ее родителей, рассказывает ему о своих успехах в учебе, на экзаменах. Затем кокетливо задает неожиданный вопрос:

— А что вы думаете о женщинах?

И так как озадаченный и сбитый с толку Антон медлил с ответом, она открывает маленькую записную книжку, куда, как объясняет, записывает понравившиеся ей изречения, и читает громко по-французски:

— Женщина — это дополнительные заботы, расходы, разлад и ссоры с друзьями. Что вы, такой большой любитель арифметики, скажете об этом моем определении?

Если бы он и понял эту французскую фразу, то, все равно, не смог бы ничего сказать по ее поводу, не смог бы ее никак прокомментировать.

Ася продолжала:

— А как вы понимаете, как представляете себе любовь? А я скажу вам, как я ее понимаю. Скажу по-французски и в стихах, которые сама сочинила:

Я люблю того, кто меня любит, — Вот мой девиз. Ведь безответная любовь — Это глупость.

На этот раз Антон все понял: слова были самые простые.

Ему внезапно пришло в голову, не идет ли Ася ему навстречу, не делает ли попыток к сближению. Он встал с дивана, стал ходить по комнате и наконец спросил:

— А как… вы реально представляете человека, которого полюбите?

— Я узнаю Его с первого же взгляда. Это будет сильный, большой, белокурый мужчина.

Большое зеркало на ножках отразило лицо полковника, лицо человека немолодого — ведь ему тридцать девять лет. Сильный ли он? Несомненно, сильный и коренастый, но можно ли рост 1 метр 69 сантиметров характеризовать прилагательным

«большой». Редеющие на висках волосы, густые брови, усы и борода клином были определенно черными. Нет, молодая девушка, слова которой он счел слишком смелыми, не его, конечно, имела в виду…

Когда Антон уезжал из Седльца, он еще не знал, что его сразила любовь. Он это осознал, когда понял, что уже не сможет отделаться от образа Аси-очаровательницы и Аси-равнодушной.

В Житомире настоятельные и неотложные дела отвлекли полковника от того, что мало-помалу станет для него навязчивой идеей. Верная служанка Аполлония плохо себя чувствовала, и Елисавета Деникина взяла на себя все заботы по дому, хозяйству и уходу за больной. Не могло больше идти и речи о том, чтобы приглашать друзей. А самое главное — ходили тревожные слухи, что скоро начнется война.

Глава IX
ВОЙНА

В 1917 году Деникин, работая в штабе главнокомандующего Алексеева в Могилеве, будет иметь доступ к секретным документам. Позднее, в 1946 году он дополнит эту информацию из архивов США. Это еще больше укрепит его в убеждении: ответственность за начало I мировой войны падает на Австро-Венгрию и на Германию.

В течение 1911–1912 годов разговоры в русской столице и провинции велись только об обострении дел на Балканском полуострове, то есть о борьбе славянских народов, угнетаемых турками и Австро-Венгрией. Офицеров очень беспокоило перевооружение Австрии и ее союзницы Германии. Рейхстаг проголосовал за исключительные ассигнования на вооружение, численность армии в мирное время увеличилась в 1913 году до 200.000 человек. В свою очередь начальник генерального штаба Австро-Венгрии Конрад фон Гетцендорф с 1908 года усиливал военные приготовления и направил в 1912 году шесть армейских корпусов к сербской границе и три — к русской границе.

В октябре 1912 года Болгария, объявившая в 1908 году свою независимость и присоединившаяся к Сербии и Черногории, выступила против Турции, которая еще оккупировала часть ее территории. Это первая балканская война кончилась турецким поражением, но болгары, недовольные договором, в июне 1913 года повернули против своих бывших союзников — сербов и черногорцев. Исход этой второй балканской войны, где болгары потерпели поражение, бросил их в лагерь Германии и Австрии, в то время как Сербия, усиленная после заключения Бухарестского мира, по которому ей отдавалась часть Македонии, стала думать теперь только о пятидесяти двух тысячах квадратных километрах в Боснии и Герцеговине населенных славянами и аннексированных Австрией в 1908 году.

Конечно, симпатии русских были на стороне славянских народов. Создавались комитеты поддержки, благотворительные общества организовывали сбор пожертвований, устраивались собрания, которые подчас выливались в настоящие анти-австрийские манифестации. Чтобы успокоить умы и избежать всего, что могло бы омрачить дипломатические отношения с Австро-Венгрией, русское правительство не нашло ничего лучшего, как запретить все разговоры, публикации, обсуждения балканского вопроса. Панславянские манифестации находились

под наблюдением полиции, а к национальным гимнам «братских стран» часто относились как к бунтарским песням. В штабы поступил приказ: запретить разговоры о пангерманизме, о событиях на Балканах. Это было уже слишком, Деникина это возмущало. Поскольку соседи, как ему казалось, открыто готовили войну, зачем было так демобилизовывать российское общественное мнение? Цензура, обычно очень суровая, пропустила его статью в «Разведчике».

«Русская дипломатия в секретных лабораториях, с наглухо закрытыми от взоров русского общества ставнями, варит политическое месиво, которое будет расхлебывать армия… Армия имеет основание с некоторым недоверием относиться к тому ведомству, которое систематически на протяжении веков ставило стратегию в невыносимые условия и обесценивало затем результаты побед… Не надо шовинизма, не надо бряцания оружием. Но необходимо твердое и ясное понимание обществом направления русской государственной политики и подъема духа в народе и армии. Духа не угашайте!»

В июне 1913 года Вена, желая воспользоваться ситуацией, складывающейся после балканских войн, решает начать войну с Сербией и уведомляет об этом Берлин. Ответ министра иностранных дел Германии свидетельствует о том, что Германия не рекомендует этого делать.

«Попытка лишения Сербии ее завоеваний, — сообщало германское министерство иностранных дел австрийскому послу Сечени, — означала бы европейскую войну. И потому Австро-Венгрия, из-за волнующего ее неосновательно кошмара великой Сербии, не должна играть судьбами Германии».

Вена в течение нескольких месяцев продолжает грызть удила, но в то время, как дипломаты лавируют и увиливают от ответов, военные высказываются решительнее и откровеннее. В конце мая 1914 года (за месяц до инцидента в Сараево) два руководителя генеральных штабов, Мольтке и Конрад, проводят совещание в Карлсбаде. В протоколе одного из заседаний есть следующая фраза: «Всякое промедление ослабляет шансы союзников (Германии и Австрии) на успех».

Мольтке уточняет: «Мы надеемся покончить с Францией в течение шести недель после открытия военных действий или, во всяком случае, преуспеть за это время настолько, чтобы перебросить большую часть наших сил на Восток».

28 июня австрийский канцлер Берхтольд уведомляет премьер-министра Венгрии о «своем намерении воспользоваться преступлением в Сараево для того, чтобы свести счеты с Сербией». В тот же день император Франц-Иосиф посылает

Вильгельму II меморандум и письмо, в котором объявляет: «Нужно, чтобы Сербия, которая является ныне главным двигателем панславянской политики, была уничтожена как политический фактор на Балканах».

5 июля Вильгельм II дал ответ австрийскому послу — графу Сечени: «Если бы дело дошло даже до войны Австро-Венгрии с Россией, вы можете быть уверены, что Германия с обычной союзнической верностью станет на вашу сторону… Если в Австрии признается необходимость военных действий, было бы жалко упустить столь благоприятный случай».

11 июля Вена послала на апробацию в Берлин проект ультиматума Сербии. Берлин дал свое согласие.

Поскольку президент Франции в это время находился с визитом в России, Австрия решила отложить на время свой ультиматум Сербии, что вызвало раздражение Германии. Посол Франца-Иосифа телеграфирует своему правительству из Берлина: «Министр иностранных дел крайне сожалеет об этой отсрочке и опасается, что сочувственное отношение и интерес к этому шагу в Германии могут ослабеть».

23 июля ультиматум был наконец отправлен в Белград. Его содержание и форма возмутили почти все страны, которые с ним ознакомились. Однако Сербия высказала готовность подчиниться большинству требований и выдвинула робкие встречные предложения, отказавшись только согласиться с оккупацией Белграда. Крайняя осторожность и умеренность Сербии побудила Вильгельма II написать на полях полученного доклада: «Большой моральный успех Вены. Но он исключает всякий повод к войне».

Австрия отвергает встречные сербские предложения.

Англия при посредничестве Франции и Италии предлагает Берлину и Вене уладить конфликт, созвав конференцию великих держав. Следует отказ. Из Берлина посол Австрии телеграфирует в Вену: «Нам советуют выступить немедленно, чтобы поставить мир перед совершившимся фактом».

Сербский царевич Александр (царь Петр в это время был серьезно болен) обращается к Николаю II, прося помощи. Царь ему отвечает: «…Пока остается хоть малейшая надежда на избежание кровопролития, все мои усилия будут направлены к этой цели. Если же… мы ее не достигнем, Ваше Высочество, можете быть уверены, что Россия ни в коем случае не останется равнодушной к участи Сербии».

25 июля Николай II подписывает приказ о предварительной мобилизации, обязывающий все части и всех резервистов возвратиться из лагерей на постоянные квартиры, а всех ответственных лиц — проверить и привести в порядок склады и

базы. Рассматривается необходимость частичной мобилизации (с участием только четырех военных округов: Казанского, Киевского, Московского, Одесского).

27 июля Англия снова предлагает созвать конференцию и просит Германию ходатайствовать об этом перед Веной. Германский канцлер Бетман-Гольвег телеграфирует своему австрийскому коллеге, сообщает ему об английском предложении и добавляет: «Отказываясь от всякого мирного предложения, мы станем в глазах внешнего мира виновниками войны. Это сделает невозможным наше положение и внутри страны, где мы должны считаться противниками войны».

Эту составленную в очень официальном тоне депешу дополняет телеграмма посла Австрии, где уточняется: «Германское правительство категорически утверждает о своем несогласии с этим предложением и напоминает о нем только с целью информации».

28 июля Австро-Венгрия объявляет войну Сербии.

29 июля Николай II подписывает приказ о всеобщей мобилизации. Не зная еще об этом факте, граф Пурталес, посол Германии в Санкт-Петербурге, передает министру иностранных дел Сазонову ноту, в которой говорится, что продолжение военных мероприятий со стороны России вынудит Германию предпринять мобилизацию и что в этом случае вряд ли удастся избежать большой общеевропейской войны. Сазонов извещает об этом царя, и тот в 9 часов вечера отменяет приказ об общей мобилизации, заменив его приказом о частичной мобилизации четырех вышеуказанных военных округов.

В тот же день Лондон предупредил Берлин, что, если Германия и Франция будут втянуты в войну, Англия не останется нейтральной. На этот раз немцы заволновались.

В ночь с 30 на 31 июля Бетман-Гольвег посылает в Вену не менее шести телеграмм, содержание которых было противоречиво, но во всех была одна и та же фраза: «Если Вена откажется от всех предложений мирного урегулирования, то будет трудно обвинить в развязывании войны одну только Россию».

Николай II предлагает кузену Вильгельму II созвать конференцию в Гааге и умоляет его подумать. Кузен не поддерживает этого предложения, намекает в своем ответе на «тяжелые последствия мобилизации в России» и заключает: «Теперь вся тяжесть решения ложится на твои плечи, и ты несешь ответственность за войну или мир».

30 июля министр Сазонов по своей собственной инициативе, не уведомив об этом царя, делает немецкому послу следующее

предложение: «Если Австрия, признав, что австро-сербский конфликт приобретает общеевропейский характер, согласится исключить из своего ультиматума пункты, посягающие на суверенные права Сербии, то Россия обязуется прекратить военные приготовления».

Министр и посол впоследствии уточнят, что они воспринимали свои переговоры следующим образом: Россия в обмен на отказ от мобилизации не требует ни немедленного прекращения австро-сербских военных действий, ни даже отвода австрийских войск от своих собственных границ. Сазонов объявил своему собеседнику, что он дошел, если только даже не перешел, до пределов всякого возможного компромисса и что ни одно из правительств не смогло бы сделать больше. Через несколько часов из Германии последовал ответ о прекращении переговоров.

31 июля Николай II подписал приказ о всеобщей мобилизации.

Одновременно с монархами, министрами и дипломатами посланиями обменивались и военные. 30 июля Мольтке телеграфировал из Берлина в Вену Конраду: «Каждая минута промедления усиливает опасность и дает преимущество России… Отвергните мирные предложения Великобритании. Европейская война — последний шанс спасти Австро-Венгрию. Немедленно в ответ на действия России объявите мобилизацию. Германия приступает к мобилизации».

В протоколе чрезвычайного заседания австрийского правительства от 31 июля мы читаем: «Его Величество… заявил, что остановка военных действий против Сербии невозможна… Его Величество одобрил предложение — старательно избегать принятия английского предложения, но формой ответа засвидетельствовать наши примирительные настроения».

В тот же вечер Франц-Иосиф подписал приказ о всеобщей мобилизации. К русской границе подтягиваются новые войска.

1 августа Германия объявляет войну России, а 3 августа — Франции. 4 августа германские войска вторгаются в Бельгию. Лондон информирует Берлин, что Великобритания примет все меры для защиты нейтралитета Бельгии.

Австро-Венгрия объявляет войну России только 6 августа.

В августе 1914 года Деникин покидает Житомир. В Киеве еще 23 марта издан приказ о его назначении исполняющим обязанности генерала для поручений, и 21 июня он произведен в генерал-майоры. Поскольку начальник штаба Киевского военного округа генерал Драгомиров находился в отпуске и не мог прибыть на место, вся ответственность за принятие решений легла на Деникина. От этих дней у него осталось ощущение полного

кошмара, когда из Санкт-Петербурга, как из рога, сыпались противоречащие друг другу приказы и распоряжения, когда абсурд и бездарность могли быть остановлены только в результате какого-нибудь решительного действия.

На основе Киевского военного округа формировались две армии, 3-я и 8-я, которые вместе с 4-й и 5-й образовывали Юго-Западный фронт, противостоящий Австрии. Северо-Западный фронт, направленный против Пруссии, состоял в основном из 1-й и 2-й армий, которыми командовали, соответственно, Ренненкампф и Самсонов.

Между Россией и Парижем существовало соглашение, по которому в случае нападения Германии на Францию русский Северо-Западный фронт переходит к действиям на четырнадцатый день после мобилизации, а Юго-Западный фронт — через девятнадцать дней. Из-за растянутости территории России и недостаточно развитой сети железнодорожных сообщений мобилизация могла быть эффективно проведена только на тридцатый день. Таким образом, Ренненкампф перешел границу Пруссии в назначенный день, имея не полностью укомплектованные войска и совершенно недостаточные запасы боеприпасов и продовольствия. Ренненкампф одержал блестящую победу 20 августа над Притвицем при Гумбинене, но 29 августа заменивший Притвица Гинденбург нанес Самсонову страшное поражение, после чего русский генерал покончил жизнь самоубийством.

Ренненкампф впоследствии по причине своей отдаленной германской генеалогии будет обвинен в предательстве. Весной 1915 года его отзовут с фронта, подвергнут допросу, но затем оправдают. Однако клеветнические домыслы будут сопровождать его до 1917 года, когда он погибнет, растерзанный солдатами-дезертирами.

Жертвы, принесенные русскими солдатами и офицерами Северо-Западного фронта, спасли Францию, так как после сражения при Гумбинене немцы были вынуждены снять с Западного фронта два армейских корпуса и один кавалерийский дивизион, чтобы направить их на Восточный фронт. Сам маршал Фош признавал: «Если Франция в 1914 году не была стерта с карты Европы, то благодарить за это она должна только Россию».

В то время как 1-я и 2-я русские армии отступали к Неману, армии Юго-Западного фронта шли от победы к победе, они занимают Галицию, переходят Карпаты и готовятся к походу на Будапешт.

Деникин был назначен генерал-квартирмейстером 8-й армии, которой командовал Брусилов и которая шла на Львов. Брусилов

занял столицу австрийской Галиции 2 сентября.

Административная и канцелярская работа не могла удовлетворить Антона, и, когда он узнает, что командир 4-й стрелковой бригады получает новое назначение, он немедленно подает рапорт о переводе на эту должность, и 3 сентября 1914 года на его просьбу приходит удовлетворительный ответ.

Эта бригада особо отличилась во время русско-турецкой войны, заслужила название «Железная бригада» и старалась сохранить эту славу. Подобная репутация была причиной того, что Брусилов бросал ее в самые горячие точки сражений. Стрелки шутили: «Нас зовут на помощь, как пожарную команду». Приняв командование бригадой, Деникин получил приказ идти форсированным маршем вдоль Днестра, чтобы выровнять левое крыло войсковых соединений, находящихся в соприкосновении с тремя армиями австрийского генерала Конрада. Едва прибыв, он узнает, что противник окружает 8-ю армию. «На помощь, пожарные!» Железная бригада сразу вступает в бой. С девятого по двенадцатое сентября он сдерживает противника, ему удается его остановить. 12 сентября Деникин пишет карандашом несколько строк своей матери, оставшейся в Киеве:

«Дорогая мама. До сих пор не получил за все время войны ни одной строчки […] С места же выдержали тяжелый поход и бригада (Железная) приняла участие, весьма важное, в четырехдневном тяжелом бою на реке Щереки, южнее Львова. Австрийцы, в полтора раза превосходящие силою мой отряд, разбиты и сейчас, когда я пишу эти строки, в беспорядке отступают.

Вот когда я поистине удовлетворен и своим положением, и, позвольте мне похвастаться, собой.

Николай (денщик) с обозом сидит в 8-ми верстах за местом нашего расположения; три дня его не вижу и сплю 3–4 часа на позиции.

Теперь пойдет все еще лучше. Пользуюсь оказией и посылаю это письмо до русской станции через возвращающегося в Россию вольноопределяющегося.

Целую. Обнимаю. Пишите по адресу:

Командующему 4-й стрелковой бригадой

генералу Деникину.

Всем нашим приятелям поклон.

Антон».

Несколько дней спустя он находит время несколько уточнить положение дел на фронте: «Нам доверяют, на нас надеются, и не раз бригада искупала своей инициативой чужие промахи и ошибки. Был случай, когда я два раза получал приказание отойти

на покой, в резерв, но приказания того по долгу совести не исполнил и, атаковав противника, четыре дня вел бой, защищая тем самым единственную дорогу для подвоза двум соседним дивизиям хлеба и патронов, без которых им в горах было бы совсем скверно.

Противник потерял 226.000 человек, мы взяли в плен 100.000 человек, и нам досталось 400 пушек».

Чтобы не огорчать мать, сын умалчивает о потерях русской армии: 230.000 убитых, раненых и взятых в плен и 94 пушки.

4 октября австрийцы предприняли контратаку. Русские едва удержались на своих позициях. Железная бригада ждала решающего боя и от нетерпения «грызла удила». Траншеи противника находились на расстоянии только пятисот метров. Деникину, который наблюдал за ними в бинокль, показалось, что там происходит какое-то движение. Он скомандовал:

— В атаку!

Предварительная артиллерийская стрельба только бы выдала его намерения, поэтому стрелки рванулись вперед в тишине. Растерянность противника была такой, что началась паника. Солдаты бежали к городку, где находился штаб. Этот городок носил живописное название: Горный Лужек. Русские заняли его, преследуя австрийцев буквально по пятам. Первые пленные указали на здание, где размещалось командование во главе с эрцгерцогом Иосифом. Деникин не нашел там никого. На столе стоял кофе в фарфоровых чашках, украшенных вензелем эрцгерцога. Австрийский кофе еще был теплым, и русские с удовольствием его отведали.

В 1924 году мы были в Будапеште. У меня болело горло, и обеспокоенные этим родители вызвали доктора. Мне вспоминается его карманный электрический фонарь и немного слишком резкое касание спинкой ложки задней части языка напротив зубов.

Яне жаловалась на здоровье, следующий раз заболела ангиной только 12 лет спустя. Мы жили тогда (без телефона) на Севрском холме. Моя мать отправилась за доктором. Вспоминая Будапешт, я сказала отцу:

— Я надеюсь, что этот доктор не причинит мне боли и не бросится тебе на шею.

Вскоре я получила объяснение этого инцидента: доктор из Будапешта служил врачом в штабе эрцгерцога Иосифа. Расположившись в городке Горный Лужек, он собирался пить кофе, когда русские начали атаку. Ему удалось вовремя бежать. Он был рад встретить в Будапеште того генерала, которого чуть не «встретил» в городке Горный Лужек. Мама сделала черный

кофе, и два бывших врага выпили за встречу, вспомнив прошлое.

1 октября 1914 года Деникин пишет своей матери: «Дела бригады получили известность. Из штаба получил телеграмму: «Командующий армией (Брусилов) благодарит генерала Деникина за молодецкие действия». За обход моей бригадой у деревни Лужка Верховный главнокомандующий (Великий князь Николай Николаевич) в телеграмме своей выражался так: «Обрадован молодецким делом у Лужка». Я раньше не писал Вам, но теперь уже можно немножко похвастаться: еще за августовское сражение представлен к ордену св. Георгия 4-й степени. Уверен, что скоро, очень скоро, подымем голову выше и вычеркнем надолго из памяти неприятный осадок маньчжурской кампании.

Пишите чаще и побольше, дорогая моя старушечка. И берегите себя. Крепко целую».

Следующее письмо датировано «28 ноября. Венгрия».

20 ноября Брусилов решил идти на Будапешт. 23 ноября двум дивизиям, сорок восьмой и сорок девятой, удалось выбить австрийцев со склонов и ущелий Карпат и выйти к венгерской равнине. Восьмой корпус и Железная бригада должны были взять город Лупков, затем пересечь горную цепь через перевал, который носил то же имя.

Начальник штаба Деникина заболел, его эвакуировали, ожидали заместителя. Он наконец появился, представился — худой молодой человек назвал свое имя и звание: полковник Сергей Леонидович Марков. Генерал слышал о Маркове, преподавателе русской истории в военных школах и специалисте по Петру Великому. Он разъярился, что ему послали «преподавателя», тогда как ему нужен был «солдат». Более того! Этот желторотый (ему было только 35 лет) оказался неспособным сесть на лошадь, ему мешал какой-то вскочивший на неудобном месте фурункул. Так как кипел бой, Деникин отложил на вечер составление текста телеграммы, где требовал отозвать вновь посланного. Два часа спустя от холма, где располагался его наблюдательный пункт, Деникин увидел, как по направлению к нему трясется старая телега; едущий на ней, казалось, не обращал внимания на стрельбу, для которой представлял столь удобную цель. Он прибыл здоров и невредим, это бы Марков.

— Извините за транспорт, Ваше превосходительство. Я не нашел ничего другого, а мне надо было очень поспешить.

Генерал не стал посылать телеграмму. До самой своей смерти во время гражданской войны Марков останется самым верным другом Деникина.

После двух дней сражения город Лупков наконец заняли, но на перевал не вело никакой дороги. Расположенные высоко в

горах деревушки и небольшие городки соединялись тропинками, которые, как только выпадал снег, становились непроходимыми для артиллерии и лошадей: сапоги солдат и подковы лошадей скользили по оледеневшему склону. Было 15 градусов ниже нуля. Подъем в колоннах на виду у противника, закрепившегося в деревнях на склоне, был бы настоящим самоубийством. К черту тропинки и деревни! — решает Деникин. — Мы полезем направо, минуем ущелье, затем спустимся, отрезав противнику дорогу к отступлению, и ему останется только сдаться. Но как быть с артиллерией и лошадьми? Пусть они остаются в Лупкове, их будет охранять один батальон, австрийцы подумают, что в городе вся бригада.

Распрягли лошадей, нагрузили их мешками с продовольствием и патронами, повели с собой под уздцы. 4000 стрелков перешли Карпаты и соединились со своими товарищами, которые, опередив их, вошли в Венгрию.

Дорога на Будапешт, казалось, была открыта, но противник предпринял контратаку. Все приготовились к сражению, однако Брусилов отдал приказ об отступлении. Все неохотно отошли к перевалу. 10 декабря командующий 8-й армией, преодолев наконец непонятные пораженческие настроения, остановил отступление и начал готовиться к предстоящим сражениям. Железная бригада расположилась вблизи Лутовиско. Австрийцы преследовали отступающие с боями русские войска по пятам. Мертвые не могли падать, оставаясь больше чем по колено в снегу; замерзшие, скрюченные руки невозможно было оторвать от оружия.

10 мая командование вновь заговорило о наступлении на Будапешт, но потом отказалось от него, так как не хватало боеприпасов и продовольствия.

В то время как путем чрезвычайных усилий промышленность западных стран справлялась с этой задачей, военный министр Сухомлинов по некомпетентности пытался сократить военное производство. Только лишь к весне 1916 года оно начало удовлетворять нуждам фронта.

В начале апреля 1915 года начальник Деникина объявил, что собирается доверить ему командование дивизией. Генерал отказался от продвижения по службе:

— Оставьте мне Железную бригаду. Я чувствую себя гораздо более способным побеждать с ней, чем проявлять героизм с любой дивизией.

Его желание удовлетворили, но по службе все-таки продвинули, так как в начале мая его бригада была переименована в Железную дивизию. Деникин писал своей

матери: «Нас развернули в дивизию, и я, не разлучаясь с родными мне полками, волей судьбы получил неожиданное повышение: назначен командующим 4-й стрелковой дивизией.

Вообще счастье улыбается мне. За январские бои под Лутовиско представлен к ордену св. Георгия 3-й степени (ожидается на днях Высочайший приказ). Это самая высокая боевая награда, которую может получить генерал, не командующий армией. Мои скромные заслуги награждены чрезмерно, и я, несомненно, приложу все усилия, чтобы оправдать доверие, которое мне оказывают.

Одна только забота — одно горе, это Ваше беспомощное положение, дорогая моя старушка…»

Уже две или три недели Елисавета Деникина страдает гнойным плевритом и прикована к постели. Так как верная Аполлония скончалась в Житомире, то за «дорогой старушкой», как ее нежно называл сын, ухаживала только прислуга, которой помогали сочувствующие соседки. К беспокойству за мать с 24 мая добавилось разочарование в том, какой поворот приобретали события на фронте. Немецкий генерал Макензен, придя на помощь своим австрийским союзникам, атаковал русскую 8-я армию, взял Перемышль, находящийся в 100 километрах от Львова, и закрепился на правом берегу Саны. Конечно, Железная дивизия сейчас же направилась туда. Не хватало снарядов, немецкая артиллерия производила опустошения в рядах русских. 22 июня русские оставили Львов, отступили за Буг. Не лучше дела складывались и на Северо-Восточном фронте.

5 сентября царь, изводимый своей женой, всецело подчиняющейся Распутину, сместил своего кузена, великого князя Николая, отправив его на Кавказский фронт, и объявил себя главнокомандующим. Беспокойство, которое вызывала в военных кругах очевидная некомпетентность государя в военных вопросах, улеглось, когда стало известно, что начальником штаба он назначил генерала Алексеева.

В середине сентября Брусилов отдал приказ 8-й армии переходить в контрнаступление. Железная дивизия пошла на Луцк, но так как не хватало снарядов, то взять город не удалось. На подмогу прибыли войска генерала Зайончковского, подчиненным которому оказался Деникин. Он поручил Деникину расчистить ему дорогу с помощью «тактической ночной артиллерийской подготовки». Скрепя сердце, зная, что этим он раскроет противнику свои позиции, Деникин израсходовал свои последние снаряды. На рассвете разведка донесла ему: «Мы окружены». Оставалось одно: взять Луцк.

В «Воспоминаниях» Брусилова, вышедших в свет в советской

России, где он остался после гражданской войны, командующий 8-й армией рассказывает: «Деникин, не отговариваясь никакими трудностями, бросился на Луцк одним махом, взял его, во время боя въехал сам на автомобиле в город и оттуда прислал мне телеграмму, что 4-я стрелковая дивизия взяла Луцк».

Вслед засим Зайончковский донес о взятии им Луцка. Но на его телеграмму Брусилов сделал шутливую приметку: «… и взял там в плен генерала Деникина».

Через несколько недель русские войска оставят Луцк, и с середины ноября для 8-й армии начнется позиционная война.

Для Антанты, куда с начала войны кроме России, Франции и Великобритании входили также Япония (с августа 1914 года) и Италия (с 23 мая 1915 года), 1915 год не был счастливым. Конечно, франко-британские войска заставили немцев отступить при Артуа, а турки, присоединившиеся к Германии 3 ноября 1914 года, были основательно потрепаны русской армией на границах с Кавказом. Но проводимая под руководством Черчилля Галлиполийская операция окончилась катастрофой, под Багдадом турки разбили англичан, а франко-британским войскам, усиленным четырьмя русскими бригадами, высадившимся в Салониках как только Болгария приняла сторону Германии, не удалось справиться с противостоящими им немецкой армией и двумя болгарскими. Итальянцы не добились никаких успехов. Что касается одиннадцати сербских дивизий, они растаяли в сражениях с двадцатью девятью дивизиями Германии, Австрии и Болгарии. Пятьдесят пять тысяч уцелевших солдат и офицеров отправили, как и королевскую семью, на остров Корфу. Россия потеряла убитыми около миллиона человек. Офицерский корпус понес тяжелые потери, моральный дух армии был очень низким.

Деникин писал своей матери: «Газетные телеграммы мало вносят успокоения в Вашу жизнь — и нам не очень легко. Но невзирая на все наши невзгоды, на все временные неудачи — неотвратим и неизбежен, как судьба, один конец: полный разгром Германии.

Дивизия моя, хотя и переменившая несколько раз свой состав, все еще держится на высоте, созданной ее кровью и ее подвигами. Растаем в грозном бою и вновь возродимся…

Условия нашей домашней жизни вполне благоприятны (режим, жилье, питание), и здоровье мое едва ли не лучше, чем до войны. Только седина — результат всех наших волнений и переживаний — окончательно покрывает мою голову. Но это не беда.

Достаточно ли Вам содержания при теперешней дороговизне? Крепитесь, дорогая моя, не падайте духом и ждите спокойно

конца наших злоключений.

От Вас около трех недель не имею ни строчки. Прошу Вас сейчас же телеграфировать, как только получите это письмо. Обнимаю».

Глава X
ВОЙНА И… ЛЮБОВЬ

Елисавета Деникина писала сыну очень редко. В письмах она рассказывала только о домашних делах, рождениях и смертях соседей и знакомых да беспокоилась о здоровье Антона. Однажды она все же сообщила ему новости об их старой знакомой Асе Чиж.

Антон ничего не знал о судьбе Аси с того самого дня, когда в желто-черном салоне с Седльце она призналась ему, что ждет любовь в образе большого и белокурого молодого человека. Эта мечта нашла свое воплощение. Она встретила Мишу Масловского, корнета 13-го нарвского гусарского полка. Масловский был крупным мужчиной с непокорными белокурыми волосами, небольшими усами, иронической улыбкой и неотразимым взглядом глаз небесной синевы. В течение нескольких месяцев молодые люди пережили время страстной любви и рассчитывали официально зарегистрировать брак, когда их разлучила война. Однажды в октябре 1914 года некто Николай Байков передал Асе последнее из ее посланных Мише писем: его нашли в кармане убитого Масловского.

Ася бросила исторический факультет в Петербурге (город в то время переименовали в Петроград), переезжала от тетки к дедушке и от дедушки к матери, переживая свое горе. Потом слез больше не стало, и она вспомнила о старом друге семьи, который «выводил» ее на прогулки, когда она училась в Варшаве, о полковнике, который, как она видела, был так смущен и тронут ее красотой, когда приехал к ней в Седльц. Она читала о нем в газетах, знала, что Антон Иванович теперь командует дивизией. Захочется ли ему, такому известному и знаменитому, получить весточку от той «маленькой Аси», которую он знает уже 20 лет? Но с чего начать? Ее мать, теперь мадам Иванова, собиралась в Киев и намеревалась нанести визит Елисавете Деникиной. Ася поехала с ней. Мать Антона, оправившаяся от болезни, очень рада была поговорить о своем сыне.

Все произошло, как она рассчитала. Ася рискнула пойти на маленькую ложь: «Я несколько раз писала Антону Ивановичу, но не получила ответа». Мать удивилась, обещала сделать сыну выговор за такую небрежность. Она сдержала слово, и получилось так, что генерал первым взял перо и написал письмо, адресованное Ксении Васильевне Чиж:

15 (28) октября 1915.

«Милая Ася!

Быть может, так нельзя обращаться? Но я иначе не умею. Мать писала мне, что я не отвечаю на Ваши письма… Если это было, я их не получал. И грущу. Потому что образ милой Аси жив в моей памяти, судьба ее меня живо интересует и я от души желаю ей счастья.

Жизнь моя так полна впечатлениями, что их хватит на всю жизнь. Горишь, как в огне, без отдыха, без минуты покоя, испытывая острые ощущения боли, скорби, радости и внутреннего удовлетворения.

Славная дивизия, которой — судьба улыбнулась — я командую 14 месяцев, создала себе исключительное положение: неся огромные потери, исколесив всю Галицию, побывав за Карпатами — везде желанная — то растаявшая, то вновь возрожденная пополнениями, исполняет свой долг с высоким самопожертвованием. Достаточно сказать, что в двух операциях, в сентябре и первой половине октября, взято ею до 12.000 пленных, 4 орудия, до 50 пулеметов и проч.

Здоровье лучше, чем в мирное время. Самочувствие — отличное. Но нервы истрепаны. И не раз в редкие минуты затишья мечтаешь о тех благотворных днях, когда кончится война (победой, конечно, — не раньше) и получишь нравственное право на… отдых. Отдых полный, ничем не омраченный: мир, покой — как хорошо. Счастье? Его почти не было. И будет ли? Но на покой я, кажется, имею право…

А до тех пор, до славного исхода кампании — полное напряжение сил, воли, мысли.

Асенька, милая, Ваше здоровье меня печалит, Ваша жизнь, насколько могу судить, не вошла еще в колею. Почему?

Напишите несколько строк. Буду рад искренне. Жду…»

10 (23) ноября 1915 года.

«Вспомнил…» — это неверно. Не забывал.

Но… сантименты не идут старому генералу, который по рангу должен представлять нечто важное, бородатое и хриплое…

Вы шутите в письмах своих, Асенька, а я за шутками вижу хмурое личико и мятущуюся душу. И вместе с Вами искренне желаю, чтобы неведомое мне на Вас свалившееся горе прошло мимо, чтобы там, действительно, оказалось «что-нибудь не так».

Распутица на время приостановила наши действия. Живем среди сплошных болот, среди обугленных развалин в скучном пустынном месте. Вместо кровавых боев — нудная позиционная война с ее атрибутами: заплывшие водой окопы и сырые холодные землянки. Непосредственно чувствуя пульс жизни, мы видим, что в рядах противника нет той нравственной силы, с которой он начал кампанию. В отбираемых у пленных дневниках

— апатия, усталость, желание конца. Он не близок, он далек еще, но ясно чувствуется фатальная неизбежность поражения австро-германцев. И настанет новая светлая эра, если только кормчие сумеют уберечь страну нашу от внутренних потрясений.

В чем счастье человека? На 42-м году жизни не отдаешь себе совершенно ясное и отчетливое об этом понятие. Не помню. Но вижу, что Вам оно не слишком ярко улыбается… Грустно.

Пишите, Ася, милая: я прочел Ваши строчки и опять, как тогда, в маньчжурской тайге, повеяло теплом».

16 (29) декабря 1915.

«Вот уже месяца четыре не имею своего угла. В одной комнате три-четыре человека. Конечно, памятуя о привилегиях начальнических, меня бы устроили лучше, но зато в ущерб другим.

Пишу ужасно нескладно, потому что три пары глаз смотрят под руку и три головы не без ехидства думают: что это генерал, письма которого отличаются телеграфической краткостью, пишет уже 4-ю страницу?

Не могу пока послать своей карточки: фотографии нет, а кустарные снимки, отосланные в Киев, утеряны во время паники.

Над нашими болотами густой непроницаемый туман. Сыро и скучно. Согревает только лишь извне, издалека… Жду… Сердечный привет.

Асенька, что тот — «сильный и любящий» пришел уже? Еще нет?»

26 декабря 1915 (8 января 1916).

«Спасибо, Асенька, милая моя, что, не считаясь с моим «молчанием», написали письмо, не такое, правда, как раньше… Но это неважно. Писал 4 декабря по старому адресу и 16-го по новому. Обидно, если не получили — телеграфировал даже. Упрек незаслуженный, маленькая и неинтересная женщина…

Кругом море воды, грязи, ноль градусов. Окопы плавают. Это затрудняет серьезные действия и наши, и противника. Поэтому на нашем фронте опять затишье.

В армии дерутся просто и с ясным сознанием необходимости и цели. Но в тылу армии, в особенности в Вашем Петрограде, — неблагополучно. То, что помимо воли приходится слышать со всех сторон, удручает.

Дай Бог разума нашим кормчим!

На столе — рождественская елка, настоящая елка, с украшениями, со свечами. В штабе атмосфера товарищеская. Шумно и уютно. И немножко грустно. Встают воспоминания… скользят. А мысль рвет преграды времени и пространства и несет навстречу…

Про карточку писал трижды, но мне хочется повторить еще раз: какая прелесть!

Будьте счастливы!

Жду письма».

16 (29) января 1916.

«Я не знаю, но вижу, но чувствую, что Вы больны серьезнее, чем Вам это кажется. Самолюбие, только самолюбие? А нельзя немножко, хоть на некоторое время, поступиться им? Только на время? Чтобы быть здоровой. Чтобы потом было довольно сил радоваться жизни.

Глупо, конечно, посылать Вам такую большую образину, но, право, другой нет. Эта из альбома штаба армии. Сходство полное, но фотограф прикрасил, прибавил волос на моей лысой голове, сгладил морщины. Суди его за это Бог, а я не буду.

Штабная молодежь ожила и шумит еще больше: разрешены отпуска. Пока нет боев, пусть… Пусть живут и радуются, пока молоды.

В феврале, вероятно, и мне можно будет уехать. Не знаю… Будьте счастливы. Жду.»

6 (19) февраля 1916.

«10 (января) заболела тяжело моя мама воспалением легких. 24 удалось вырваться в отпуск. До 5-го просидел возле нее. Устал нравственно и физически. Исход — неопределенный. Иногда — надежда, иногда — нет. Впереди ждет пустота и подлинное одиночество — у меня ведь никого нет кроме нее».

12 (25) февраля 1916.

«Был второй кризис, почти агония: пульс 36, температура ниже 36, длилось так дня четыре. И пошло на улучшение. Возраст почтенный, 73 года, но доктор все же обещается недели через четыре поставить старушку на ноги. Чувствую себя разбитым. Еду в великолепную санаторию — свою дивизию».

27 февраля (11 марта) 1916.

«Ждал долго. Сегодня получил письмо от 15. Не такое ласковое, как раньше. И потом не все понял. Иногда кажется, что понимаешь, иногда сомневаешься. Но всегда жду с нетерпением и ищу в нем ответа на вопросы незаданные и думы невысказанные.

Плохо, Асенька, моей матери. Сердце поддерживают камфарой. Хотят сделать прокол в легкое, быть может операцию. Я соглашаюсь на все. Но кажется мне, что врачи делают это лишь для очистки совести — напрасно только мучат бедную старушку. Положение все время тяжелое. Жизнь угасает. Нити рвутся.

Дивизия вновь заняла фронт. Прибавилось дела. Асенька, родная, опять больна? Отчего я ничем, ну вот ровно ничем не могу помочь? Научите меня.

«Будьте счастливы, и я порадуюсь Вашему счастью». Вы спрашивается — «это вполне искренне?»

Нет, не вполне.

Теперь ответьте мне: неужели счастье, которое «прошло мимо» Вас, невозвратимо и незаменимо?» 4(17) марта 1916.

«Состояние матери? Опять дают надежду. Так и живу между надеждой и унынием. И не в одном только этом вопросе…

2 марта ранен навылет легко в левую руку осколком шрапнели; кость не задета, сосуд пробит, но, молодчина, сам закрылся. Даже температура не поднимается выше 37,4. Ложиться не надо — продолжаю командовать». Киев, 27 марта (9 апреля) 1916.

«Судьба отдаляет мою поездку в Петроград. Доктор вызвал меня телеграммой в Киев, считая положение моей матери совершенно безнадежным. По-видимому, он ошибся во времени. Идет медленное умирание, но определить конца нельзя. Мне не придется закрыть глаза бедной старушке, так как через 4–5 дней возвращаюсь в дивизию».

4(17) апреля 1916.

«Тот невысказанный, но давно уже созревший вопрос я не задаю по двум причинам. Я не хочу красть счастье, не покаявшись в своем прошлом. Станет ли оно преградой? А доверить его бумаге трудно. Затем… Вы «большая фантазерка». Я иногда думаю: а что если те славные, ласковые, нежные строчки, которые я читаю, относятся к созданному Вашим воображением, идеализированному лицу… А не ко мне, которого Вы не видели шесть лет и на внутренний и внешний облик которого время наложило свою печать. Разочарование? Для Вас оно будет неприятным эпизодом. Для меня — крушением».

22 апреля (5 мая) 1916.

«Итак, родная моя, «вопрос незаданный» почти разрешен. Явилась надежда — яркая и радостная.

Пробивая себе дорогу в жизни, я испытывал и неудачи, и разочарования, и успех, большой успех. Одного только не было — счастья. И как-то даже приучил себя к мысли, что счастье — это нечто нереальное — призрак.

И вот вдали мелькнуло. Если только Бог даст дней.

Старушка моя в прежнем неопределенном положении. Бедная мучится уже три с половиной месяца. Несколько лучше, но и только. И мне тяжело, что ничем, решительно ничем не могу помочь ей.

На моем фронте по-прежнему затишье. Живу в несколько разоренной поповской усадьбе, занимаю отдельную комнату, чего давно уже не бывало. А в окна глядит огромный каштан и

несколько деревьев в цвету.

Пасху встретил нежданно торжественно. Приехал архиерей с духовенством. И среди чистого поля в огромном, созданном из ничего, прекрасном и величественном зеленом храме (ель и сосна), среди полной тишины словно замершего боевого поля, среди многих тысяч стрелков, вооруженных, сосредоточенных и верующих, — началось торжественное пасхальное архиерейское служение.

Обстановка весьма необычная для него и для нас. Впечатление большое.

Асенька, так все это правда? И в хмурую осень может выглянуть яркое, летнее солнце? И не только осветить, но и согреть? Это правда? И ничто не помешает? Желанная моя…»

18 (31) мая 1916.

«Дома не вполне благополучно. У матери продолжается страшная слабость. На этой почве анемия мозга. На фронте без перемен. В служебном положении некоторая перемена. Необычно быстрое движение: за доблесть стрелков в сентябрьских боях меня произвели в генерал-лейтенанты».

21 мая(3 июня) 1916.

«Не могу удержаться, чтобы не сказать несколько слов. Хотя меня терзают во все стороны. Почему — узнаете скоро. Вся моя жизнь полна Вами».

26 мая (8 июня) 1916.

«Дорогая моя, писал 21-го, накануне перед решительными боями. Соблюдая тайну, не писал об этом. 22-го начался страшный бой, 23-го разбили наголову австрийцев, 24-го преследовали, 25-го опять большой бой, овладели важной стратегической линией и сегодня отдых. Об огромном успехе всего Юго-Западного фронта знаете из газет. Но маленькая деталь: боевое счастье неизменно сопутствует моей дивизии. Благодаря доблести стрелков, мне удалось взять 9500 пленных, 26 орудий и т. д.

От бессонных ночей… очутился в городе (Луцк), взятом нами в бою, в весьма непривычной обстановке: в хорошей большой комнате гостиницы; вместо походной кровати — мягкий матрац и т. д. Мелочи жизни — упрощенной боевой обстановкой.

Словом, все идет прекрасно. Одного лишь недостает: мучительно хочется видеть Вас, хочу Вашей ласки, милая.

Выспался за все время. Дома по-прежнему. Мы идем так быстро вперед, что почтовое сношение несколько расстроилось. До свидания. Желанная».

31 мая (13 июня) 1916.

«Родная моя, все больше и больше развертывается картина

колоссального разгрома австрийской армии. Больше нет места пессимизму. Подъем необычайный. Никогда не бывалое превосходство материальных сил, перевес числа, а про дух я и не говорю. С чувством глубокого удовлетворения слушаю, что говорят про моих стрелков. Их подвиги становятся уже легендой. Благословляю судьбу, давшую мне возможность вести в бой такие части.

Успех Юго-Западного фронта, несомненно, повлечет за собой и более широкое наступление, быть может, и союзники встрепенутся.

Письма получаю с большим опозданием, что вносит задержку в преемственность их.

Асенька, пожалуйста, бросьте Петроград — ведь это моя первая просьба, которую Вы до сих пор не хотите выполнить. Первая! Мне кажется, что Вам следовало бы поехать в Шостку, к своим родным. И все было бы несравненно проще, если бы Вы признали мои права и обязанности и в качестве моей невесты (хотя бы неофициальной — для своих) стали в совершенно независимое материальное положение от своих».

4 (7) июня 1916.

«Наши последние дела попали в печать. Но корреспондентам чуждо понимание спокойной, эпической природы боя. Им нужен анекдот, нужно, чтобы «било в нос». Обидно читать все это вранье. Печать уважаю, но корреспондентов выпроваживаю».

5(18) июня 1916.

«Теперь упорный бой с выручающими австрийцев германцами. Мои полки расхвалены, обласканы вниманием всех — уже растет легенда… События — как в калейдоскопе. В течение дня несколько раз испытываешь и радость, и жуть: стрелки отходят… контратака, австро-германцы разбиты, ведут 900 пленных… На правом крыле вновь потеснили… нахлынули.

Вот и сегодня. Еще полдень, и уже трижды менялась обстановка. Но Бог благословляет наше орудие. В конечном результате неизменный и полный успех.

Но сердце… но нервы! Ложатся морщины лишние, седеет голова и светлеет череп. Вы увидите старика?»

10(23) июня 1916.

«Уклад жизни несколько изменился, стал более беспорядочным; спишь не по плану, а когда можно; два раза обедали в 5 и в 6 часов утра. Но с превеликим аппетитом. В общем, по совокупности всех условий боевой обстановки, если не изувечат, вернусь домой совершенно здоровым, но постаревшим на 10 лет против своего возраста. По внешнему виду. Так и знайте.

Дома — по-прежнему обстановка тяжелая. Главное — беспросветная. И ничем не поможешь. А в другом… изменить внешние условия жизни не хотят. В первом случае — беспомощен, но во втором — полная возможность. Ведь это какой-то нелепый тупик: я получаю огромное содержание, которое решительно девать некуда, а Вы…

Голубка, что родители Ваши знают? И не нужно ли мне написать им несколько слов.

Чем дальше, тем глубже охватывает меня близость к Вам, моя любимая, моя радость. Осень жизни… хмурую… осветлила. И согреешь? Да?»

23 июня (6 июля) 1916.

«15-го Бог послал дивизии опять большой успех: прорвал на всем фронте, причем за 15-е и 16-е захватил 5000 пленных (в том числе бригадный и два полковых командира), 12 орудий и т. д. 17-го меня немного потрепали… Но не очень.

Продвинулись вперед. Жилья нет, деревушки сожжены. Штаб перешел в лиственный дремучий лес. Прелестная дача: землянки, построенные австрийцами уютно и даже изящно: скамейки, столы. Не чуждый вкуса мой вестовой поставил мне на стол букет из… ежевики. Жаль только, что дождь по несколько часов в сутки, на темечко с потолка капает вода, а австрийцы, чрезвычайно нервно настроенные (все ждут атаки), мешают спать, всю ночь ведя сильнейший и беспорядочный огонь.

Помню ли я нашу поездку в Вильно? Очень. Потому что тогда началось то, что я, скрепя сердце, устранил из своей жизни как несбыточную мечту и к чему через 6 лет вернулся».

8 (12) августа 1916.

«Ты хотела бы каску? Сейчас нет, голубчик. Но в данное время против меня чисто германский фронт. В первом же бою снимем с противных варваров пару касок.

Конечно, Александр Михайлович должен жить с нами. И это будет хорошо не только в силу Ваших сердечных отношений: его общество мне очень приятно».

А.М. Тумской, дед Аси Чиж, действительно, жил с нами до самой своей смерти. Мой дед казался мне очень большим, он все время держался прямо, его густые темные волосы были зачесаны назад, он важно носил небольшие усы, и они были белые. В воспоминаниях он чаще всего видится мне лежащим в больничной кровати: санитарка с трудом, с помощью пипетки вливает ему в рот апельсиновый сок. Приступ уремии свалил его 8 апреля 1926 года. Ему исполнилось 84 года. Шагая позади гроба, который везла лошадь, я часто отпускала руку отца и собирала первые маргаритки, растущие вдоль дороги, ведущей на

пригородное (теперь в границах Брюсселя) кладбище. 31 августа (13 сентября) 1916.

«Дело в том, что я временно командую 8-м корпусом… Разбужен телеграммой, через 2 часа собрался, пролетел на автомобиле и через несколько часов очутился в новом кругу людей, жизни и деятельности. Гораздо более широкой и ответственной.

Обстановка гораздо культурнее; чистые дома, удобства жизни до… ванны включительно. Но жаль простой, суровой и милой жизни прежней, с которой сроднился за 2 тяжелых года войны…»

9 (22) сентября 1916.

«Попал сразу в осиное пекло. Идут жестокие бои. Деремся с полным напряжением сил. В бюллетенях пока не пишут об этом, потому что результаты незначительны. Новое общество. Новые подчиненные. Что сказать? Здесь элемент вполне приемлемый и сведущий.

Дома плохо. Старушка не встает, а с каждым днем хужеет. Идет дело к развязке. Возраст… умом мирюсь, а сердцем нет. Бесконечно жалко.

Упорные бои продолжаются. Противник (немцы) собрал на нашем фронте значительные силы. Нет того радостного настроения, что было в июне, нет того задорного порыва. Но есть твердость и ясное убеждение в необходимости продолбить немецкий фронт во что бы то ни стало. И это будет.

Асенька, милая, зачем ты обижаешь деда? Так больно и так несправедливо. Ведь его обязанности в отношении семьи кончились. Остались только права. Мне кажется, что в отношениях к матери ты не совсем права. Каждый имеет право устраивать свою жизнь, как ему кажется лучше…

Асенька, я увлекся проповедью. Это очень скучно? Правда? Рискую получить такую же характеристику, какой удостоился мой бедный друг Аркадий (отчим Аси). Быть может, слишком прямолинейный…»

6 (19) октября Ася решила переехать из Петербурга к матери и своему отчиму в Шостку. 14(27) октября телеграмма известила командующего 8-м армейским корпусом о том, что его мать умирает. Поезд, которым он ехал в Киев, опоздал на три часа. Когда Антон прибыл домой, его «дорогая старушка» уже полчаса как умерла. Глубокая боль соединилась с пронзительной радостью: приехала Ася, предупрежденная своей матерью, которая ухаживала за больной. После похорон Деникин вернулся на фронт. Он писал своей невесте:

27 октября (9 ноября) 1916.

«Дорогая моя! Последние недели имели огромное значение в

моей жизни, проложив резкую грань между прошлым и будущим. Горе и радость. Смерть и жизнь. Конец и начало. Не удивительно, что я вышел несколько из равновесия, выбился из колеи.

Я перечитал твои письма. С грустью и волнением. Провел параллели. Тогда и теперь. Я был прав: писано — воображаемому, а слова, сказанные, — действительному.

Я слишком глубоко… чувствую. У меня так ясно и понятно — «да». У тебя — «может быть». В этом — твоя сила. В этом — моя слабость. Путь опасный. Но я иду без тревоги и колебаний. Потому что не может быть такое большое чувство растоптано. Потому что тогда жизнь стала бы ненужной. А уйти из нее так просто! Но если судьба только несправедлива, но не жестока, если суждено чувству и жизни быть растоптанными, то лучше, чтобы это произошло теперь. Теперь, когда боевая обстановка дает людям неограниченную возможность уйти из жизни со славой и честью.

«Мне вас жалко». Но это оскорбительно. Ты знаешь: когда 17 лет назад ломалась жизнь, я сказал: «Требую того, что мне принадлежит по праву, а милости не надо».

Мы отправляемся далеко на юг. Что-то судьба готовит.

На некоторое время круговорот писем и телеграмм будет затруднен. Для меня это большое огорчение.

Желанная моя! Так будет счастье?»

5 (18) ноября 1916.

«Послал сумбурное письмо 27… С 23-го, с небольшими перерывами, в пути. Много часов в купе, один, сам с собой, со своими мыслями. Переживаю памятью… каждое слово, сказанное и не договоренное. Довольно!

Неприветливая страна (Румыния), неприветливые люди и порядочный хаос.

Как бы я хотел, чтобы твои бросили предрассудки и переехали в Киев. Мне казалось бы тогда, что у меня уже есть свое родное гнездо».

8 (21) ноября 1916.

«Пока путь кончен. Пришлось перетерпеть много мытарств. Кругом все чужое. Дороговизна невероятная. Курс рубля низок.

Пока боевых действий нет. Погода отвратительная: снег тает, в домах густой, мокрый туман, холодно и сыро». 17(30) ноября 1916.

«Обстановка меняется, как в калейдоскопе. После прекрасных городских квартир — село, маленькое, неуютное, затертое между гор. Непролазная грязь и нищета. Оттого ли, не знаю, но люди приветливее. Работы пока мало. Читаю много. Асенька, ты любишь д'Аннунцио? Ни у кого положительно нет такого яркого,

красивого, кружевного рисунка чувств, как у него. Отдел смеси: порвал связь с прошлым, постриг пряди, скрывающие голову. От этого чело стало менее смешным».

19 ноября (2 декабря) 1916.

«Ушли из своей совершенно потонувшей в грязи деревушки. Спали в городке — тоже грязном, но квартиры приличные.

20-го пришлось распечатать письмо, чтобы добавить несколько строк: опять путь далекий и опять расстраивается на неопределенное время почтовое сношение. Когда же я получу твои строки, моя милая, далекая… Мне тяжело».

(?) декабря 1916.

«Идет горячий бой. Тяжелый. Много острых, захватывающих переживаний. Каждый час вносит перемену. Не могу не написать хоть несколько слов. Сердечный привет».

4 (17) декабря 1916.

«Сегодня есть оказия: нижний чин едет в Одессу и с пути пошлет это письмо. Очутился в самом пекле событий, развернувшихся на румынском фронте. Как тебе известно, здесь не особенно благополучно. Расстройство войск, деморализация и шатание мысли в населении. Взаимоотношения запутались, и мне постоянно приходится то принимать в командование румынские войска, то принимать меры к наблюдению за их фронтом. Так как неустойчивость их может отозваться трагически на нас. Стараюсь поддерживать добрые отношения. Знакомлюсь с их краем. Познакомился с командующим армией Авереску, несколькими командирами корпусов. Впечатление скорее благоприятное.

Более или менее состоятельное население эвакуировалось, даже германофилы: боятся очень нашествия болгар и рассказывают ужасы об их зверствах. Вчерашний раб не может стать господином. По духу, конечно. Говорят, что они превосходят в зверствах своих господ германцев. Женщины, по-видимому, все уехали, боятся болгар. Остались лишь такие, которым положительно ничего не угрожает.

Что делается в России с 24 октября, не знаю. Темные слухи долетают, конечно, и до нас. Но радостного мало».

Следующее письмо, гораздо более ясное и последовательное, чем предшествующие, было доставлено Асе Николаем, денщиком генерала.

22 декабря 1916 (4 января 1917).

«Не знаю, какие из моих писем получены, какие нет. И потому начну с краткого конспекта происходящего.

29 октября выехал в Румынию. Теперь это уже прошлое и большого секрета не представляющее.

Румынии угрожала большая опасность. Немцы сосредоточили

против нее большие силы, и операция начала развиваться с необыкновенной быстротой. Мы этого не предусмотрели. Наши войска прибывали с опозданием. Маленькая страна при полном напряжении своих железных дорог не могла справиться со своей задачей, и наши эшелоны ползли черепашьим шагом, по суткам простаивая на меленьких станциях. К тому же хаотические беспорядки, бездеятельность, иногда, вероятно, продажность румынской администрации.

Бухареста дни были уже сочтены. В числе войск, «брошенных» на помощь, были и мои. Но мы опоздали. Я встретил уже разбитые румынские армии. И вкрапленные между ними, в постоянной опасности неустойки с их стороны, задерживали, сколько было возможности, немцев, отходя к северу. Шли жестокие бои. Много, очень много легло моих. За два с половиной года войны бывали трудные положения, но таких оригинальных, запутанных еще не было.

Первая часть румынской операции еще не закончена. Но успех немцев несомненный.

Теперь командующий соединенными армиями (в том числе нашей) — король Фердинанд, а ответственный помощник его — генерал Сахаров.

В оставшейся суверенной Румынии настроение двойственное. Прокламации «короля» западной Румынии, ставленника Вильгельма, смущают умы. Уязвленное самолюбие разбитой армии и порабощенного народа слишком чутко, а мы не всегда достаточно тактичны. Отношения поэтому не вполне налаживаются. Тем более что казачки, сохранившие свои привычки с древних времен, грабят население изрядно. Еще горе: везде огромная масса вина. Поэтому напиваются; потом скандалы с обидами местных жителей.

Король, дрожа за судьбу династии, готов на всякие компромиссы. Правительство упорствует. А между тем единственный выход из положения: милитаризация страны (дороги и т. д.)».

23 декабря 1916 (5 января 1917).

«24-го, когда Ты будешь возиться с ребятишками возле елки, у меня — сильный бой. Вопрос не только пользы дела, но и личного самолюбия. Последнее не важно, но чувствительно. Тем более что недоброжелатели не дремлют. Задача большая, сил мало. Ничего, поборемся».

24 декабря 1916 (6 января 1917).

«Добруджу мы оставили. Одна из фатальных страниц наших неудач. Освобождается несколько дивизий противника, которые придут на наш фронт. С утра льет дождь, земля размокла, и масса

нашей конницы не в состоянии будет использовать прорыв, который сделали мои войска. Скверно.

Волосы, кажется, все до одного поседели. И что всего страннее — сохраняется хорошее настроение и вера в будущее.

Асенька! Когда у нас будет первая елка для наших ребят? Боже, как это хорошо».

В первый Новый год, который состоялся для единственного ребенка Деникина, не было никакой елки. 24 декабря 1919 года (мне было десять месяцев) мой отец, командующий Белой армией юга России, не сумев взять Москву, был отброшен к берегам Дона и принял там участие в жесточайших сражениях. 22 декабря писал своей жене, находящейся в 400 км от Ростова, в Екатеринодаре: «Я останусь в Батайске, пока будет необходимо защищать Ростов и Новочеркасск». Что до моей матери, которая скорбела по своему только что умершему брату Дмитрию, то она не могла думать ни о какой елке.

25 декабря 1916 (7 января 1917).

«Операция не состоялась. Румынская армия, потесненная немцами, отошла, угрожая нашему флангу. Поэтому русская армия отошла за Серено. Я в резерве. Долго ли, не знаю, быть может, неделю, быть может, два дня. Вчера спали на соломе, на полу. Сегодня — то же».

26 декабря 1916 (8 января 1917).

«Дворец румынского парламентария, крепостника, именующего себя «социал-демократом». Шикарная отделка комнат, белоснежное постельное белье, отличная ванная и т. д. По-видимому, быть «социал-демократом» выгодно. Рождественский подарок небывалой ценности: пачка Твоих писем от ноября и октября.

Ты для меня дороже жизни. Асенька, милая, переезжайте с дедом в Киев. Ты должна же понять, что я слишком высоко ставлю репутацию своей невесты, чтобы побудить ее к шагу, недостаточно корректному, — и это надо внушить деду. Ему придется только раньше времени признать меня в своем сердце внуком».

2 (15) января 1917.

«Наступление вражеское приостановилось. Затишье. Тепло. Непролазная грязь. Небольшая деревня. Бедные хаты. Страна купается в вине. Его теперь тысячами бочек выливают, составляя какие-то акты. Иначе воинство прославленное озверело бы.

Из разрозненных страниц газет, которые попадают к нам, видим, что в стране неблагополучно. С каким злорадством, с какой тайной надеждой следят, вероятно, наши враги за внутренней нашей политикой. С таким «тылом» нелегка победа.

Может быть, это и лучше, что мы мало читаем… Только вот слухи, слухи…».

3 (16) февраля 1917.

«Праздник: приехал первого Николай и привез милые письма. В таких случаях настроение подымается, мысли светлеют…

Мне кажется, я понимаю сущность тех странных отношений, которые устанавливаются между вами тремя и которые всем трем портят жизнь. Ты сама сознаешь, что несколько нервно относишься к матери. Аркадий это чувствует, не углубляется в причины и инстинктивно становится в отношении Тебя предубежденным. Вы трое не вполне владеете своими нервами и не можете поэтому облечь в сносные формы свои внешние отношения. Голубка моя, радость, возьми себя в руки и подай первый пример, несмотря на «скверный издерганный характер».

А если к этому прибавить в отношении матери немного ласки — не вымученной, не вынужденной, а от сердца, то картина взаимоотношений совершенно изменится.

Мне очень понятна психология этого вопроса: 20 лет я жил вместе с покойной моей старушкой. Между нами легла такая огромная разница в возрасте, понятиях, взглядах, привычках, что бывало трудно. Иногда, не хотя, не понимая, она ставила меня в нелегкое положение. Но я мирился со всем ради ее бесконечной любви ко мне, в которой заключались все интересы ее жизни. А если иногда не сдерживал себя, то потом казнился и мучился».

5 (18) февраля 1917.

«Милая моя, любить ребенка больше, чем Асю? Я не знаком с родительской психологией, но думаю, что это невозможно. Я, скорее, боюсь другого: найдется ли в сердце, совершенно и прочно занятом, маленькое местечко для другого существа… Впрочем, кровь говорит сильнее, чем рассудок. Посмотрим».

Голос крови действительно взял свое, и в сердце Деникина нашлось место для родительской любви. Увы! Моя мать всегда опасалась (впрочем, совершенно напрасно), что это «место существует за счет любви к ней»…

4(17) марта 1917.

(Николай II отрекся от престола 2 (15) марта.) «Дорогая моя! События развернулись с неожиданной быстротой и с грозной силой. Дай Бог счастья России.

Собирался приехать в отпуск около 12–13. Теперь опять нельзя. То есть, вернее, отпуск будет зависеть от того, переживем ли мы безболезненно начало нового периода своей истории. В такие дни каждый начальник должен быть на месте и исполнять свой долг». 8 (21) марта 1917.

«Перевернулась страница истории. Первое впечатление

ошеломляющее благодаря своей полной неожиданности и грандиозности. Но, в общем, войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно. Высказываются осторожно, но в настроении массы можно уловить совершенно определенные течения:

1. Возврат к прежнему немыслим.

2. Страна получит государственное устройство, достойное великого народа.

3. Конституционная, ограниченная монархия.

4. Конец немецкому засилью.

5. Продолжение войны до победного конца.

Моим всегдашним искренним желанием было, чтобы Россия дошла до своих целей путем эволюции, а не революции. Надежды не оправдались. Темные силы, старавшиеся в безумии своем повернуть к… ускорили развязку. Теперь только одного нужно бояться: чтобы под флагом освободительного движения грязная накипь его не помешала конституционному успокоению страны.

Какое счастье было бы для России, если бы «круг времен» замкнулся происшедшей в столице трагедией и к новому строю страна перешла бы без дальнейших потрясений!

Участок земли? Хорошо бы приобрести где-нибудь на Черноморском побережье. Еще лучше с маленькой усадьбой. Но время теперь несколько неподходящее. Впрочем, если бы что-нибудь подвернулось, требующее единовременного расхода не более 10000 рублей, можно бы рискнуть. После войны снять временно «меч и кольчугу», обратиться в Цинцината и садить капусту! Это великолепно, увлекательно. Только, может быть, капусту не садят, а сеют? Ты не знаешь?

Улыбнулась? Милая. Вот этого-то мне и нужно было».

5 (18) апреля 1917.

«Уже несколько дней в пути мои вещи [генерал Деникин в Могилеве. Он был неожиданно назначен начальником штаба генерала Алексеева, Верховного главнокомандующего]. Я лично смотрю на свой необычайный «подъем» не с точки зрения честолюбия, а как на исполнение тяжелого и в высшей степени ответственного долга. Могу сказать одно: постараюсь сохранить доброе имя, которое создали мне стрелки, и не сделаю ни одного шага против своих убеждений для устойчивости своего положения». 10 (23) апреля 1917.

«В той тяжелой, нервной обстановке, в которой я живу, среди той огромной и страшно ответственной работы, в которую я ушел, мне нужен луч света. Мне нужна твоя теплая ласка… Теперь я живу не в управлении, имею две большие, приличные комнаты».

21 апреля (4 мая) 1917.

«Горизонт не проясняется. Все еще политическая война бушует на грани здравого смысла. Остановимся или перевалит?» 4(17) мая 1917.

«Перемена военного министра (Керенский заместил Гучкова), несомненно, отразится на всей высшей военной иерархии.

Почему нельзя приехать? Конечно, можно, раз есть знакомые, где можно остановиться. Я только задерживаю радостное событие на некоторое время, так как служебная обстановка может в любой день в корне измениться, да в такой степени, что можем разминуться…

Асенька, какая там частная квартира? Я живу в том доме (рядом со штабом), в котором жил раньше бывший государь: Главковерх, я, секретарь и адъютанты».

14(27) мая 1917.

«Медленно, но верно идет разложение. Борюсь всеми силами. Ясно и определенно стараюсь опорочить всякую меру, вредную для армии, и в докладах, и непосредственно в столице. Результаты малые… Но создал себе определенную репутацию. В служебном отношении это плохо (мне, по существу, безразлично). А в отношении совести покойно. Декларация воина-гражданина [Керенского] вколотила один из последних гвоздей в фоб армии. А могильщиков не разберешь: что они, сознательно или не понимая, хоронят нашу армию?

Ежедневно передо мной проходит галерея типов: и фактически (лично), и в переписке. Редкие люди сохранили прямоту и достоинство. Во множестве хамелеоны и приспосабливающиеся. От них скверно. Много искреннего горя. От них жутко».

? мая 1917.

«Временное правительство, относясь отрицательно к направлению Ставки, пожелало переменить состав ее (Брусилов заменяет Алексеева). Ухожу и я, вероятно, и оба генерал-квартирмейстера. Как странно: я горжусь этим. Считают — это хорошо, — что «мало гибкости». Гибкостью у них называется приспособляемость и ползание на брюхе перед новыми кумирами. Много резкой правды приходилось им выслушивать от меня. Так будет и впредь. Всеми силами буду бороться против развала армии.

Странно уже совсем: предложили должность командующего фронтом, отказался наотрез. Предложили должность Главкосева, отказался наотрез. Предложили Главкозапа — полусогласился, указав, однако, что мое отрицательное отношение к гибельным экспериментам с армией нисколько не изменится.

Назначение мое на такой высокий пост было бы крайне непоследовательным… Пост более скромный — командарма — удовлетворило бы меня вполне. А тебя?

Низко кланяюсь и прошу исполнить Твое обещание — прибыть в Могилев… Жду с невероятным нетерпением».

Асе удалось прибыть в Могилев до отъезда своего жениха в Минск, где размещался штаб Западного фронта, которым он командовал.

25 июня (8 июля) 1917.

«Крайне медленно, с большим трудом и с большими трениями налаживается боевая работа. Едва ли не самая неблагодарная почва, вспаханная успешными руками противогосударственных и пораженческих элементов, оказалась на моем фронте.

Будет ли толк? Несомненно. Должна армия переболеть. Не может быть длящаяся анархия».

28 июня (11 июля) 1917.

«Сегодня вернулся с фронта, где был с Керенским. Он произнес поистине вдохновенную речь комитетам. В газетах она переврана и бледна. Впечатление, несомненно, произведено».

23 июля (5 августа) 1917.

«Когда поезд нес нас на историческое заседание 16 июля, я беседовал со своими, я сказал своему начальнику штаба Маркову:

— Страшно интересное время, профессор, захватывающее… Но все-таки хорошо бы хоть маленький уголок личной жизни…

— Помилуйте! Какая уж личная жизнь, когда делаешь историю.

Вот так открытие. Я и не заметил, как подошли к «истории». Профессор преувеличивает».

30 июля, на другой день после «исторической конференции», Брусилов был смещен, его заменил командующий Юго-Западным фронтом генерал Корнилов. Деникин должен был покинуть Минск и принять командование Юго-Западным фронтом в Бердичеве.

17(30) августа 1917.

«Борьба продолжается. Открытая, тяжелая, в которой нервы напрягаются до последней крайности и чувствуется страшная усталость. Мне тяжело».

29 августа (11 сентября) 1917.

«Родная моя, начинается новый катастрофический период русской истории.

Бедная страна, опутанная ложью, провокаторством и бессилием.

О настроении своем не стоит говорить.

«Главнокомандование» мое фиктивно, так как находится под контролем комиссаров и комитетов.

Невзирая на такие невероятные условия, на посту своем останусь до конца.

Физически здоров, но сердце болит и душа страдает.

Конечно, такое неопределенное положение долго длиться не может. Спаси Бог Россию от новых смертельный потрясений.

Обо мне не беспокойся, родная: мой путь совершенно прям.

Храни Тебя Бог.

А. Деникин».

Едва Деникин отправил это письмо, как вместе со своими основными подчиненными был «смещен» комиссарами и брошен в тюрьму.

Глава XI
НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ

Камера № 1. Площадь 7 м^2. На окнах решетки. В дверях — глазок. Походная кровать, стол и табуретка. Марков заключен рядом, в камере № 2. Я слышу, как он ходит большими нервными шагами. Три шага от одной стены к другой. Я делаю семь шагов, по диагонали. Снаружи шум, сначала неясный, неразличимый. Напрягая слух, в конце концов различаешь одно от другого. Это шум жизни. Стражники грубые и полные ненависти.

Брезжит. Неясный шум голосов. Откуда? Из окна. За решетку уцепились два солдата. Злые, жестокие глаза. Они выкрикивают ругательства: «Предатель! Ты продался немцам за 20.000 рублей, ты пил нашу кровь, гноил нас в тюрьме. Теперь твоя очередь, сукин сын. Ты жил как барин, разваливался в своем автомобиле. Все кончено. Не рассчитывай убежать, мы задушим тебя собственными руками». В камеру швыряют мусор и нечистоты. Пытаюсь избежать их взглядов, поворачиваюсь к двери — за глазком другая пара глаз, новые оскорбления. Ложусь, закрываю шинелью голову. Проходят часы. Я задыхаюсь под шинелью, а поток оскорблений, изливаемый негодяями, не прекращается».

Так Деникин выразил свои впечатления от первых дней, проведенных в тюрьме. Иногда приходилось ему и «реагировать». Один из солдат, вылив на офицеров поток словесной брани, начал их обвинять в том, что они посылали солдат навстречу врагу ударами кнута, а сами прятались за их спины. Выведенный из себя нелепостью грязной ругани и обвинениями, Деникин вскочил к окну:

— Ты лжешь, солдат! Ты не свое говоришь! Если ты не трус, укрывшийся в тылу, если ты был в боях, ты видел, как умели умирать твои офицеры. Ты видел, что они…

Солдат отошел от решеток. Безусловно, он не столько был убежден его словами, сколько напуган неистовым тоном генерала. Он тотчас исчез в толпе. Его заменили другие «товарищи».

Положение заключенных улучшилось, когда их охрану поручили юнкерам одной из школ в Житомире, не позволявшим больше приближаться к окнам. Марков, начальник штаба Деникина, заключенный камеры № 2, писал в своей записной книжке: «Нас обслуживают два австрийских пленных, а «метрдотелем» поставлен русский солдат-пехотинец. Это славный, очень любезный человек. Он говорит, что ему будет

скучно, когда мы… уедем. Я утешаю его, говоря, что нас заменят новые генералы, которых еще найдется предостаточно!»

Деникин, тронутый преданностью пехотинца, замечает: «Тяжело на душе. Чувство как-то раздваивается: я ненавижу и презираю толпу — дикую, жестокую, бессмысленную, но к солдату чувствую все же жалость: темный, безграмотный, сбитый с толку человек, способный и на гнусное преступление, и на высокий подвиг…»

Кто-то из этих людей — метрдотель или один их охранников — согласился передать записку оставшимся на свободе офицерам. В конце сентября некий Д… принес Асе короткое письмо от ее жениха:

«Дорогая моя, вокруг дела идет исключительно политическая борьба, но состава преступления положительно нет. «Они» сами знают, что губят Россию, да сознаться неохота. Обстановка, в которой я нахожусь, уверяю тебя, сносная. Скучно очень. Но не вечно же решетка. Д. расскажет Тебе все. Здоров вполне. Будь спокойна, моя родная. А.Д.».

Говоря о «политической борьбе», Деникин имеет в виду события, о которых он узнал из приносимых ему в камеру газет. Глава правительства Керенский обвинял Верховного главнокомандующего в заговоре против безопасности государства. Но, хотя заключенный камеры № 1 пытался убедить Асю, что условия, в которых он находится, вполне сносны, сам он так не считал. Воющая толпа каждый день собиралась не только против окон, но и вокруг всей тюрьмы, и их угрожающие крики достигали даже карцера. Можно было ожидать штурма здания и линчевания заключенных.

«Я обдумал и свой способ самозащиты: на столике стоял тяжелый графин с водой; им можно проломить череп первому ворвавшемуся в камеру; кровь ожесточит и опьянит «товарищей», и они убьют меня немедленно, не предавая мучениям».

Когда изрыгающая ругательства толпа переместилась к площади, на которой открылся нескончаемый ряд митингов, в тюрьму вернулись тишина и покой.

«Время благоприятствует размышлениям, — думал пленник. — Вся жизнь проходила перед моим мысленным взором».

Бедное детство, учеба, война в Маньчжурии, Галиции, Румынии… и, наконец, недавние события…

31 марта прошлого года Деникин был отозван телеграммой с румынского фронта. Ему был дан приказ явиться к военному министру Гучкову. Зачем? В голову отправившегося в путь Деникина не приходила ни одна сколько-нибудь приемлемая

идея, пока на остановке в Киеве он не услышал резкий голос разносчика газет, рекламирующего специальный выпуск:

— Последние новости! Генерал Деникин назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего!

Перед заинтересованным, пришедшим в недоумение Деникиным встал новый вопрос: какого главнокомандующего? Отказавшись от престола, царь назначил на этот пост своего кузена, о смещении которого несколько месяцев тому назад он, вероятно, сожалел. Но 21 марта Временное правительство отозвало великого князя Николая Николаевича. Кто мог бы его заменить? Выдвигалось два кандидата: Алексеев и Брусилов.

«3 апреля, — писал Деникин, — я предстал перед военным министром. От него я узнал, что правительство назначило М.В. Алексеева. Однако у него была репутация человека «слабого» и он нуждался в помощнике — человеке сильном и энергичном, который должен был стать начальником его штаба.

«Энергичный и сильный» генерал начал с того, что отказался. Я никогда не занимался политическими проблемами — национальной обороной и администрацией на столь высоком уровне. Кроме того, поскольку Гучков признался мне, что назначение мое принимает ультимативную форму, то у меня не было никакого желания, чтобы мне этот пост навязывали».

Аргументы, апеллирующие к патриотическим чувствам Деникина, в конце концов его убедили. 7 апреля он вошел в Ставку Алексеева в Могилеве. Прием был ледяным.

— Ну что ж, если таков приказ… Однако через несколько дней Верховный главнокомандующий и его подчиненный пришли к полному взаимопониманию. Оба стремились к одному: спасти армию от новых «кормчих», подготовить наступление, которого требовали союзники и без которого война могла бы затянуться.

Англичане ожесточенно сражались против турок, они заставили их 11 марта отступить из Багдада, но линия фронта в Салониках оставалась без изменений. Соединенные Штаты Америки решили объявить войну Германии и Австро-Венгрии, но в союзе только с Антантой, так как не хотели, чтобы руки у них были связаны. Генерал Нивель развернул широкое наступление во Франции. Увы, катастрофа 16 апреля на Шман-де-Дам дала преимущество противнику. И тем не менее австро-германская армия на всех фронтах обнаруживала признаки усталости. Обстоятельства для выступления русской армии складывались удачно. Но она была заражена немецкой и большевистской пацифистской пропагандой. Могла ли она при таких условиях воевать?

Вполне понятно, что Людендорф усилил свои распоряжения,

надеясь на «братание воюющих сторон», которое, как он надеялся, приведет новую Россию к подписанию сепаратного мира. Русские Советы действовали в том же направлении!.. Однако сила и влияние Советов не переставали расти.

Деникин знал о событиях, предшествующих созданию Советов, лишь в общих чертах. Конфиденциальная беседа с Верховным главнокомандующим раскрыла ему многое из того, что оставалось для него неясным.

Осенью 1916 года Алексеева, в то время начальника царского штаба, тщетно пытались склонить к государственному перевороту с целью свержения государя. Большинство образованных людей России отказывалось от участия в зловещих делах «зажигателя свечей» Распутина, в чьей полной власти были министры, духовенство и высокие чиновники. Шептали даже, что он передает военные секреты немцам. Это обвинение бросало тень и на царицу, которая находилась под его абсолютным влиянием. Князь Юсупов 30 декабря освободил мир от «отвратительного старца», но его августейшая сообщница Деникин прервал Алексеева:

— Но вы же не подозреваете, что императрица…

Алексеев опустил взгляд и нехотя ответил:

— Нет, конечно. Но хочу открыть вам один любопытный и тревожащий меня факт.

И он рассказал, что в личных бумагах царицы, на которые был наложен «арест», была найдена недавно карта, где в мельчайших деталях были размечены все военные позиции.

— Видите ли, Антон Иванович, я сам с чрезвычайной тщательностью составлял эту карту, и она существовала лишь в двух экземплярах. У меня был один, у царя другой. Кто знает, может быть, кто-нибудь мог этим экземпляром воспользоваться…

Алексеев продолжил рассказ. Он знал из верных источников, что царя предупреждали о тайно готовящемся государственном перевороте, намеченном на конец марта 1917 года, ему советовали принять требования Думы: полномочных министров должен был назначать председатель. Царь не захотел их слушать.

26 февраля (11 марта) после всеобщей забастовки, на неделю парализовавшей столицу, начались вооруженные выступления рабочих, к ним присоединились несколько частей Петроградского гарнизона. Нападали на полицейские посты, открывали двери тюрем, убивали всех сопротивляющихся. 27 февраля (12 марта) масштабы этих выступлений заставили Думу спешно создать временный комитет, который мог бы встать во главе правительства в отсутствие царя. 1 (14) марта было сформировано Временное правительство. В тот же день депутаты

от рабочих собрались в свободных помещениях Таврического дворца, где заседала Дума и ее комитеты, к ним присоединились депутаты от солдат. Вместе они сформировали Советы по образцу Советов 1905 года. Их примеру последовали и в провинции.

В это время 2(15) марта царь под давлением председателя Думы Радзянко — одного из руководителей заговора, несостоявшегося из-за восстания рабочих, — а также нескольких генералов согласился на отречение от престола в пользу своего сына Алексея. Затем государь решил передать корону своему брату, великому князю Михаилу Александровичу. На следующий день Николай II потребовал к себе Алексеева и передал ему записку:

— Я изменил свое решение. Я прошу вас передать эту телеграмму в Петроград.

Алексеев пробежал глазами строчки, написанные рукой самого государя. Это была новая формулировка отречения… в пользу царевича, сына Алексея.

— Вы первый, кому я это говорю, Антон Иванович. Я счел своим долгом не отправлять эту депешу. Предыдущие решения были всем известны, но подобный оборот дела мог слишком взволновать умы…

Алексеев открыл портфель и протянул своему начальнику штаба тщательно сложенный листик бумаги. (Деникин описывает этот факт в первом томе мемуаров, вышедшем в свет в 1921 году в Париже. Он рассказывает, что перед своим отъездом Верховный главнокомандующий доверил ему этот ценный документ. Уезжая в Могилев, Деникин положил его в секретное досье штаба Ставки. Это свидетельство оспаривалось, пока не были обнаружены неизданные «Воспоминания» полковника Тихобразова, находящиеся сегодня в русских архивах Колумбийского университета в Нью-Йорке. Единственный очевидец этой сцены между царем и Алексеевым, имевшей место тогда, подтверждает все детали рассказа Алексеева в конфиденциальной беседе с Деникиным.)

В тот же день 3(16) марта, также под давлением Родзянко, великий князь Михаил отказывается от трона и передает власть Временному правительству, Дума поспешила одобрить это решение, не дожидаясь последнего акта царствования Романовых. Председательские функции в правительстве были доверены слабохарактерному князю Львову. Единственным министром-социалистом оказался министр юстиции Керенский, адвокат, известный пафосом своих речей в защиту анархистов. Керенский одновременно являлся членом Совета, и это должно было обещать полезное сотрудничество между Временным

правительством, ставшим легальным после «отречения» великого князя Михаила, и правительством, которое уже начали называть «параллельным». Но эти ожидания не оправдались. Первое полностью осознавало свою великую задачу — способно оно было или не способно ее выполнить — и все время говорило о «долге», второе твердило лишь «о правах». Первое «запрещало», второе «разрешало». 1 (14) марта, еще до отречения царя, Совет обнародовал свой «Приказ № 1», копии которого получили все войсковые соединения. Согласно ему власть в армии должна была перейти к солдатским комитетам; они отныне могли выбирать своих начальников и снимать с поста тех, кого считали недостойными. Больше не нужно было стоять навытяжку и отдавать честь во внеслужебное время. Обращение к офицерам «ваше благородие» было отменено, вошло в силу обращение «господин генерал», «господин капитан».

Чтобы угодить Совету, Временное правительство утвердило декретом некоторые решения «Приказа № 1», признав полезность комитетов и отмены некоторых второстепенных ограничений (запрещение курить на улице, играть в карты в казармах, ездить в вагонах первого и второго классов), но назначило комиссаров, обязанных наблюдать как за офицерами, так и за комитетами, чтобы помешать последним смещать направо и налево, вообразив себя вправе обновлять высшее командование. За две или три недели были отстранены от должности и заменены 150 офицеров, из них 70 командующих дивизиями. Комитеты не считались ни с их званиями, ни с их компетенцией. На их месте оказались люди, «таланты» которых можно было объяснить только их дружескими или родственными связями с министрами.

Способны ли были воевать войска, управляемые теперь триумвиратом — военным начальником, комиссаром и комитетом, — опьяненные лозунгом «Мир! Немедленный мир!» — столь дорогим сердцу Советов и сразу же коварно подхваченным немцами?

Именно этот вопрос задавал себе в мае 1917 года главнокомандующий армиями Западного фронта Деникин. Был лишь один позитивный факт, вселявший мужество: если боевой дух войск находился в упадке, то производство оружия и боеприпасов достигло такого уровня, что предложение теперь превышало спрос. Если наступление приведет к победе, то с пораженчеством, пацифизмом и комитетами будет покончено. Но если наступление окажется неудачным и завершится разгромом? Этого никак нельзя было допустить. Главная задача в проведении наступления заключалась в том, чтобы углубиться во вражеские позиции на Западном фронте (между Десной и Припятью) и на

Юго-Западном (между Припятью и Молдавией). Северный фронт и Румынский фронт поддерживали операцию на отдельных боевых участках. Все, казалось, уже было готово к наступлению, когда в Ставке узнали, что Алексеев отозван, Керенский сменил портфель министра юстиции на портфель военного министра и хотел сам назначить главнокомандующего. Он выбрал Брусилова. План пересматривался, но наступление в июне все же началось. Кончилось оно полным разгромом.

В камере № 1 тюрьмы города Бердичева Деникин, сжав кулаки, вновь переживал в памяти свой последний бой на Западном фронте, куда назначил его Керенский. В течение двух дней артиллерия подготавливала путь для пехоты. Генерал отдал приказ к наступлению 22 июня. Треть армии отказалась подчиниться. Остальные полки пошли в бой. Укрепленная линия противника была прорвана, сопротивление оказалось слабым, и 23 июня вроде можно было уже говорить о победе. Опустились сумерки, и русские солдаты решили отступить: они хотели провести ночь в своих собственных траншеях, в покое… Через два дня поражение было полным. Дезертиры заполнили дороги, грабили все на своем пути, насиловали женщин, избивали офицеров… Фронт являл собой пример беспорядочного бегства. Наступление приказало долго жить. Керенский 16 июля принял руководство правительством, не отказавшись, однако, и от портфеля военного министра. Масштабы поражения, казалось, вызвали у него беспокойство. Мятеж, спровоцированный большевиками, — его потряс. Освободясь от своих временных союзников, он отправил в тюрьму Троцкого, Каменева, Луначарского. Если остались на свободе два других лидера — Ленин и Зиновьев, то, по-видимому, потому, что он не мог вынести их появления на общественной сцене. Когда Деникин узнал, что в Могилеве собирается совещание, на котором будут новый премьер-министр, министр иностранных дел, Верховный главнокомандующий Брусилов и все главнокомандующие, его горе и скорбь сменились надеждой.

Вытянувшись на походной тюремной постели, заключенный вновь видел перед собой конференцзал Ставки. Брусилов первым взял слово, затем выступил Деникин. Его речь оказалась длинной, генералу было что сказать. Он был прекрасным оратором, его слушали со вниманием. Начал с описания деталей различных этапов неудавшегося наступления на Западном фронте. Перечислив факты, он перешел к примерам.

«Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие, а большевики — лишь поганые черви, которые

завелись в гнойниках армейского организма.

Развалило армию военное законодательство последних четырех месяцев. В результате целого ряда законодательных мер упразднена власть и дисциплина, оплеван офицерский состав. Высшие военачальники, не исключая главнокомандующих, выгоняются, как домашняя прислуга.

Я позволю себе одну параллель. К нам на фронт в 703-й Сурамский полк приехал Соколов с другими петроградскими делегатами. Приехал с благородной целью бороться с тьмой, невежеством и моральным разложением. Его нещадно избили. Военный министр в грозных речах осудил позорное поведение сурамцев, послал сочувственную телеграмму Соколову.

Другая картина… Я помню хорошо январь 1915 года, под Лутовиско.

В жестокий мороз, по пояс в снегу, однорукий бесстрашный герой полковник Носков вел свой полк в атаку. Тогда смерть пощадила его. И вот теперь пришли две роты, вызвали генерала Носкова, убили его и ушли.

Я спрашиваю господина военного министра: обрушился ли он всей силой своего пламенного красноречия на негодных убийц, послал ли он сочувственную телеграмму несчастной семье?»

Атмосфера в зале наэлектризовалась, голос вдохновленного оратора задрожал, и все увидели, как Керенский, подобно провинившемуся школьнику, опустил голову на сложенные на столе руки. Позднее полковник Тихобразов, стенографировавший выступления, скажет Деникину:

— Ничего удивительного, что нервы у Керенского сдали! Министр иностранных дел плакал, слушая вас, и у меня рука задрожала, я с трудом выводил знаки…

Деникин на этом не кончил. «Невзирая на развал армии, необходима дальнейшая борьба, как бы тяжела она ни была. Пусть союзники не рассчитывают на скорую помощь нашу наступлением. Но и обороняясь и отступая, мы отвлекаем на себя огромные вражеские силы, которые, будучи свободны и повернуты на Запад, раздавили бы сначала союзников, потом добили бы нас.

Есть другой путь — предательство. Он дал бы временное облегчение… Но проклятие предательства не даст счастья. В конце этого пути политическое, моральное и экономическое рабство».

И выступающий сделал заключение:

«Судьба страны зависит от ее армии. Ведите русскую жизнь к свету и правде — под знаменем свободы! Но дайте и нам реальную возможность за эту свободу вести в бой войска под

старыми нашими боевыми знаменами, с которых — не бойтесь — стерто имя самодержца, стерто прочно и в сердцах наших… Но вы, вы втоптали наши знамена в грязь. Теперь пришло время: поднимите их и преклонитесь перед ними… Если у вас есть совесть!»

Глава правительства поблагодарил выступающего за его «суровую искренность», но Деникин знал, что Керенский шепнул одному из друзей: «Деникин сформулировал программу, изложил партитуру будущей военной реакции».

Идея «военной реакции» нашла более откровенное выражение в сообщении командующего Юго-Западным фронтом, который, задержанный делами, послал на Могилевскую конференцию письменное сообщение. В нем Корнилов требовал введения в армии смертной казни, отмены большинства либеральных нововведений и «решительной чистки высшего командования». Керенский предположил, что последнее предложение относится к «старым глубоко приверженным традициям командирам». На самом деле автор письма имел в виду «наемников революции», столь дорогих сердцу военного министра. Это недоразумение решило судьбу Корнилова: на следующий день глава правительства, вернувшись в Петроград, сместил Брусилова и заменил его Корниловым — человеком умным и энергичным.

Корнилов принял Деникина во время проезда через Могилев (командующий Западным фронтом был назначен командующим Юго-Западным фронтом). Они познакомились еще в Карпатах, где Деникин имел случай наблюдать безумную отвагу Корнилова, столь восхитившую его. Им также доводилось встречаться за столом у военного министра Гучкова.

Пленник Бердичевской тюрьмы вновь пережил их третью встречу, перед его мысленным взором предстал удивительный сибирский казак, обязанный блестящей карьерой лишь своим собственным усилиям и достоинствам. Для большинства русских он воплощал героя древних сказаний. Деникин вспоминал худое лицо Корнилова с выдающимися скулами, редкую бородку и твердый взгляд серых глаз — пронизывающий, магнетический, способный подчинять и приводить в трепет. По своей неукротимой энергии его нельзя было сравнить ни с кем из членов Ставки. Правительство ввело в армии смертную казнь и обещало удовлетворить и другие требования Корнилова. Глубочайшая реорганизация армии стояла на повестке дня, но подразумевалась и более широкая «политическая реорганизация» страны. «Заговор казался столь очевиден, — вспоминает Деникин, — что надо было быть слепым, чтобы ничего не видеть, глухим, чтобы ничего не слышать».

Отведя своего гостя в сторонку, Корнилов доверительно сказал Деникину:

— Нужно бороться, Антон Иванович! Иначе страна погибнет! Я не хочу иметь никакого отношения к авантюрам Романовых. Мне предлагают войти в правительство, но я не хочу, так как считаю его зависимым от Советов, с которыми не считаю возможным входить в какие-либо отношения. Нужно подвести Россию к созданию Учредительного собрания, которое и определит будущий режим страны. Могу ли я на вас рассчитывать?

— Полностью! — ответил Деникин, и с этих пор он стал следить за всеми шагами, которые предпринимал Корнилов. Он читал в газетах отчеты о государственном совещании, собравшем делегатов всех политический партий (кроме большевиков и крайних правых) и всех классов общества, совещании, которое было созвано Керенским в Москве 27 августа для того, чтобы, как он говорил, «ощутить, как бьется пульс страны». Деникину стало известно, что бесконечные истерические речи главы правительства производят болезненное впечатление на аудиторию, а трезвые высказывания Корнилова вызывают единодушный энтузиазм всех партий, не принадлежащих к социалистам.

К командующему фронтом 2 сентября прибыл посланник Ставки с секретным и чрезвычайным посланием. Большевики готовят мятеж в Петрограде. Необходимо направить 3-й корпус кавалерии для подавления мятежа и ликвидации Советов. Объявляется осадное положение. В новое правительство должны войти некоторые министры, не принадлежащие к социалистам. Будут обнародованы положения «программы Корнилова». На Деникина возлагалась обязанность выбрать несколько десятков верных офицеров, которым надлежало присоединиться к офицерам, уже отобранным в столице. Демократия должна выйти победительницей в борьбе против «революционной демократии».

Каково предполагалось будущее главы правительства? В этом вопросе мнения Деникина и Корнилова сходились. Если дело удастся, жалкий адвокатишка с его истерическим пафосом сойдет с политической авансцены и уступит место популярной фигуре национального героя.

Пленник Бердичевской тюрьмы глубоко вздохнул при воспоминании об этих несбывшихся надеждах. 9 сентября он узнает об отставке Верховного главнокомандующего и пошлет Керенскому следующую телеграмму: «… Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с

поста Верховного главнокомандующего. Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ними не пойду. Деникин».

На следующий день плакаты, листовки, прокламации заполонили Бердичев. Командующий Юго-Западным фронтом был в них обвинен в том, что он «хочет свергнуть правительство и вернуть на трон экс-царя Николая II». Колонны солдат под красным стягом, предшествуемые двумя бронированными машинами, прибыли в штаб. Местный комитет предупредил Петроград депешей: «Генерал Деникин и его штаб арестованы в их штаб-квартире». 11 сентября их заключили в тюрьму.

Корнилов и его наиболее близкие соратники были арестованы в Могилеве и 14 сентября переведены в Быховскую тюрьму. 17-го газеты возвестили об освобождении приказом Керенского лидера большевиков Троцкого. Назначается новый Верховный главнокомандующий… сам Керенский. Алексеев становится его начальником штаба.

Как генерал — патриот и честный человек — мог согласиться на этот ставший позорным пост? Почему Керенский вновь пошел на союз с большевиками? Почему Корнилов, вместо того чтобы с триумфом войти в Петроград, «дал себя заманить в ловушку» в Могилеве? Должно было пройти несколько недель, чтобы заключенный Бердичевской тюрьмы получил ответы на все эти вопросы. Сейчас, в середине сентября, он мог только констатировать, что «революционная демократия» одержала верх — временно, как хотел он думать, — над демократией.

Глава XII
ИЗ ОДНОЙ ТЮРЬМЫ В ДРУГУЮ

Рядом с тюрьмой города Бердичева 10 октября 1917 года состоялся многолюдный митинг, на который собрались рабочие и весь гарнизон. Единственная тема бесконечных выступлений — что делать с непокорным Деникиным.

После отставки Верховного главнокомандующего и его ареста премьер-министр назначил чрезвычайную комиссию по расследованию «дела Корнилова». Она сразу же выехала в Могилев (в то время как подкомиссия опрашивала заключенных в Бердичеве) и здесь пришла к заключению, что всех считавшихся виновными нужно соединить в одной тюрьме и по рассмотрению дела осудить одним решением трибунала. Но комиссар Юго-Западного фронта Иорданский придерживался другого мнения. Поддерживаемый солдатскими комитетами и Советом Бердичева, он требовал, чтобы «его» заключенные предстали перед местным революционным трибуналом, чье решение о смертном приговоре не вызывало сомнений. Керенский посчитал нужным изменить свое решение и присоединился к мнению Иорданского, правда, признав, что предложенная процедура будет незаконна. Но когда председатель следственной комиссии, возмутившись, напомнил ему, что раньше адвокат Керенский хотя бы проявлял уважение к закону, то последний не осмелился открыто его проигнорировать и подобно Понтию Пилату умыл руки и положился на решение Исполнительного комитета Петроградского совета.

К его великому удивлению, Петроградский совет склонился к решению, предложенному следственной комиссией, то есть к переводу заключенных из Бердичева в Быхов, где находились под арестом Корнилов и его ближайшие «сообщники».

Именно это решение собрались обсуждать перевозбужденные митингующие — не столько утвердить его, сколько дать свою оценку. Комиссар Иорданский, не нашедший поддержки в Петрограде, не сказал еще своего последнего слова. Он не мог позволить «своим» заключенным так просто ускользнуть от него! Он уже не мог их ликвидировать легальным образом, но кто посмеет возложить на него ответственность, если их линчует разъяренная толпа. Следовательно, нужно дать пишу гневу толпы, делая вид, что защищаешь решение высших инстанций.

В конце митинга, около 5 часов вечера, два человека вошли в камеру Деникина: Костицын, помощник Иорданского, и капитан Бетлинг, командующий батальоном юнкеров, назначенный

охранять заключенных.

Владимир Костицын, химик и биолог по образованию, искренне симпатизировал большевикам. Он расстался со своими иллюзиями лишь в 1925 году и эмигрировал во Францию. За свои научные работы он получил премию Монтоин. После освобождения Франции от немцев о нем, по-видимому, забыли. Смерть крупного ученого в 1963 году прошла незамеченной. Бетлинг, служивший в Архангельском полку, которым командовал полковник Деникин, и раненный во время войны, стал одним из первых офицеров Добровольческой армии (ядро будущей Белой армии). Был ранен в 1918 году, поправился и умер от тифа в 1919 году.

В тот октябрьский вечер 1917 года два человека, вошедшие в камеру № 1, казались бледными и взволнованными. Честный Костицын, в отличие от Иорданского, не был по природе своей кровожаден. Мужественный Бетлинг был душой и телом предан заключенному. Они объяснили ситуацию:

— Толпа дала слово чести никого не трогать, однако она требует, чтобы вас провели до железнодорожной станции пешком. Но мы не можем ручаться… что все пройдет благополучно. Какое решение вы примете?

Генерал снял фуражку и осенил себя крестным знамением:

— Да храни нас Бог! Пойдемте!

Предписывалось перевести в другую тюрьму семь заключенных — шесть генералов и поручика: Деникина; Маркова; Эрдели, командующего особой армией; Ванновского, командующего 1-й армией; Эльснера, начальника снабжения Юго-Западного фронта и квартирмейстера Орлова, который еще не оправился от ранения правой руки. Поручик Клецанда, чех, оказался среди них на следующий день после дела Корнилова: он легко ранил одного их четырех набросившихся на Корнилова солдат.

— Пойдемте! — повторил Деникин.

Это крестный путь он будет помнить всю жизнь.

«Костицын вместе с пятнадцатью охранниками, посланными гарнизоном нас эскортировать, открывал шествие. Далее следовали мы с Бетлингом в сопровождении конвоиров с шашками наголо. Толпа неистовствовала, увеличиваясь с каждой минутой. Все взгляды были устремлены на нас. Исступленные крики и непристойная брань…»

Иногда мощному, взволнованному голосу капитана Бетлинга и хриплому голосу Костицына удавалось перекрыть дикие крики, куплеты «Марсельезы», которые толпа горланила по-русски.

— Товарищи! Вы дали слово!

— Не забывайте, товарищи, вы дали слово чести! Юнкера, на которых напирали со всех сторон, пытались

сопротивляться напору толпы, стремящейся прорвать их хрупкий защитный кордон. Накануне шел дождь, стояли лужи. Солдаты черпали пригоршнями грязь и бросали в заключенных. Лица, глаза заключенных покрылись вязкой отвратительной грязью. Полетели камни, генерал Орлов был ранен в щеку. Удар кулака еще больше растравил рану. Камни попали в Эрдели, затем в Деникина, первый в голову, затем в спину… Оскорбления не прекращались — «предатели!», «падаль», «кровопийцы». Женский голос истерически выкрикнул:

— Почему на вокзал? Их нужно повесить в тюрьме. Как эхо подхватили другие голоса:

— Да! Да! В тюрьме.

Деникин прошептал своему соседу Маркову:

— Это конец, не так ли?

— Думаю, да.

Толпа не давала кортежу выйти на дорогу, ведущую к вокзалу, навязывала ему обходной путь в несколько километров через центр города, женщины махали платками, их спутники кричали:

— Да здравствует свобода!

Опустилась ночь. Зажглись фары бронированного автомобиля, их лучи шарили по толпе, вырывая из тьмы то кортеж, то манифестантов, освещая их искаженные ненавистью лица, поднятые над головой кулаки.

Наконец вокзал! Свет заливал зал. Здесь ждали тысячи людей. Нужно было пройти через это людское море. Платформа была запружена людьми. Один из офицеров выхватил револьвер, угрожая «товарищам». Это был сын генерала Эльснера. Его ординарцу удалось успокоить его и увести. Один из рослых, плохо одетых солдат с правой рукой на перевязи вцепился в Клецанду.

— Вот мой убийца. Смерть ему! Смерть! Он чуть меня не убил! Раздался душераздирающий крик. Поручик обернулся и прошептал:

— Господи! Это моя жена с моей бедной матерью. Хоть бы эти кровопийцы не узнали их.

Он съежился, вобрал голову в плечи и попытался спрятаться между Эрдели и Ванновским.

Прошел час, два. Толпа не позволила «предателям» ехать в вагоне-люкс (на самом деле это был вагон третьего класса), для их перевозки она требовала арестантский вагон. Но в Бердичеве такого не оказалось. Помощник комиссара Костицын попытался

объяснить это взбешенной толпе, но, неожиданно оказавшись в самой ее гуще, получил удар в солнечное сплетение. Наконец на запасных путях обнаружили вагон для перевозки скота, весь пол которого был покрыт лошадиным и коровьим навозом. Его подогнали по рельсам до того места, где стоял кортеж. В зияющий провал вагона, закрывавшегося скользящими дверями, генералы взбирались без всяких ступеней. Дюжина рук протянулась, чтобы задержать их. Юнкера с потными лицами еле сдерживали толпу. Потерявшего сознание Орлова поднимали трое.

Десять часов вечера. Раздался удар: прицепили паровоз. Бетлингу удалось задвинуть дверь с риском зажать вцепившиеся в нее руки. Прозвучало два выстрела. Кто выстрелил? В кого?.. Поезд тронулся.

Станцию Калиновичи проехали без происшествий, здесь тоже ожидали «товарищей», боялись столкновения. Состав прибыл в Житомир. Пересадка. Новый товарный вагон. Пленные, юнкера, назначенные их эскортировать, и два делегата комитета Бердичева, безмерно устав, уснули. Проснулись все только в Быхове. Юнкера остались на вокзале, так как им нужно было возвращаться. Лимузин и коляска ожидали генералов.

Штаб польской дивизии, расквартированный в городе, взял на себя инициативу встречи. Деникина, Маркова и Орлова посадили в автомобиль. Двух делегатов комитета возмутила такая заботливость. В конце концов им разрешили ехать на подножках. Машины стремительно неслись по дороге и к полудню достигли решеток новой тюрьмы.

«Не всегда же будут решетки», — писал Антон своей невесте. В Быхове решеток на окнах не было, и комнаты оказались простые, но комфортабельные. Общая столовая. Разрешалось свободно ходить по длинному коридору. В саду могли постоянно прогуливаться заключенные, не более двадцати одного человека. Имелись два зала со скамьями и кафедрой, где можно было собираться в любое время для дискуссий или конференций. Это здание когда-то принадлежало католической школе, а теперь превратилось в «политическую тюрьму». Была ли охрана? Конечно, и даже две. Снаружи тюрьмы вдоль садовой ограды стояли солдаты Георгиевского полка, в определенной мере поддавшегося большевистской пропаганде. Внутри тюрьма охранялась текинцами. Последние были преданы Корнилову и постоянно угрожали расправиться с георгиевцами, если те осмелятся хотя бы на один враждебный жест по отношению к заключенным. Множество прислуги занималось кухней и хозяйством. Регулярно приходил совершать богослужения

священник. Визиты родных считались естественными, терпимо относились и к просто знакомым. Существовал лишь одни запрет: выходить за решетку сада.

Корнилов встретил Деникина вопросом:

— Не держите ли вы на меня обиду, Антон Иванович, что я втянул Вас в дело, столь Вас компрометирующее?

— Обиды, Лавр Георгиевич? Но наше дело общенациональное и оно исключает какие-либо личные обиды.

Затем Деникин сам стал расспрашивать и узнал обо всех этапах неудавшегося «дела Корнилова».

Все началось с определенного согласия между Корниловым и Керенским. Оба они хотели продолжения войны, ликвидации Советов, постоянно покушающихся на законную власть, создания сильного правительства. Что касается последнего момента, то каждый из протагонистов видел себя (втайне) во главе государства, Корнилов — временно, Керенский — навсегда. Первоначальный союз создавался Борисом Савинковым. Керенский передал свои полномочия военного министра этому бывшему бомбометателю, которого Черчилль позднее назовет «террористом с умеренными целями», уточнив, что с помощью динамита и пролития крови удивительный «маленький человечек с лукавыми глазами на мертвенно-бледном лице» хотел добиться в России такой же свободы и терпимости, как на Западе. Трое политических лидеров условились, что 3-й корпус кавалерии будет отозван с фронта и направлен в Петроград для подавления восстания большевиков, намеченного на середину сентября. Будет использована любая возможность для роспуска Советов силой. Керенский воспротивился только присутствию в 3-м корпусе Дикой дивизии, состоящей из северокавказских горцев, которые заслужили прозвище «пожирателей социалистов», всех социалистов, независимо от того, являются ли они такими патриотами, как Керенский, или нет. Он также требовал заменить командующего 3-м корпусом генерала Крымова, известного прохладным отношением к социалистам.

Это был первый этап «дела Корнилова»: за Россию, с Керенским, против Советов.

Приближался решительный момент, авторитет Корнилова рос, Керенского охватил страх, тем более что Дикая дивизия по-прежнему входила в 3-й корпус, готовящийся захватить столицу, и им по-прежнему командовал Крымов.

26 августа (8 сентября) французский дипломат Луи де Фобьен, служивший в Петрограде, записал в своем дневнике: «В последнюю ночь в посольстве меня разбудил телефонный звонок. Мне сообщили, что генерал Корнилов объявил о свержении

Временного правительства и идет на Петроград».

Страх Керенского перерос в ужас, к которому прибавилось еще и возмущение, когда обер-прокурор Святейшего Синода Владимир Львов — однофамилец князя — передал предложение Верховного главнокомандующего: убежище в Ставке на время волнений в столице и портфель… министра юстиции в будущем правительстве. Не зная, что безответственный Львов представился наивному Корнилову как посланник Керенского, и поняв превратно слова главнокомандующего, Керенский счел, что последний пытается заманить его в Могилев, чтобы убить (на самом деле Корнилов был искренне озабочен безопасностью своего союзника). Желая подкрепить эту почти уверенность, он лично звонит в Могилев, имитируя голос Львова. С помощью наводящих вопросов он хочет убедиться, что тот был принят Корниловым.

Когда главнокомандующий вышел на линию, «комедиант в истории» объявил:

— Я передаю трубку Керенскому.

И тогда своим обычным голосом Керенский задал вопрос:

— Могу ли я Вас попросить подтвердить информацию, переданную мне Владимиром Николаевичем Львовым?

Корнилов, не уточняя, о какой именно информации идет речь, поторопился ее подтвердить. Керенский настаивал:

— Должен ли я понять, что Вы подтверждаете все сказанное мне Владимиром Николаевичем относительно моего приезда в Могилев? Да? Я не могу приехать сегодня. Надеюсь, что завтра мне представится такая возможность. Вам нужен и Савинков?

— Да, я настаиваю на том, чтобы Борис Викторович вас сопровождал… Хочу вас заверить, что лишь мое беспокойство о вас двоих объясняет мою настойчивость.

Итак, все «ясно»! Корнилов хочет ликвидировать председателя правительства и военного министра! Керенский был горд тем, что ему удалось проведать о коварном заговоре. Он не видел другого средства сохранить свою жизнь, как присоединиться к Советам, всенародно обличить ужасный «заговор» и сместить Верховного главнокомандующего.

В Могилеве в первый момент были ошеломлены, потом начали говорить о провокации и предательстве. Корнилов, уверенный, что глава правительства вновь подпал «под пагубное влияние крайне левых элементов», решил проигнорировать свое смещение и 28 августа (10 сентября) направил воззвание к народу и армии, которое кончалось следующими словами: «Я, генерал Корнилов, сын крестьянина-казака, заявляю, что моими действиями не движет никакой личный интерес. Я хочу лишь

спасения Великой России. Клянусь вести народ дорогами победы к одной цели — Учредительному собранию, на котором он сам решит свою судьбу… Русский народ, судьба Родины в твоих руках!»

Это было начало второй фазы «дела Корнилова»: за Россию, против Керенского, против Советов.

Министр-председатель отдал приказ идущим на Петроград войскам остановиться. Но, подчиняясь приказу Корнилова, они продолжали продвигаться, правда, медленно — их все время задерживали в пути стачки железнодорожников и телеграфистов. Тех в свою очередь подстрекали Советы, которые отнюдь не были обмануты переменой в настроении Керенского, но торопились воспользоваться ею. Бесчисленные специальные посыльные распространяли «добрую» весть среди солдат, как русских, так и кавказцев, из которых состояла Дикая дивизия. Командующие, вынужденные изменить первоначальную формулировку на новую «с Корниловым, против Керенского», задавали себе вопрос: «А почему не с Керенским против Корнилова?»

29 августа (11 сентября) Луи де Фобьен отмечал в своем дневнике: «Керенский, тщеславный и жадный до удовольствий адвокатишка, мечтавший стать главой России только потому, что спал в кровати императора… создал комитет народного спасения из восьми членов… Но в это время Корнилов… со своими войсками двинулся к Петрограду. Народ, как кажется, на его стороне. Сегодня ждут вступления Корнилова в столицу».

Корнилов не решился покинуть Могилев. 30 августа (12 сентября) генерал Крымов, командующий 3-м корпусом кавалерии и располагающий в непосредственной близости к Петрограду силами лишь одной бригады… покончил с собой.

Деникин пытался понять:

— Но, Лавр Георгиевич, почему вы не вошли во главе войск в Петроград. Вы же знали, что Петроград откроет вам свои двери, как открыл свое сердце!

Пленник Быхова опустил голову, он признавал, что совершил серьезную ошибку, ссылаясь, как на смягчающие обстоятельства, на свою боязнь, что в его отсутствие Ставка главнокомандующего и все ее секретные досье попадут в руки местных Советов, что он будет арестован раньше, чем достигнет столицы.

Несколькими неделями позднее, отвечая в интервью иностранному корреспонденту на тот же вопрос, Корнилов сказал: «Причиной была сильная усталость, последовавшая за тяжелой ангиной».

Деникин вспомнил ничем не объяснимый приказ к отступлению, отданный Брусиловым в Карпатах. Можно было

лишь сделать вывод, что Корнилов, как и Брусилов, как и все русские, был подвержен порывам энтузиазма, сменяющимся депрессивными кризисами, и в решающие дни находился… «в провале неопределенности». Что же произошло далее?

Бывший Верховный главнокомандующий был возмущен поведением Алексеева: как этот доверенный Керенского посмел его арестовать? Не довел ли он его (почти) до самоубийства?

— Я объяснил ему его положение! Я предупредил, что он идет по туго натянутому канату между честью и бесчестьем и очень рискует упасть…

Деникину позднее, когда он встретит в конце года своего бывшего начальника, станет известна «другая версия», и он сочтет ее правдоподобной. Алексеев в возложении на себя затрагивающей его честь миссии увидел единственную возможность спасти жизнь «мятежникам», которым он симпатизировал. Он решил пожертвовать собой. Как только пленники были спасены от когтей солдатских комитетов, от преследования Керенского и укрыты в Быхове, Алексеев ушел со своего поста. Заменивший его генерал Духонин взял в свои руки руководство Ставкой в Могилеве, принял власть, которая теперь стала чисто символической.

Быхов находился от Ставки главнокомандующего не далее, чем в пятидесяти километрах. Духонин, бывший «жандарм» Киева, старый знакомый Деникина, решил показать свою лояльность Керенскому, но это не мешало ему уважать «мятежников» и даже восхищаться ими. Эстафета из Могилева ежедневно передавала им необходимую информацию, в свою очередь, возвращалась обратно с посланиями от Корнилова, где высказывались определенные «пожелания», часто похожие на приказы… В городе и в прессе Быховская школа-тюрьма часто называлась Малой Ставкой главнокомандующего. Все ее обитатели возмутились, когда узнали, что Керенский распустил Думу. Они вместе разрабатывали программу возрождения страны, составляли направленные против большевиков прокламации. Их программа использовалась и распространялась Ставкой в Могилеве, печаталась в симпатизирующих им газетах. В Петрограде Керенский выходил из себя, но ему приходилось считаться со следственной комиссией, которую он сам же и назначил. Эта комиссия, проведя расследование, потребовала судебного процесса, на котором 90 % офицеров и значительное число видных гражданских лиц должны были присутствовать как соучастники «мятежников». Крайне левые подняли скандал, но председатель правительства не осмелился прибегнуть к решительным мерам, а пошел только на то, что сократил

содержание и довольствие для заключенных. Охрана не была усилена, потому что он желал, чтобы они совершили побег, который, по его мысли, доказал бы их виновность. Полностью отдавая себе отчет в сложившейся ситуации, пленники и не думали убегать, несмотря на то, что это предприятие обещало быть нетрудным, и требовали судебного процесса.

26 октября (8 ноября) эстафета из Ставки принесла плохие новости. Поражение на фронте? Нет, на этот раз речь шла не о войне, в которой русская армия терпела поражение за поражением, а о больших волнениях в Петрограде. В предпоследнюю ночь Красная гвардия — распропагандированные и вооруженные большевиками рабочие — заняла центральный почтамт, вокзал и государственный банк. На следующий день Военный революционный комитет сверг Временное правительство и арестовал министров, которые находились теперь в Петропавловской крепости.

Но где же Керенский? Никто не знал. Одни говорили, что он сбежал на автомобиле посольства Соединенных Штатов, другие утверждали, что он собирает верные правительству войска и хочет изгнать большевиков.

На самом деле Керенский покинул столицу утром и отправился искать поддержки в Псков к генералу Черемизову, командующему Северным фронтом, но эта попытка оказалась тщетной. На следующий день глава свергнутого правительства выступил маршем на Петроград с отрядом в несколько сотен казаков под командованием генерала Краснова, бывшего военного корреспондента газеты «Русский Инвалид» в Маньчжурии. Его сопровождал также женский батальон, созданный самим Керенским.

1 (14) ноября пленники Быхова узнали, что экс-председатель правительства и Верховный главнокомандующий бежал. Краснов известил об этом Духонина, на которого теперь были возложены обязанности Верховного главнокомандующего… Новости продолжали поступать. Совет народных комиссаров провозгласил себя правительством, сместил Духонина, но попросил его «заниматься текущими делами» до приезда замещающего его на этой должности Крыленко.

Пять генералов: Корнилов, Деникин, Марков, Лукомский и Романовский (следственная комиссия добилась освобождения остальных шестнадцати заключенных) оказались в парадоксальной ситуации. Почему они должны оставаться в тюрьме, если правительство, обвинившее их в покушении на свою безопасность, было свергнуто? Духонин, надеясь, вопреки всякой очевидности, на «улучшение ситуации», умолял их набраться

терпения и обещал, если «всякая надежда будет потеряна», переправить их в надежное место. Генералы осмотрительно и осторожно подготавливали отъезд, постепенно подбирая для себя такую одежду, в которой было безопасно отправиться в путь.

Как только Антон прибыл в Быхов, он встретился с Асей. Узнав о событиях из газет, она поспешила приехать к своему жениху. Во время своих визитов она приносила рубашки, брюки, галстуки, куртки, спрятав их в свою широкую муфту. Солдаты внешней охраны проявляли галантность и не обыскивали ее, как им это предписывал регламент. Она признавалась потом, что волновалась лишь тогда, когда ей пришлось проносить пистолеты.

Генералы не вполне доверяли обещаниям «легалиста» Духонина и собирались без дальнейших промедлений покинуть Быхов. Но куда податься? Петроград и Москва были в руках большевиков. Банды враждебно настроенных солдат, дезертиров, самовольно демобилизованных заполнили дороги, близлежащие города, убивали и грабили под предлогом «перераспределения собственности». Большинство окрестных деревень были заняты Советами, организовавшими охоту на «врагов народа». Украина и Финляндия объявили о своей независимости. Эстония, Крым, Бессарабия и казачьи области европейской России и Сибири не хотели иметь дело с бывшими командующими императорской армии. Была лишь одна надежда: Каледин, атаман казачьего Дона, предоставил убежище генералу Алексееву, который из Новочеркасска рассылал воззвания, собирая добровольцев для выступления против большевиков. Корнилов нахмурил брови: Алексеев! Холуй презренного Керенского! Иуда, взявший его под арест! Он позволил себе однажды сказать о Корнилове: «У него сердце льва, но ум барана!». Однако в конце концов после недолгого размышления Корнилов присоединился к мнению своих четырех спутников: единственное место, где они могут найти поддержку, — это Дон. Но как до него добраться?

Дата отъезда определилась сама собой, когда стало известно, что Крыленко направляется в Могилев во главе большевистских частей. Духонин признался одному из своих адъютантов:

— Для меня остается лишь два решения: выдать пленников большевикам. Они будут расстреляны, а я спасу свою жизнь. Или подписать свой смертный приговор.

— Но почему не третье решение, почему бы вам не уйти вместе с ними?

— Невозможно. Верховный главнокомандующий не имеет права покидать свой пост, что бы ни случилось!

— В таком случае, какое вы примете решение?

— Подготовьте мне телеграмму. Я отдаю приказ переправить генералов Корнилова, Деникина, Лукомского, Маркова и Романовского на Дон!

«Мы получили телеграмму: Духонин приказывал нам уезжать. Нас должны были сопровождать на Дон в специальном поезде отряд текинцев и подразделение Георгиевского полка. Мы вздохнули с облегчением. Приготовили чемоданы. Проходят часы, мы ждем. Никаких новостей».

Наконец комендант тюрьмы сообщил, что Духонин изменил свое решение или, точнее, что он находит отъезд преждевременным. 19 ноября (2 декабря) к полудню из Могилева прибыл полковник Куссонский.

Стоя навытяжку перед генералом Корниловым, он отрапортовал:

— Крыленко в четырех часах от Ставки главнокомандующего, которая сдастся без боя. Генерал Духонин отдал мне приказ информировать вас о том, что следует как можно быстрее покинуть Быхов.

Уже больше не стоял вопрос об отъезде всем вместе в специальном поезде. Корнилов отдал своим текинцам приказ к полуночи быть готовыми к отъезду. Он обещал сам довести их до «земли обетованной». Четыре его спутника должны ехать поездом отдельно друг от друга, с поддельными паспортами, которые были готовы уже две недели. Корнилов благословил всех:

— Да пребудет Господь со всеми нами. До скорой встречи на Дону!

Глава XIII
ВСТРЕЧА НА ДОНУ

Новочеркасск, столица Дона, находился в тысяче километров от Быхова. Путешествие обещало быть долгим. Комендант тюрьмы пригласил четырех генералов в свою квартиру, чтобы они могли переодеться. Деникин с сожалением побрил себе бороду, немного поколебался перед тем, как расстаться с длинными и пышными усами, и в конце концов лишь основательно их укоротил, скрепя сердце поменял мундир на темный костюм. Ася сочла, что его выдают «спокойный взгляд серо-стальных глаз и черные взлохмаченные брови», и посоветовала надеть очки. Нет, они его слишком стесняют, и Деникин согласился лишь с помощью маленьких ножниц своей невесты выровнять брови.

Лукомский также оделся под «буржуа». Романовский, чье лицо и облик были менее известны, ограничился тем, что сменил свои генеральские погоны на более скромные. Став младшим офицером, он сохранил всю свою элегантность. Из соседней комнаты внезапно вынырнул развязный солдат:

— А, вы хотите бежать! Вовремя же я пришел. Держите предателей генералов!

Все очень похоже — наглость, надетая набекрень фуражка, простонародный говор. Лишь детская улыбка не могла никого обмануть. Марков был в восторге от своего переодевания. Стремительно вошел посланник Ставки полковник Куссонский.

— Генерал Духонин направляет меня с поручением в Киев. Я уезжаю сию минуту. Паровоз ждет меня на станции. Я могу посадить двух… в военной форме.

Все взгляды обратились к Деникину. Комендант тюрьмы предложил:

— Я думаю, у меня найдется мундир по вашему размеру. Что скажете вы о форме капитана? Поручик будет для вас… не по возрасту.

— Нет, спасибо. Я стал гражданским лицом, таковым и останусь до Новочеркасска.

Он обратился с Куссонскому:

— Возьмите с собой этого подпоручика и этого солдата. Приказ есть приказ, Марков и Романовский не осмелились протестовать и последовали за Куссонским.

— Auf wiedersehen! — крикнул им Лукомский, уже полностью вошедший в роль немецкого «буржуа».

Деникин спросил его:

— Вы не изменили своего решения? Вы направляетесь в логово волка.

— Уверяю вас, Антон Иванович, что мой маршрут самый хитрый и надежный. Крыленко идет на Могилев, я — ему навстречу. Кто подумает искать меня здесь? А дальше я уж как-нибудь выпутаюсь.

Комендант тюрьмы, проводив полковника Куссонского и двух «военных», вернулся с каким-то подпоручиком и представил его Деникину:

— Ваше превосходительство, разрешите мне представить вам: вот Петр Михайлович Любоконский, он вполне заслуживает доверия. Он уезжает в отпуск и едет до Харькова. Петр Михайлович может быть вам полезен. Возьмите его с собой в качестве попутчика.

Подпоручик отдал честь. Во взгляде его честных глаз светилось воодушевление. Деникин протянул руку.

— Вас не пугает идея отправляться в путь с человеком, которого разыскивают, чтобы убить.

— О нет, Ваше превосходительство! Я могу вас заверить, что пока я жив, они вас не тронут!

Молодой человек отправился на станцию и купил билет на Ростов-на-Дону через Харьков. Путь обещал быть долгим, четыре ночи и три дня, не считая вероятных опозданий. Поезд отходил в 4 часа 30 мин. В 3 часа пополудни Деникин был уже в штабе польской дивизии, где его ждал паспорт на имя Александра Домбровского родом из Варшавы, заместителя директора польской службы здравоохранения.

Южный поезд опаздывал на 6 часов. В переполненном вагоне Деникин-Домбровский и подпоручик все же нашли два места в купе. Они опустили полки. Генерал выбрал верхнюю. Было уже 11 часов вечера, когда поезд тронулся.

Вновь обретенная свобода должна была бы опьянить. Но генерал не ощущал себя опьяненным, а напротив, почему-то сильно подавленным. Из-за того ли, что был в гражданском? Из-за ложного паспорта? Из-за необходимости ли прятаться и притворяться первый раз в жизни? Сон долго не приходил.

Утром на первой остановке один веселый солдат сошел наполнить чайник кипятком. Каждый приготовил себе чай. У Любоконского были пирожные, он предложил Деникину, тот поблагодарил на польском.

— А! Вы поляк, — обрадовался сосед, человек небольшого роста с лысиной, — я некоторое время жил в Польше перед войной. Я по налоговой части. А из каких вы мест?

— Мой отец родился в Саратовской губернии.

— Но это на Волге в двух тысячах верст от Польши! Деникин-Домбровский смутился, поспешно стал что-то объяснять. Но чиновник по налогам не был подозрительным человеком, он говорил, чтобы что-то говорить. Женщина, закутанная в три шали, жаловалась на холод, и это послужило прекрасной темой для разговора. Затем солдат, ходивший за чайником, начал разъяснять новую большевистскую программу:

— Они национализируют землю и заводы, после чего раздадут все народу. Каждому достаточно будет заплатить какую-то малость, чтобы сделаться собственником!

Чиновник осведомился:

— А могли бы вы мне сказать, где народ возьмет деньги, чтобы заплатить эту «малость»?

— Ему даст правительство. У меня есть друг в Петрограде, в канцелярии. Он мне объяснил, что правительство заплатит народу то, что ему было недодано за сто лет в качестве компенсации за капиталистическую эксплуатацию.

— А где правительство найдет деньги? — настаивал чиновник.

— В банках, черт возьми! И у буржуев.

В разговор вмешалась маленькая, укутанная в шали женщина:

— Мы в Москве, ожидая всего этого, умрем с голода. Солдат посоветовал ей:

— А вы поезжайте на побережье Аральского моря. Как я погляжу, вы любите путешествовать. Там никогда не бывает голода.

Один из попутчиков, до сих пор все время молчавший и не отрывавшийся от чтения, поднял на солдата глаза и взглянул из-под пенсне:

— А позвольте вас спросить, почему? Солдат ударил себя по коленкам и засмеялся:

— Вы производите впечатление ученого человека, и вы не знаете, почему?

— Да, я преподаватель. И я действительно не знаю.

— Вы не знаете, что на Аральском море есть гигантские птицы, которые откладывают яйца, огромные, как арбузы?

Солдат округлил руки:

— Яйца вот такой величины! Одно яйцо может накормить целую семью!

Преподаватель пожал плечами и, пробормотав: «Детские сказки», — вновь погрузился в чтение. Маленькая женщина и крестьянин, оскорбленно взглянув на преподавателя, продолжали заинтересованно расспрашивать солдата.

В следующую ночь вагон заполнил отряд шумных военных.

Почти невозможно стало протиснуться в коридор. Однако ранним утром Деникину и Любоконскому удалось сойти на платформу.

Зная, что поезд отходит только через час, они решили немного размять ноги. Какие-то люди под взглядами зевак клеили на стенах афиши. Стекалась толпа:

«Всем! Всем!

Генерал Корнилов сбежал из Быхова с четырьмя своими сообщниками! Военный революционный комитет рассчитывает на поддержку народа в безжалостном подавлении всякой попытки контрреволюции».

Другая афиша была подписана председателем Комитета железнодорожников:

«Корнилов сбежал из Быхова с четырьмя сотнями текинцев. Они направляются к Жлобину. Я прошу всех железнодорожников принять необходимые меры для ареста Корнилова. Об его аресте прошу немедленно меня информировать!»

Люди читали. Они надеялись, конечно, получить какие-то сведения с места военных событий или узнать о конце войны. Их лица выражали безразличие и разочарование.

Деникин и его попутчик направились к паровозу. Рабочий с таким черным лицом, что нельзя было разглядеть его черты, загружал лопатой уголь. Машинист смотрел, как он работает, и курил. Вдруг рабочий вставил лопату в кучу угля и, плюнув, сказал:

— Надоело мне работать на буржуазию! Машинист бросил окурок:

— Это ты мне говоришь?

— Да, тебе! Я надсаживаюсь, чтобы загружать твой проклятый паровоз, а ты стоишь и куришь, скрестив руки!

— Но когда поезд отойдет, ты будешь стоять, скрестив руки, а я буду работать.

— И ты называешь это трудом! Крутить спокойно двумя пальцами рукоятку и зарабатывать в два раза больше, чем я!

Генерал и подпоручик вернулись в купе.

Оно было переполнено вновь вошедшими солдатами, обсуждавшими объявления. Деникин взобрался на верхнюю полку и уснул лицом к перегородке.

Время подходило к завтраку, когда поезд остановился посреди поля. Прошло полчаса. Пассажиры начали толпиться у дверей, пытаясь узнать, в чем дело. Солдат, рассказывавший о яйцах величиной с арбуз, в конце концов объяснил:

— Кажется, всех проверяют. Кого-то ищут.

Рука Деникина скользнула в карман и сжала рукоятку пистолета, который принесла ему Ася.

Прошло полчаса. Поезд тронулся. Проверка была отложена до следующей станции, так как проверяющим не удалось протиснуться в коридор.

Один из недавно вошедших солдат пробормотал:

— Бьюсь об заклад, что знаю, кого ищут.

— Тогда скажи.

— Эту сволочь Керенского!

И после некоторого молчания:

— И может быть, я знаю, где он…

Все, казалось, заинтересовались. Солдат наслаждался произведенным эффектом и, взяв своих товарищей в свидетели, указал на Деникина:

— Вы его знаете, этого гражданина, который лежит там, наверху и делает вид, что спит? Уже давно за полдень, а он все лежит, повернувшись к нам спиной.

Чиновник по налогам сделал попытку вмешаться:

— Это не Керенский, это поляк.

— А откуда ты знаешь.

— Он мне сам сказал.

— То же мне, доказательство! Я Керенского знаю. Я видел его портреты, их также в газетах печатали. Меня не проведешь! Я хотел бы увидеть рожу твоего поляка.

— Эй, ты, там, наверху, покажись-ка нам!

Чья-то рука схватила Деникина за рукав, генерал повернулся и свесил голову вниз. Сидящие внизу солдаты смотрели на него.

Посыпались вопросы:

— Так это он?

— Ты его узнаешь?

— Это Керенский?

Немного смутившись, солдат честно признался:

— Нет. Это не он. Не похож.

Все засмеялись его промаху. Поляку, теперь свободному от подозрений, в виде извинения вручили стакан чаю.

В Конотопе всех попросили выйти, проверяли документы. Все выходы с вокзала строго охранялись. Однако вход в буфет был свободен. Деникин и Любоконский выбрали свободный столик рядом со столиком начальника патруля, попивавшего чай в ожидании, когда его люди закончат работу. Провели арестованных — трех молодых людей и старика. Клиентов, сидящих рядом с начальником, проверять не стали.

Вернулись к поезду, его пришлось брать приступом. Дюжина новых пассажиров толпилась в купе. Это были солдаты, которые, законно или нет, возвращались домой. Самый пожилой — около пятидесяти лет — занял верхнюю полку. Остальные начали

вспоминать:

— Ты помнишь, Митька, офицера, который нас продал?

— Тот, который загородил нам сзади путь, чтобы все шли на бойню?

— Да. Он получил свое!

Один из их друзей захотел похвастаться.

— Мы догнали двоих из них и добили их штыками. Деникин вскочил, сжал кулаки, но ему удалось овладеть собой. Любоконский же не сдержался:

— Вы убийцы.

Деникин положил руку на плечо подпоручика, тот замолк. Солдаты уже готовились дать отпор, когда заговорил «старик» с верхней полки:

— Он прав, этот парень. Мне смешно слушать ваши глупости. Офицеры не виноваты, что вы все трусы и только и думаете, как бы дезертировать.

— Прекрасно, а ты? Поезд идет не в сторону фронта.

— Я? Я возвращаюсь домой, меня демобилизовали. Вот посмотрите.

«Старик» порылся в кармане и протянул сальную бумажку.

— Мой приказ о демобилизации. Год призыва 1890. Я прошел всю войну в 25-й артиллерийской бригаде. Э! Постой, ты вверх ногами держишь мою бумагу. Это ты так учился читать?

Его товарищи расхохотались. Оскорбление, которое нанес Любоконский, было забыто.

Подпоручик сошел в Харькове. Генерал стал ждать поезд на Ростов-на-Дону. Нужно было встать в очередь, чтобы пройти обыск. В маленьком чемодане Деникина было лишь сменное белье и кусок мыла. Его польский паспорт не вызвал подозрений у проверяющих, даже не подумавших прощупать карманы его пиджака. Два силуэта в очереди обратили на себя внимание генерала: подпоручик и солдат — видимо, его ординарец — развлекали красногвардейцев шутками и пробивались вперед, чтобы пройти в вагон первыми. Деникин, прокладывая себе путь локтями, поднялся в тот же вагон, но «сидячих» мест уже не было. Два расторопных человека уже устроились в купе, где теснились еще восемь пассажиров. К удивлению генерала, ординарец поднялся и сделал знак Деникину.

— Эй! Вы, там, садитесь на мое место. Здесь слишком душно. Я лучше выйду в коридор.

Деникин сел. Ординарец был прав, запах человеческого пота и дурного табака был почти невыносимым. В купе «первого класса» бархатная обивка скамеек была разорвана, кожура семечек плавала в плевках, сальная бумага валялась между

сиденьями и перегородками. Пассажиры начали разговор. В разговоре участвовали два черкесских торговца, четыре солдата, выдававшие себя за демобилизованных. Единственная женщина — вдова военного, сидела рядом с поручиком, возвращавшимся после короткого отпуска в свою часть на Кавказ. Он доверчиво разговаривал со своим соседом — подпоручиком, зашедшим в поезд с ординарцем, но тот отвечал односложно. Поручик шутливо возмутился:

— Я вам рассказал всю свою жизнь, а вы мне не сказали ни слова! Что вы делали до войны? В вашем возрасте и только подпоручик, это доказывает, что вы не кадровый офицер.

Подпоручик пробормотал несколько слов, которые нельзя было расслышать, отчетливо прозвучало лишь: «единственный сын»… «коммерция»…

На остановке поручик спросил:

— Не мог бы ваш ординарец сходить мне за папиросами?

— Пожалуйста.

Солдат, вернувшись, бросил пачку папирос и деньги. Шокированный этим дерзким жестом, офицер все же предложил папиросу.

— Спасибо, я не курю.

Поручик выбрал монетку и протянул ординарцу. Тот бросил ее в карман смеясь:

— Вот это другое дело.

Три солдата и женщина сошли на следующей станции, где в вагон больше никто не сел. Дон был уже близко. Дальше могли ехать только те, чьи бумаги удостоверяли необходимость их присутствия на этой, еще не занятой большевиками, территории. Контроль был очень строгим, но визит патруля в купе Деникина прошел без инцидентов. Услышав имя «Домбровский» и узнав о занятии своего попутчика, поручик обратился к поляку:

— Я уверен, что вас знаю! Мы, должно быть, встречались в Румынии. Я служил во 2-й дивизии. Вероятно, ваш санитарный поезд был прикреплен к нашей дивизии, не так ли?

Армейский корпус, в который входила 2-я дивизия, находился в Румынии под командованием Деникина. Последний начал уверять, что никогда не был в Румынии, никогда не соприкасался с офицерами 2-й дивизии… Поручик удивился:

— Как это удивительно! Ваше лицо мне так знакомо… А куда же вы дальше?

Билет Деникина был до Ростова, но официальный пропуск, выданный штабом польской дивизии в Быхове, упоминал как конечный пункт назначения Тифлис, Деникин-Домбровский счел, что ему целесообразнее утверждать, будто он едет до Тифлиса.

— Как удачно! Я туда же. У нас будет время выяснить, где же мы виделись!

Наконец, остановка в Ростове-на-Дону. Все вышли. Те, кто ехал до Тифлиса, должны были взять новый билет и перейти на другую платформу.

Услужливый поручик предложил поляку:

— Я все возьму на себя и займу нам места. Я уже четвертый раз еду этим путем и мне легче будет все уладить, чем вам.

Деникин обменялся взглядами с подпоручиком и его ординарцем и отклонил предложение:

— Нет, спасибо. Я должен признаться, что ни я, ни мои двое друзей не имеют намерения ехать в Тифлис. Кроме того, наша встреча в Румынии кажется мне вполне вероятной. Я даже уверен, что мы там сражались вместе.

Генерал отошел. «Подпоручик» сжал руку озадаченному поручику.

— Да, мой дорогой, это ваш главнокомандующий, генерал Деникин. Позвольте мне также представиться, я генерал Романовский, а мой «ординарец» — генерал Марков.

Красный от смущения, поручик смог лишь вымолвить:

— Ваше превосходительство… Извините меня, Ваше превосходительство…

Марков подбросил монетку в воздух и вновь поймал ее.

— Спасибо за чаевые! Я ее сохраню, это будет моим амулетом.

В Ростове большевистское восстание было подавлено казаками. Обстановка была тяжелая и тревожная. Марков решил провести сутки в кругу своей семьи, прежде чем присоединиться к своим друзьям в Новочеркасске. От Корнилова пока не было никаких новостей.

19 ноября (2 декабря) поздно вечером начальник тюрьмы в Быхове сообщил георгиевцам, что он получил приказ освободить генерала Корнилова. В полночь солдаты выстроились по обеим сторонам решетки. Появился Корнилов. Он поблагодарил своих тюремщиков за прекрасное выполнение своего долга и раздал им две тысячи рублей. Солдаты закричали хором: «Ура!». Два офицера Георгиевского полка, капитан Попов и прапорщик Гришин, попросили дозволения присоединиться к текинцам.

В час ночи обитатели Быхова были разбужены стуком множества кованых подков по замерзшей мостовой.

Комендант тюрьмы Быхова исполнил последний приказ Корнилова — отослал оставленную им телеграмму: «Верховному главнокомандующему Духонину.

Я информирую Вас, что покидаю Быхов и отправляюсь на

Дон, чтобы там продолжать — пусть даже простым солдатом — беспощадную борьбу против предателей Родины».

По приказу Духонина 4-й эскадрон Георгиевского полка покинул Могилев и присоединился к текинцам. Им командовал полковник Кюгельген, назначенный Ставкой по провианту и лазарету. Он явно не одобрял всего этого предприятия. Утром стало очевидно, что четыреста пятьдесят кавалеристов отправились в путь без врача, без перевязочного материала и медикаментов, что не хватает продовольствия. Что касается подробных карт местности, по которой шел отряд, то Кюгельген признался, что он их «забыл». Шли по компасу в юго-восточном направлении, останавливаясь в деревнях, чтобы закупить фураж и продукты. После шести дней форсированного марша отряд отошел от Могилева лишь на 350 километров. Снег, холод, голод взяли верх над первоначальным энтузиазмом. При первой же встрече с большевиками, при первых выстрелах отряд разбежался. Корнилов только чудом спасся от гибели: его лошадь, смертельно раненная, несла его еще какое-то время и упала тогда, когда красные были уже далеко позади. Потребовалось несколько часов, чтобы вновь собрать людей и лошадей. Сотня верховых оказалась в руках врага. Остальные, замерзшие, упавшие духом, находившиеся на пределе сил, послали своего парламентера к Корнилову. Неловко выговаривая слова, он объяснил:

— Мы сделали все, что было в наших силах. Мы ничего не можем больше сделать. Теперь вся Россия принадлежит большевикам. Мои друзья намерены сдаться, это единственное, что нам остается.

— Что же, прекрасно, сдавайтесь, но прежде убейте меня. Я предпочитаю умереть от вашей руки, чем от руки красных.

В ответ изнуренные, вконец измученные люди молча сели на коней и поехали дальше. Но Корнилов начал отдавать себе отчет в том, что больше так продолжаться не может. Он объявил, что освобождает солдат от клятвы верности и просит их разделиться на группы и присоединиться к нему в Новочеркасске. Дальше он пойдет один.

Пленные текинцы 3 (16) декабря проезжали под охраной станцию Конотоп. Один из них, высунувшись в окно вагона, увидел старого хромого крестьянина, одетого в бесцветный тулуп и валенки. Оборванец обратился к нему:

— Здравствуй, товарищ! Ты не видел Гришина?

— Но он в этом вагоне, Ваше Вы… товарищ!

— Хорошо, хорошо.

Охранники, озадаченные, тоже выглянули в окно.

— Мой Бог! Это он! Это Корнилов.

Ему в ответ раздался, правда, несколько натянутый, смех текинца.

— Вы шутите!.. Это… отец моего молочного брата.

Старый крестьянин с паспортом на имя румынского эмигранта Марьяна Иванова 6 (19) декабря прибыл в Новочеркасск и вновь принял свой истинный облик. Генерал Лукомский, не испытав в дороге никаких приключений, также присоединился к своим товарищам по Быховской тюрьме.

Глава XIV
ДОБРОВОЛЬЦЫ

Территория Донской области простиралась по обеим сторонам реки на 144.000 квадратных километров — от Саратовской и Воронежской губерний на севере до Азовского моря — на юге. Слово «казак» пришло из татарского языка, ему не менее двенадцати веков.

Первоначально так назывались кочующие племена, большей частью славянского происхождения. В зависимости от обстоятельств они заключали союз то с монголами, то с поляками или шведами, пока наконец не признали права русского царя. Во времена Ивана Грозного казак Ермак Тимофеевич со своим войском завоевал Сибирь. К концу XVIII века казаки отказались от кочевой жизни и по мере присоединения новых земель расселялись вдоль границы, которую и взялись защищать и расширять, получая в собственность завоеванные территории. В обмен на привилегии при уплате налогов и относительную внутреннюю независимость они были обязаны являться на военную службу по первому же зову царя.

Став наиболее верными сторонниками режима, они активно участвовали в подавлении революции 1905–1907 годов. В 1914 году одиннадцать казачьих областей Европы и Азии (Дон, Кубань, Терек, Астрахань, Урал, Оренбург, Сибирь, Семиреченск, Амур, Уссурийск и Забайкалье) поставили русской армии шестьдесят конных дивизий, полностью экипированных лошадьми, униформой и холодным оружием.

Казаками управляли атаманы, выбранные кругом — местным парламентом. Население Дона не было однородным. К крестьянам-переселенцам, у которых земля находилась в долгосрочной аренде, присоединились, как только начала развиваться промышленность, рабочие соседних областей и коммерсанты еврейского происхождения. В 1917 году на Дону проживало 4 миллиона человек, из них: 46 % — исконные казаки, 48 % — крестьяне и 6 % — «переселившиеся пролетарии» и торговцы. Эти категории населения проявляли друг к другу терпимость, но особо теплых чувств друг к другу не питали.

С переходом власти к Временному правительству между ними и казаками возникло взаимное недоверие. Когда Брусилова сняли с поста Верховного главнокомандующего, казаки поспешили выбрать своим атаманом Каледина, командующего 13-й армией и одного из самых популярных казаков Дона.

Керенский, тогда военный министр, был этим чрезвычайно раздосадован и, придя к власти и став министром-председателем, обвинил Каледина в участии в Корниловском заговоре и отдал приказ об его аресте. Круг Дона возмутился, и Керенский вынужден был отступить и публично принести атаману свои извинения. Большевистский переворот отнюдь не способствовал улучшению отношений казаков к центральной власти, и вполне логично, что Алексеев обратил свои взоры к Новочеркасску, столице Дона, где «правил» его друг Каледин. Надеясь перевести сюда центр созданной им тайной организации «Борьба за Россию», Алексеев приехал в Новочеркасск 15 ноября, в сопровождении лишь адъютанта капитана кавалерии Шапрон дю Ларре. Однако Алексеева ждало разочарование. Власть Каледина оказалась довольно ограниченной, но главное — у его подчиненных изменились настроения.

— Зараза захватила и их, — объяснял атаман. — Они больны, как и все русские. Крыленко из Ставки грозит карательной экспедицией, а моряки Черноморского флота обещают репрессии, если мы не подчинимся власти Петрограда. Переселенцы и коренные жители волнуются, казаки колеблются, они отказываются выступать против большевиков. Будет лучше, если вы поищите себе другое пристанище…

Но это не обескуражило упрямого Алексеева, и он продолжал рассылать воззвания, созывая всех на Дон. На одно из них и ответили пленники Быхова.

Лукомский опередил Деникина и Романовского и ждал их в Новочеркасске, куда они прибыли в декабре. Где же в это время находился Алексеев? Он уехал на конференцию в Ека-теринодар, столицу соседней казачьей области — Кубани. А Каледин остался ждать вновь прибывающих. Деникин отправился к нему и нашел его в огромном, почти пустом здании губернского правления. Каледин был мрачен. Он только что получил ультиматум черноморцев, их корабли блокировали Таганрог — большой порт на Азовском море. Деникин, давно знавший Каледина, помнил его мужественным, энергичным, честным и… угрюмым. Но ему никогда не доводилось видеть, чтобы атаман мог настолько… смириться с судьбой. Он выглядел безмерно усталым, даже пышные усы, казалось, выражали разочарование. Он объяснил причины своего беспокойства и попросил Деникина временно покинуть Дон. После возвращения Корнилова и Алексеева из Екатеринодара все должны собраться, чтобы принять окончательное решение. А до того времени атаман предпочитал оставаться один и пытаться воздействовать на казаков, чтобы вернуть им веру в себя…

Генерала поселили в переполненной гостинице. Ждали Маркова. С его прибытием распределили задачи. Лукомский отправляется искать друзей и единомышленников на Кавказ. Деникин и Марков выбрали Кубань. Романовский, менее известный и менее «приглядевшийся», оставался на месте и должен был предупредить троих друзей о приезде Корнилова и возвращении Алексеева. Деникину оставалось также решить проблему личного характера. Ася приехала в Новочеркасск. Ее путешествие прошло без приключений благодаря миловидному личику и подлинным документам. Осторожность требовала, чтобы она сохранила прежнюю фамилию и считалась незамужней. Но Деникин полагал, что он и так уже долго ждал, и хотел привезти на Кубань не невесту, а законную жену. Он больше не желал откладывать свадьбу.

Ася давно мечтала увидеть себя в прекрасном белом платье, длинной вуали и с букетом цветов. Но об этом нечего было и думать. И не только из-за отсутствия времени и денег: свадьба должна была пройти незамеченной. Весь гардероб Аси состоял из изрядно поношенного дорожного костюма. Госпожа Каледина, взятая в наперсницы, предложила ей широкую юбку и белую, украшенную цветами блузку. Но Каледина оказалась худенькой и высокой, рост же Аси не превышал 1,58 метра…

Юбку пришлось укоротить, широкая муфта венчавшейся скрывала слишком длинные рукава блузки. Чтобы запечатлеть на память этот день, решили пойти сфотографироваться. Фотографию обещали сделать через три или четыре дня, и Ася с Деникиным могли прийти за нею по возвращении с Кубани.

Мои родители не любили упоминать об их «свадебном путешествии». Однако в 1939 году — мы жили тогда в трех очень маленьких и очень сумрачных, выходящих окнами во двор комнатах, в доме на улице Лакордер XV округа Парижа — моя больная мать упомянула об этом:

— Иваныч! Когда-то ты обещал, что мы проведем наш медовый месяц под лазурным небом Рима и Венеции, но мы восемь дней продрожали от холода в этой станице Славянской, погребенные под снегом! И теперь я умираю здесь, в этой ужасной темноте, и так никогда и не увижу Италии! Зря я верила твоим обещаниям!

Мой отец, желая ее утешить, шутил:

— Прежде всего от простого гриппа ты не умрешь. И потом, вспомни, ты мне говорила, что сначала ты хочешь повидать Париж. Вот мы и в Париже.

Во взгляде моей матери он уловил упрек и с виноватым видом опустил голову. Впервые мой отец, с таким мужеством и

достоинством противостоящий превратностям судьбы, вызвал во мне жалость…

Прошло восемь дней медового месяца, и Александр Домбровский — Деникин все еще жил под чужим именем, счел своим долгом покинуть станицу Славянскую и прибыть к Маркову и Алексееву в Екатеринодар. Но Алексеев вернулся на Дон к Корнилову. Пришлось возвращаться в Новочеркасск.

Домбровский снова стал Деникиным и отпустил бороду и усы. Удовольствие вновь видеть бывших верховных главнокомандующих и радость начать наконец активную борьбу против большевиков омрачались массой тяжелых впечатлений. Каледин официально объявил, что формирует на своей территории антибольшевистскую армию, но казаки не изменили своих «настроений». Петроградские лидеры теперь угрозы чередовали с заманчивыми посулами: пусть казаки признают новую власть, тогда им сохранят их привилегии! Более того, им будут дарованы новые! Вняв пению этих сирен, донские казаки все менее и менее дружелюбно относились к тем, кто ничего им не обещал и чья активность грозила обернуть на них гнев новых правителей.

Не было единомыслия и среди руководителей антибольшевистской армии. Отношения между Алексеевым, инициатором движения, и Корниловым, автором неудавшегося путча, оставались в чрезвычайной степени натянутыми. «Сердце льва, ум барана», не забывший своих претензий, считал, что первое место ему принадлежит по праву, в противном случае грозил вернуться в свою родную Сибирь. Деникину, которого связывала искренняя дружба с обоими лидерами, пришлось употребить все свои дипломатические способности, чтобы сгладить острые углы. В конце концов сформировали нечто вроде миниатюрного парламента, Совета (впрочем, через несколько недель распавшегося) и власть приобрела как бы три головы. Алексеев занялся гражданской администрацией освобождаемых в будущем областей, а также финансами и внешней политикой. Каледин должен был в дальнейшем управлять Доном. А Корнилов брал в свои руки руководство новой армией — армией, которая на данный момент не превышала по численности полка.

Многие офицеры, состоящие в «тайной организации» Алексеева как в Москве, так и Петрограде и получившие там значительное содержание и поддельные документы, на пути в Новочеркасск… терялись. Тем не менее около двух тысяч все же прибыли на место. Солдат, ответивших на призыв, оказалось очень мало. «Одно имя Корнилова, восстановившего в армии смертную казнь, стало для большинства синонимом смерти», —

заметит бывший военный корреспондент в Маньчжурии, будущий атаман Дона Краснов. Зато в армию добровольцев вступали студенты и кадеты, а также отдельные уцелевшие бойцы из «женского батальона» Керенского. Необходимо было их разместить, накормить, одеть, вооружить. Тайной московской организации удалось собрать 8 миллионов рублей; местные пожертвования составили 2 миллиона. Прибывшие в Новочеркасск представители французской и британской военных миссий обещали 100 миллионов рублей. Лишь англичане сдержали слово… несколько месяцев позднее. Незначительную сумму согласилось предоставить правительство Дона. Вывернул все свои карманы также и Каледин.

Добыли самую разнородную по своему виду униформу, общим был лишь нашиваемый на рукав угол из лент национальных цветов. 27 декабря 1917 (8 января 1918) года Корнилов в своем воззвании объявил: «Новая армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской — ее народ — выявит через посредство избранного Учредительного собрания державную волю свою».

Что можно было пообещать добровольцам, кроме лишений, ранений и смерти? Только победу в отдаленном будущем? Они были согласны идти на это. Конечно, в армию могли затесаться мошенники и авантюристы, ищущие собственную выгоду. Но какую выгоду извлечешь из четырехмесячного пребывания в разношерстном воинстве, чье содержание ничтожно. 30 рублей в месяц получали солдаты, а офицеры, независимо от звания, — 100 рублей. Отбор произошел сам собой.

Еще до того, как существование Добровольческой армии было официально признано, она по просьбе атамана Каледина отразила атаки красных, начавших серьезно интересоваться Доном. Добровольцы также подавили внутренние восстания. Их боевые рейды позволили несколько улучшить вооружение, но оно все еще оставляло желать лучшего. Регулярная казачья армия отказывалась участвовать в боевых действиях и склонна была сохранять нейтралитет. Тогда добровольцы стали прибегать к «системе Д». С благословения своего руководства и самого атамана они обменивали у казаков, предварительно споив их, бочки водки на пушки и пулеметы. Ночью со складов казаков исчезали ружья и патроны.

Все эти «предметы первой необходимости» могли бы быть добыты более достойным образом, если бы не столь значительный недостаток денег. «Казачьи комиссары, — вспоминал Деникин, — продавали все что угодно, все, что находилось под рукой, включая и свою совесть».

Постепенно большевики усилили свое давление на Дон. Мини-батальоны и мини-полки добровольцев сражались теперь на нескольких фронтах. Таганрогским фронтом командовал полковник Кутепов, бывший командир известного Преображенского полка, человек настолько же мужественный, насколько и упрямый. Под его началом находился капитан Скоблин, также храбрый, но… чрезвычайно подверженный влияниям.

В этот день стояла задача захватить находящуюся в руках красных железнодорожную станцию. Операция прошла успешно, Кутепов и Скоблин вышли на перрон станции, увидели лежащий невдалеке труп. Железнодорожник лежал, скрючившись, с распоротым саблей животом. В рот ему были засунуты жалкие и кровоточащие атрибуты мужественности. На обнаженной груди фотография, на которой изображены два молодых человека в форме юнкеров и стояла надпись: «Нашему дорогому папе».

Полковник перекрестился, капитан взвыл от бешенства:

— Монстры! Мерзавцы!

Он склонился над фотографией.

— Я узнаю блондина, он служит в моей части. Эти презренные негодяи убили его отца! Они дорого мне за это заплатят.

Вокруг собрались солдаты. Один из юнкеров вышел вперед, это был сын казненного. Тем временем на вокзал прибыл вагон, он привез около двадцати большевиков, взятых в плен на соседней станции. Прежде чем кто-либо успел его остановить, юнкер разрядил свой карабин в толпу пленных. Его разоружили слишком поздно, он зарыдал.

Скоблин попытался его успокоить:

— Мы отомстим за твоего отца, можешь на меня положиться! Даю тебе слово чести!

Интересно отметить, что в 1930 году этот же самый Скоблин, ставший советским агентом, вероятнее всего, участвовал в похищении своего бывшего шефа Кутепова, организованном в Париже агентами ГПУ. А еще через семь лет он лично будет руководить двумя другими похищениями — генералов Деникина и Миллера, из которых удачным будет лишь второе, а затем исчезнет, не оставив никаких следов.

С начала 1918 года отдельные стычки начали перерастать в смертельные бои. Донские казаки все еще колебались, не зная, чью принять сторону. После того как Таганрогский порт оказался в руках красных, которые вплотную подошли к Ростову и Новочеркасску, командующие Добровольческой армией созвали совет. Продолжать защищать тех, кто не хотел, чтобы их

защищали, — равнозначно самоубийству. Нужно было уходить. Но куда идти? На юг, к Екатеринодару, столице Кубани, где, как казалось, собираются другие «добровольцы»? В степь, на Север, где можно было бы провести остаток зимы? В конце концов решили: в самое ближайшее время надо оставить крупные города Дона — непосредственную цель красных. Деникин собрался предупредить Каледина о скором отходе. Атаман начал умолять его отложить эвакуацию добровольцев.

— Послушайте меня, Антон Иванович! Может быть, еще не все потеряно. Я сделаю последнюю попытку разбудить моих казаков. Я соберу всех их военачальников, я им все объясню. Они поймут, что их первый долг — защищать свою землю!

Они не поняли. Покинув собрание — свой последний шанс, — Каледин пустил себе пулю в лоб.

Когда в ночь с 22 на 23 февраля отдали приказ об отходе, губернатор Ростова, генерал Богаевский, и его штаб оказались единственными казаками, присоединившимися к Добровольческой армии.

«Донские казаки еще не восприняли ни большевистской идеологии, ни нашей, — делает вывод Деникин. — Они богаты, сыты и мечтают лишь извлечь выгоду как из нас, так и из красных. Они опомнятся лишь тогда, когда большевики возьмут их за горло!» И Богаевский, к которому Деникин обратился с этими словами, грустно опустил голову: «Генерал судит нас слишком сурово… Увы! Он имеет на это основания».

Глава XV
ЛЕДОВЫЙ ПОХОД

Командующие Добровольческой армией 22 февраля 1918 года держали свой последний совет в доме Парамонова, временной штаб-квартире Ставки в Ростове. События разворачивались все стремительнее. Большевики распустили Учредительное собрание, только четверть которого оказалась лояльно настроенной по отношению к ним. В Брест-Литовске они подписали с немцами сепаратный договор, имевший самые тяжелые последствия для России. Воюющими сторонами, включая и союзников, признавалась независимость Украины. Царь и его семья продолжали находиться в заключении в Тобольске в Западной Сибири. Троцкий и Ленин отказались от своих намерений создать вооруженные силы только из солдат Красной гвардии и сочли необходимым превратить эту «импровизированную идеологическую милицию» в «настоящую регулярную дисциплинированную армию» — как заявлял Ленин.

Какую роль могла играть в национальной и международной политике маленькая Добровольческая армия? Алексеев отвечал на это вопрос совершенно по-русски:

— Мы зажгли факел. Сейчас его огонь еще слаб, но нужно, чтобы во мраке, покрывающем Россию, этот крохотный огонек продолжал гореть.

Генералу Алексееву исполнилось шестьдесят лет. Но ему можно было дать гораздо больше — настолько изнуренность организма и хрупкость здоровья бросались всем в глаза. Волосы и усы его совершенно поседели. Генерал страдал болями в пояснице, в последние месяцы болезнь усилилась, мешала ему садиться верхом на лошадь и вынуждала долгое время оставаться в горизонтальном положении. Лишь взгляд и речь сохраняли свою былую яркость и убедительность.

Корнилов стал еще больше походить на монгола — длинная шинель с высоким каракулевым воротником, папаха, натянутая до самых глаз. Никогда он не предполагал, что в зените славы, в сорок восемь лет станет главнокомандующим армией, едва насчитывающей… 3500 человек! Корнилов попрощался со своей женой, дочерью и сыном, которых оставлял без денег под защитой едва знакомых ему людей.

— Что-то мне говорит, — сказал он пророчески едва слышным голосом, — что это до свидания на самом деле прощай!

Деникин тоже был озабочен: он расстался на некоторое время

со своей женой. Она поселилась под своей девичьей фамилией у некоей госпожи Яблоковой на улице Дмитриевской. Они сохранили в секрете свое бракосочетание, и Ася не боялась большевистских репрессий, но… у ее квартирной хозяйки жил племянник. Деникин его мельком видел, это был красивый молодой человек… Стараясь изгнать из своего сердца рождающуюся ревность, генерал с воодушевлением повторял, разделяя мнение Алексеева:

— Если в этот трагический час нашей истории не найдется хотя бы нескольких человек, готовых противостоять большевистскому безумию и преступлениям, готовых пролить кровь за погибающую Россию, то наш народ не народ, а… дерьмо!

Адъютант Корнилова пришел сообщить, что все части в сборе. Настал час отправления. Главнокомандующий, отбросив мрачные мысли, вновь обрел свою обычную энергию:

— Идемте!

Он вышел из дома Парамонова в сопровождении Деникина. Антон Иванович (чей багаж затерялся между Новочеркасском и Ростовым) был одет в старое демисезонное пальто и гражданский костюм, обут не в сапоги, а в плохие городские ботинки на тонкой подошве, но тем не менее сохранил военную выправку. Алексееву помогли сесть в кабриолет; здесь же находился кожаный сундучок, содержащий все, чем располагала Добровольческая армия, — 6 миллионов рублей. Другие командиры и весь штаб отправились пешком, как и большинство добровольцев.

В Ростове шел снег. Ночь выдалась непроглядно-темной, дул ледяной ветер. Иногда раздавались выстрелы: большевики были недалеко. На юге небо было освещено пламенем пожара: горели склады. Маленькая колонна, пробираясь по сугробам между домами с закрытыми ставнями — слепыми и враждебными, — направлялась к казармам Ростовского полка, где было назначено место сбора. Отсюда добровольцы двинутся по новочеркасской дороге, чтобы, отклонившись на восток, оторваться от красных.

Так начался этот первый антибольшевистский поход, о котором позднее — в 1932 году — один английский писатель, бывший военный корреспондент Джон Эрнест Хогсон, скажет: «Будущие поколения, вне всякого сомнения, оценят начало Добровольческой армии как один из наиболее высоких военных подвигов…»

24 февраля, достигнув гостеприимной станицы Ольгинской, Корнилов поспешил переформировать свои разрозненные роты, взводы и эскадроны, многие из которых насчитывали не более шести — восьми человек, и превратить их в нечто подобное

регулярной армии. Пехотинцы разделялись на три полка и батальон. Полком офицеров, в котором не было ни одного солдата, командовал Марков. 800 офицеров этого полка называли себя «марковцами». Ударный полк Корнилова, созданный во время мировой войны — 1100 «корниловцев», — присоединился к добровольцам в Новочеркасске со всем оружием, военным снаряжением и багажом. Им командовал подполковник Неженцев, близкий друг Корнилова. Казачий полк численностью до 500 донцов выступил под знаменами Добровольческой армии вместе со своим генералом Богаевским. В полк, которым командовал генерал Боровский, входили 300 юнкеров, студентов и гимназистов, выразивших желание принять участие в походе. Группа артиллеристов (200 человек, 4 батареи по две пушки каждая), инженерный батальон (200 человек) и три эскадрона кавалерии (400 человек) придавали этой «банде шарлатанов», как их называли красные, внушительный боевой вид.

Оставался обоз. Около тысячи гражданских лиц — родственники военных и хорошо известные антибольшевистские лидеры — вслед за армией на телегах покинули Ростов. Способных самостоятельно передвигаться раненых из госпиталей Ростова и Новочеркасска переправили в Ольгинскую. Всех вместе их насчитывалось около двухсот. Генерал Эльснер, давно перешагнувший отставной возраст, присоединился к добровольцам и был назначен ответственным за гражданских лиц, раненых и сопровождающий их госпиталь.

Лукомский, командующий штабом Корнилова, уехал в Екатеринодар с поручением объявить о скором приходе добровольцев, решивших теперь двигаться на Кубань. Романовский его заменял. А Деникин? В момент создания новой армии — 6 января — он был назначен командующим «1-й дивизией». Поскольку личный состав армии был именно таким и никаким другим быть не мог, 24 февраля Корнилов объявил Деникину:

— Антон Иванович, отныне вы Верховный вице-главнокомандующий!

— И что это значит, Лавр Георгиевич?

— Это значит, что Вы меня замените, если я… Фраза осталась незаконченной.

25 февраля стало известно, что красные окружили Ростов и устроили резню в госпиталях. Добровольцы 26-го отступили из Ольгинской. Первый бой произошел 6 марта. «Шарлатаны» покинули Дон. Чтобы дойти до Кубани, они должны были пересечь территорию, находящуюся под контролем Совета Ставрополя. Ночная остановка предусматривалась в станице

Лежанка. Подойдя к ней достаточно близко, добровольцы заметили, что она занята красными. Их пушки открыли огонь. Корнилов отдавал приказы. Деникин помог Алексееву подняться на небольшую возвышенность. День выдался ясным, все просматривалось издали. Внизу можно было разглядеть русло заболоченной реки с узким мостом через нее, на другом берегу видны были печные трубы, выше по склону — огороды, перерытые траншеями, в которых находился противник. Дальше шли первые дома. Около церкви на фоне неба четко просматривались пушки.

Добровольцы добрались до реки и двинулись вдоль нее в двух направлениях. Направо, развернув свое трехцветное бело-голубо-красное знамя, — Корнилов со «своим» полком. Налево вслед за кавалерией — казаки, за ними юнкера. Прямо шли «марковцы», переправлявшиеся через реку по мосту, вплавь и вброд. Во все горло добровольцы грянули песню, закричали «Ура». Красные поднялись из траншей… повернулись спиной и побежали к Лежанке.

— Однако их больше, гораздо больше, чем нас! — разволновался один из гимназистов, разочарованный своим «боевым крещением».

— Да они не умеют драться!

Они умели драться, но не имели никакого желания делать это. Добровольцы наткнулись на часть 39-й дивизии регулярной армии бывшего Кавказского фронта. Она направлялась в район демобилизации, когда Красная гвардия перехватила ее по дороге и заставила «сначала ликвидировать белых бандитов, наводнивших регион». Солдаты не прочь были как можно скорее покончить с этой неожиданно возложенной на них задачей, но отнюдь не собирались отдавать за это жизнь. Хотя многим пришлось ее отдать, поскольку Корнилов категорически приказал: расстреливать всех, кого брали с оружием в руках. Постоянно передвигавшееся войско было не в состоянии обременять себя пленными. Офицеры противника могли рассчитывать на лучшее — они представали перед военным советом. Но избежали смерти лишь те, кто ссылался на то, что оказался у красных по принуждению или не ведал о сложившейся ситуации, или же те, кто пожелал присоединиться к «белым бандитам».

Белые приняли вызов. После этого первого боя, в котором все же имелись раненые и убитые, Корнилов проинструктировал Романовского.

— Вы видели? Их офицеры также носят погоны, у них такая же униформа, и санитары не узнают наших. Проследите за тем,

чтобы с завтрашнего дня каждый доброволец носил белую ленту на фуражке или папахе!

«Белые» отныне с гордостью приняли этот эпитет — уничижительный и оскорбительный для красных, он являлся символом чистоты в их собственных глазах.

Вечером после сражения у Деникина начался жар и сильный кашель. Врач поставил диагноз: острый бронхит с подозрением на пневмонию. Узнав об этом, Корнилов отдал приказ своему вице-главнокомандующему присоединиться к одной из «повозок с больными и ранеными» генерала Эльснера. И вот Деникин едет в тряской повозке по дорогам, а иногда и по полям. Войско пересекает железную дорогу, встречает красных, завязывается бой…

В этот день 16 марта Корнилов решает выбить врага со станции Выселки, надеясь захватить оружие и боеприпасы, в которых его армия начала остро нуждаться. Считая эту задачу легкой, он возлагает ее на казаков. Увы, никто не мог предвидеть, что у красных окажется бронепоезд. Казаки отступили. Чтобы исправить положение, ввели в бой «марковцев» и «корниловцев». Полегло около сорока человек. Узнали и другую плохую весть: местные жители утверждали, что красные захватили Екатеринодар. Законная власть Кубани во главе с атаманом Филимоновым эвакуировалась из города в сопровождении верных казачьих частей. Они укрылись в пригороде и наносили удары по большевикам. Дорога в Екатеринодар, таким образом, оказалась закрытой… Но Корнилов не хотел отказываться от своих планов. Он ушел из Ростова, чтобы идти на Екатеринодар, значит, на Екатеринодар он и пойдет! Если правда, что город занят красными, прекрасно, он их оттуда выбьет. Разработанный маршрут был утвержден. Сначала добровольцы двинулись к станице Кореновской, важному железнодорожному узлу, где, как доложила разведка, находилось около 10.000 большевиков. В этом бою армия Корнилова потеряла 121 человека убитыми и 369 ранеными. Конечно, хорошо, что было захвачено немало боеприпасов, но люди были изнурены. Корнилов понимал, что всем необходимо дать отдых. Он предупредил Романовского:

— Прежде чем идти на Екатеринодар, мы сделаем крюк на юго-восток и спокойно передохнем в черкесских аулах.

Добровольцы после тяжелых боев подошли к аулам и тут же поняли, что они, как и Екатеринодар, под контролем красных. Пришлось отходить по той же дороге. Однако произошло и одно отрадное событие: казаки атамана Филимонова под командованием полковника Покровского последовали за добровольцами, желая к ним присоединиться. Командование

Добровольческой армии стало ожидать Покровского, которого Филимонов произвел в генералы. Встреча была назначена в одном из домов в ауле Шенджий, где собрались Алексеев, Корнилов, Романовский и Эрдели — представитель Корнилова при атамане.

Пригласили Деникина. Он пришел, весь дрожа от лихорадки.

«Объявили о приходе Покровского. Вошел высокий молодой человек в безукоризненно сидящем на нем мундире […]. Он имел довольно привлекательный вид, но его взгляд меня поразил — неподвижный, холодный, металлический. Может быть, так проявлялась его робость? От имени «своего» правительства и «своей» армии он высказал нам ряд комплиментов. Наконец подошли к главной проблеме — слиянию наших армий. Корнилов так определил его порядок: подчинение Покровского нашему командованию и включение его частей в состав нашей армии. Новый генерал начал протестовать […]. Алексеев рассердился».

Дело решилось через три дня в станице Ново-Дмитриевской, захваченной добровольцами ценой сверхчеловеческих усилий в ночь, когда разыгралась кошмарная снежная буря. В памяти выживших после этой «первой кубанской битвы», которую они назовут «Ледовым походом», остались воспоминания о заледенелых шинелях, ломающихся на ветру, о прилипающих к карабинам пальцах, бородах и усах, о порывах ветра, бросающих на землю и засыпающих снегом. В одном из домов станицы Ново-Дмитриевской 30 марта атаман Филимонов и уполномоченные его правительства подписали подготовленный Корниловым документ. В первом параграфе указывалось, что кубанские части переходят в подчинение главнокомандующему Добровольческой армией, который вправе реорганизовывать их по своему усмотрению. Третьим параграфом на генерала Покровского возлагалась обязанность формирования будущей Кубанской армии…

Таким образом численность Добрармии увеличилась почти вдвое. Армия была разделена на три бригады: первая — под командованием Маркова, вторая — Богаевского и третья — бригада кавалерии под командованием генерала Эрдели. Корнилов наконец почувствовал, что может действовать более решительно. Его план был прост.

Необходимо:

1. Разбить части красных, преграждающих дороги к югу от Екатеринодара, и обеспечить себя боеприпасами.

2. Переправиться через реку Кубань около станицы Елизаветинская в 18-ти километрах от Екатеринодара.

3. Взять Екатеринодар.

Романовский осмелился возразить:

— Но, Лавр Георгиевич, вы ведь понимаете, что со стороны Елизаветинской нет ни одного моста, есть только небольшой паром…

— Именно! Это место, где красные нас будут ждать в последнюю очередь!

События нескольких следующих дней доказали правоту Корнилова. Красные, оборонявшие дорогу на юг, были разбиты 5 и 6 апреля. Никто не ждал белых на левом берегу Кубани. Они переправились через реку на двух паромах и рыбачьих барках. Несмотря на то, что переправа была долгой — 48 часов, — никто ей не помешал. 12 апреля под городом загремели крики «Ура!» и песни, но они не могли компенсировать недостаток снарядов и патронов, и потери добровольцев были столь значительны, что они начали подумывать об отступлении. Корнилов не хотел об этом и слышать. Он выбрал для своей Ставки молочную ферму, расположенную на холме и захваченную в тяжелом бою в первый же день. Богаевский забеспокоился:

— Но этот белый дом на вершине холма — прекрасная мишень…

Главнокомандующий оборвал его:

— Я приказываю оставаться здесь! Считаю этот дом прекрасным наблюдательным пунктом. Из окна комнаты виден весь Екатеринодар! Отсюда я буду наблюдать за наступлением нашей армии.

Но вечером 12 апреля продвижение застопорилось. На ферму принесли убитого Неженцева, близкого друга Корнилова, командующего ударным полком. Кутепов заменил его, став во главе… 78 бойцов. Осталось 1200 боеспособных добровольцев в 1-й бригаде, 600 — во 2-й. Кавалерия Эрдели почти не пострадала, но что она могла сделать, когда бои шли на улицах?

В тесной комнатке, выходящей окнами на Екатеринодар, собрался военный совет. Кто сидел на скамье, кто на нарах, большинство просто на постеленной на пол соломе. Две маленькие свечи освещали лица присутствующих — Богаевского, Маркова, Эрдели, атамана Филимонова, Алексеева, с каждым днем теряющего силы в борьбе с болезнью, и выздоровевшего наконец Деникина. Романовский зачитал рапорт и с мрачным видом подвел грустный итог сложившейся ситуации. К всеобщему удивлению, Корнилов заявил не допускающим возражения тоном:

— Завтра мы атакуем и возьмем Екатеринодар.

Никто не нашелся сказать что-либо в ответ. Один Алексеев возразил:

— По моему мнению, нам нужно подождать день или два и

дать бойцам отдохнуть, собраться с силами. Они больше не могут…

На этот раз главнокомандующий уступил:

— Хорошо… согласен. Господа, наступление на город начнется послезавтра, на рассвете.

Совещание закончилось, и Деникин задержался, оставшись один на одни с Корниловым.

— Лавр Георгиевич, наши разведчики доносят, что численность противника составляет, по меньшей мере, 18.000 человек! Вы знаете, что у них 14 или 15 пушек, три бронепоезда, боеприпасов и резервов предостаточно… Наша атака обречена на провал. Почему вы на этом настаиваете?

— Потому что не существует другого решения, Антон Иванович. Если мы не возьмем Екатеринодар, я пущу себе пулю в лоб.

— Вы не имеете права! Тысячи людей верят в вас! Почему не оторваться от противника сейчас? Послезавтра в случае провала никакое отступление будет невозможно.

— Вы сделаете его возможным, Антон Иванович.

Деникин, потрясенный, покинул комнату. После бессонной ночи он вышел из небольшой клетушки, которую занимал на ферме. Начинался рассвет — наступало 13 апреля. Он подошел к берегу Кубани. Ровное течение воды то и дело нарушалось разрывами снарядов. Концентрические круги медленно расходились. Богаевский сказал правду: белая ферма — слишком соблазнительная мишень… Недалеко разорвался снаряд, затем другой… Чьи-то шаги. Подбежал Доменский, один из двух помощников главнокомандующего:

— Ваше превосходительство!.. Генерал Корнилов…

Он не мог вымолвить больше ни слова. Деникин понял. На лицах людей, несущих носилки, читалась полная растерянность. Санитар объяснил:

— Его принесли сюда в укрытие… Снаряд пробил стену и разорвался в комнате… Бедро… Голова…

Врач склонился над ним, приподнял веки умирающего, который уже едва дышал:

— Он отходит.

Последний вздох, все кончено.

Деникин встал на колени, поцеловал холодеющую руку. Романовский зарыдал. Овладев собой, он неуверенно обратился к Деникину:

— Антон Иванович, вы принимаете командование армией? — Да.

Один офицер протянул бумагу, другой нашел карандаш. На

каменной скамье Деникин быстро написал короткий рапорт оставшемуся в Елизаветинской генералу Алексееву: «Пишу отчет. В 7 ч 20 мин генерал Корнилов был смертельно ранен в здании штаба, через десять минут он умер. Я временно принял командование Добровольческой армией. 31 марта (13 апреля), 7 ч 30 мин. № 75. Генерал-лейтенант Деникин».

Слово «временно» оставляло за Алексеевым, единственным на данный момент главой армии, право самому назначить преемника Корнилова. Приехав на ферму тремя-четырьмя часами позже, стареющий командующий обратился к Деникину:

— Я надеюсь, Антон Иванович, что вы примете это тяжкое наследие.

— Даже если у нас останется лишь одно отделение, Ваше превосходительство, мой долг оставаться с ним.

— Да поможет вам Господь!

Помощь Бога была бы, действительно, очень даже нелишней. В отличие от погибшего главнокомандующего, все понимали тщетность новой попытки атаковать большой город с востока. Переправляться через реку с юга на двух паромах — также чистое безумие. На западе простиралось море, и к нему армию легко прижать. На севере дорогу преграждали железнодорожные пути. Но что делать? Идти нужно именно на север. Деникин чувствовал, что ему самому надо разобраться и решить очень важную проблему — понять, испытывает ли армия, и прежде всего командиры, преданные Корнилову, доверие к тому, кто заменил его. Марков, Кутепов, Эрдели, Богаевский могли оказаться ценными посредниками. Они знали и ценили Деникина и, конечно, поддержали бы его. Несколько офицеров, узнав о смерти главнокомандующего, дезертировали или покончили с собой, однако все остальные заявили о своей готовности… продолжать борьбу.

Спустилась ночь, несколько частей симулировали наступление, сама же армия отступила. После сорокавосьмичасового перехода и остановка, и отдых стали жизненно необходимы. Вечером 15 апреля Деникин решил задержаться в Гначбау, одной из «немецких колоний», основанных Екатериной II. Тайно похоронили в поле Корнилова и его друга Неженцева. Вскоре стало ясно, что враг выследил добровольцев и преследует их по пятам. Красные штурмуют Гначбау, дошедшие до полного изнурения осажденные отбиваются из последних сил. К счастью, наступает ночь, бойцы на позициях слышат, как красные переговариваются между собой:

— Голосуем за ночную атаку. Кто против, кто за?

— Эти сукины сыны все равно от нас никуда не денутся. Я

против.

— Я тоже.

— Я тоже.

Деникин пользуется передышкой в несколько часов, чтобы оставить Гначбау.

Шел дождь. Луна скрылась за тучами. Решили сделать крюк на север, чтобы сбить с толку вражеских разведчиков, затем резко повернуть на восток, прямо к станции Медведовской, первой на железной дороге. Марков предупредил своих людей:

— Не должно быть никакого шума, ни слова, ни папирос. Последнего приказа, впрочем, можно было не давать, папирос уже давно ни у кого не было.

Мужчины и женщины (добрая сотня последних была способна владеть оружием) шли как автоматы. Двадцать километров отделяли их от железной дороги, от бронепоездов. Там они могли бы передохнуть, при условии, конечно, что враг не станет их преследовать…

Красные не стали их преследовать. Богаевский на коне проехал вдоль растянувшейся колонны сомнамбул. Деникин сказал ему тихим голосом:

— Африкан Петрович, видите, мы, кажется, выбрались! Изумившись оптимизму командующего, генерал лишь покачал головой, но тем не менее направился к своим подчиненным, чтобы сказать им несколько успокаивающих слов.

В 4 часа утра авангард войск Маркова подошел к железнодорожным путям. Полуразрушенное здание, два человека охраны, которые тут же сдались. Раздался телефонный звонок, Марков взял трубку.

— Алло?

— Нам доложили о появлении здесь белых бандитов. У тебя все спокойно?

— Все спокойно, товарищ!

— Тем лучше, на всякий случай мы посылаем тебе бронепоезд.

— Прекрасная мысль. Я жду. Марков положил трубку.

— Этот поезд очень кстати.

Он отдал приказ подготовиться к его приему. Когда показался поезд, Марков с непокрытой головой — его светлая папаха была слишком заметной — уже ждал, стоя на рельсах. Машинист замедлил ход и спросил:

— Что здесь происходит?

— Остановись, черт возьми. Не дави своих.

Машинист подчинился. Привычным жестом Марков хлестнул по сапогу. Это был сигнал. Пушка белых выстрелила двумя

последними снарядами в паровоз, он повалился набок. Добровольцы поспешили отсоединить прицепленную платформу. На ней были пулеметы и боеприпасы, оказавшиеся теперь в их распоряжении. Многие под огнем красных взбирались на крыши вагонов, кололи штыками, бросали последние гранаты… Почти никто из врагов не остался в живых. Несколько подразделений отправились на соседнюю станцию Медведовская и захватили два поезда с продуктами и одеждой. Таким образом интендантам удалось основательно пополнить запасы. Но задерживаться не следовало. Первая железная дорога осталась позади.

Богаевский ликовал:

— Разве я вам не говорил ночью, что Деникин выведет нас из этой ловушки?

Героем дня был Марков. Стратегия Деникина начала внушать доверие. Но через несколько часов, когда добровольцы узнали о новых приказах главнокомандующего, их настроение омрачилось. Он отменял «пехоту», по крайней мере, на ближайшие переходы. Пехотинцы должны были разместиться на повозках, а лошади идти не шагом, а рысью. Перспектива достаточно приятная, пострадали лишь гражданские, которым пришлось потесниться. Но что делать с почти тысячью раненых? Был дан приказ оставить на месте наиболее тяжелых, которых врачи считали нетранспортабельными, — около 200! Три санитара вызвались добровольно ухаживать за ними. Один из немногих пленных, взятых в заложники, комиссар Лиманский, купил себе свободу, дав слово чести охранять и защищать остающихся раненых. Эту «бесчеловечную» акцию будут потом долго вменяться в вину Деникину, который так объясняет ее в мемуарах: «Речь шла о том, чтобы пожертвовать двумястами бойцами в надежде спасти несколько тысяч — или же мы будем двигаться медленно, и наше будущее окажется сомнительным. У меня возникло искушение вести всех, но, посоветовавшись с моими генералами, выслушав мнение Алексеева, Маркова, Романовского, я счел, что мой долг главнокомандующего поступить так, как я поступил».

Однако он признавался потом, что если бы сам оказался на месте одного из этих двухсот «нетранспортабельных» раненых, то пустил бы себе пулю в лоб.

Правда, осталось лишь 119 человек: восемьдесят одного из двухсот спрятали друзья на ломовых дрогах различных частей. Через несколько недель во время нового похода на Екатеринодар добровольцы проходили той же дорогой. Они узнали, что лишь двое были убиты красными, 16 умерли от ран и 101 выжил.

В эти времена еще случалось, что даже красные комиссары держали свое слово чести.

Стратегия повозок оказалась эффективной. Пройдя кружным путем около 180 километров за четыре дня, оторвавшаяся от преследователей Добровольческая армия получила возможность отдохнуть. Теперь она находилась на границе земель Кубани, Ставрополя и Дона. Деникин выбрал это место для длительной остановки, поскольку опасность нападения врага здесь была наименьшей. Красная гвардия различных областей не находила общего языка друг с другом и не склонна была проводить совместные военные операции. Но на это относительно надежное убежище нельзя было рассчитывать в долгосрочной перспективе. Необходимо было искать постоянное пристанище. Приезжали со своими предложениями донские и кубанские эмиссары. Одни обращались от имени генерала Попова, казаки которого воевали с большевиками, намеревавшимися, по их словам, интернировать население Дона. Другие просили добровольцев повернуть обратно и сопровождать их к юго-восточным городам Кубани, все население которых поднялось против красных. Алексеев и Деникин были единодушны в своем намерении идти на Дон. Главнокомандующий так потом будет объяснять свое решение: юго-восточная Кубань представляла возможность только для партизанской борьбы. Дон, Азовское море открывали окно во внешний мир, что давало основание строить планы гражданской войны.

Не прошло и двух с половиной месяцев после ухода из Ростова, как белые вернулись вновь и подошли к городу на расстояние оружейного выстрела. Но Деникину не пришлось его брать штурмом: к его великому удивлению город оказался оккупирован… немецкими войсками! Он расположил штаб-квартиру в соседней станице Мечетинской.

Первый Кубанский поход, названный Ледовым походом, завершился 13 мая 1918 года. Итоги его были таковы. За двадцать четыре дня армия прошла 1050 километров и участвовала в 44 боях. Из 3500 человек личного состава несколько сот погибло, 1500 были ранены и размещены по различным госпиталям области. Однако армия пополнилась новыми силами и составляла теперь 6500 человек! Кроме кубанских казаков, присоединившихся к ней в Ново-Дмитровской, кроме новых, завербовавшихся в ходе «славного отступления» солдат, разочарованных в большевизме, кроме красных дезертиров, перешедших на другую сторону, пришли еще «дроздовцы». Эти 1200 человек из регулярной армии, стоявшей в Яссах после начала мирных переговоров Румынии со странами Центральной Европы, ушли вместе с оружием и вещами. Под командованием полковника Дроздовского они прошли 1100 километров,

отделявших Яссы от Новочеркасска, и прибыли на Дон.

Главнокомандующий составил обращение к русскому народу и государствам Европы. Он хотел объяснить тем и другим задачи и идеалы добровольцев. В чем суть их борьбы? Создать сильную и дисциплинированную национальную армию. Сделать возможным созыв общерусского Учредительного собрания, которое могло бы выбрать от имени всех слоев общества будущий строй. Предотвратить раскол страны. «Предстоит и в дальнейшем тяжелая борьба… за гибнущую русскую культуру, за гибнущие несметные народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сменить власть черни. Борьба до конца. Пусть силы наши невелики, пусть вера наша кажется мечтанием, пусть на этом пути нас ждут новые тернии и разочарования, но он — единственный для всех, кто предан России».

Начальник штаба Деникина Романовский, читая воззвание и думая о Ледовом походе, разговаривая как бы сам с собой, произнес:

— Мы прошагали в обратном направлении тот самый путь, который прошли два месяца тому назад. Жизнь нас жестоко толкла в своей дьявольской ступке, и вот вместо того, чтобы превратиться в прах, мы вышли из испытаний закаленные, наделенные стальной волей и безграничным терпением…

Деникин прервал его:

— Я счастлив, Иван Павлович, что вы верите в нашу окончательную победу.

— У меня нет в этом абсолютной уверенности. Мы находимся между двух сил: негативной — силой всеобщего разрушения и позитивной — реакцией здоровых элементов. Если вторая возьмет верх над первой, мы будем победителями. Иначе…

Один из добровольцев, Иван Шульц, живший в 1960 году в Буэнос-Айресе, нашел среди своих бумаг старую тетрадь-дневник, в которой он делал записи в течение этих памятных восьмидесяти дней, и дописал к ним в конце несколько строк: «Если оставить в стороне неизбежную в тех условиях жестокость, то нужно подчеркнуть следующие, теперь обесцененные качества и ценности, доминирующие в душевном настрое бойцов Ледового похода: любовь к Родине, порядочность, чувство чести, благородство души, жертвенность. Этот поход предстал передо мной сегодня как лебединая песня русского человека, лебединая песнь… человечного человека».

Глава XVI
ТИХИЙ ДОН ВСКОЛЫХНУЛСЯ

Ася уехала из Ростова. При приближении немецких войск она, все еще не изменив в паспорте свою девичью фамилию, перебралась в Новочеркасск не столько от немцев, сколько от надоедливых ухаживаний племянника своей хозяйки. Жертва любви с первого взгляда, Яблоков умолял ее выйти за него замуж и угрожал «непоправимыми действиями», если она будет продолжать ему отказывать. Ася ничего не знала о судьбе добровольцев, ходили самые разные противоречивые слухи как об их победоносном наступлении, так и о гибели армии. До нее дошла лишь одна достоверная информация через людей, вполне достойных доверия: Корнилов убит, его заменил Деникин. И вот, наконец, в пасхальное воскресенье пришли хорошие известия: добровольцы возвращаются, говорят, они уже совсем близко! И вовремя. Красные, изгнанные из Ростова, подступили к Новочеркасску. Но не люди Деникина отстояли город, а посланные провидением бойцы из далекой Румынии. В день их победы они с триумфом вошли в столицу Дона. Многие стали искать квартиру для постоя. Пять офицеров ворвались в дом из трех комнат, где жила Ася. Пожилая пара (без племянника), сдававшая ей комнату, гостеприимно приняла победителей, но смогла предложить им лишь одну комнату. Поручик Борисов, самый решительный из всех, категорически заявил:

— Пусть она нам уступит комнату!

Слишком уставший, чтобы быть галантным, поручик обратился к Асе:

— Переночуйте у своей подруги или где хотите, но нам нужны хороший отдых и ваша постель.

— Об этом не может идти и речи! Поручик начал сердиться:

— Никто не может лишить нас заслуженного сна! Мы шли без отдыха целую неделю и сражались, чтобы присоединиться к Деникину…

— И вы выгоняете его жену из комнаты!

Сначала поручик пришел в изумление, но затем расхохотался.

— Его жену! Чрезвычайно рад с вами познакомиться, мадам! Позвольте мне представиться: я персидский шах. А теперь, пошевеливайтесь.

Ася вынуждена была прибегнуть к свидетельству венчавшего ее священника, и пришедшие в чрезвычайное замешательство

люди после долгих извинений оставили ее в покое. Инкогнито было раскрыто. Однако понадобилось еще восемь дней, чтобы генерал Кисляков, после визита к госпоже Яблоковой, обнаружил место пребывания жены своего главнокомандующего и передал ей короткое письмо от 13 мая: «Думаю, Тебе уже известны подробности нашего похода или о них расскажет Кисляков.

Моя душа полна Тобой. Я сейчас не могу и не хочу связно описывать события.

Жив. Здоров. Бодр. Сознаю крайнюю сложность обстановки, но вижу просветы. Борьба — до конца.

Все мои мысли, желания, мечты — к Тебе, любимая, к Тебе, моя желанная».

Сердца добровольцев забились сильнее при приближении к городам, где жили их друзья, родители, невесты. Но никто из них не получил отпуска, и поэтому главнокомандующий не мог и себе позволить встретиться с Асей. Что касается «чрезвычайно сложной ситуации», то ему не нужно было много времени, чтобы в ней полностью разобраться. Отрезанный от «внешнего мира» в течение восьмидесяти дней, генерал поспешил заполнить лакуны и проанализировать все, что ему удалось узнать.

Сепаратный мирный договор, подписанный 3 марта большевиками в Брест-Литовске, отрезал от России миллион квадратных километров территории и лишил ее 45 миллионов человек населения, повесил на страну долговые обязательства в размере 7 миллиардов золотых марок. 700.000 немецких солдат покинули Восточный фронт и перешли на Западный. Под командованием французского генерала Фоша французы и англичане, с нетерпением ожидавшие прибытия американского подкрепления, отчаянно сопротивлялись этому усилившемуся противнику.

Согласно Брест-Литовскому договору, австро-германцы расположились в России, заняв пространство на сотни километров в глубь страны — между Финским заливом на севере и Черным морем на юге. 12 марта австрийцы оккупировали Одессу. Войска немецких генералов Кнерцена и Коха заняли Крым, большой индустриальный город Ростов и порт на Азовском море Таганрог. Советы, которые перевели правительство из Петрограда в новую столицу Москву, не имели достаточно сил противостоять с оружием в руках этому вторжению и довольствовались протестами на дипломатическом уровне. Они лишь позволяли частям Красной гвардии, которые, как они утверждали, вышли из-под их контроля (иногда это было действительно так), нападать то тут, то там на вчерашнего врага.

«Суверенная» Украина, оккупированная немцами, избавилась

от своего социалистического правительства, которое, однако, в свое время способствовало установлению ее «независимости». Выборы, проходившие под надзором захватчиков, отдали «власть» в руки человека, абсолютно преданного немцам, — гетмана Скоропадского. Окруженный министрами-германофилами, он не мог выступить против своих друзей. Целыми составами вывозились на запад богатства страны.

Дон, частично освобожденный красными, но, в основном, находившийся под властью немцев, выбрал нового атамана — также германофила. Им был старый знакомый Деникина генерал Краснов.

Какие выводы можно было сделать из всех этих событий?

Очевидно, союзники не могли безразлично относиться к создавшейся в России ситуации. Россия теперь поставляла немцам зерно, масло, уголь, нефть, а также людей, поскольку на Запад возвращались 2 миллиона австро-венгерских пленных. Было и еще нечто очень важное. Значительные запасы военного снаряжения, переданные союзниками Временному правительству, хранились в портах Архангельска, Белого моря, Мурманска, Баренцева моря, Владивостока и Японского моря. Государства Центральной Европы имели виды на эти богатства, и Россия, таким образом, превратилась в «арену столкновения различных интересов». Добровольцы заявляли о своей солидарности с союзниками, но, увы, они не в состоянии были в данный момент противостоять немецкой армии, которая считалась самой лучшей в мире.

Поэтому первый вывод, который сделал Деникин: «бдительный нейтралитет» должен быть противопоставлен «благодушному нейтралитету», навязываемому России германской стороной.

Добровольцев занимала и другая важная проблема — будущий политический режим в России. Многие их них были монархистами — одни желали возвращения заключенного в сибирскую тюрьму императора, другие мечтали о новой династии. Значительное число придерживалось республиканских взглядов. «Если я подниму республиканское знамя, — говорил Деникин своему другу генералу Тикменеву, — я потеряю одну половину армии. Если подниму монархическое знамя, то потеряю другую половину. Но ведь наша основная задача — спасение России!»

Второй вывод, сделанный Деникиным: первейшей задачей остается созыв Учредительного собрания, которое определит состав будущего правительства.

Раскол между монархистами и республиканцами был не

единственной угрозой единству армии. Добровольцы завербовались в армию на четыре месяца, и теперь срок их службы подходил к концу. Захотят ли они возобновить ее? Не слушая советов своих приближенных, Деникин дал всем желающим трехнедельный отпуск. Добровольцы были в восторге.

— Вы очень рискуете, — вздохнул Романовский. — Многие ли из них вернуться к нам?

А донские казаки? Они покинули добровольцев, чтобы присоединиться к «новой национальной» армии, которую собирался создать атаман Краснов. Это, казалось бы, вполне логично и даже оправдано, если бы Краснов не говорил открыто о будущей независимости Дона и не смотрел на добровольцев лишь как на временных союзников.

Следовательно, третий вывод: нужно убедить Краснова, что его сепаратистские настроения бессмысленны и крайне важно объединить две армии под командованием Деникина. Вместе они смогли бы защищать «великую единую и неделимую Россию». Встреча их становилась необходимой, и она состоялась 28 мая.

Деникин, однако, не мог больше вынести столь долгой разлуки со своей женой. О близкой встрече Ася узнала из письма, датированного 18 мая: «Моя ненаглядная женушка! Просил Тебя приехать, но теперь боюсь, что дорога будет и слишком трудна, и несколько опасна.

Мне тяжело, что душа Твоя мятется, что кругом вместо того, чтобы успокоить, — пугают Тебя всякими несообразными страхами.

Стратегическое положение вполне благоприятное. Политическая обстановка небывало запутана. Но твердая решимость не идти ни с немцами, ни с большевиками значительно упрощает положение.

Неисчерпаемая тема для письма и разговора, но мне сейчас не хочется говорить ни о чем «постороннем». Такая бездна ласки в сердце моем. Не надо самобичевания.

Жду Тебя с огромным нетерпением. А ведь знаешь — начал-то я писать с целью предупредить, чтобы не приезжала. Положительно боюсь, как бы не случилось чего-нибудь в дороге.

Словом, приезжать можно лишь при верной оказии, собрав тщательные справки о дороге. На Ольгинскую не советую.

Голубка моя ненаглядная, любимая».

По получении письма Ася отправилась в путь. Она пробыла в станице Мечетинской три недели.

Немцы решительно сохраняли благожелательный нейтралитет, рискованная затея Деникина с отпуском окупилась сторицей: все или почти все добровольцы, вернувшись из отпуска,

подписали контракт и привели в армию своих друзей. Но были и неудачи: встреча Деникина и Краснова потерпела фиаско.

Деникин сразу же начал с критики операций против красных, проведенных казаками совместно с немецкими войсками. Краснов напомнил ему, что Дон имеет теперь дело не с никому не известным военным корреспондентом, а с «представителем свободной пятимиллионной нации» и что он не имеет право его так… отчитывать. Главнокомандующий постарался установить истину, довольно сильно искаженную атаманом. Красные занимали большую часть Дона, и казаки, находящиеся на завоеванной территории, не имели возможности голосовать. К тому же общее население Дона не достигало 4 миллионов человек, половина из которых — переселенцы и иногородние — оставалась под влиянием большевиков. Таким образом, атаман мог считаться представителем лишь нескольких сотен тысяч казаков. Категорически отвергнув подчинение главнокомандующему Добровольческой армией, Краснов, победив свое высокомерие, отказался все же от своих притязаний на прибывших из Румынии дроздовцев и согласился предоставить ссуду в 6 миллионов рублей.

Однако в дальнейшем он продолжал проводить сепаратистскую политику, направил верноподданническое письмо императору Вильгельму II и, одновременно, счел своим долгом попытаться наладить отношения с большевистскими руководителями с целью заключения мирного договора. Отношения же с Деникиным продолжали обостряться.

В июне 1918 года Добровольческая армия, вдохновленная новостью о полном разгроме генералом Маннергеймом красных, собиравшихся советизировать Финляндию, пополнилась и укрепилась духом. Дроздовский и его бойцы, оставив Краснова и Новочеркасск, присоединились к Ставке Деникина в Мечетинской. Немного задержавшись в своей родной Кубани, сюда прибыли и казаки Покровского. 16 июня целый полк местных жителей Кубани, поставленных под ружье большевиками, присоединился к Деникину. 18 июня 1100 красных кавалеристов покинули под неистовым артиллерийским огнем своих «товарищей», стоявших в соседней станице, чтобы стать частью Белой армии. Теперь она насчитывала 8000 бойцов. Пехотинцы были разделены на пять полков, кавалеристы — на восемь. Артиллеристы составили пять с половиной батарей. Все это образовало четыре дивизии и бригаду. Генерал Марков возглавил 1-ю дивизию, генерал Боровский — 2-ю дивизию, полковник Дроздовский — 3-ю. Кавалерийской дивизией командовал генерал Эрдели, бригадой кубанских казаков —

генерал Покровский.

Весна подходила к концу, настало время начать наступление. Где нанести первый удар? На Екатеринодар, так было решено Алексеевым и Деникиным. Удастся ли на этот раз взять город? Да, утверждали оба командующих. В их распоряжении теперь были 9000 человек личного состава, 21 пушка, около тысячи единиц боеприпасов, два бронеавтомобиля на ходу и почти отремонтированный третий, а также 20 миллионов рублей. Конечно, те, кто был хорошо информирован, робко возражали, что у красных на юге России 100 000 бойцов, около сотни пушек, значительное количество бронеавтомобилей и бронепоездов. Да, но их части недисциплинированны, их командиры часто некомпетентны и соперничают друг с другом за власть. Население так называемой Северокавказской республики, формально объединяющей области и губернаторства Ставрополья, Черного моря, Кубани и Терека, враждебно настроено к большевикам с тех пор, как испытало на себе все последствия их власти. Добровольцы могут доверять своим командующим! Екатеринодар будет взят!

Армия не станет больше обременять себя гражданским обозом. Все, кто не может держать оружие, останутся в Новочеркасске или в его окрестностях, покинутых частями Красной Армии. Лишь атаман Филимонов и члены его Рады (парламента) последуют за добровольцами и возьмут на себя управление гражданской властью как только кубанская столица будет освобождена. Ася останется ждать в Новочеркасске. Генерал Алексеев, у которого усилились приступы уремии, будет лечиться и одновременно следить за тем, чтобы атаман Краснов не предпринял ничего, что шло бы вразрез с интересами добровольцев. Ежедневно он должен будет отправлять главнокомандующему подробный отчет о происходящем.

Назначалась дата начала нового похода: ночь с 22 на 23 июня.

Уже две недели, как до Дона стала доходить удивительная информация: восточные области европейской России и Сибирь охвачены восстанием. И ранее было известно, что время от времени вспыхивают мятежи то там, то здесь, что группы офицеров бывшей регулярной армии, поддержанные местным населением, пытаются противостоять красным, но теперь речь шла о значительной силе — о нескольких десятках тысяч человек, которые вели победоносную войну против большевиков. Но вели ее не русские, а… чехи. Деникин лишь через несколько недель узнал все обстоятельства этих событий.

В свое время Керенский, став военным министром, уступил

просьбе Масарика, друга союзников, который, находясь в Париже, делал все возможное для создания независимой Чехословакии (на территории, отторгнутой от Австро-Венгрии), и разрешил местным чехам и тем, кто, будучи мобилизован Австрией, сдался и оказался в плену, создать «чешский легион» и сражаться против общего врага — австро-германцев. После подписания Брест-Литовского мира Масарик, поддержанный Клемансо, попытался репатриировать своих соотечественников вместе с оружием и багажом, красные дали согласие. Чехи должны были прибыть во Владивосток и на союзнических кораблях отправиться через Панамский канал к берегам Франции, чтобы укрепить там антигерманский фронт.

В мае 1918 года начался великий исход. Железнодорожники устраивали постоянные забастовки, и десятки тысяч чехов оказались рассредоточены по всей Транссибирской магистрали. И здесь они с возмущением узнали, что Москва, нарушив соглашение, отдала приказ Красной армии разоружить чехов. Эта искра вызвала пожар.

В середине мая на станции Челябинск встретились два поезда. В одном находились направляющиеся на запад освобожденные австро-венгерские пленные, в другом — следовавшие на восток чехи. Исконные враги начали оскорблять друг друга, затем один из австро-венгров бросил железный брусок в выходящих из другого поезда чехов и, попав в одного из них, разбил ему голову. Его друзья выбежали из вагона, заставили австрийцев выдать им «убийцу» и линчевали его, в то время как состав с австро-венграми предусмотрительно двинулся со станции. Вмешались красногвардейцы, но им мало что удалось сделать. Изрядно помятые, они лишь вывели из строя локомотив чехов. Но последних это не смутило. Победители дошли пешком до следующей станции. Там они нашли соотечественников. К ним присоединились другие чехи, а также русские. Все были едины в одном мнении: отныне их враг — красные! Совместными усилиями они освободили Пензу, Сызрань, Самару… что вызвало у московских властей настоящую панику.

Хотя добровольцы и не обладали точной информацией, они осознавали, что на востоке происходят значительные события, и видели, что Донская армия взяла курс на северо-восток (на Царицын, который еще не назывался Сталинград). Сами же они выбрали южное направление — на Екатеринодар.

Глава XVII
МЯГКАЯ ДИКТАТУРА

Второй Кубанский поход начался плохо, по крайней мере для Деникина и друзей генерала Маркова, который, оказавшись жертвой своей безрассудной храбрости, 25 июня был смертельно ранен под Шабловской. На следующий день основные силы армии заняли важный железнодорожный узел — станцию Торговая. Сюда было перенесено тело Маркова. Священник прочитал молитвы за «упокой души воина Сергея». Когда кончилось песнопение, Деникин уединился и опустился на колени в темном углу церкви. «Я смог наконец, — писал он в своих воспоминаниях, — свободно отдаться своему горю. Они уходят, уходят один за другим, а предстоящий путь еще такой долгий и трудный… Сколько раз потом, в поисках человека на фоне жуткого безлюдья, мы с Иваном Павловичем (Романовским), точно угадывая мысли друг друга, говорили со скорбью: нет Маркова!..»

Из двух сотоварищей Деникина по Быховской тюрьме остался один Романовский, который до конца своей жизни будет его лучшим другом, его «ангелом-хранителем». Рассказывая в своих «Воспоминаниях» об их отношениях, К.Н. Соколов (однофамилец следователя, который вел расследование об уничтожении царской семьи), будущий министр правительства Деникина, напишет следующее: «Было что-то исключительно трогательное в отношении Деникина к генералу Романовскому. «Иван Павлович и я…», «Мы думаем с Иваном Павловичем…», «Мы решили с Иваном Павловичем…» — эти слова произносились с теплотой, почти с нежностью. Что касается меня, то я никогда не мог проникнуть в существо личности Романовского. Он получил досадную репутацию «человека левых взглядов». Конечно, близость с генералом Деникиным, типичным русским интеллигентом и либералом, обязывала его в какой-то степени к либерализму, но, судя по тому, как он видел людей и вещи, этот умный человек, несмотря на часто безразличный вид, сонный взгляд, сохранял твердость и решительность и придерживался правых взглядов».

Автор апологии Дроздовского выражает совсем иное мнение, в чем он, впрочем, сходится с мнением самого Дроздовского: «Мы достаточно хорошо знали Романовского: он был злым, ревнивым, самолюбивым, не останавливался ни перед чем, чтобы сохранить свое влияние и свою власть, и сметал со своей дороги всех тех,

кого он считал опасным для себя…».

Этот «злой гений», «социалист», «взяточник», «скрытый еврей», как называли его многочисленные клеветники, для главнокомандующего был «прямым и откровенным человеком, говорящим, что он думает, иногда даже слишком грубо, без дипломатических уверток». Это задевало собеседников. «Он приобрел репутацию «сухого формалиста», — отмечал Деникин, — тогда как был преисполнен доброты и снисходительности и всегда был готов пожертвовать собой ради людей».

После смерти Маркова 25 июня 1918 года 1-я дивизия осталась без командующего. Деникин назначил временно исполняющего обязанности, так как считал, что только один человек способен заменить Маркова — герой Ледового похода генерал Казанович. Но последнего тайно отправили в Москву для сбора средств и рекрутирования добровольцев. Надо было дождаться его возвращения. После захвата Торговой, что отрезало кавказских большевиков от их правительства в Москве, а Москву лишило кубанского хлеба, следующей задачей стало овладение другим важным железнодорожным узлом, станцией Тихорецкой. 13 июля добровольцы взяли город. 30.000 красноармейцев были разгромлены и обращены в бегство. Антон писал Асе: «Хотел быть жестоким и не выполнил обещания. Объявил прощение всем глупым вооруженным людям, дерущимся против меня. Стекаются сотнями и сдают оружие.

Среди грозной обстановки, жестокой и беспощадной борьбы не черствеет почему-то сердце».

В результате этого пополнения численный состав армии почти удвоился. Были захвачены многочисленные трофеи: много ящиков с боеприпасами, 50 орудий, шесть автомобилей, четыре бронепоезда и… один самолет. 20.000 бойцов составляли теперь четыре армейских корпуса.

Пресса большевиков изменила тон. Оставив насмешки по поводу «бандитов», она ударила в набат, была объявлена мобилизация всего Северного Кавказа.

Деникин также хотел объявить мобилизацию, но «тайный референдум», который он провел среди командиров своей армии, показал, что они считают эту меру преждевременной. Были уточнены последние детали похода на Екатеринодар. Алексеев прибыл из Новочеркасска в сопровождении Казановича, вернувшегося из Москвы. Казанович шутил:

— Я думал, что, посылая меня прямо волку в пасть с подписанными вами подложными письмами и документами, вы просто рассчитываете освободиться от меня и отправить меня…

на виселицу.

Деникин улыбнулся.

— Я совсем не хочу видеть вас повешенным и приготовил для вас дивизию, и не какую-нибудь, а 1-ю дивизию, которой командовал Марков. Теперь вперед!

21 июля Ставрополь переходит (временно) в руки Шкуро, полковника, присоединившегося к Деникину с небольшой собранной на Кавказе казачьей армией. 26 июля дивизии Дроздовского и Казановича овладели станицей Пластуновской, расположенной всего лишь в 27 километрах от Екатеринодара, но 28 июля красноармейцы под командованием Сорокина отрезали находящихся в Пластуновской белых от остальной армии и от штаба, расположенного в Тихорецкой. Окруженные и понесшие большие потери войска начали было терять надежду, когда приземлился единственный самолет с ободряющей новостью: идут большие подкрепления! Покровский со своими кубанскими казаками напал на Сорокина с тыла. Шкуро, поддерживаемый кавалерией Эрдели, посеял панику в рядах красных. Романовский доложил о победе командующему. Последний оценил ее как блестящую, но сказал с чувством некоторой горечи:

— Вы говорите, что 1-я и 3-я дивизии потеряли около трети своего состава?

— Да, но потери красных еще более страшные.

— Много взяли пленных?

— Нет. И с той, и с другой стороны не было желающих сдаваться. Мы сражались отчаянно.

— Красные тоже. Видите ли, Иван Павлович, я никак не могу отделаться от мысли, что если бы, вместо того чтобы сражаться с нами, все эти Сорокины, Жлобы, Кальнины соединились с нами, то вместе мы бы быстро и решительно разделались с немецкими захватчиками…

Командующий узнал и другую новость: большевики истребили всю царскую семью и царя! Во все боевые части поступил приказ отслужить панихиду за «упокой души бывшего Верховного командующего русской армией». Монархисты возмущались тем, что во время службы не были упомянуты все титулы царя, республиканцы же — что их заставляют молиться за ненавистного самодержца.

Тяжелые бои продолжались. Наконец вечером 15 августа кавалеристы Эрдели первыми прорвались в Екатеринодар. За одной радостью следовала другая. Три дня спустя Антон получил письмо от жены, где она писала, что ждет ребенка. Он спешно ответил ей: «5-8-18. Курьер уезжает. В моем распоряжении лишь несколько минут.

Безмерно рад, если правда, что исполнится моя мечта о Ваньке.

Операция разворачивается с огромным успехом. Красный сброд пытается контратаковать, но выдыхается. Глубоко и искренне люблю».

Главнокомандующий радовался тому, что его будущий сын Ванька, названный в честь деда, будет жить в завоеванном городе, и поэтому город этот казался ему полным очарования: «Пение в церквях с широко распахнутыми дверьми, российские флаги на домах с раскрытыми окнами, улыбки прохожих — все это придавало этому знакомому городу радостный, праздничный вид!»

Если победители видели Екатеринодар в радужных тонах, то члены военных иностранных миссий и военные корреспонденты, не замедлившие нахлынуть в город, отзывались о нем совсем по-другому. Корреспондент газеты «Морнинг пост» К. Бичхоуфер, например, вспоминает: «Улиц было немного; по ним почти невозможно передвигаться зимой из-за грязи, а летом из-за пыли. Главная улица — некрасива и пуста, с жалкими, грязными магазинами. В центре города одиноко возвышается собор, такой же оголенный, как и все остальное. Ходили какие-то трамваи, но движение всех других видов транспорта затруднялось из-за выбоин и грязи на немощеных улицах. Не было более абсурдной идеи, чем превращать этот провинциальный город, это захолустье в столицу России».

В то время, когда корреспондент «Морнинг пост» знакомился с Екатеринодаром, «захолустный город» действительно стал столицей Белого движения. Как только город был взят, Алексеев создал там правительство. Его власть должна была распространяться на все территории, отвоеванные у красных. Большая часть законов, упраздненных большевиками (законов, установленных Временным правительством, но не царской властью), вновь входила здесь в силу. Но какой режим можно было эффективно противопоставить диктатуре Ленина и Троцкого? Конечно, другую диктатуру! Такого рода проект был разработан ближайшим помощником Алексеева, генералом Драгомировым. Окончательная редакция поручалась знаменитому профессору-правоведу Соколову и политику и журналисту Шульгину.

Верховный руководитель Добровольческой армии Алексеев учреждал Особое совещание, состоящее из одиннадцати членов, каждый из которых возглавлял один из отделов: Организации государства и Внутренних дел, Дипломатии, Пропаганды, Финансов, Промышленности и торговли, Обеспечения

боеприпасами, Сельского хозяйства, Средств сообщения, Юриспруденции, Образования, Безопасности. Вскоре был создан двенадцатый отдел — Отдел законодательства. Всеми военными операциями непосредственно управлял сам Деникин и поэтому создание их сочли излишним.

Возглавлял Особое совещание Верховный руководитель, то есть сам Алексеев, сосредоточивающий в своих руках законодательную, исполнительную и судебную власть… Зная, что его дни сочтены, старый и больной Алексеев спешил назначить преемника. Им был Деникин, и, когда Соколов и Шульгин с окончательной редакцией законов явились за подписью к Алексееву, тот, будучи не в состоянии их принять, переадресовал законодателей к назначенному им преемнику, которому поручалось вносить изменения. Было ли это военной диктатурой? Конечно, диктатура оказывалась в данных условиях совершенно необходима, но, по мнению Деникина, «она должна быть… мягкой!» «Я допускаю только такую диктатуру, которая основана на общем согласии», — объявил Деникин Соколову, который, несколько этим озадаченный, отметил в своих «Воспоминаниях»: «Эта склонность генерала Деникина к диктатуре реальной, но основанной на «согласии», «консенсусе», станет источником всех наших будущих осложнений с казаками».

Алексеев скончался 8 октября 1918 года, и Деникин стал Верховным руководителем, но, как отметит Соколов, в силу природной скромности, а также испытывая отвращение ко всяким громким титулам, он объявил, что «не примет другого звания, кроме Главнокомандующего Добровольческой армией!»

Было сформировано правительство. Генералы Драгомиров и Лукомский стали советниками Верховного (один политическим, другой военным) и его заместителями. Диктатура распространялась только на те области России, которые Добровольческая армия продолжала освобождать, за исключением Кубани и Дона, автономии и даже независимости которых требовали атаманы. Однако они не осмеливались открыто поднять мятеж против Деникина и его лозунга «единой и неделимой России». Проблема с Доном частично уладилась, когда Краснов, оставшись без своих немецких покровителей, будучи не в состоянии своими собственными силами справиться с большевиками, был вынужден передать свою армию в распоряжение Деникина, а затем уступить должность атамана генералу Богаевскому, одному из героев Ледового похода. Хотя кубанские казаки отныне составляли часть Добровольческой армии, их склонные к «самостийности» правители с самого начала проявляли враждебность к «иностранным завоевателям» и

непрерывно вели против них изнуряющую политическую герилью.

Осенью 1918 года цели Верховного руководителя в основном носили военный характер. Надо было укрепить позиции на Черном море, освободить от красных юг России, а затем повернуть на север… на Москву.

Глава XVIII
ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ

«30–10(12–11)-18.

Дорогая моя, ненаглядная! Что я не пишу, это понятно. Тем более что, где я и что делаю, Ты знаешь всегда.

Но Ты? Ни слова как здоровье, самочувствие, Ванька?

Враги выдыхаются! Антон».

Эту короткую записку Деникин нацарапал карандашом в городке, расположенном недалеко от Ставрополя. Красные вновь к концу сентября захватили город, и белые яростно старались их оттуда выбить. Верховный главнокомандующий покинул Екатеринодар для того, чтобы на месте наблюдать за ходом событий, поддерживать у людей веру в победу, которая могла пошатнуться из-за больших потерь. Но противник действительно выдыхался. Через три дня после того, как Антон послал письмо Асе, белые взяли Ставрополь. Героями этого события стали бойцы Ледового похода генералы Боровский и Казанович, Дроздовский, который умер спустя несколько недель после тяжелого ранения, отчаянно дравшиеся казаки Покровского и, в первую очередь, недавно прибывший в армию генерал Врангель.

Кем был Врангель? Жан Бурдье в своей книге «Белая армия» дает такой портрет: «Выходец из семьи военной аристократии, попавший в армию с помощью своих связей, барон Петр Николаевич Врангель, наделенный высокомерием и безграничной храбростью, с первого взгляда производил впечатление лихого кавалерийского офицера. Высокий, худой, он сохранял безукоризненную выправку офицера; внимание сразу же привлекало его худощавое, очень длинное лицо, с тонким носом, небольшими темными усами, пытливым, оценивающим взглядом под аркой надменно поднятых бровей. На его лице лежала печать усталого высокомерия, что сразу же выдавало и другие стороны его характера и темперамента. Врангель обладал характером и свойствами исключительной личности в хорошем и плохом смысле этого слова. Под холодной маской скрывался дух, пребывающий вечно в движении и устремленный к одной цели, которую ставило его самолюбие, разрастающееся при благоприятных обстоятельствах до непомерных размеров.

Помимо самолюбия его отличала необычайная вера в себя — это проявилось немного по-детски в его «Мемуарах». Он никогда не терял убежденности в своей исключительности, в том, что только он может приказывать и отдавать команды. Ко всему

прочему он был наделен стремительным и острым умом, часто, однако, оказывающимся несколько изворотливым!»

Полковник Врангель отличился в 1916 году во время сражения в Галиции, командуя бригадой уссурийских казаков. В начале 1917-го он, став генерал-майором, командовал дивизией и тщетно пытался побудить своих казаков встать на сторону Корнилова во время неудавшегося «путча». После большевистского переворота Врангель, убежденный монархист, перебирается в Крым, где его приговаривают к смерти и только слезы и мольбы жены спасают его. После того как немцы «освободили» Украину, он уезжает в Киев, где «царствовал» его старый друг Скоропадский и где ему предложили должность начальника штаба гетмана. Однако Врангель не разделял германофильских настроений Скоропадского и отклонил это предложение, затем вернулся в Крым и в августе 1918 года решил направиться в Екатеринодар. Он сам рассказал о своей встрече с Деникиным, который принял его в начале сентября. Главнокомандующий сразу же обратился к Врангелю с вопросом:

— Как мы могли бы наилучшим образом использовать ваши знания и опыт. Какого назначения хотели бы Вы?

— Вашему превосходительству известно, что в 1917 году я командовал кавалерийским корпусом, но в 1914 году я командовал только эскадроном. Не думаю, что я очень состарился с того времени…

— Нет. Конечно, дело не может идти об эскадроне… Что вы скажете, если мы предложим вам командование бригадой?

— К вашим услугам, Ваше превосходительство!

Такая скромность, которую Деникин не ожидал встретить, понравилась ему. Он собрался послать генерала Эрдели с очень ответственной миссией на Балканы. Почему бы не заменить его этим новым офицером с безукоризненной репутацией и столь почтительным поведением? Известие о взятии Ставрополя только утвердило его в том, что он сделал хороший выбор.

Ася радовалась новостям, поступающим с фронта. Антон должен был прибыть в «столицу». Уже заметная беременность утомляла молодую женщину, делала ее нервной, подверженной частым обморокам. В день, когда пришла весть от мужа, она вышла погулять и упала на улице. Добрые люди довели ее до маленького дома на Соборной улице, где она чувствовала себя такой одинокой в отсутствие Антона, несмотря на присутствие деда и матери, вызвавших докторов. «Одного существа не хватает, и вы совсем одиноки…» Но даже когда муж приезжал в Екатеринодар, Ася видела его редко. Вести об отступлении немцев, о подписанном перемирии, слухи о «национальном

правительстве», провозглашенном в Сибири, о флоте союзников, направляющемся к берегам России, — все это ставило много проблем перед главнокомандующим и еще больше отвлекало его от семьи. Но если отбросить самолюбие, то счастье быть женой Деникина, матерью его сына стоило трудностей одиночества…

События развивались стремительно, и надо было поспевать за ними. Россию покидали 38 австро-немецких дивизий, оставляя без защиты от красных 19 русских губерний. Что могли сделать белые, ведь их было так мало? Им приходилось рассчитывать только на помощь союзников! Пусть они защитят от большевиков хотя бы те области, из которых уходят немцы (Деникин полагал, что для этого нужно было 16 союзнических дивизий), а белые возьмут на себя задачу освободить ключевые города юга, запада и востока России, чтобы затем начать победоносный поход на Москву и Петроград!

Все эти планы обсуждались сначала с прибывающими в Новороссийск английскими и французскими офицерами, затем с шефом английской военной миссии генералом Пулом. Иностранцев встречали как спасителей, и их быстро очаровывало славянское гостеприимство. Офицеры и администрация военных миссий давали такие обещания, которые их правительства совсем не жаждало выполнять. Пул категорически стоял на своем: Деникин и его Добровольческая армия получат все, в чем они нуждаются. Будущий французский депутат Эрлих искренне заявлял, завершая банкет:

— Вы можете рассчитывать на помощь Великобритании и свободной Франции! Мы с вами. Вскоре со стен Кремля падет красное знамя, забрызганное кровью невинных жертв, и взовьется трехцветный стяг единой и неделимой России.

Подобные декларации, поддержанные прессой свободных областей, вселяли в людей бодрость и уверенность. А они в этом нуждались, так как, несмотря на щедрые посулы союзников, в это время Белая армия насчитывала не более 40.000 человек и имела в своем распоряжении 193 пушки, 621 пулемет, 29 самолетов, 8 автомобилей и 7 бронепоездов. Им противостояла Красная армия численностью в 90.000 человек с несметным количеством боеприпасов. Конечно, в руках Белой армии находились Новороссийск (на Черном море), Майкоп, Армавир и Ставрополь. Но какой ценной это далось! За июнь месяц белые потеряли тридцать тысяч человек! И красные еще владели предгорьями Кавказа, закрывали выход к Волге, отбросили армию донских казаков, пытавшуюся овладеть Царицыном. Командование Красной армии Северного Кавказа было обезглавлено после бунта, который поднял Сорокин, и казни последнего его

собственными подчиненными, но боеспособность красных росла день ото дня. Деникин объяснял это вековым антагонизмом между казаками и «иногородними», большая часть которых вливалась в армии красных с единственной целью — свести счеты с ненавистными казаками, пополнявшими ряды белых. Они посылали бесконечные резолюции, требовали от начальства «немедленной реорганизации фронта», атак и продвижения вперед. «Наша разведка, — писал Деникин, — доставляет самые пессимистические новости, сообщает, что Красная армия Северного Кавказа начинает преодолевать кризис. Кажется, что победа казаков приведет к рабству всех «иногородних», а победа «иногородних» к рабству всех казаков».

Это частное объяснение дополнялось другими, более общими. Военный министр, а вернее, военный комиссар Троцкий, поддерживаемый Лениным, с марта 1918 года ввел воинскую повинность и пытался теперь «расставить нужных людей по нужным местам». Подразделениями красных командовали теперь военспецы, кадровые офицеры бывшей царской армии, привлеченные надежностью службы и перспективой быстрого продвижения или вынужденные сотрудничать с советской властью: в случае отказа или предательства их семьи расстреливали. Чтобы не дать им плести контрреволюционные заговоры, Троцкий издал приказ о назначении к ним политических комиссаров из числа надежных представителей партии большевиков. Система дополнялась тем, что воинские подразделения постоянно пополнялись за счет активистов рабочего движения с предприятий. Они должны были служить ядром армии и вести пропаганду в войсках. Структура Красной армии укреплялась огромной агитационно-пропагандистской работой. Повсеместно внедрялся принцип: «Интересы революции требуют физического уничтожения класса буржуазии». Красные воплощали и совершенствовали этот принцип, пытая пленных белогвардейцев перед тем, как расстрелять их, что, в свою очередь, приводило к тому, что белые тоже не щадили пленных красноармейцев. «Буржуев» уничтожали повсюду, особенно в населенных пунктах, отбитых у противника. Так, объективный свидетель Мишагин-Скрыдлов, не вставший на сторону ни Деникина, ни Ленина, с ужасом описывал ликвидацию «буржуазных заложников», происшедшую в Кисловодске, знаменитом курорте на Кавказе, на какое-то время освобожденном Шкуро, а затем вновь захваченном Красной армией: «Им приказали вырыть себе общую могилу, когда это было сделано, комиссары приблизились к ним с саблями наголо и начали рубить их. Ни одна жертва не имела ни малейшего шанса

спастись в этом кровавом месиве, так как их сомкнутыми рядами окружали красноармейцы. Однако когда комиссары приказали солдатам добить их, расстреляв эти полутрупы, то у красноармейцев не хватало духа это сделать. Тогда один из комиссаров с пистолетом в руках приблизился к солдатам и выстрелил в упор. Испугавшись, они открыли огонь по живым, копошащимся обрубкам».

Это свидетельство доказывает, что руководители большевиков, кроме уничтожения «буржуев», ставили задачу установления в Красной армии железной дисциплины. Для достижения этой цели Троцкий, преодолев сопротивление членов своей партии, решил назначить единого командующего всеми частями Красной армии. Им стал И. Вацетис, которого потом заменит С. Каменев, тот и другой — офицеры бывшей царской армии.

Деникин также думал о едином командовании всей Белой армией, но если Москва имела связь почти со всеми своими фронтами, то связь Екатеринодара с остальными фронтами оказывалась случайной и ненадежной.

Северный фронт был создан англичанами. Они вспомнили, что в портах Мурманска и Архангельска находятся важные склады боеприпасов, привезенные союзниками в Россию. Чтобы предотвратить их захват немцами, в Архангельске в августе 1918 года высадился отряд французов, англичан и американцев. Он обнаружил в городе зародыш «национального правительства», которое поддерживала небольшая армия в несколько тысяч человек, отбивающая атаки двадцатитысячного войска пробивающихся к порту красных. Союзники укрепили эту армию и поставили во главе ее двух русских генералов, Марушевского и Миллера, но реальная власть была в руках британского генерала Айронсайда. Все подробности о Северном фронте, этом второстепенном театре военных действий, сообщил Деникину генерал Пул.

Если Северный фронт был создан англичанами, то Северо-Западный фронт оказался делом рук немцев, которые помогли сформировать в сентябре-октябре 1918 года небольшую добровольческую армию под Псковом. После того как немцы оставили Псков, эта армия оказалась выбита красногвардейцами, и одно время судьба ее была неясна. Все изменилось к лучшему через несколько месяцев, когда главнокомандующим стал Юденич. Был даже момент, когда он едва не взял Петроград.

Но в основном внимание Деникина было приковано к Сибири.

Во Владивостоке, так же как и в Архангельске и Мурманске,

находились, только в еще большем количестве, склады боеприпасов и вооружения, с опозданием предоставленные союзниками России. Для охраны этих складов французы и англичане оставили два старых крейсера, но американцы и японцы начали перехватывать у них инициативу. Летом 1918 прибыли дополнительные англо-французские подкрепления. Положение большевиков в Сибири было затруднительным. Большие города (за исключением Владивостока, занятого союзниками) официально подчинялись Москве, но каким образом она, будучи не в состоянии усмирить европейскую часть России, могла контролировать двенадцать с половиной миллионов квадратных километров Сибири? По всей ее территории создавались контрреволюционные отряды. Восстание чехов послужило катализатором. В течение нескольких недель существовали два национальных правительства, правое и левое. Затем они слились в Директорию, состоящую из пяти человек. Директория провозгласила себя «Независимым правительством России» и направила напыщенную телеграмму Алексееву и Деникину, сообщая о происшедшем и давая инструкции. Из-за плохой работы телеграфной связи телеграмма прибыла в Екатеринодар с опозданием, когда первого адресата уже не было в живых, в то время как второй только с недоумением поднял брови. Не проявляя интереса к Директории, Деникин внимательно следил за продвижением «национальной» армии, которая вместе с чехами освобождала город за городом и насчитывала уже около 120 тысяч бойцов.

Затем новости последовали одна за другой: адмирал Колчак становится военным министром Директории, через несколько недель разгоняет ее, сосредоточивает в своих руках всю гражданскую и военную власть и провозглашает себя Верховным правителем России! Деникин знал Колчака только понаслышке.

Александру Васильевичу в 1918 году было 45 лет. Бритое лицо, лысый череп, темные глаза, сосредоточенный взгляд, волевой подбородок, невозмутимое выражение лица — все говорило об энергии и прямоте, которую ничто не могло поколебать. Колчак был самым блестящим офицером русского флота. Соединяя исключительные качества ученого и военного, он в 1916 году стал контр-адмиралом, а затем и вице-адмиралом. Керенский, не питая к нему доверия как к человеку слишком непреклонному и принципиальному, отослал Колчака в Соединенные Штаты под предлогом решения какого-то чисто технического вопроса. Получив известие о большевистском перевороте, Колчак решает вернуться на родину, но в Токио меняет свое решение, узнав о переговорах, которые ведут красные

с целью заключения сепаратного мира. Он обращается к послу Великобритании в Японии:

— Я считаю долгом русского офицера выполнение обязательства по отношению к союзникам. Я хотел бы, если возможно, принять участие в сражениях на Западном фронте даже в качестве солдата сухопутных войск.

Лондон после проведенных с ним консультаций посчитал это расточительством и стал искать достойное применение способностям адмирала. Около года Колчак провел в бездействии, затем англичане, понимая, что во главе Сибири необходимо поставить компетентного и уважаемого военного руководителя, попросили его отправиться в Омск, где тогда находилась Директория. Обрадованные столь достойным пополнением, члены Директории поспешили сделать Колчака военным министром. «В настоящее время, — писал Колчак Алексееву, которого он очень уважал и о смерти которого еще не знал, — у меня еще не сложилось личного мнения о Директории».

Чтобы его составить, ему понадобилось несколько дней. Мнение это было самым неблагоприятным. Все здесь тонуло в интригах, соперничестве, коррупции, что отражалось на армии, лишенной оружия, патронов, обмундирования. После проведенной инспекции он принял решение: надо брать власть в свои руки. С Директорией все решилось 18 ноября. Офицеры арестовали двух министров-социалистов «независимого правительства», другие сами сложили свои полномочия, передав всю власть адмиралу. В тот же день Колчак провозгласил:

1. Сегодня приказом Совета министров русского правительства я назначаюсь Правителем.

2. Сегодня я принимаю на себя командование всеми наземными и морскими силами России.

Эти новости радовали Деникина, так как он был не самолюбив и его больше всего заботило благо России. Но в его штабе, окружении, в правительстве Екатеринодара задавали вопрос: считает ли возможным Деникин как Верховный руководитель подчиниться новому Верховному правителю? Поскольку двух военачальников и их армии разделяли тысячи километров, вопрос этот был неактуален.

Вынашивая идею о скором соединении с Белой армией Сибири, Деникин продолжал заботиться об усилении своей армии, о присоединении к ней казаков Дона, которые после стремительного рывка к Царицыну все время отступали. Их атаман Краснов выказывал по отношению к Деникину явную враждебность. Долго так продолжаться не могло. Таким было и мнение главы британской миссии. Пул имел зуб на атамана и

даже предлагал командующему Добровольческой армией «послать к черту этого проклятого германофила». Питая неприязнь к столь радикальным мерам, сторонник мягкой диктатуры принял только часть предложения Пула. Глава британской миссии встретился с Красновым в его вагоне на нейтральной территории. Поскольку эта встреча «двух самодовольных и рассерженных индюков», по словам самого атамана, не могла привести ни к какому компромиссу, Деникин решил поговорить лично с одним из «индюков». Армия Краснова терпела поражение, и он готов был сложить с себя полномочия. 8 января 1919 года Деникин пишет приказ: «Сегодня я беру на себя командование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами юга России (ВСЮР)».

Вновь созданная армия стала называться Вооруженными силами юга России и состояла из 60.000 человек. Однако необходимо было ее реорганизовать. Добровольческая армия стала отдельным подразделением Вооруженных сил юга России. Деникин поручил командование ею Врангелю. Ветераны Добровольческой армии возмутились этим, но в конце концов подчинились за исключением генерала Казановича, который предпочел отставку.

Испытывая ностальгию по прошлому, Деникин отмечал: «До сего дня я сам вел свою армию, сейчас же я довольствуюсь тем, что командую ею…»

Еще до того, как армия Деникина стала называться Вооруженными силами юга России, она начала серьезно беспокоить Москву. Во время празднования первой годовщины большевистского переворота Троцкий произнес длинную речь. Он говорил о жизненной необходимости для Советской России в угле, нефти и хлопке. Без этого сырья революция захлебнется, а оно, это драгоценное сырье, недоступно, оно в руках белых или их союзников. Первой задачей Троцкий считал выход к Донецкому угольному бассейну.

«Сейчас пульс Советской республики бьется на южном фронте. Мы обратились с призывом к Советам Петрограда и Москвы. В последние дни сотни трудящихся были отправлены на юг. Отправлены машины, карабины, пушки. Нам надо овладеть Доном, Северным Кавказом, Каспийским морем. Именно на Дону нужно разрубить узел контрреволюции!»

Для затянувшего этот узел год тысяча девятьсот девятнадцатый таил, таким образом, много опасностей.

(Далее — даты по новому стилю).

Глава XIX
К ПОБЕДЕ С ПЕСНЕЙ

Принимая 14 января пожелания от своих соратников и близких, Деникин не подозревал, что 1919 год будет не только наполнен самыми большими надеждами и радостями, но и принесет ему также множество горьких разочарований.

Когда военные миссии союзников прибыли в Екатеринодар в конце ноября 1918 года, когда французские эскадры вошли в порты Одессы и Севастополя в декабре, Деникин подумал, что его чаяния наконец осуществляются и что союзники готовы охранять от красных оставленные немцами и австрийцами территории и помочь — материально — освободить остальную часть России. Его иллюзии длились недолго.

В течение многих десятилетий Одесса слыла раем для торговцев. Начиная с 1917 года она стала средоточием всевозможных политических «проходимцев» и шпионов. Французы вошли в город, находящийся в полном подчинении у социалиста Пет-люры, провозгласившего себя главой Украины сразу же, как только исчез германофил Скоропадский со всеми своими покровителями. Французский генерал Бориус отдал приказ «петлюровцам» оставить Одессу, те категорически отказались. Одесса была освобождена от петлюровских войск русскими офицерами под командованием белого генерала Гришина-Алмазова. Признательный Бориус назначил генерала губернатором города. Генерал принял этот пост только после согласования с Деникиным. Через три недели Бориуса заменил генерал д'Ансельм, и дела пошли гораздо хуже. Осаждаемый представителями различных анти- и просоветстких политических группировок, которые, утверждая совершенно противоположное, все считали себя тем не менее «представителями истинной России» и выливали потоки грязи на губернатора и его шефа Деникина, бедный француз не знал, что делать и думать. Не понимая тех реальных задач, которые поставили перед собой добровольцы, не найдя хорошего советчика в лице своего начальника штаба полковника Фрайденберга, д'Ансельм не позволил белым, чей личный состав теперь достигал 5000 человек, использовать русское оружие и боеприпасы, хранящиеся на складах в соседних селах, и требовал расформировать добровольцев в «смешанные бригады», которые поставить под командование французских офицеров. Ответ Деникина был самым резким. Содержание телеграммы, посланной им

представителю Добровольческой армии в Одессе, который в свою очередь с гордым видом передал ее д'Ансельму, было следующим: «Я категорически запрещаю вам отдавать русские войска во власть иностранцам. Пусть в Одессе станет всем известно, что русские офицеры, завербовавшиеся в «смешанные бригады», будут подвергнуты военному суду».

Д'Ансельм, разъяренный и так ничего и не понявший, воскликнул:

— Как можно работать с этим Деникиным, который только и делает, что дает вам по носу? Нам остается только сложить чемоданы и вон отсюда!

Что французы и сделали в первых числах апреля, после мятежа их флота, стоящего на рейде в Одесском порту. Одним из наиболее активных подстрекателей был аннамит Тон-Дон-Танг[1], приобретший позднее известность под именем Хо Ши Мина.

Предоставив Одессу ее красной судьбе, французы разоружили и интернировали уцелевших и укрывшихся в Румынии добровольцев. После целого месяца унижений эти люди наконец смогли присоединиться к Деникину. Судьба Севастополя сложилась еще более драматично. В ноябре 1918 года власть в Крыму взяло «антибольшевистское демократическое правительство», установившее тесную связь с добровольцами. Как только французский полк сошел на берег Севастополя, делегаты от рабочих пришли к командующему полковнику Рюсу и стали его просить восстановить в городе власть большевиков. Белые со своей стороны требовали помощи в борьбе против красных, которые продвигались к Крыму. Заявляя одним, что «никогда французские товарищи не пойдут против голодных русских рабочих», Рюс предоставил в распоряжение других две греческие роты, состоящие в его ведении. 25 марта 1919 года генерал Франше д'Эспре прибыл, чтобы произвести проверку, и обратился к добровольцам со словами, которые Деникин счел «грубыми». Он бичевал белых офицеров, «чье поведение позорно», он говорил, что «русская буржуазия и интеллигенция прячутся за спины союзников» и белые не должны рассчитывать, что союзники будут драться за них. Он отдал приказ всем ошеломленно слушающим его, «как можно быстрее отправляться на фронт».

После отъезда Франше д'Эспре командующий эскадрой адмирал Аме следующим образом объяснил генералу Боровскому политику французов.

— Видите ли, все обещания активной помощи были вам даны людьми, не обладающими достаточными полномочиями… Во Франции общественное мнение считает войну законченной. Я не представляю себе, каким образом нам удалось бы заставить наши

части участвовать в боях.

Красные подошли к Севастополю 10 апреля. Полковник Труссон, заменивший Рюса, объявил о чрезвычайном положении. Обезумившие от страха жители попытались сесть на русские грузовые суда. Местный большевистский комитет решил не допустить эвакуации и при попустительстве французов взорвал транспорт «Рион» вместе с сотней человек — детей и женщин. 15 апреля адмирал Аме отдал приказ остановить эвакуацию граждан и потребовал от добровольцев покинуть город. Он дошел до того, что конфисковал их продовольственный склад и кассу «демократического правительства» в пользу нового большевистского правительства Севастополя.

Последний русский корабль «Георгий» покинул порт 16 апреля. На рейде еще оставались несколько кораблей союзников. Командующий крепостью белый генерал Рерберг и его штаб, следивший до последнего момента за эвакуацией, должны были сесть на один из них вместе со своими семьями, но 20 апреля командир корабля получил приказ «высадить всех русских офицеров» — в это время красные уже два дня как оккупировали Севастополь. Стоя перед готовыми к отплытию шлюпками, Рерберг клеймил французов:

— Итак, вы оставляете нам лишь один выбор: или дать себя расстрелять большевикам, или броситься в море.

Капитан поднял руки к небу в знак своего бессилия. Приказ есть приказ! В конце концов для Рерберга и его спутников судьба предоставила третье решение: защиту и кров им предложило британское командование.

Если объективно взглянуть на сложившуюся ситуацию, то необходимо признать, что если французы не хотели понимать проблем добровольцев и попирали их национальную гордость, то и Деникин, со своей стороны, не особенно утруждал себя дипломатическими тонкостями… Он лишь вздыхал: «В эти дни народного бедствия официальные представители Франции сделали все возможное, чтобы переполнить чашу нашего несчастья».

Франше д'Эспре в письме Деникину дал следующую… неожиданную трактовку недавних событий: «Эвакуация двух городов объясняется исключительно нашей неспособностью обеспечить их снабжением продуктами питания… О поражении, с военной точки зрения, здесь не может идти и речи. Если бы мы могли, не колеблясь, обречь население этих двух городов на голодное существование, то мы остались бы на наших позициях».

Британский генерал Мильн дал Деникину следующую версию событий: «Эвакуация Одессы была решена в Париже Советом

десяти на основании донесений д'Ансельма и полковника Фрайденберга… Англичане энергично протестовали против плана немедленной эвакуации, но французы проигнорировали их мнение».

Деникин сделал свои выводы: «Их солдаты устали. Они не хотят больше драться. Вовлечь их в русский хаос было бы в высшей степени опасным предприятием».

Как бы там ни было, престиж французов чрезвычайно упал в глазах добровольцев: газеты, памфлеты, разговоры выражали охватившие их разочарование и гнев. «Почему мы в свое время не стали союзниками Германии!..» — слышалось то там, то здесь. Деникин признавался позднее, что ему «стоило большого труда преодолеть свою горечь». Однако в перспективе будущего интернационального согласия он любезно принял полковника Корбея, главу французской миссии, высказавшего искреннее сожаление по поводу «недавних прискорбных недоразумений». Желая ободрить Деникина, он произнес следующие слова:

— Что мы здесь можем? Что сделано, то сделано. Если некоторым личностям удалось самым досадным образом разорвать узы, связывающие наши две страны, то не на нас ли с вами возложена задача объединить наши усилия для их восстановления в общих интересах.

Действительно, Деникин потерял надежду на действенную помощь со стороны Франции с момента эвакуации Одессы и Севастополя, но он уже знал, что может рассчитывать на Англию. Военные миссии двух стран, аккредитованные в Екатеринодаре, с самого начала не находили общего языка. С каждым днем соперничество все больше перерастало в антагонизм. Так, когда военные представители Франции пришли передать Деникину телеграмму № 10317, которая сообщала о назначении Франше д'Эспре командующим «экспедиционным корпусом», британский представитель поспешил так прокомментировать Романовскому эту новость:

— Оставьте ваши переговоры с французами! Они вам многое пообещают, но ничего не дадут. Лучше представьте мне полный список того, в чем вы нуждаетесь.

Через несколько месяцев британская помощь материализовалась в 558 пушек, 12 танков, 1 миллиона 700 тысяч снарядов, 160 миллионов патронов, несколько десятков самолетов, 250.000 униформ и бесчисленные ящики с медикаментами. Английские артиллеристы и летчики, официально уполномоченные лишь инструктировать своих союзников в искусстве владения оружием и управления самолетами, на деле принимали активное участие в военных

действиях.

«Что удивительного в том, что, слыша грохочущие вдали пушки и встречая ежеминутно бросающиеся в глаза доказательства большевистских зверств, — рассказывает военный корреспондент Джон Эрнест, — наши солдаты и офицеры переходили часто к активному участию в военных действиях. В то время как я находился в Царицыне (Врангель взял город 30 июня 1919 года), большевики предприняли наступление. Флотилия из сорока вооруженных пушками кораблей приближалась по Волге к Царицыну, чтобы поддержать принимающую опасные размеры наземную атаку. Три британских самолета поднялись с посадочной площадки и начали бомбардировать флотилию, пятнадцать кораблей были потоплены, остальные вернулись на свою базу в 80 километрах вверх по течению. […] Пленные большевики говорили, что наши танки вселяют в них страх, но не до такой степени, как самолеты. В конце концов «танку можно сдаться», но какая польза поднимать руки при виде самолета? Ваши самолеты, і оворили они, — делают войну совершенно невозможной!»

Ценность британской военной помощи нельзя было переоценить, но ее прибытие в Россию странным образом запаздывало. Хадсон, военный корреспондент, по пути из Англии на несколько дней задержавшийся в Турции, дает этому следующее объяснение.

«Для меня стало очевидно, что наша штаб-квартира в Константинополе имела совсем иную точку зрения на происходящее, чем военная миссия в южной России. Она смотрела на членов этой миссии как на подчиненных. Последние энергично отрицали подобный взгляд на вещи и продолжали сообщаться напрямую с Лондоном. Однако большая часть дорогостоящих военных поставок, отправленных Деникину, шла через Константинополь, точно так же как телеграммы в Лондон. Все это вызывало трения, и наши люди в Константинополе препятствовали продвижению груза. […] Когда я покидал город, уезжая в Россию, один из наших офицеров штаба пытался меня предостеречь:

— Вы не очень доверяйте нашим друзьям в России. Они там все немного сошли с ума. Я думаю, что это как-то связано с климатом».

Это предупреждение пропало впустую. Едва приехав к добровольцам, британский корреспондент поддался воздействию «климата» и стал своим в племени «сумасшедших друзей».

Между тем ВСЮР шаг за шагом осуществляли программу, которую их главнокомандующий вынашивал с января. В конце

февраля Северо-Кавказская Красная армия прекратила свое существование. Белые взяли 50.000 пленных, захватили 150 пушек, 350 пулеметов. Обеспечив себе тыл на юге, бойцы Деникина теперь повернули в северо-восточном направлении, на Царицын, где дралась 23-тысячная армия Егорова, в северном направлении, где действовали 28.000 красноармейцев Всеволодова, и в западном — отсюда угрожали 27.000 красноармейцев Тухачевского, 25.000 — Кожевникова и 27.000 — Опанасюка. 43.000 белых с нетерпением ждали приказа начать генеральное сражение с красными, общая численность которых достигала 128.000 человек. Кое-кто роптал, что этот приказ запаздывает из-за того, что главнокомандующий со дня на день ждет рождения сына.

Деникин действительно находился в сильном беспокойстве. Все гинекологи Екатеринодара давали пессимистический прогноз: ребенок слишком крупный и никак не проявляет себя. 4 марта, когда Деникин проводил совещание со своим штабом, позвонил хирург и задал вопрос:

— В случае крайней необходимости о чьей жизни я должен думать — о жизни вашей жены или вашего сына?

— Конечно, о жизни моей жены!

На рассвете 5 марта Романовский пришел разбудить своего начальника. Чувствуя, как будет разочарован Деникин, он не осмеливался сказать правду. Главнокомандующий спросил:

— Плохие новости?

— Не совсем, Антон Иванович, Ксения Васильевна чувствует себя хорошо.

— Маленький Ваня мертв?

— Нет, нет! Нет маленького Ивана… Крупная девочка, она весит больше десяти фунтов!

Нескрываемое разочарование. В госпитале Екатеринодара оно еще увеличилось. Роды оказались трудными, голова новорожденной сплющилась, на макушке была заметна некрасивая ямка. Ася, казалось, совершенно не обращала внимания на уродливость головки в форме тыквы. Она нежно вздохнула:

— Мы назовем ее Ариной.

— Ни в коем случае. Столь претенциозное имя не подходит такому уродцу. Нужно простое имя… почему бы не Мария?

Был заключен компромисс, и через несколько дней генерал Лукомский и жена генерала Романовского держали над купелью маленькую Марину, которая постепенно начала приобретать человеческих облик.

На двери палаты появилась дощечка с надписью: Марина

Антоновна Деникина. Отныне в этой палате могли бесплатно лежать нуждающиеся женщины — будущие матери.

Моя мать часто, смеясь, вспоминала о «сильномразочаровании отца».

Любовь, которую проявлял ко мне отец, заставляла меня с недоверием относиться к ее словам. Картина прояснилась только тогда, когда я перед тем, как приступить к этой книге, просмотрела всю семейную корреспонденцию. В тридцати письмах, написанных в течение года после моего рождения Антоном к Асе, я нашла только одно-единственное упоминание о… «твоей дочери». Как мне кажется, я завоевала любовь моего отца только в возрасте шестнадцати — восемнадцати месяцев, в первые месяцы нашей жизни в эмиграции в Англии.

Деникин 15 марта 1919 года отдает приказ перейти в наступление по всему фронту. 19 мая Врангель берет Великокняжескую, в 320 километрах к северо-востоку от Екатеринодара. 4 июня Май-Маевский, командующий теперь Добровольческой армией, захватывает Славянск, в 450 километрах к северо-западу от Екатеринодара, а генерал Кутепов — Харьков, в 600 километрах к северо-западу от Екатеринодара, где тремя неделями ранее Троцкий клялся «всем пролетариям, что Харьков никогда не попадет в руки белых».

В Лондоне эти события чрезвычайно обрадовали министра обороны — главное ответственное лицо в помощи белым. Даже премьер-министр Ллойд Джордж, отрицательно относящийся к вмешательству в русские дела, мало знакомый с русской историей и географией, выступая в Палате общин, отдал должное доблестным генералам Деникину и… Харькову.

На юге России в руках белых оказался весь Крым. Шкуро уже занял Екатеринославль. 29 июня торжественной службой в Новочеркасске было отмечено полное освобождение Донской области. В результате охватившего местное население энтузиазма численность Донской армии за несколько дней выросла с 18.000 казаков до 40.000…

Врангель захватил Царицын 30 июня. В то время как доблестные «войска юга России» одерживали победы, их сибирские друзья начали выдыхаться, несмотря на все усилия Колчака. Чехи в конце концов сдали оружие, продолжая тем не менее обеспечивать охрану Транссибирской магистрали. Поскольку личные телеграммы Верховного правителя Колчака и Деникина проходили транзитом через Париж (в то время как военные сводки переправлялись через Лондон), то Деникин только в апреле получил послание, отправленное из Омска в январе. В нем речь шла о «едином правительстве». Деникин

послал ответное письмо, в котором говорилось, что эта проблема могла бы быть разрешена объединением двух командующих и их армий, которое, как он надеялся, произойдет в ближайшем будущем в Саратове на Волге. Еще не отошедший от раздражения, вызванного недавними событиями в Одессе и Севастополе, он прибавил несколько резких критических слов в адрес французов. Не желая, чтобы письмо с его размышлениями проходило через Париж, он предпочел его доверить верному посланнику. Но, увы, Гришин-Алмазов, однодневный губернатор Одессы, попал в руки красных. У него хватило времени пустить себе пулю в лоб, но он не успел уничтожить письмо Деникина. Оно было опубликовано в московской прессе, вызвав ужасный гаев Клемансо и сосредоточение красных частей в районе Саратова. Предполагаемая Деникиным встреча, впрочем, с самого начала была обречена на провал из-за начавшегося отступления белых в Сибири.

Клемансо, Ллойд Джордж, Вильсон, Орландо и Сайондзи[2], пять глав союзнических правительств, 14 мая послали совместную телеграмму адмиралу Колчаку. В ней говорилось, что они готовы официально признать правительство Колчака как правительство России, при условии, что Верховный правитель даст им гарантии относительно определенных пунктов, как-то: автономия Польши, Прибалтийских стран, Финляндии и скорый созыв «свободно избранного» Учредительного собрания. Это решение было важным для Белого движения, так как оно позволяло присутствовать на мирных конференциях. Курьеры были спешно посланы к Деникину и прибыли в Екатеринодар 9 июня. Согласится ли он признать Колчака в качестве Верховного правителя и подчиниться его власти? Деникин провел совещание с членами своего правительства, которые выступили против такого решения и выдвинули другое: почему бы Колчаку не подчиниться Деникину? Таковым было положение вещей, когда «весь» дипломатический и военный Екатеринодар собрался на банкет, организованный в честь главы британской миссии генерала Бриггса, слывшего «большим русофилом», и заменяющего его на этой должности генерала Хольмана (который не замедлил стать более «сумасшедшим», чем его предшественник). Подошло время тостов. Деникин что-то писал на клочке бумаги, набрасывал свою речь. Он встал, воцарилась тишина: «Безмерными подвигами Добровольческих армий, Кубанских, Донских и Терских казаков и Горских народов освобожден юг России, и русская армия неудержимо движется вперед к сердцу России. […] Спасение нашей Родины заключается в единой Верховной власти и нераздельном с нею едином

Верховном командовании. Исходя их этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя превыше всякого ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку как Верховному правителю Русского государства и Верховному главнокомандующему Русских армий.

Да благословит Бог его крестный путь и да дарует спасение России».

«Этот рыцарский поступок, свидетельствующий о глубоком патриотизме Деникина, — вспоминает один из присутствующих на банкете, — произвел на нас в буквальном смысле ошеломляющее впечатление. Какое-то мгновение все сидели неподвижно, затем наши чувства, не в силах больше сдерживаться, выплеснулись наружу и выразились в шквале аплодисментов и в произнесенных затем речах. Все тянулись к Деникину, кто-то поцеловал ему руку».

Из-за дальности расстояния подчинение было лишь теоретическим, но Колчак, получив копию речи в виде резолюции № 145, почувствовал себя удовлетворенным. 24 июня Антон пишет Асе, которая проводила лето в Кисловодске вместе со «своей» дочерью.

«Колчак назначил меня «заместителем Верховного главнокомандующего» на случай своей смерти. О гражданских правах пока еще сведений нет».

Лишь 6 января 1920 года Верховный правитель, перед тем, как его сдадут большевикам его бывшие друзья чехи, союзники японцы и…французский генерал Жанен, пошлет свою последнюю телеграмму Деникину, где передаст ему свой титул, полномочия и затребует «его инструкций»…

В июне 1919 года, в то время как в Сибири наметилась тенденция к необратимому отступлению белых, армии Юга России постоянно продвигалась вперед. 26 июня Деникин уехал из Екатеринодара, где постоянные интриги сепаратистской Рады выводили его из себя. Своей новой столицей он сделал Ростов. Атаманом, «царящим» на Дону с марта месяца, стал генерал Богаевский, его давний друг. Краснов, проиграв на выборах, эмигрировал в Германию. В то время как министры Деникина обосновались на новом месте, «царь Антон», как его теперь называли (против его воли) подчиненные, выбрал местопребыванием своего штаба соседний порт Таганрог. 21 июля он пишет Асе, все еще находящейся в Кисловодске: «Таганрог — город скучноватый, но прелестный и тихий. Отдыхаешь душой после душной и политически зараженной атмосферы Екатеринодара.

Ездил в Ростов, где публика пожелала меня чествовать.

Прочтешь в газетах. Ох, Асенька, когда же «капусту сажать»?»

Но было не до «капусты». 3 июля во время инспекторского смотра в Царицыне, который крепко держал в своих руках Врангель, Деникин подписал приказ по армии, начинавшийся следующими словами: «Имея конечной целью захват сердца России — Москвы — приказываю…»

Затем следовали три «маршрута» к Москве:

1 — Врангель должен пройти через Саратов, Пензу, Нижний Новгород и Владимир.

2 — командующий казаками генерал Сидорин — через Воронеж и Рязань.

3 — генерал Май-Маевский — через Курск, Орел, Тулу — предварительно сделав крюк, чтобы взять Киев.

Советскую власть охватила паника. В красной прессе призывы следовали за призывами. В газете «Экономическая жизнь» выражалось крайнее беспокойство: «Как бы тяжело это ни было, на сегодняшний день необходимо отказаться от наступления в Сибири и сконцентрировать все наши силы, все наши средства в борьбе против Деникина, который угрожает самому существованию Советской республики!» Беспокойство «Известий» было еще большим: «Товарищи! Иностранные капиталисты делают отчаянные усилия, чтобы вернуть иго капиталистической эксплуатации. Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть направлены на отпор, на победу над захватнической армией Деникина!»

«Операция Москва» несколько замедлилась, затем события начали развиваться с ошеломляющей стремительностью.

Киев, столица Украины, пал 30 августа; 20 сентября был взят Курск.

Троцкий признавался в секретном донесении (которое будет опубликовано в 1924 году) Центральному Комитету: «Когда Колчак обещал дойти до Волги, когда Деникин назначил ему встречу в Саратове, самая большая угроза заключалась в их объединении. [Сегодня] нужно видеть ясно: Деникин несравненно более серьезный противник, чем Колчак».

Ленин, легко впадающий в пораженческие настроения, взяв слово на съезде по возрождению России, сделал следующее удивительное заявление: «Мы потерпели поражение, это правда, но одно сравнение все же говорит в нашу пользу: в Париже Коммуна просуществовала лишь несколько недель, мы же в России продержались больше года!»

30 сентября белые освободили Воронеж.

В тот же день Центральный Комитет обнародовал следующее воззвание: «Нужно дать отпор Деникину чего бы это ни стоило!

Нужно защитить Тулу и ее военные заводы! Все на защиту Москвы! Все, все на борьбу с Деникиным!»

98-тысячная Белая армия подходила к Москве. Троцкий бросил против нее 160-тысячную армию, и тем не менее 13 октября генерал Кутепов вошел в Орел, который находится всего в 180 километрах юго-западнее Тулы. Семьсот километров территории было освобождено за шестьдесят дней. Москва была уже не более чем в 300 километрах. Армии Деникина занимали теперь территорию в 1.430.000 квадратных километров с населением в 42 миллиона человек. И, наконец, огромное счастье для белых и источник беспокойства для красных — под угрозой оказался второй по значению город России, бывшая столица Петроград.

Не видя больше необходимости охранять арсеналы в Архангельске, поскольку Германия была побеждена, союзники бросили в августе 1919 года небольшой Северный фронт на произвол судьбы. Теперь его обороняли только войска генерала Миллера. Его 10 тысяч бойцов не питали никакой надежды продвинуть линию фронта, но они постоянно нападали на красных, удерживали значительные их силы на Севере, тем самым внося свою скромную лепту в великую грядущую победу.

Бывший Северо-Западный фронт, созданный ранее немцами в Пскове, был распылен и затем расформирован по инициативе генерала Юденича. В июне приказом Колчака он стал его главнокомандующим и получил задание собрать воедино разрозненные части, сражающиеся против красных в Прибалтике (прежде всего в Эстонии). Юденич, командовавший в первую мировую войну Кавказским фронтом, был человеком солидным, крупного телосложения, обладал недюжинной физической силой и носил великолепные усы. Но в отличие от Колчака и Деникина он не имел чувства национальной гордости и позволял союзникам управлять собой (правда, не без некоторого протеста) и даже отчитывать себя как мальчика. Англичане велели ему идти на Петроград, и он подчинился. Правда, он рассчитывал на активную помощь Эстонии и поддержку британского флота на Балтике, чьи пушки были направлены на Петроград. Кроме того, он сознавал, что падение бывшей столицы, колыбели большевистской революции, вместе в потерей Москвы сыграет роковую в судьбе революции и станет концом хозяйничанья большевиков в России.

Начало его наступления в сентябре казалось многообещающим, хотя он мог противопоставить 23-тысячной армии лишь 17 тысяч человек.

В то время как Белая армия вела наступление от Орла на

Тулу, Юденич приблизился к пригородам Петрограда. За границей, в Таганроге, где все еще находилась ставка Деникина, в Москве, где все больше и больше паниковал Ленин, в Петрограде, где Троцкий возводил баррикады на улицах руками детей и женщин, — везде царила уверенность, что окончательная победа белых есть вопрос дней и, может быть, даже часов…

Военные песни были во все времена неотъемлемой частью русской военной жизни. Об этом свидетельствует множество поговорок и пословиц.

Победоносные армии белых также шли вперед с песнями. Одна из любимых ими маршевых песен начинается следующим куплетом:

Смело мы в бой пойдем
За Русь святую!
И как один прольем
Кровь молодую.

Красные тоже любили песни. Не имея времени сочинять новые мелодии, они довольствовались прежней и лишь заменили некоторые строчки:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это.

Бесспорно, казалось гораздо «менее вдохновляющим», как писал Жан Бурдье в своей книге «Белые армии», «бороться за все за это, чем за Святую Русь», и тем не менее приближался час, когда песни красных зазвучат победно и торжественно, а песни белых смолкнут.

Глава XX
«УДАРЫ СУДЬБЫ…»

Антон к Асе: 31 октября 1919 года.

«…Положение нелегкое и на внешнем и на внутреннем фронте — мы «выдыхаемся» несомненно…». 28 декабря 1919 года.

«На фронте по-прежнему: медленно отходим. Ростов и Новочеркасск не сдадим». 4 января 1920 года.

«Как бы ни складывалась печально обстановка, как бы даже ни преследовали нас неудачи, куда бы линия фронта ни отходила — результат один — победа.

Посылаю 5 тысяч рублей из содержания, полученного в этом месяце, — могу прислать еще 10 тысяч».

6 января 1920 года.

«Паникеры покидают Ростов. Правительство с Лукомским еще там. Бывшее Особое совещание ведет себя с достоинством, оставаясь в сумасшедшем Ростове, тогда как все «местные» правительства давно удрали. Стою в Батайске, где буду всю операцию. Жил бы в Ростове, но там не будет отбою от паникеров».

12 января 1920 года.

«Удары судьбы довольно жестоко хлещут в последнее время, но не ломают духа. Выезжать надо сейчас, чтобы не застрять в Екатеринодаре. Но из Новороссийска — только в случае надобности. Буду бороться до конца».

27 февраля 1920 года.

«В ближайшие дни ударом двух конных групп — Павлова (мы) и Буденного (красные) определится исход операции. Если Буденный будет разбит окончательно, то весь большевистский фронт на Кавказе посыплется.

Кубанской армии не существует. На фронт не идут, а с фронта бегут. Предали.

Сила и настроение Добровольческой и Донской армий: первой — 5, второй — 4.

Живу в поезде, в мерзком Екатеринодаре. Голова трещит, мозг вянет, сердце болит. Проклятие гнусным людям, продающим Россию, особенно кубанским демагогам и господам крайне правых взглядов.

Общий вывод для Тебя: надеясь на благополучный исход, все же готовиться к эвакуации под английским покровительством».

4 марта 1920 года.

«Опасаюсь, чтоб Тебя не спровоцировали. Боже сохрани! Ни от каких учреждений, министров не принимай ничего. Продавай вещи, победствуй немножко, может быть, мне удастся как-нибудь помочь. Бедная моя голубка, сохрани Тебя Бог, ненаглядная».

25 февраля 1920 года.

«Моя родная! Плоховато на боевом и на внутреннем фронте. Говоришь, потеряли равновесие? Не думаю. А тяжко — это несомненно. Общее настроение:

1) Добровольцы отходят. Донцы дерутся, но, не видя подкрепления, нервничают. Кубанцы изображают солдат из оперетты: «Мы идем! Мы наступаем!» — и никуда не идут.

2) Казачьи атаманы играют на руку большевикам, подтачивают и подрывают фронт по-прежнему. На что надеются, неизвестно.

3) Кубанство сидит между двух стульев.

4) Офицерство бродит.

5) Вообще атмосфера напряженная. Возможны всякие неожиданности. Возможен даже отход.

Сейчас беседовал с Хольманом. Спрашивал совета насчет Кипра. Он чрезвычайно деликатно и минуя больные вопросы, ответил, в общем, следующее: «Адмирал Сеймур предлагает тебе место на броненосце. Лучше ехать в Англию (не на Кипр). Он снесся с Черчиллем. В Англии много наших друзей. Они понимают ситуацию русских людей и очень гостеприимны, будет возможность, вернем свой долг.

Ехать тебе в Екатеринодар, конечно, нельзя, по дороге бомбят, как бы чего не случилось.

Про Марину не пишу — так, напускное. На самом деле я ее люблю.

Сохрани Вас Бог, мои дорогие, привязывающие меня к жизни, довольно-таки безотрадной. Без вас было бы невыносимо. Обнимаю».

Ася с дочерью, дедом и двумя сиротами, детьми Корнилова, отправляется в Константинополь.

17 марта 1920 года.

«Родная моя! Такое нагромождение событий, переживаний, впечатлений, что трудно еще в них разобраться.

1. Екатеринодар донцы и кубанцы оставили с большой поспешностью. Линию р. Кубани не отстояли, большевики форсировали ее и на участке Добровольческой армии. Началось отступление: у добровольцев в порядке, у донцов один корпус отрезан, другой перешел к зеленым, третий частью отошел с оружием, большей же частью побросав все. Драться не хотят.

2. В Новороссийске напряжение достигло предела. Но

введением добровольческих частей и крутыми мерами порядок был сохранен до конца. Транспорты эксплуатировали; отстаивать позиции — трудно было заставить.

3. В ночь на 14-е произвели полную эвакуацию Новороссийска. При том нравственном состоянии войск, при общем положении полуокружения (зеленые и большевики) эвакуация была выполнена удовлетворительно. Но сердцу бесконечно больно: брошены громадные запасы, вся артиллерия, весь конский состав, армия обескровлена.

4. Я не имел нравственной обязанности вывозить тех донцов, которые бросали оружие и не хотели даже прикрывать эвакуацию. Тем не менее до 15 тысяч их вывезено. Они теперь в Евпатории и представляют лишь «рты», а не «штыки и шашки». Разложение их и командного состава велико. Угрожает брожением и эксцессами. Часть, не попавшая на пароходы, пошла на Геленджик и частью распалась, частью пробивается на Туапсе, которое занято пробившимися туда кубанскими и добровольческими (отряд Букретова) частями.

5. В течение ночи выведены все добровольцы (за исключением 3-го Дроздовского полка, который пробивается на Туапсе) и 15 тысяч донских казаков. Успех исключительный.

Тем не менее Сидорин и компания, желая отвести от себя обвинения за свою бездеятельность и за разложение казаков, факт не вывоза всех донцов (абсолютно не желавших драться и, по существу, в Крыму ненужных) определяет «предательством» казаков и ведет бешеную кампанию против меня и Добровольческого командования. Большой негодяй!»[3]

6. Я с окружающими ушел из Новороссийска на миноносце, когда все русские корабли вышли в море.

7. Англичане оказали огромную помощь. Сухой Мильн, желчный адмирал Сеймур, благородный Хольман делали все, что могли. Особенно последние два — прекрасные люди!

8. Хольмана отзывают. Уезжает дня через два, три. Очень большая потеря.

9. Какие перспективы? Я сказал старшим начальникам: в Крыму у нас такое огромное количество войск, что отстоять его ничего не стоит, если подымете дух. И, во всяком случае, только армия, которая сохранит дисциплину и порядок, сможет рассчитывать, в случае невозможности борьбы, на эвакуацию из страны. Ибо развалившейся никто не возьмет. Если развалимся, то… пожрем друг друга.

Все возможно. Пойдет работа. Бог даст выправится.

10. Врангель стал крайне враждебен по отношению ко мне. Имей в виду.

11. Освободил от должности Ивана Павловича Романовского. Полное одиночество. Как тяжко. Злоба против него стала истеричной. Хотели его убить: как слепы и подлы люди! Душа моя скорбит. Вокруг идет борьба. Странные люди — борются за власть! За власть, которая тяжким, мучительным ярмом легла на мою голову, приковала, как раба к тачке — с непосильной кладью… Тяжко. Жду, когда все устроится на местах, чтобы сделать то, о чем говорил Тебе. Бедное мое, несчастное дитятко, сколько горя пришлось на Твою долю… Потерпи немножко, Бог даст устроится. Желанная моя…»

В конце марта 1920 года белые, всего лишь шесть месяцев тому назад владевшие половиной территории России, сохранили в своих руках только Крымский полуостров.

Под Архангельском генерал Миллер, покинутый союзниками, теснимый красными, в конце концов, в феврале оставил с остатками своей небольшой армии территорию России и нашел убежище в Норвегии.

Под Петроградом части Красной армии, пришедшие на помощь Троцкому, оттеснили армию Юденича. Адмирал Коуэн не сдержал слова. Британский флот, наблюдая за боем со стороны, не нашел нужным вмешаться. Юденич и его армия отступили в Эстонию, где были разоружены.

В Сибири, которую союзнические миссии покинули одна за другой, бывший правитель и командующий всеми русскими армиями Колчак, отказавшийся от своих полномочий в пользу Деникина, был выдан чехами большевикам (с молчаливого благословения японцев и французского генерала Жанена) и расстрелян в феврале месяце. Очаги сопротивления белых в Сибири отныне вспыхивали лишь спорадически, под руководством генералов Семенова и Унгерн фон Штернберга — людей мужественных и почти легендарных, и не имели значительного влияния на события.

Отступление армий юга России было столь же стремительным, как и недавнее наступление. Белые еще в течение восьми месяцев будут героически оборонять Крым, но война, совершенно очевидно, была проиграна уже в марте 1920 года.

Как объяснить, что

… Был близок уже причал, когда внезапно ты,

нежданная гроза, разбила их мечты.

Причины поражения двух основных фронтов — Восточного (Колчак) и Южного (Деникин) были сходны, если не идентичны. Рассмотрим подробнее ситуацию на Южном фронте.

Вооруженные силы юга России наступали слишком быстро, не располагая ни временем, ни компетентными людьми, ни

материальными средствами для обеспечения управления и защиты огромных завоеванных территорий. В октябре 1919 года они занимали территорию в 1.430.000 квадратных километров (в два с половиной раза больше площади Франции). Историки часто ставили в вину Деникину его решение идти на Москву. В мемуарах генерал приводит доводы, заставившие его решиться на эту операцию:

1. Психологический эффект, производимый на бойцов одним приказом наступать на столицу. Кто владеет Москвой — владеет Россией, ее телом и душой.

2. Вся имеющаяся информация говорила о том, что большевистское правительство находилось в очень трудном положении и наше наступление имело шанс ускорить его падение.

3. Нужно было пробудить надежду у тех, кто нам симпатизировал в большевистском тылу.

4. Необходимость побудить к действию казаков, всегда инертных, когда речь шла о борьбе не на их собственной территории.

Деникин также боялся в случае продолжительного бездействия разложения своей армии, которая создавалась во многом как армия «повстанческая».

«Лишь постоянно преследуя врага, не давая ему времени опомниться и прореагировать — и тем самым бесконечно расширяя наш фронт, — мы имели какой-то шанс победить превосходящего числом противника. Мы отторгли у большевиков самые богатые районы, тем самым лишив их хлеба и боеприпасов. Обедневший Кавказ не мог больше давать нам продовольствия и вооружения. Нам необходимо было отвоевывать новые территории, и лишь приток новой живой силы мог дать армии возможность выжить. Классическая стратегия, к которой прибегали многие полководцы от Ганнибала до Наполеона, представляет собой нечто противоположное стратегии гражданской войны. И действительно, чем больше фронт расширялся, тем больше он набирал силу, пусть только лишь увеличиваясь в численном составе. С мая по октябрь 1919 года армия юга России увеличилась с 65.000 до 150.000 человек.

Однако сообщения между передовой линией фронта и южными базами осложнились. Дорог было мало, и были они плохими. По железнодорожным путям, часто выводимым из строя отступающими красными, передвигаться становилось еще труднее из-за забастовок железнодорожников, в чрезвычайной степени восприимчивых к большевистской пропаганде.

Постоянно переходящие из рук в руки рудники и заводы

сократили производство, сырьевых ресурсов стало не хватать.

Денежный хаос привел к галопирующей инфляции. Золото бывшего русского государства было разделено на три части: в руках Колчака находилось 652 миллиона золотых рублей. Большевики вернули себе 147 миллионов рублей. Союзники изъяли 320 миллионов, которые французский банк ревниво хранил в качестве гарантии пресловутого русского займа».

У Деникина не было ничего. На подчиненных ему территориях находились в обращении старые царские рубли, керенки, большевистские рубли, рубли, выпущенные правительством Дона… Верховный главнокомандующий был вынужден чеканить свою монету, но эти деньги не имели никакого обеспечения. Если в 1900 году рубль стоил 2,70 франка, то в начале 1920 года 150 деникинских рублей обменивались на один французский франк. Неудивительно, что жалование военных и оклад служащих Белой армии казались им мизерными.

«Мы жили под знаком драконовской экономики, — вспоминает Соколов, один из членов Особого совещания, — Деникин, культивируя добровольную бедность, требовал этого подвига и от своих подчиненных. Служащий низшего ранга получал в ноябре 1918 года 300 рублей в месяц, министры — 666 рублей. В декабре все оклады были повышены на 50 %. Без тени преувеличения я могу сказать, что мелкие служащие, солдаты и младшие офицеры были обречены на выбор между голодом и взяткой. Они невольно сравнивали свое жалование с тем, что получали равные им по званию советские военные и служащие…»

В июне 1919 года Деникин был вынужден в очередной раз повысить жалование. Он писал Асе: «Я существенно увеличил все жалования и оклады. Особое совещание определило мне 12 600 рублей в месяц. Я согласился взять лишь половину, 6300 рублей. Надеюсь, что ты не будешь меня осуждать».

Это «существенное» увеличение на поверку оказалось совершенно недостаточным. Гражданское население тыла носило одежду и костюмы, сшитые из униформы санитаров, которую поставляли англичане. Постели, белье и медикаменты, посланные из Лондона в госпитали, «терялись» по дороге, но ими был наводнен черный рынок. Армия начала прибегать к незаконным реквизициям, если не к прямому грабежу, что наносило ущерб ее репутации. Все это возмущало Деникина, но генерал чувствовал, что сделать ничего не может. Он писал Асе в июле 1919 года: «Русский народ снизу доверху пал так низко, что не знаю, когда ему удастся подняться из грязи. В бессильной злобе обещал каторгу и повешение… Но не могу же я сам один ловить и вешать мародеров фронта и тыла!..»

Кроме того, ему не по душе было жестоко наказывать бойцов, ежедневно под огнем рисковавших своей жизнью, страдавших и умиравших от тифа, постоянно лишенных, как он это прекрасно знал, всего самого необходимого. В мемуарах Деникин с полным пониманием ситуации пишет: «Надо было рубить с голов, а мы били по хвостам».

Красные и белые были не единственными, кто поочередно незаконно реквизировал у населения продукты питания. Беда приобретала трехцветную окраску там, где, кроме них, свирепствовали еще и зеленые.

Банды грабителей анархистов, часто крайне антисемитски настроенных и все без различия называющих себя «зелеными», обычно воевали небольшими отрядами. Одна из наиболее значительных армий подобного рода действовала под предводительством Нестора Махно, по происхождению крестьянина, бывшего террориста, едва достигшего тридцати лет. Его девизом было: «Все разрушать! Не признавать ничьего авторитета!». Специализировался он на захвате общественных зданий и богатых поместий, но не брезговал и погромами. Отделавшись с помощью пистолета от главаря конкурирующей банды, Григорьева, Махно (численность его армии, по советским источникам, составляла 25.000 человек) развлекался тем, что в промежутках между грабежами взрывал железнодорожные пути и нападал на небольшие подразделения как красных, так и белых, однако отдавал предпочтение белым.

Все эти налагающиеся друг на друга и переплетающиеся друг с другом причины могли бы объяснить конечное поражение белых, если бы те же самые причины не воздействовали самым отрицательным образом и на красных во время их молниеносного наступления, начавшегося в ноябре и декабре 1919 года. Буденный и Ворошилов, не скрывая охватившую их панику, постоянно упоминали об этом в посланных в Москву телеграммах.

«Отступающими белыми взорваны железнодорожные пути».

«Протяженность наших линий коммуникаций приобретает катастрофические размеры».

«400 километров, отделяющих нас от наших баз, делают невозможными поставку продовольствия, боеприпасов, медикаментов и эвакуацию раненых и больных…»

«Трудности этого похода — эпидемия тифа и боевые потери — сократили личный состав 8-й армии и находящихся рядом армий [9-й, 10-й и 11-й] до минимума. […] Резерва больше нет…»

«Наше наступление без значительного подкрепления может

окончиться трагически, поскольку в случае отступления мы не сможем переправиться через разлившиеся реки».

Но, несмотря на «доведенный до минимума» личный состав, красные сосредоточили на юге в декабре 1919 года, после почти полного разгрома белых на других фронтах, 200 тысяч человек, в то время как противостоящие им силы насчитывали не более 82 тысяч бойцов. Безусловно, Троцкому удалось привлечь компетентных военных, популярных в народе вожаков, таких как Ворошилов, Буденный, Тимошенко, Рокоссовский, Жуков… Конечно, кавалерийский корпус Буденного, превращенный в 1-ю армию, был одним из самых доблестных. И все же белые с начала своего Ледового похода сталкивались и не с такими трудностями и их отступление могло бы стать лишь досадным предшествующим великой победе эпизодом, если бы не вмешательство другого чрезвычайно важного фактора: общего упадка энтузиазма как у гражданских лиц, так и у военных.

Было вполне понятно, что симпатизирующие белым или колеблющиеся могли быть разочарованы или возмущены «незаконными реквизициями», постоянным беспорядком, экономическими трудностями. Это можно было бы расценить как временное «неудобство». Но существовало и нечто более серьезное. Уже два или три десятилетия аграрная проблема вносила раскол в русское общество. Большинству раздел земель казался неизбежным, но каковы пути к нему? Сознавая важность этого вопроса, Деникин не сумел разработать точную и реалистическую аграрную политику. Солидаризируясь в этом отношении с Колчаком, он просто подписался под его программой: «Временно предоставить земли тем, кто их обрабатывает до момента созыва Учредительного собрания, которое путем свободного голосования установит порядок землевладения, справедливого раздела земли». Эта формулировка лишь вызвала беспокойство одних и неудовольствие других.

Население Кубани, Украины, Кавказа и в несколько меньшей степени Дона высказывало сепаратистские настроения и предоставляло свою финансовую и военную помощь ВСЮР только в обмен на обещание автономии, то есть будущей независимости. Убежденный сторонник «великой, единой и неделимой России», Деникин был не способен на двоедушие и отказывался от любого, даже чисто устного и ни к чему не обязывающего компромисса. Кадровый офицер и горячий патриот, он был честным человеком и не обладал умением обходить в своих высказываниях острые углы — умением, столь необходимым хорошему дипломату и руководителю государства.

Нельзя также недооценивать еврейского вопроса. Волна антисемитского настроения охватила юг задолго до вступления Белой армии в черту оседлости. Оно проявлялось ярко, страстно, убежденно в верхах и низах интеллигенции, в народе и в армии; у простолюдинов, повстанцев, махновцев, красноармейцев, зеленых и белых. Войска ВСЮР не избежали общего недуга и запятнали себя еврейскими погромами.

Однако гнев белых против евреев объяснялся отчасти высоким процентным соотношением последних к числу советских руководителей и большевистских палачей (82 %, как утверждали англичане, 40 %, как считал Деникин). Генерал не проповедовал никакого филосемитизма, но был воспитан в традициях христианской морали и являлся врагом любого бессмысленного насилия. И здесь его ждала ловушка.

«Добровольцы питали глубокое предубеждение против евреев, — писал военный корреспондент Джон Эрнест Ход-сон. — И здесь Деникин попадал в неожиданный и драматический тупик, поскольку если бы он принял жестокие меры для того, чтобы заклеймить и предотвратить антиеврейские репрессии, то его обвинили бы в слабости или, что еще хуже, в том, что он платный агент евреев. Всем было известно, что украинец Петлюра завербовал в свою армию тысячи бойцов, a priori более благосклонно настроенных к Деникину, проповедуя антисемитский крестовый поход и утверждая, что русский генерал находится в руках евреев».

Петлюра, эмигрировавший во Францию, был убит в 1926 году неким Шварцбартом, который хотел отомстить за своих многочисленных соплеменников, уничтоженных во время петлюровских погромов. На последовавшем затем процессе адвокат Шварцбарта г-н Эрни Торрес представил суду массу свидетелей, один из которых в своей речи ассоциировал имя Деникина с именем Петлюры. Раздались протесты со стороны присутствовавших евреев. Г-н Голдштайн и г-н Г.Сласберг и другие стали утверждать, что если последний устраивал погромы, то первый их в высшей степени осуждал.

Это осуждение привело Деникина в декабре 1919 года к разрыву с командующим его самой верной армией — Добровольческой — с генералом Май-Маевским, прекрасным стратегом, храбрым солдатом, но изрядным пьяницей, за что он и получал выговоры от Деникина. Но последний не знал, что генерал покрывал виновных в грабежах и погромах и даже потворствовал им. Когда же наконец Деникина поставили об этом в известность, он высказал свое решительное недовольство близким сослуживцам Май-Маевского.

— Почему вы не предупредили меня раньше? Начальник штаба Май-Маевского дал свои объяснения:

— Я боялся, что, если я вас проинформирую, Ваше высокопревосходительство, вы начнете меня подозревать в желании занять место… И потом… это такой храбрый солдат!

«Храбрый солдат» был все же снят с должности, но отступление продолжалось. Новый удар судьбы обрушился на белых: их предали, оставили союзники.

Командование ВСЮР с некоторого времени стало отдавать себе отчет, что Соединенные Штаты отказываются понимать их проблемы. Президент Вильсон взял на себя столь же странную, сколь и неуместную инициативу подготовить конференцию между союзниками, белыми и красными на турецком острове Принкипо. Могла ли такая неистовая, беспощадная гражданская война, какая развернулась в России, разрешиться иначе, чем полной и окончательной победой одного лагеря над другим? Белое командование отказалось присутствовать на конференции. Адмирал Каллен, глава военной миссии США при Деникине, с этих пор ограничился ролью наблюдателя, оказывая белым только гуманитарную и медицинскую помощь.

После драмы, происшедшей в Одессе и Севастополе, никто уже не рассчитывал на помощь Франции, она так же была неспособна понять нужды Белой армии, как и Соединенные Штаты. Все лишь пожимали плечами, вспоминая демарш Клемансо, который открыто заявил о необходимости «тесного сотрудничества» между украинским сепаратистом Петлюрой и сторонником «великой, единой и неделимой России» Деникиным… Какая-то надежда появилась в сентябре 1919 года, во время приезда в Таганрог чрезвычайной миссии во главе с генералом Манженом. Увы, переговоры ни к чему не привели. В обмен на помощь Манжен потребовал от обнищавшего правительства юга России конкретных и немедленных материальных компенсаций.

«Речь идет не о помощи союзников, — вздыхал Деникин, — а только о коммерции…»

Польша, независимость которой было признана, но границы еще окончательно не определены, имела свои счеты с большевиками и казалась Деникину естественным союзником. Польская миссия, прибывшая в Таганрог 30 сентября 1919 года, была принята самым радушным образом. Но вскоре стало ясно, что ее единственной задачей было склонить Деникина к формальному обещанию отдать Польше Курляндию с ее балтийским побережьем, Волынь, Литву и Белоруссию, и всякий энтузиазм пропал. Полковник Долинский, представитель

Деникина в Варшаве, писал своему шефу об унижениях, которым он постоянно подвергался, о свирепствовавшей в Польше дикой «дерусификации» и о растущей враждебности прессы к армии юга России. Таким образом, взаимопонимание и сотрудничество между Деникиным и новым главой польского государства Пилсудским стали невозможны.

Я хочу дополнить эти соображения, касающиеся отношения поляков и французов к Белой армии, следующим личным документом.

Мой отец в мемуарах упоминал о своем представителе в Варшаве полковнике Долинском. В апреле 1981 года я получила письмо от немецкого преподавателя математики Р. Долинского. Сын полковника (затем произведенного моим отцом в генералы) раздобыл мой адрес, чтобы поделиться своими отроческими воспоминаниями, относящимися к его жизни на Украине в 1919 году. Он задал мне вопрос, на который я должна была ответить «нет».

«Марина Антоновна, нет ли случайно в бумагах, оставленных Вашим отцом, деталей, связанных с миссией моего отца в Польше осенью 1919 года? Мой отец говорил мне об этом лишь однажды перед своей смертью».

Вот что я узнала: «В Восточной Пруссии в районе Данцига находились склады немецкого оружия и боеприпасов, которые по Версальскому договору должны были быть уничтожены. Определенным ответственным лицам в Германии пришла идея предложить оружие белым, которые сразу же приняли предложение. Но, чтобы переправить оружие на юг России, необходимо было получить разрешение Польши на его перевозку через ее территорию. Мой отец был ответственным за проведение всей операции. Она могла быть осуществлена только при содействии какого-нибудь члена союзнической комиссии. В Варшаве моему отцу рекомендовали некоего француза, так сказать, подходящего для нашего дела и будто бы вполне достойного доверия. На самом деле этот человек выдал моего отца и провалил все предприятие.

Я думаю, что факты подобного рода играли большую роль в истории. В то время, когда Ллойд Джордж делал все возможное, чтобы приостановить помощь Армии юга России, белым жесточайшим образом не хватало этих немецких арсеналов (предназначенных для уничтожения), которые могли сыграть решающую роль в их победе… и изменить лицо мира!»

«В то время как Ллойд Джордж делал все возможное, чтобы приостановить помощь Армии юга России…»

8 ноября 1919 года британский премьер-министр, расходясь

по многим вопросам политики с военным министром Черчиллем, произнес на ежегодном банкете лорд-мэра Лондона несколько знаменательных фраз: «Осмелюсь предсказать, что большевизм и его опасная доктрина не могут быть побеждены силой оружия. […] Мы послали вооружение и продовольствие на сумму в 100 миллионов фунтов. Мне не жаль ни единого истраченного пени, но совершенно очевидно, что мы не располагаем средствами, чтобы продолжать столь дорогостоящую интервенцию в этой бесконечной гражданской войне…»

Девять дней спустя Ллойд Джордж, выступая в Палате общин, высказался еще более недвусмысленно: «Деникин и Колчак преследуют две цели. Первая — это уничтожение большевизма и реставрация демократического русского правительства. И здесь между нами полное взаимопонимание. Но их вторая цель — объединение России. И это совсем не та политика, которая устраивает Британскую империю. Один из самых известных наших государственных деятелей лорд Биконфилд уже высказал соображение, что Россия, ставшая сильной и мощной, распространившая свое влияние в направлении Персии, Афганистана и Индии, превратилась бы в значительную угрозу для Британской империи…»

Английский военный корреспондент в Таганроге, находившийся при Ставке Деникина в момент, когда до нее дошла весть об этих речах, свидетельствует:

«Это было как гром среди ясного неба. До сих пор идея участвовать в последней фазе мировой войны вместе с главным союзником — Англией — придавала мужества добровольцам и их сторонникам. И вдруг они с ужасом осознали, что Великобритания считает войну оконченной, а их борьбу рассматривает как обычный местный конфликт. Настроение и атмосфера, царящие на юге России, изменились буквально в несколько дней. Тот факт, что дело добровольцев оказалось обреченным в глазах г-на Джорджа, сделало его почти обреченным и в их собственных глазах. Не мне решать, прав или не прав г-н Джордж, бросив на произвол судьбы армию добровольцев, но я считаю необходимым особо подчеркнуть, что, сообщив всему миру об изменении своего отношения к Добровольческой армии, он совершил бесчестный поступок».

Неожиданно разгоревшийся пожар внутренней междоусобицы нанес еще один удар по моральному духу армий юга России. Если две цели, упомянутые Ллойд Джорджем, действительно были общими для всех добровольцев, то среди них не было согласия относительно формы и состава будущего «русского правительства». Политические предпочтения демократического

левого крыла, которое жаждало республики, стремящегося к конституционной монархии центра и мечтающих о возвращении автократии правых выражались mezza voce (негромко), пока громко и отчетливо звучала песнь победы. Но как только началось отступление, разногласия усилились. Деникину, твердо придерживающемуся центра, стало все труднее и труднее усмирять страсти, особенно правых. Счастливо избежав нескольких покушений большевистских агентов (нужно признать, подготовленных очень несерьезно), Деникин узнал, что одно из таких покушений торжественно благословил принадлежащий к крайне правому лагерю глава православной церкви Крыма.

Если в конце концов не нашлось добровольца, чтобы вонзить кинжал в грудь генерала, то его самый близкий сподвижник Романовский, обвиненный (напрасно) в левых взглядах, филосемитизме и других изрядных грехах, чуть не погиб от рук убийц. Внутренняя борьба стала действительно угрожающей, когда правые обрели своего вождя в лице генерала Врангеля.

Врангель сделал публичное признание о своих расхождениях с Деникиным в июле 1919 года в тот момент, когда главнокомандующий отдал приказ идти на Москву. В мемуарах он конкретизирует свои критические выпады: «Этот приказ был равноценен смертному приговору для армий юга России. Он проигнорировал все принципы военной стратегии: не было ни выбора основного направления, ни концентрации войск в этом направлении, ни соответствующих маневров. Каждой из армии был лишь дан приказ двигаться на Москву».

Несправедливость этого осуждения бросается в глаза. Несомненно, существовало основное направление — то, по которому следовала Добровольческая армия, самое жизнеспособное войсковое соединение белых. Концентрация войск в этом направлении осуществлялась в максимальной степени, насколько позволяли условия, не допускающие оголения других фронтов. Что касается доводов, определивших решение Деникина идти на Москву, то они перечислены выше.

Эти первые проявления разногласий не стали непосредственной причиной разрыва отношений. Деникин, по природе человек доброжелательный, считал, что как солдат его подчиненный имеет неоспоримые достоинства. Сместив Май-Маевского, он поручил Врангелю командование добровольцами. Встав во главе героев Екатеринодара, Курска, Воронежа, Орла, столь дорогих сердцу Деникина ветеранов, Врангель поспешил составить грубый и полный презрения к ним рапорт, которому он по своему обыкновению дал публичную огласку. Деникин не сможет простить ему этого хотя бы из-за намеренно ложного

вывода: «В качестве действующего соединения эта армия перестала существовать!»

Деникин поставил вместо Врангеля Кутепова. Барон предложил тогда сформировать новый армейский корпус кавалерии, состоящий из казаков. Когда ему это не удалось, он начал открыто готовить заговор против Деникина. В начале января 1920 года Врангелю было приказано укрепить порт Новороссийска и подготовить возможную эвакуацию белых. Он тотчас отказался от этого назначения, посчитав его для себя «неинтересным», и потребовал нового назначения, в то время как слухи о подготавливаемом им государственном перевороте с целью свержения Деникина дошли до Варшавы и Лондона. Назначения и отказы от назначений следовали одно за другим. Поведение неугомонного генерала причиняло значительное неудобство, и главнокомандующий в конце концов предложил Врангелю временно покинуть русскую землю и 10 февраля 1920 года принял его «прошение об отставке по причине болезни».

Тем не менее барон продолжал оставаться на территории России, проживая на стоящем на Севастопольском рейде русском корабле. 5 марта он решил уехать в Константинополь, предварительно послав своему бывшему шефу письмо в такой же мере наглое, в какой и разоблачающее сущность его натуры: «Вы видели, как таяло Ваше обаяние и власть выскальзывала из Ваших рук, цепляясь за нее в полнейшем ослеплении, Вы стали искать кругом крамолу и мятеж.

Отравленный ядом честолюбия, вкусивший власти, окруженный бесчестными льстецами, Вы уже думали не о спасении отечества, а лишь о сохранении власти…

Русское общество стало прозревать… Все громче и громче называются имена вождей, которые среди всеобщего падения нравов остаются незапятнанными… Армия и общество во мне увидели человека, способного дать то, чего жаждали все.

Армия, воспитанная на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая вождями, примером своим развращающим войска, — такая армия не могла воскресить России…»

Деникин дал на это ответ: «Милостивый государь, Петр Николаевич, Ваше письмо пришло как раз вовремя — в наиболее тяжелый момент, когда мне приходится напрягать все душевные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть вполне удовлетворены…

Если у меня и было некоторое сомнение в Вашей роли в борьбе за власть, то письмо Ваше рассеяло его окончательно. В нем нет ни слова правды. Вы это знаете. В нем приведены чудовищные обвинения, в которые Вы сами не верите. Приведены,

очевидно, для той же цели, для которой множились и распространялись предыдущие рапорты-памфлеты. Для подрыва власти и развала Вы делаете все, что можете.

Когда-то во время тяжкой болезни, постигшей Вас, Вы говорили Юзефовичу, что Бог карает Вас за непомерное честолюбие. Пусть он теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло».

Врангель, написав письмо, тут же распространил его копии как в Севастополе, так и в Константинополе… Деникин будет ждать… 1926 года, чтобы дать публичный ответ. Он будет следующим: «История сделает свои выводы [из нашего поражения]. Она будет судить наши поступки, принимая в расчет обнищание страны и общую деградацию нравов; она должна будет произнести свой суд и над теми, кто несет ответственность за происшедшее.

Ответственность правительства, которое не смогло обеспечить существование армии, командующего, не способного удержать в узде своих подчиненных, военачальников, не сумевших — или не захотевших — установить дисциплину в своих частях, ответственность солдат, неспособных противостоять искушениям, народа, отказавшегося пожертвовать временем и деньгами, ответственность попрошаек, тартюфов, ищущих выгоды авантюристов всех родов…»

Вот резюме причин поражения белых, но Истории известно, что никакого анализа причин, каким бы точным он ни был, недостаточно для объяснения всех последствий происшедшего.

Глава XXI
«НЕИЗБЫВНАЯ СКОРБЬ ДУШИ…»

Письмо-пасквиль Врангеля глубоко оскорбило Деникина, жестоко ранило его душу, но мысль оставить пост главнокомандующего ни на минуту не приходила ему в голову. «Я буду драться до конца!» Но вот 12 марта он получил неофициальный и составленный в пораженческих настроениях рапорт Кутепова, своего соратника с первых дней существования армии, верного среди верных.

«Те настроения, которые сделали психологически возможным подобное донесение командира добровольцев своему главнокомандующему, предопределили ход событий: в этот день я бесповоротно решил оставить свой пост».

Кутепов, овладев собой, поспешил принести извинения, объяснил свой выпад чрезвычайно накаленной атмосферой своего окружения, которая, как он сказал, была лишь временным явлением. Но было слишком поздно. Решение Деникина было бесповоротным.

Кутепов будет сожалеть о совершенной им ошибке, о рапорте 12 марта в течение всех десяти оставшихся ему лет жизни. Не считая возможным обнародовать свое решение до тех пор, пока бойцы его армии не будут находиться в безопасности в Крыму, Деникин занялся последними приготовлениями к их эвакуации. Для этой цели были выбраны два порта Черного моря на расстоянии 50 километров друг от друга — Анапа и Новороссийск. Здесь на рейде стояли судна как русские, так и союзнические. В Крыму к этому времени уже были созданы склады продовольствия, оружия и боеприпасов. 18 марта Деникин запросил командующего Донской армией Сидорина, не хотят ли его казаки переехать в Крым. Но Сидорин ответил, что его армия развалилась и что, вероятно, лишь одни офицеры проявят желание покинуть родину. 23 марта банды зеленых захватили Анапу. Войска белых в беспорядке отхлынули к Новороссийску. Эвакуация, осуществленная через этот единственный порт, в который не успевали прийти корабли, стоящие на рейде в Анапе, оказалась «неожиданной», как писал Антон Асе, и не могла в полной мере считаться «удовлетворительной».

Ставку ВСЮР перенесли в Феодосию. Махров заменил Романовского на посту начальника штаба. Именно ему Деникин передал в ночь с 1 на 2 апреля приказ о передаче полномочий: он требовал немедленного созыва Военного совета в Севастополе,

который должен был избрать его преемника. Были приглашены командующие основных наземных частей и флота и — поименно — девять генералов-диссидентов, на данный момент не имеющих назначения, и среди них Врангель, Махров и два других генерала представляли Ставку. Председателем совета был назначен генерал Драгомиров.

Махров вспоминает: «Он (Деникин) показался мне невыразимо усталым. Протянул мне приказ и сказал: «Мое решение бесповоротно. Армия потеряла веру в вождя, я потерял веру в армию…»

Совет собрался вечером 3 апреля. В тот же вечер телеграммой Драгомиров сообщил Деникину, что все собравшиеся члены совета, за исключением командующего флотом, более расположенного к Врангелю, чем к Деникину, выступили против выборной процедуры, подобной той, что практиковалась в Красной армии, и подтвердили свое желание видеть своим главнокомандующим Деникина. Тот ответил следующее: «Морально сломленный, я больше не могу ни одного лишнего дня вынести груз возложенных на меня полномочий. Я приказываю совету выполнять свой долг».

Поздним вечером Драгомиров сообщил, что члены совета, подчиняясь означенной директиве, выбрали генерала Врангеля. Последний прибыл на следующее утро. Все ждали официального подтверждения Деникина, который утром 4 апреля подписал свой последний приказ.

«1. Генерал-лейтенант Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России.

2. Всем шедшим честно со мною в тяжкой борьбе — низкий поклон.

Господи, дай победу Армии и спаси Россию!»

Получив это подтверждение своего назначения, Врангель в свою очередь подписал приказ по армии: «Я разделил с Армией честь ее побед, и я не могу отказаться выпить вместе с ней чашу унижений. Черпая свои силы в доверии моих старых соратников, я соглашаюсь принять пост главнокомандующего».

Хотя Деникин передал Врангелю лишь свои военные полномочия, последний стал считать себя также и гражданским правителем. В своих мемуарах он напишет, что, став «правителем и главнокомандующим вооруженными силами юга России», он «соединил всю полноту военной и гражданской власти, не знающей никакого ограничения». Ему удалось восстановить в армии дисциплину, наладить отношения с Францией. Перейдя в контратаку, он на голову разбил красных в мае и июне и высадил десант в Кубани. В августе Мильеран, тогда председатель

правительства, сообщил Врангелю, что Франция готова официально признать его… Увы, Кубанская экспедиция потерпела фиаско. Красная армия получила значительное подкрепление с Западного фронта после войны с Польшей, одержавшей победу благодаря умелому руководству генерала Вейгана, и в октябре развернула масштабное наступление на Крым. В ноябре остатки Белой армии, погрузившись на корабли, покинули Россию.

Врангель, не дожидаясь трагической развязки, но уже предвидя ее, начал объяснять во множестве статей и интервью возможный разгром своей армии «тяжелым наследством, оставленным мне Деникиным». Было предпринято несколько попыток восстановить истину. Я процитирую здесь лишь отрывок неизданного письма, написанного 1 декабря 1920 года генералом Шапрон дю Ларре, последним адъютантом Деникина, и адресованного Врангелю.

«Когда генерал Деникин вступил в должность Главнокомандующего по приказу генерала Алексеева, то наследием ему было около 2500 солдат армии, не выходившей ни на минуту в течение последних пяти суток из кровавого боя, без пищи и питья, совершенно раздетой, имеющей от 5 до 10 патронов, около 60 снарядов и обоз с ранеными в 12 верст длиной. […] Армия уходила без тыла, без базы, без всякой надежды на чью-либо помощь, без всякой возможности каких-либо сношений с внешним миром, но с твердой верой в дело и своего любимого вождя, генерала Деникина. Он оправдал доверие к нему Армии, правда, тогда в ней не было разлагающих, пошлых честолюбцев.

Переданное Вам генералом Деникиным наследство, о котором вы жаловались всему миру через прессу, было: армия до 40 тысяч бойцов, хотя сравнительно и плохо, но одетая, вооруженная, снаряженная миллионным запасом патронов и громадным количеством снарядов, с аэропланами, танками, с флотом, […] с миллионным запасом зерна. Повторяю, все это Вами было принято в Крыму, когда море было в вашем распоряжении, а не в руках противника».

Шапрон дю Ларре возвратился к более отдаленному прошлому.

«Когда, с первых же дней русской революции, началась трагедия русского офицерства, забрасываемого потоками грязи, […] восстал всей силой своего мощного духа генерал Деникин, бросивший прямо, честно, публично, на заседании в Ставке обвинение в лицо всесильному тогда Керенскому. […] Порыв, чуждый всякой мысли о себе. Это было в то время, когда Вы, оставаясь верным себе, послали телеграмму генералу Корнилову,

бывшему тогда Главкомом 8-й армии, с просьбой о выдвижении Вас с поста командира бригады на пост начальника дивизии, после неудачных хлопот о том же в Ставке, как видно из телеграммы, которая в данный момент находится в папках с некоторыми бумагами генерала Корнилова.

[…] Вы, сознавая приближение конца, кричали, что Ваш величайший грех — это Ваше исключительное честолюбие, которому Вы всю свою жизнь приносили в жертву решительно все и вся. Вы клялись, что Вы каетесь с полной искренностью и что, если Вам Господь дарует жизнь, Вы отбросите от себя навсегда Ваше честолюбие… и что же после? Ваше письмо генералу Деникину…

Вы Бога обманули, генерал!»

Вечером 4 апреля 1920 года бывший главнокомандующий ВСЮР, подписав последний приказ, простился с офицерами своего штаба. Вся атмосфера прощания — напряженные лица, сочувственные взгляды — не предполагала официальной речи, и тем более исторических фраз. Деникин в полном молчании пожал руки, обменялся тремя русскими поцелуями с наиболее близкими друзьями, спустился в зал, где собрались офицеры его охраны. Это были в основном ветераны, чьи многочисленные раны не позволяли им принимать активное участие в боевых действиях. Деникин знал их всех по именам, общие воспоминания двух первых походов сплотили их со своим главнокомандующим. Они держали себя не столь натянуто по сравнению с офицерами штаба, меньше скрывали свои чувства, некоторые, отбросив ложный стыд, плакали. Деникин с трудом держал себя в руках. Один однорукий офицер обратился к нему:

— Почему, Ваше высокопревосходительство?.. Почему?.. Чувствуя комок в горле, генерал сделал над собой усилие и ответил:

— Сейчас мне очень трудно Вам это объяснить. Когда-нибудь Вы поймете…

Деникин не в состоянии был больше говорить и ускорил свой отъезд. Он вышел из зала, высоко неся голову, в его походке чувствовалось что-то механическое.

На улице его ждал Романовский. Сев в автомобиль, они направились к британской миссии. Здесь встретили Хольмана. К пристани представители Белой армии ехали в нескольких автомобилях. Два военный судна, одно английское, другое французское, были готовы сняться с якоря. Был выстроен почетный караул солдат союзнической миссии. Генералы прошли вдоль шеренг этого караула, на солдатах которого не было ни одного русского мундира.

Французы пригласили Романовского подняться на свой корабль. Хольман задержал его.

— Не оставляйте вашего начальника одного!

Генерал для поручений Шапрон дю Ларре и три или четыре офицера, которым удалось добиться разрешения сопровождать Деникина, поднялись на французский миноносец. На корабле, где находились Деникин, Хольман и Романовский и который первым поднял якорь, развевался государственный флаг Соединенного королевства. Спустилась ночь. Стоя на сходнях, бывший главнокомандующий смотрел, как берег постепенно теряет свои очертания. Когда последний луч солнца, позволяющий ему разглядеть удаляющуюся русскую землю, исчез, он спустился в свою каюту.

Набережная Константинополя. Деникина встречают русский и британский атташе. Последний подбегает к Хольману и произносит нервным шепотом несколько фраз. После публикации в печати писем Врангеля к Деникину и его критических замечаний в адрес бывшего главнокомандующего атмосфера в русском посольстве стала невыносимой… Хольман, обратившись к Деникину, выразил ситуацию в следующих словах:

— Было бы лучше, если бы мы с Вами прямо отсюда направились на борт «Мальборо».

Деникин повернулся к русскому военному атташе Агапьеву:

— Я прошу сказать мне прямо, не вызовет ли наше присутствие в посольстве каких-либо… политических проблем.

Агапьев сделал вид, что не совсем понял вопроса. Генерал сказал с некоторым раздражением:

— Я поставлю свой вопрос по-другому: может быть, вы не располагаете местом, чтобы разместить нас на ночь?

— Вы, вероятно, шутите, Ваше высокопревосходительство! Вы прекрасно знаете, что мы вас ждали!

Деникин и Романовский распрощались с Хольманом и сели в автомобиль военного атташе.

Вот уже три недели Ася, ее дочь, няня, дед и двое детей генерала Корнилова — Георгий и Наталия — ютились в двух комнатах посольства.

«Увидев в дверях мужа и Романовского, — вспоминает Ася, — я была потрясена выражением их посеревших лиц, потухших глаз. Но, заметив Марину, Иван Павлович начал улыбаться и протянул к девочке руки. Она подбежала к нему на своих нетвердых ножках и, взлетев на его руках к потолку, закатилась от смеха».

Кто-то постучал в дверь. Деникин открыл сам. На пороге стоял посол. Он попытался объяснить, что все помещения превращены в настоящий центр по приему сотен беженцев и что в

связи с недостатком места ему кажется трудным… Деникин сухо прервал его:

— Мы не собирается напрашиваться на ваше гостеприимство!

Он закрыл дверь под носом у дипломата. Решение было принято — не медля ни минуты подняться на борт «Мальборо». Шапрон дю Ларре еще находился в море, и за машиной пошел Романовский. Деникин опустился на один из трех стульев, стоявших рядом с единственным столом, охватил голову руками. Дверь вновь без стука открылась. Появился полковник Энгельгард — бледный, с искаженным лицом:

— Ваше высокопревосходительство… Генерал Романовский убит!

Первый раз в жизни Деникин упал в обморок.

В то время как с помощью Агапьева, Энгельгарда и других тут же подоспевших офицеров Деникина перенесли на кровать его жены, в то время как Ася мочила платки в тазе с холодной водой и прикладывала их к вискам и лбу своего мужа, а няня занималась закатившейся от плача Мариной, в то время как коридоры заполнялись людьми в штатском и в военной форме — в зале врач беспомощно склонился над телом убитого генерала. Наталья Корнилова стояла рядом. Плача она сняла с шеи Романовского золотую цепочку с иконкой и крестиком. Поднявшись по лестнице, она вошла в комнату Аси и протянула ей окровавленные драгоценности.

— Это… его бедной жене…

Ася положила их в тазик с водой, вода тут же окрасилась в красный цвет. Натали зарыдала.

— Они убили его! Они попали ему прямо в сердце!

— Они? Кто они?

«Моральных убийц Романовского я знаю хорошо, — писал Деникин в 1926 году. — Физический убийца, носивший форму русского офицера, — скрылся. Не знаю, жив ли он или правду говорит молва, будто, чтобы скрыть следы преступления, его утопили в Босфоре…»

— По приказу британского правительства английский полковник Боллард, начальник полиции, занялся расследованием убийства, но раскрыть его не удалось; он смог лишь сделать следующее заключение: убийство было политическим. Романовского убили, потому что посчитали его виновным в поражении Белой армии.

Сочли виновным? Кто?

В 1936 году в ежедневной выходящей на русском языке газете «Последние новости» появилась статья бывшего офицера и известного писателя Романа Гуля под заголовком: «Кто убил

генерала Романовского?». По свидетельству, переданному из первых рук (признание самого убийцы своему другу), убийца, Мстислав Харузин, принадлежал к тайному обществу крайне правого толка. Совершив свое злодеяние, он покинул Константинополь и уехал в Анкару. Его доверенный считал, что он погиб в дороге, став жертвой турецких бандитов, разбойничавших тогда в той местности.

В 1954 году Ксении Деникиной, вдове генерала, удалось отыскать след Агапьева, бывшего военного атташе в Константинополе, эмигрировавшего в Аргентину, и получить от него следующие сведения. «Будучи в Константинополе, я узнал, что убийство было организовано небольшой группой лиц крайне правого толка под руководством некоего Михайлова. Убийца, как показывает расследование, которое было тут же мной начато, носил парадную офицерскую шинель с воротником и обшлагами красного цвета и эполетами с золотыми галунами. Он выстрелил три раза из своего кольта почти в упор, затем выбежал из зала и поднялся бегом по главной лестнице до второго этажа. Здесь попытался открыть дверь, выходящую на запасную лестницу. Убедившись, что она закрыта на ключ (она была закрыта уже четыре дня по приказу службы безопасности), он поспешил ко второй двери, ведущей в комнату, где разместились беженцы. Она тоже была закрыта на ключ, но изнутри. Услышав стук, один из беженцев, ничего не подозревая, открыл дверь. Убийца пересек комнату и исчез на запасной лестнице». Британский главнокомандующий генерал Мильн обещал 1000 фунтов стерлингов тем, кто поможет арестовать виновного. Но не нашлось никого, кто предложил бы свои услуги. Из этого я вывел два заключения:

1. Зачинщиков и соучастников было немного, иначе обязательно нашелся бы кто-то, кого соблазнила бы премия в 1000 фунтов.

2. Убийца имел детальный план помещений, но не знал об отданных четырьмя днями ранее распоряжениях — всем известных в самом посольстве: заколотить некоторые двери.

Я думаю, что он прибыл в Константинополь в самую последнюю минуту, незадолго до приезда тех людей, которых должен был убить, и спасся лишь случайно».

Хольман, которому тотчас же стало известно об убийстве и который чрезвычайно сожалел, что помешал Романовскому сесть на французский миноносец, а позднее не сумел убедить Деникина и его начальника штаба последовать за ним на борт «Мальборо», отдал приказ, с разрешения генерала Мильна, взводу английских солдат занять русское посольство в целях обеспечения

безопасности бывшего главнокомандующего.

Впоследствии многие эмигранты, и прежде всего Врангель, упрекали Деникина в том, что он подчинился этому явному нарушению прав экстерриториальности. Деникин дал по этому поводу следующие разъяснения: «Это произошло так быстро, что не предупредили ни меня, ни мою жену. Мы должны были этому противодействовать, но не имели сил. Я оказался настолько потрясенным, что моя душа и мое сознание были как в тумане…»

Гроб, слишком маленький и тесный для тела генерала Романовского, был перенесен в маленькую комнату без окон. Зажгли свечи. Деникин поцеловал прощальным поцелуем лоб своего лучшего друга.

«Лицо скорбное и спокойное — «Вечная память». В этот вечер я с семьей и детьми генерала Корнилова перешел на английское госпитальное судно, а на другой день на дредноуте «Мальборо» мы уходили от постылых берегов Босфора, унося в душе неизбывную скорбь».

Глава XXII
АНГЛИЯ

Генерал Деникин — один из лидеров, наиболее достойно проявивших себя в войне, прибыл к нам в поисках убежища и необходимого отдыха».

«У нас есть долг признательности и уважения по отношению к Деникину и всем тем, кто боролся с ним рядом для уничтожения гнусной тирании, истинную природу которой наш народ начал понимать только сейчас».

«17 апреля в 2 часа 40 минут его поезд из Саутгемптона подошел к вокзалу Ватерлоо. Пришедшие встречать русские сначала стояли неподвижно и в полном молчании, но вскоре произошло движение, у многих заблестели в глазах слезы».

Все газеты, от лейбористской Daily Herald до консервативной Times, включая сюда и Weekly Dispatch, сообщали о прибытии бывшего командующего Вооруженными силами юга России.

В продаже появились почтовые открытки. На них была изображена группа людей в штатском (высокие шляпы или котелки) и в военном, окружающая коренастого человека в центре, одетого в походный френч и фуражку из твида (купленную во время остановки на Мальте), или же женщину в косынке с закутанным ребенком на руках.

«Прибытие генерала Деникина в Лондон», «Дочь генерала Деникина и ее няня» — уточняли надписи.

На вокзале множество машин военного ведомства ждали почетных гостей, чтобы отвести их в отель «Кадоген». Деникин тепло поблагодарил британцев за их прием, но, оставшись один на один в роскошных апартаментах, которые были для них зарезервированы, воскликнул: «Они совершенно ничего не понимают! Они не отдают себе отчета, в каком мы находимся положении. Как я могу оплачивать пребывание в этом отеле, безусловно, самом дорогом в Лондоне?»

«Высоких гостей» было… одиннадцать человек: помимо семьи Деникина (четыре человека), няня, ординарец, Шапрон дю Ларре и его помощник Гришин, Наталия и Георгий Корниловы, Надя Колоколова, сирота, которую Ася взяла в свой дом в Екатеринодаре. Она считалась племянницей генерала, что облегчало ей оформление эмиграционных документов. Деникин обратился за помощью к русскому послу в Велкобритании.

— Я буду вам очень признателен, если вы мне разменяете эти деньги на фунты стерлингов и шиллинги. Вот 23.000 царских

рублей, около 400 керенок, несколько австрийских крон, турецкие лиры и это коробка, в которой содержится 49 рублей в старинных монетах по десять копеек. Они из серебра и потому должны иметь ценность.

Назначенные Керенским русские послы остались на своем посту после падения Временного правительства и считали себя представителями Белой армии. Лишившись официального начальства, они отсылали свои рапорты сначала бывшему царскому министру иностранных дел, находившемуся за границей, затем назначенному на этот пост Колчаком Сазонову, эмигрировавшему в Париж. Именно ему Саблин писал о своем свидании с Деникиным следующее: «На сегодняшний день производится обмен 1800 рублей на фунт стерлингов, австрийские кроны и турецкие лиры вообще не подлежат обмену, копейки стоят гораздо меньше их металлического эквивалента. Я не смог извлечь из всего этого — больше 20 фунтов. Это все, что есть у бывшего главнокомандующего».

Черчилль, узнав об этом рапорте, пригласил к себе русского посла:

— Примут ли ваши соотечественники меры, чтобы восполнить этот недостаток средств? Если нет, то ряд членов парламента, и я в том числе, готовы оказать содействие генералу Деникину.

Посол предупредил об этом генерала, но тот с возмущением отказался принять это благодеяние, заявив, что он будет зарабатывать себе на жизнь своим пером, издавая мемуары. А пока покинет отель «Кадоген» и поселится с семьей в скромном доме, который нашел для него Хольман в предместье Сассекса. Каждый из его домочадцев попытался продать имеющиеся у него драгоценности. У Аси их почти не было, и ей пришлось расстаться с великолепным серебряным сервизом, украшенным гербами, который ей достался от прабабушки баронессы Энгельгардт.

В 1928 году мои родители были приглашены на обед в посольство Чехословакии в Париже. Мария Петровна, жена посла, была русской по происхождению и познакомилась с нами во время летнего отпуска в Капбретоне. На следующий день моя мать рассказывала:

— Как только я села за стол, я сразу же узнала мой старый серебряный сервиз, который я продала еще в Англии. Твой отец, несмотря на мои подмигивания, конечно же, ничего не заметил. Кто-то сделал хозяйке дома комплимент за хороший стол и выразил свое восхищение гербами на вилках и ложках. И как ты думаешь, что Мария Петровна осмелилась ответить? Она сказала:

«Да, этот серебряный сервиз очень древний. Он достался мне от моей прабабушки!»

На следующий день после своего приезда на британскую землю Деникин послал королю телеграмму с благодарностью и вместе с Хольманом нанес визит Уинстону Черчиллю. Через несколько дней военный министр пригласил Деникина с женой на обед. За столом, во время долгого обеда говорили лишь о России, о борьбе Белой армии против большевиков и причинах поражения. Когда обед кончился, Черчилль привел своего двенадцатилетнего сына Рудольфа, чтобы представить его «русскому генералу, который боролся против отвратительных большевиков». Мальчик, придя в восхищение, спросил:

— И сколько большевиков вы убили своей собственной рукой?

Деникин честно ответил:

— Своей собственной рукой? Ни одного.

С разочарованной миной на своей круглом лице Рудольф вышел из комнаты.

Отклонив многие поступающие со всех сторон предложения, Деникин счел себя обязанным принять два из них: приглашение на банкет, организованный в его честь в Палате общин, и приглашение графини Брассовой.

Графиня Брассова, по происхождению русская, принадлежала к самому высшему обществу. Дочь известного московского адвоката Шереметьевского, она, еще очень молодой, вышла замуж за инженера-путейца Мамонтова, но вскоре развелась и стала женой гвардейского офицера Вулферта. При встрече с великим князем Михаилом, братом Николая II, обоих поразила любовь с первого взгляда. Новый развод и новая свадьба. Взбешенный царь изгнал из пределов России свою сноху, но дал ей титул и имя: графиня Брассова.

Вот что рассказала Ася: «Мы жили тогда в коттедже, выходящем окнами прямо на берег Ла-Манша. Однажды я заметила, как у нашей решетки остановился красивый автомобиль с шофером в ливрее. Из него вышла элегантная и очаровательная молодая женщина. Она представилась:

— Я графиня Брассова. Могу ли я видеть генерала Деникина?

Приятный непринужденный разговор в присутствии Шапрон дю Ларре и Натали Корниловой. Темы самые злободневные. Перед тем как попрощаться графиня пригласила нас всех четверых приехать к ней на день в гости. В назначенный день за нами пришла машина. Я одела единственное имеющееся у меня платье для выезда из гофрированной тафты. Мужчины надели мундиры. Заболевшая Натали Корнилова не смогла нас

сопровождать.

Графиня Брассова жила в красивом поместье, окруженном большим парком с оранжереями и бассейном. Во время обеда она долго рассказывала о своем сыне Георгии, который учился в колледже, показывала нам фотографии. Когда мой муж, знавший великого князя, сказал, что ребенок похож на своего отца, на ее лице засветилась радость. После чая она попросила Антона Ивановича пройти в ее кабинет. Более часа они разговаривали с глазу на глаз. Когда они вернулись к нам, мы заметили, что у них расстроенные лица и у графини красные глаза.

По возвращению в Певенси-Бей мой муж рассказал мне следующее: кто-то убедил несчастную женщину, что великий князь жив, что он скрылся от преследований в Сибири и что лишь три человека — и среди них генерал Деникин — знают истину и его действительное местонахождение. Она со слезами умоляла генерала: «Скажите мне, что он жив! Я знаю, что вы связаны словом чести, но скажите мне только, что он жив!»

Антон не мог сказать ей ничего утешительного, ему были известны почти неопровержимые доказательства того, что великий князь был убит большевиками».

Молодой Георгий Михайлович, сын великого князя, племянник Николая II, погиб в автомобильной катастрофе во Франции в 1931 году. Его мать пережила его на двадцать один год и умерла в парижском доме для престарелых. Оба были похоронены на кладбище Пасси.

В 1956 году одна русская посетительница с трудом разобрала стершуюся и заросшую сорной травой надпись. Она прочла: «Князь Брассов 1931. Княгиня Брассова, вдова великого русского князя Михаила». Возможно, что сейчас этой могилы уже нет.

Депутаты Палаты общин и представители Палаты лордов решили устроить в честь Деникина банкет, который и состоялся 27 апреля. В своей приветственной речи лейборист Уорд подчеркнул, что действия Ллойд Джорджа имели самые отрицательное последствие. Ответная речь Деникина была краткой. Он напомнил, что Белая армия в то время, когда под ее контролем находились Украина, Северный Кавказ, побережье Черного и Каспийского морей, отвлекала значительные силы большевиков, мешала им распространить свое влияние на Румынию, Турцию, Персию и Афганистан, тем самым защитив эти страны от коммунистической заразы и дав возможность свергнуть в Венгрии кровавую диктатуру Бела Куна. Борьба белых не была напрасной.

Русские и английские собеседники спрашивали совета у Деникина по поводу того, какую позицию выбрать по отношению

к Врангелю. Политические деятели пытались убедить его встать во главе Белого русского правительства, созданного в эмиграции. Законность этого шага не могла быть поставлена под сомнение, поскольку с момента смерти Колчака (и даже еще ранее) он являлся Верховным правителем, а Врангелю передал лишь свои военные полномочия… На что Деникин ответил, что отошел от политической борьбы и считает себя только частным лицом. Что касается Врангеля, то он просит оказать максимум содействия новому главнокомандующему русской армией, поскольку тот продолжает борьбу против большевиков.

Пребывание в коттедже Певенси-Бей оказалось, однако, слишком дорогостоящим. Хольман опять нашел более скромную виллу в Истборне, куда все и переехали. Русские гости, не считаясь с приступами мизантропии, во власти которой часто оказывались изгнанники, по-прежнему без предупреждения врывались в летний дом с деревянными колоннами.

Более тактичные англичане уважали желание Деникина, которое он высказал в интервью, напечатанном во многих в газетах — «Генерал хочет остаться в одиночестве», и сообщали о своем приезде письмом. Неожиданно могли приехать иногда только двое близких друзей Деникина — генералы Бриггс и Хольман. Едва открыв дверь, Бриггс или Хольман сразу же осведомлялись, присутствует ли другой. Будучи главой британской военной миссии, Бриггс оказал белым столь значительную помощь, что был замещен Хольманом, которого Лондон считал менее русофильски настроенным. Но это общее пристрастие к белым совершенно их не сблизило…

В 1934 году семья Бриггс пригласила меня по случаю Нового года провести у них три недели. Сэр Чарли Бриггс — Георг V только что пожаловал его в рыцари — показался мне истинным воплощением английского джентльмена: высокий, сухой, седовласый, четкая речь, резкие, но предупредительные жесты, изысканная элегантность, с которой он носил твидовый пиджак, а вечером смокинг. Леди Бриггс, еще очень молодая женщина, царила среди десятка слуг. Визиты к таким же богатым друзьям на машине с шофером за рулем, танцевальные вечера, игра в крикет, охота… Короче, о таком отдыхе можно было только мечтать. Когда я предупредила Бриггса, что должна провести уик-энд у Хольмана, он нахмурил брови, но тут же купил мне билет первого класса на поезд, идущий из Саффолка в Сассекс.

На вокзале меня ждал человек гигантского роста. Цвет лица «полковника из Индии» контрастировал с белым цветом усов и волос. Он встретил меня очень тепло, удивился, что я ехала в первом классе. Я рассказала ему историю моего билета. Он сам

довез меня на скромного вида машине до коттеджа. Его жена приготовила нам пудинг с почками и после обеда не дала мне помыть посуду. В воскресенье мы съездили в Истборн и Певенси-Бей. Хольман лишь раз упомянул о Бриггсе и его молодой жене, но часто говорил о том великом человеке, дочерью которого я имела счастье быть. Он сам купил мне билет… первого класса. Бриггс лишь пожал плечами, когда я ему ответила: «Но нет, я совсем не скучала! Хольманы такие приветливые люди!»

Мой отец улыбнулся, когда я ему рассказала о своих впечатлениях: «Это совершенно исключительные люди. Как жаль, что они не находят общего языка».

К июню 1920 года парижский издатель Поволоцкий заключил с Деникиным контракт на издание мемуаров. Тем не менее, несмотря на гонорар, на предусматриваемые в контракте права, автор не мог себе позволить проживать со своей семьей в Англии. Друзья сообщали ему, что в Бельгии жизнь гораздо дешевле. Почему бы не поехать в Бельгию? Достали визу и назначили отъезд на октябрь или ноябрь, но статья в «Тайме» разрушила все планы. 17 августа в ней было опубликовано секретное послание, которое лорд Керзон, министр иностранных дел в правительстве Ллойд Джорджа, направил в апреле своему советскому коллеге Чичерину. В нем шла речь о перемирии между красными и белыми. Лорд Керзон писал: «Я использовал все мое влияние на генерала Деникина, чтобы убедить его оставить борьбу, и обещал ему в этом случае сделать все возможное для заключения мирного договора между силами красных и белых. В конечном счете генерал Деникин уступил моим доводам и покинул Россию…»

Опровержение Деникина появилось в колонках «Тайме» 27 августа.

«Я глубоко возмущен заявлением лорда Керзона. Я категорически заявляю, что:

1) Лорд Керзон не мог оказать на меня никакого влияния, мы никогда не были знакомы.

[…]

4) Мое решение покинуть пост главнокомандующего было вызвано целым рядом причин, не имеющих абсолютно никакого отношения к политике лорда Керзона.

5) Я считаю сегодня, как считал и вчера, что борьба против большевиков жизненно необходима и неизбежна до их полного уничтожения. Иначе рухнет не только Россия, но и вся Европа».

Отправив это опровержение в газету, Деникин решает покинуть Англию, не медля больше ни минуты. Почему? Послание лорда Керзона показалась ему симптоматичным. Ллойд

Джордж, как он знал достоверно, ведет переговоры с Красиным, представителем Советов, с целью нормализации торговых отношений между двумя странами. Все это давало основание предполагать, что в ближайшем будущем будет заключено торговое соглашение, за чем последует — кто знает? — и официальное признание ненавистного режима. Как можно этому противодействовать? Деникин считал, что его демонстративно ускоренный отъезд, широко прокомментированный в газетах английскими сторонниками Белой армии, возбудит общественное мнение и помешает Ллойд Джорджу проводить в дальнейшем свою гибельную политику. Его надежды оказались напрасными. Торговое соглашение было подписано в марте 1921 года. Менее чем через четыре месяца советские дипломаты официально заняли место русских дипломатов.

28 августа 1920 года жители коттеджа в Истборне в полном составе покинули дом с деревянными колоннами.

Глава XXIII
БЕЛЬГИЯ. ВЕНГРИЯ

Пребывание в Бельгии началось с плохих предзнаменований. Таская во время переезда тяжеленные чемоданы, Ася почувствовала сильные боли в левом боку. Врачи поставили диагноз — опущение почки. Причина — плохое питание и истощение. Нужно было вернуть почку на прежнее место. Заболевание почек надолго сделало молодую женщину неспособной носить тяжести, поднимать дочь. Едва она поправилась, как ее вызвали телеграммой в Берлин. Второй муж ее матери, эмигрировавший в Германию, сообщал, что мать умирает от рака желудка. Самого Деникина в это время вызывали в полицию и долго беседовали с ним о его деятельности, которая бельгийским властям казалась подрывной. После этой очень неприятной беседы генерал послал письмо министру юстиции социалисту Вандервельде, в котором напомнил об их встрече в России в 1917 году, когда ему, в то время политическому изгнаннику, было оказано достаточно гостеприимства. В ответ Вандервельде в качестве смягчающего обстоятельства такого обращения с Деникиным сослался на бельгийские законы, но обещал принять меры, чтобы подобное «оскорбление» больше не повторилось.

Семья Деникиных снимала меблированный дом в Укле, сельском предместье Брюсселя, у некоего Франка Шаппеля. Доверившись прежним жильцам, англичанам, они, не проверив, подписали перечень всех вещей и мебели. Но вскоре обнаружилось, что половины указанной в списке мебели в доме не обнаружилось. Они поставили об этом в известность Шаппеля, который потребовал оплатить «отсутствующую мебель». Ничего не поделаешь, им пришлось заплатить — но они переехали в другое предместье, Род-Сен-Женез, где некая мадам Левек, честная и очаровательная женщина, предложила им «небольшую дачу с садом», за которой начиналось поле.

Семья теперь сократилась до шести человек. Шапрон дю Ларре и Гришин нашли работу и комнаты в городе. Георгий Корнилов стал пансионером в колледже. Его сестра Натали, собирающаяся выйти замуж за Шапрон дю Ларре, также покинула Деникиных. «Приемная сирота» Надя Колоколова проявила неблагодарность, распространяя самые грязные сплетни; она вернулась в Англию, где некий состоятельный джентльмен счел за честь жениться на «племяннице» Деникина. В начале марта их

покинул также ординарец Павел.

14 мая Ася записывает в своем дневнике: «Происшедшие события изменили наше существование. Антон Иванович встает теперь в 7 часов утра, открывает ставни, двери курятника, идет за углем, топит кухню и нижнюю печь. Я встаю на полчаса позднее, готовлю кофе, кипячу молоко. Появляется дед. Мы завтракаем, затем Антон вооружается метлой, а дед тряпкой. Я иду кормить кур и нашу собаку Барбоса, чищу обувь, чищу картошку и готовлю обед. Няня Вера отказывается заниматься чем-либо другим кроме Марины. После я сажусь на трамвай и еду на лечение. Антон, перед тем как топить печи в наших комнатах, возится в саду. К счастью, второй том «Очерков» завершен и он позволяет себе немного отдохнуть. Я очень довольна, что он работает физически, это приносит ему большую пользу. Когда он пишет, то почти не выходит из кабинета, а ему так надо двигаться!»

Запись от 21 марта:

«После двух недель тренировки на кухне я открыла, что готовить не так уж трудно. Мы сами готовим, если не лучше, чем слуги, то по крайней мере добросовестнее и чище. Но надо признаться, что это требует много времени и очень утомительно: вечером я валюсь с ног. Если бы только у меня было лучше здоровье (Ася начала страдать язвой желудка). В конечном счете я пришла к выводу, что без домашней прислуги жить невозможно…»

Разочарованный дороговизной жизни в Бельгии, Деникин, с которым его издатель расплатился французскими франками, узнал, что в Венгрии их меняют по очень выгодному курсу. Почему бы не пожить там, пока не удастся закончить три последних тома «Очерков». Няня Вера отказалась уезжать из страны, где жил ординарец Павел, в которого она была тайно влюблена. Деникины отправились в путь вчетвером.

В Венгрию можно было проехать или через Германию — это было короче, — или, сделав крюк, через Францию и Швейцарию. Деникин уважительно относился к австро-венграм, с которыми ему пришлось сражаться, а немецких «варваров» продолжал считать врагами. Поэтому он выбрал второй путь. Жена, дочь и дед поехали через Германию. Местом встречи они назначили Вену. Не без труда и унижений получив визу, генерал покинул Брюссель 22 мая 1922 года. Другие члены семьи выехали на два дня позднее. Они провели вместе сорок восемь часов в кишащей клопами венской гостинице.

«Это вымирающий город, — пишет Ася. — Улицы грязные, с облезлыми домами. Никто их не подметает и не штукатурит здания. Никто из жителей Вены не верит в будущее. Царят

спекуляция и черный рынок. Мне показалось, что я перенеслась в Россию, в дни, предшествующие революции…»

Маленький венгерский городок Сопрон, где они остановились, сначала показался семье раем. Чистый воздух, большие леса… Конечно, город был не из самых современных. От центральной площади до вокзала ходил единственный старенький дребезжащий трамвай. Для освещения пользовались старыми керосиновыми лампами, а письма из Парижа, Лондона и Брюсселя доходили только через одну-две недели. Но так приятно было здесь гулять и какими милыми, симпатичными казались местные жители! Удивительное спокойствие и очень дешевая жизнь!

Но дни шли, и на смену надеждам приходило уныние. В Сопроне невозможно было снять дом, так как сюда стекалось множество беженцев со всех земель, отторгнутых от несчастной Венгрии. Кроме того, работе мешало присутствие в той же комнате капризного и невыносимого ребенка. Слишком жирная пища пансиона вызывала у Аси частые боли в желудке. Антон пишет 6 июля: «Один только дед доволен. Он гуляет, сколько хочет, собирает лесные ягоды, курит венгерский табак и чувствует себя совершенно счастливым».

Деникины снова переезжают на новое место. Они снимают маленький домик с садом в самом Будапеште и поселяются там в октябре 1922 года. Появляется молодая няня. Генерал может наконец приняться за свои «Очерки».

Новый год 1923 года мне запомнился из-за пережитого страха и разочарования. В комнате, выходящей в сад, стояла большая, с любовью украшенная моим отцом новогодняя елка. Дверь открылась, и вошел Дед Мороз, настоящий русский Дед Мороз в красных сапогах, красной шубе, с большой белой бородой. На спине он нес мешок с подарками. Свечи заколебались, и елка внезапно загорелась. Мать пришла в ужас: «Загорится дом». Дед Мороз помог моему отцу выбросить горящую елку в сад, он потерял шубу и белую бороду, которая оказалась ватной. К счастью, урон был самым незначительным. Мой отец часто вспоминал позднее, как я упрекала его:

— Папа! Почему ты мне не сказал правду? Теперь я знаю, что русским Дедом Морозом может быть венгерская няня?!

Скоро из-за экономического кризиса поднялись все цены. Деникины отказались от няни, уехали из Будапешта в маленькую деревеньку, затерявшуюся на берегах большого озера Балатон.

«Наше жилище, — сообщал Деникин одному из своих друзей 31 мая 1924 года, — не шикарно, но просторно и относительно удобно. Особенно великолепен сад, выходящий на озеро. Летом

здесь прекрасно. О зиме же я стараюсь не думать. Мне говорили, что никто еще не проводил в этом доме зиму…»

Лето, действительно, было прекрасно. Озеро искрилось, приглашая на лодочные прогулки. Большой лодкой с единственной парой весел очень трудно было управлять. Деникину пришла мысль в качестве паруса закрепить большой красный зонт. Так как часто дул бриз, импровизированный парус позволял плавать. В изобилии росли вишня и малина. Няня Вера, приехавшая из Брюсселя после того, как она разочаровалась в предмете своего чувства, делала из этих ягод ликер по-русски. Яблони, абрикосы гнулись под тяжестью плодов. Соседи, приходившие за абрикосами, ставили свою тележку под деревом, а затем трясли ветки. В огородах росли капуста, морковь, картофель, краснели сочные помидоры. Опоросилась свинья. Пели петухи, разноцветные куры несли огромные яйца. Прекрасные белые гуси гоготали и нагуливали жир.

У меня осталось очень отчетливое воспоминание о гусях. Однажды я нашла их мертвыми, лежащими в самых странных позах. Я побежала звать родителей. Мать запричитала, затем, обнаружив, что они еще теплые, предположила, что, зарезав их сейчас же, мы могли бы, может быть, их съесть… Никто из нас никогда не убивал даже курицы. Мать обратилась к отцу: «У нас нет времени звать кого-то. Не мог бы ты, Иваныч, отрубить им голову саблей?» Отец уклонился от этого задания, а сделанное няней предположение, что гуси могли быть отравлены, заставило мать отказаться от своего плана. Прощайте, вкусные жаркое и гусиный жир. Но можно было сохранить хотя бы пух и сделать из него лишнюю перину на зиму. Женщины принялись за работу и позвали на помощь меня.

— Не дери большие перья, бери только пух!

После того как гуси были ощипаны, отец, вооружившись лопатой, выкопал им братскую могилу в саду. Прибыл почтальон. Мой отец оставил свое скорбное занятие и начал читать почту. Я услышала, как завизжала и жалобно залаяла наша венгерская овчарка. Я бросилась к ней. Со вставшей дыбом шерстью собака смотрела на то, как призраки мертвых птиц, с торчащими остатками перьев, шли, спотыкаясь, как пьяницы. Наши гуси ожили! Вскоре стало ясно, что причиной этого драматического случая оказалось то, что в сад после фильтрации ликера были выброшены остатки вишневой и малиновой настойки.

Деникины обрабатывали землю и занимались меновой торговлей, так как им приходилось кормить многочисленных гостей. Бывшие сподвижники генерала, находясь под впечатлением трех первых томов «Очерков», приезжали из

Парижа, Белграда, Софии, Берлина, сообщая новые сведения и предоставляя дополнительные материалы для работы над следующими томами. Они говорили о прошлом и, если у них было свободное время, задерживались на неделю, две или даже три.

Кутепов посетил своего начальника сразу же, не дожидаясь лучших времен. Великий князь Николай Николаевич, бывший главнокомандующий русской армией, бежавший во Францию, решил продолжать борьбу — на этот раз тайную — против большевиков и обратился за помощью к Кутепову. Последний, прежде чем принять это предложение, решил посоветоваться с Деникиным и получить его одобрение:

— Ваше высокопревосходительство, Его Высочество желает, чтобы я создал тайную организацию, способную свергнуть советский режим. Я хотел бы по этому поводу спросить у Вас совета.

Деникин всегда с недоверием относился к шпионам, разведчикам и контрразведчикам, даже когда ему случалось прибегать к их помощи.

— Мне кажется, что план полезен, но я полагаю, что для его осуществления Вам нужны значительные финансовые средства и солидный опыт в таком деле, иначе это дилетантское предприятие не будет иметь успеха.

— Мы найдем средства, и я рассчитываю привлечь компетентных и надежных людей.

Из всего разговора Кутепов запомнил только слово «полезен» и, заручившись поддержкой и одобрением Деникина, пустился в свое «дилетантское» предприятие, из-за чего через несколько лет был убит агентами ГПУ. В 1924 и 1925 годах он постоянно жаловался Деникину на враждебность и недоверие к нему со стороны Врангеля. В своих письмах он иронически называл его «наш общий друг».

«Общий друг» старался собрать прежних русских бойцов, создать военную организацию с местопребыванием в Париже. В нее записывались все, кто когда-то воевал в Белой армии, надеясь в случае изменения международной ситуации или какого-нибудь иностранного вторжения в Советскую Россию быстро воссоздать прежние формирования для участия в освобождении родины.

Что касается Деникина, то он был убежден, что в двадцатых годах никакое иностранное вторжение в Россию было невозможно, да он и не желал этого. Последние события в стране — мятеж матросов в Кронштадте и бунт крестьян под руководством Антонова — зародили в его душе надежды на общероссийское антибольшевистское движение. Усилия же

Врангеля оживить за границей политический призрак прежнего государства и создать настоящую армию, по мнению Деникина, могли только вызвать враждебную реакцию европейских стран. «Конечно, армия должна быть сохранена, — писал он Кутепову, — но не путем вербовки в настоящие военные организации, а путем поддержки традиционных связей между бывшими воинами и их руководством с целью не допустить окончательного распада взаимодействий между ними».

Как бы то ни было, но эмиграция наконец «зашевелилась». В «цивилизованных странах» в ближайшем будущем могли произойти большие события, а Балатон так далек от всего! «Очерки» были почти написаны. Четвертый том находился в печати у нового издателя в Берлине. Деникин мог закончить последний в другом месте; необязательно было оставаться в прежнем «просторном доме», открытом всем ветрам: зиму они еле выдержали, зимовать второй раз не очень-то хотелось. Одиночество, казавшееся столь желанным в первые годы изгнания, длилось уже слишком долго. Ася, пройдя курс лечения в австрийской больнице, уже не страдала больше язвой. Было решено: в начале осени семья возвращается в Брюссель!

Пришлось продать свинью, кур и гусей. Собаку Мелинду взял крестьянин из этой же деревни. Деникину нелегко было расстаться с Венгрией, «где с такой теплотой относились к русским». Присутствие старого деда (83 года), маленькой Марины (6 лет), чемоданов с архивами и многочисленными вещами делали путешествие трудным. Самый близкий вокзал находился на расстоянии пяти километров, и на этой станции останавливались только местные поезда. Надо было, следовательно, ехать через Будапешт, делать пересадку… К счастью, начальник местного вокзала оказался человеком сочувствующим и находчивым. Деникины должны были со всем своим багажом приехать на платформу в среду к 10 часам, к прибытию скорого, идущего в Вену, начальник обещал, что поезд остановится.

Две тележки привезли путешественников и их багаж к вокзалу. Объявили прибытие скорого поезда. Начальник вокзала издалека просигналил ему красным флажком. Поезд затормозил и остановился. Пока начальник вел переговоры с озадаченным машинистом, грузчики подняли чемоданы в вагон, куда уже села вся семья будущих жителей Брюсселя. Поезд тронулся. На платформе показалась собака Мелинда, которая перегрызла веревку, бросилась по следам своих старых хозяев. Она бежала вдоль путей, таща веревку и высунув язык, пока поезд не набрал скорость и преследование стало невозможным.

Брюссель. Сначала Деникины нашли приют у Шапрон дю Ларре, который, женившись на Натали Корниловой, проживал в одном из освещаемых газом высоких домов. Вскоре они сняли четырехкомнатную квартиру в соседнем квартале Форест-Ворст, на улице де Шатэнь, 13. Няню Веру, вышедшую наконец замуж за Павла, заменила другая няня по имени Лея. Только что вышел четвертый том, но выпустившее его издательство «Слово» прекратило свое существование. Том пятый был закончен, но кто его издаст? Из Парижа с беспокойством писал Кутепов:

— Как сложится судьба Вашего пятого тома? Знайте, что наш «общий друг» переходит в контратаку. Он готовится издать в Берлине «Архив Белой армии». В помощниках у него — принц Лихтен-бергский, фон Лампе и граф Ливен. «Истинно» русские люди!..»

Дед Аси умер 8 апреля 1926 года. Пятый том решило выпустить берлинское издательство «Медный всадник». Передавали, что у Врангеля было намерение окончательно поселиться в Брюсселе. Столицей бывших русских белогвардейцев мало-помалу становился Париж. В конце апреля Деникин решает покинуть Бельгию. Выход в свет последнего тома «Очерков» застает его во Франции.

В целом это произведение называется «Очерки русской смуты». Перевести эти три простых слова на французский или английский язык оказалось так трудно, что автор дал согласие на следующее французское название первого тома — «Разложение армии и власти» и принял английское название — Russian Turmoil (дословно — беспорядок). На обложку изданного в Лондоне резюме вынесены слова: «Белая армия». В дальнейшем я по-прежнему буду называть этот труд отца «Очерки» (мемуары).

Появление «Очерков» вызвало многочисленные отзывы, в основном благожелательные и зачастую восторженные, девяти миллионов русских эмигрантов на всех пяти континентах. Военные отдавали должное правдивости воспроизведения картин прошлого, оценке их борьбы. Писатели, такие как Бунин (получавший в 1933 году Нобелевскую премию по литературе), Шмелев, Алданов, подчеркивали чистоту языка. В Советском Союзе произведение, «очищенное» от всего того, что власти сочли вредным, и сокращенное до двух томов, вышло в Госиздате и вызвало положительный отзыв… Горького. Сам Троцкий заметил с восхищением, хотя и не лишенным иронии: «Удары судьбы, по-видимому, научили некоторых русских генералов-эмигрантов, например Деникина, владеть словом и пером». Критическое отношение проявляли только политиканы от русского Белого движения.

В черновике неоконченной работы, начатой в 1944 году, автор уточняет свои цели и сообщает некоторые подробности касательно ее источников.

««Очерки русской смуты» я считаю самым важным делом моего эмигрантского житья. На работу эту я смотрел как на свой долг в отношении Белого движения перед памятью павших в борьбе, как на добросовестное свидетельское показание перед судами народными, судами истории.

Первый том «Очерков» принялся составлять по памяти, почти без материалов: несколько интересных документов, уцелевших в моих папках, небольшой портфель с бумагами ген. Корнилова, дневник Маркова, записки Новосливцева, комплекты газет. Поэтому 1-й том имеет характер более «воспоминаний», чем «очерка».

Для 2-го тома у меня уже был ряд заметок моих соратников, а для прочих томов — архив Особого совещания, вывезенный по моему приказанию заблаговременно за границу генералом Лукомским, а затем и архив генерал-квартирмейстер-ской части, полученный из Сербии после Крымской эвакуации. Кроме архивного материала, на мой призыв откликнулись многие общественные и военные деятели, прислав мне ценные записки. Менее всех, однако, помогли мои ближайшие помощники — члены Особого совещания…

Белое движение со всеми его светлыми и темными сторонами подвергалось и подвергается доныне нападкам и искажению со стороны людей, ходящих в узких политических шорах, смотрящих сквозь призму национального шовинизма или, попросту, невежественных.

Бывали и курьезы: после выхода двух томов «Очерков» встречает в Белграде адъютанта генерала Романовского бывший Кубанский атаман, генерал Филимонов и говорит ему:

— Читали мою статью в «Архиве русской революции»? Я знаю, что генерал Деникин будет меня ругать в следующих томах «Очерков», так я, чтобы предупредить события, сам его руганул… у читателя кое-что и останется.

Но когда в дальнейших томах Филимонов прочел свою характеристику, объективную, правдивую и доброжелательную, он прислал мне хорошее письмо и сам предложил свое сотрудничество в освещении событий Юга.

Я думаю, в писаниях моих не было нелицеприятия даже в отношении врагов».

Последующая судьба архивов Деникина остается отчасти неясной.

Приехав в Париж, он положил их в сейф банка. Поскольку

местопребывание сейфа через несколько лет стало ненадежным, он решает в 1935 году доверить временно охрану документов правительству дружественной страны, Чехословакии, со следующими инструкциями: «Архивы предназначены для пересылки в Россию, но только после падения коммунистической диктатуры и восстановления твердой национальной власти, гарантирующей порядок, права граждан, индивидуальную свободу и легальное возвращение эмигрантов на родину».

В январе 1942 года Деникин был уведомлен, что архивы «по соображениям безопасности» были перевезены из Праги в Берлин, в министерство обороны.

После поражения Германии генерал попытался найти свои документы. Ему сначала ответили, что они оказались уничтоженными во время бомбардировок, затем возникла новая версия — они находятся в Потсдаме, наконец, что их перевезли в Западную Германию, где их следы терялись.

В 1948 году вдова генерала Деникина, живя в Нью-Йорке, узнала из надежного источника, что ценные бумаги пылились… в Вашингтоне. Профессор Мосли, директор Института российской истории Колумбийского университета, предпринял определенные шаги для того, чтобы Ксения Деникина стала собственницей документов своего мужа. Однако они ни к чему не привели. По соглашению, принятому союзниками, все, что было похищено немцами, должно возвращаться только тем, у кого оно было похищено. Но вернуть архивы в Прагу оказалось равноценным их передаче советским властям. Переговоры, таким образом, были прерваны. Мне не известно, у кого и где в настоящее время находятся бумаги моего отца, хранятся ли они в Вашингтоне или, как утверждала газета «Правда», в Москве.

Что касается сохранившихся у него документов, относящихся к военной и политической деятельности, то я большую часть их в 1970 году передала в дар славянскому архиву Колумбийского университета (Нью-Йорк) для того, чтобы они смогли послужить делу Правды и Истории[4].

Глава XXIV
СКИТАЯСЬ ПО ФРАНЦИИ

Друзья Деникина из Брюсселя проводили семью на Южный вокзал. Парижские друзья ожидали их на Северном вокзале. Самые тяжелые чемоданы остались в камере хранения. Таксист родом из России отвез путешественников в гостиницу рядом с Эйфелевой башней, где для них была зарезервирована комната. Ася стала жаловаться на сильные боли. Это был перитонит. Врач, также русский, настоял на немедленной операции. Профессор Алексинский, бывший хирург императорской семьи, заведовал клиникой в Вильжюифе. Операция прошла удачно. Каждый день Деникин провожал маленькую Машу (он всегда предпочитал это уменьшительное от Марии уменьшительному Мариша от Марины) на метро или трамвае в больницу к матери. Новая неприятность: у Маши началась лихорадка, и она покрылась красными бляшками. Прибывший в комнату гостиницы врач диагностировал корь. Деникин принялся его умолять:

— Не говорить ничего хозяйке гостиницы! Она нас выгонит. И куда же мы пойдем?

Теперь он один ездил в Вильжюиф, оправдывая отсутствие Маши разными причинами. Но лгал он так неумело, что Ася, беспокоясь о дочери, сбежала из больницы и приехала в гостиницу. В конце концов все уладилось. Уже выздоравливающая Марина и Ася и их вконец замучившаяся сиделка уехали в Капбретон, деревню на юго-западе около океана, где писатель Шмелев нашел для них жилье. Они приезжали туда три года подряд.

Вилла Марк-Анри оказалась длинным деревянным летним домиком. Осенью оттуда надо было уезжать. Кутепов, только что проведший лето в Фонтенбло, нашел там сдававшийся флигель. Он был из камня, но отапливалась одна лишь кухня. Наконец в январе 1927 года семья нашла современную квартиру (центральное отопление и ванная) в Ванве, на авеню Астрид Дарю, 19. В мае 1928 года Деникин писал генералу Драгомирову: «Мы устроились основательно. Ванв — отнюдь не дыра, как Вы, может быть, себе представляете, это пригород Парижа в десяти минутах езды поездом от Монмартра.

«Устроились основательно» — не совсем точная формулировка, так как мы живем в Ванве только семь месяцев в году, а на лето уезжаем в деревню, на юг, к океану, где жизнь спокойнее и дешевле и где такой восхитительно чистый воздух.

Наша деревня называется Капбретон. Поэт Бальмонт и писатель Шмелев живут там все лето. Литераторы, как Вы видите, жалуют эти места…

Жена научилась делать шляпы. Марина растет и учится во французской школе. Она первая в классе. Я продолжаю писать, занятие, которое в эмигрантских кругах вознаграждается не больше, чем труд поденщика».

Книга, которую Деникин заканчивал в 1928 году, в следующем году вышла под названием «Старая Армия», продолжение последовало в 1933 году. В 1928 году генерал опубликовал сборник новелл «Офицеры» — о судьбе тех офицеров, которые в 1917 году стали жертвами разнузданной солдатни и которые с 1921–1922 годов, униженные, лишенные Родины, зарабатывали себе на жизнь, добывая уголь в шахтах, работая на заводах или обслуживая посетителей кафе и ресторанов. Деникин — не романист, он пишет только то, что знал, видел и наблюдал, «выдумывает» он только собственные имена. Правдивость и эмоциональность рассказов, совершенство стиля не оставляли равнодушными даже некоторых из его врагов. Так, например, Керенский (которого Деникин в свое время обещал повесить, если нога его ступит на территорию местности, освобожденной Армией юга России) в своей эсеровской газете «Дни», издаваемой им в Берлине, опубликовал один из рассказов Деникина («Враги»), предваряя его следующими словами: «Имя автора всенародно известно, неразрывно связано с русской историей, и поэтому нам хотелось бы познакомить читателя с неожиданной и неизвестной стороной жизни и деятельности одного из самых выдающихся представителей белого движения… Нам чрезвычайно импонирует тот дух примирения и та психологическая достоверность, которые отличают этот рассказ».

После того как мемуары были закончены, Деникин стал подумывать о постоянном сотрудничестве с какой-либо из двух выходящих в Париже русских газет: «Последние новости» и «Возрождение», не разделяя, впрочем, их пока еще не устоявшихся политических тенденций.

«По приезде в Париж, — напишет он 18 лет спустя, — сразу окунулся в водоворот эмигрантского политиканства, подвергаясь «уловлению» со стороны одних, желавших использовать мой авторитет и мое перо, и травли со стороны других — и справа, и слева.

Великий князь Николай Николаевич через Кутепова выразил желание повидаться со мной. Я отношусь к нему с уважением, но не пошел. Что я могу сказать ему? Что дело его обречено, ибо все окружение его, утопая в дрязгах, под прикрытием двусмысленной

фразеологии проводило идеи реакции, реставрации старого режима?

Врангель, крайне обеспокоенный моим появлением на парижском горизонте в 1925 году, когда парижская воинская и гражданская общественность чествовала меня банкетом, совершенно неожиданно приезжает в Париж и, хотя в последующие годы мог убедиться в том, что я ничем и никак не мешаю ему «спасать Россию», продолжает интриговать против меня.

Кутепов заходит часто, ища моральной поддержки против Врангеля и не особенно жаловавшего его (Кутепова) великокняжеского окружения. Спрашивал не раз моих советов, но их редко исполнял, обиженный моим скептическим отношением к его работе в Советской России.

Завершение «Очерков» предоставило мне свободное время. И я хотел и мог использовать его для русского дела. Ни в какие политические партии и организации я не входил. Национальное самосознание русской эмиграции замутилось донельзя. Заблудились в трех соснах…

Свой двуединый символ веры я определил кратко: «Свержение Советской власти и зашита России».

И вот оказалось, что для такой постановки национальной русской проблемы нет места в современной эмигрантской печати!..

«Последние новости» изъяли вовсе из своего лексикона понятие «национальный», подменив его презрительным «националистический». Как партия Милюкова, так и его газета огульно поносили русское прошлое, осуждали в целом Белое движение и, главное, относились с каким-то полупризнанием к Советской власти.

Поэтому дважды сделанное мне предложение сотрудничать в газете было отклонено.

Гукасовское «Возрождение» поддерживало идею полной реставрации старого режима даже за счет территориальных уступок в пользу случайных союзников, взявших на себя задачу свержения Советской власти. Поэтому два обращения ко мне Струве о сотрудничестве также ни к чему не привели.

Итак, серьезно заняться журналистикой не пришлось. Раз или два в год я выступал с обширным докладом на тему «Мир, Россия и эмиграция» в Париже, делал сообщение в Лондоне, Брюсселе, Праге, Белграде. Эмигрантская печать давала обширные выдержки, причем не раз — умышленно или случайно — искажая основные мои мысли. Особенно отличалась в этом отношении нью-йоркская «Россия»».

Однако Деникин регулярно и довольно долго, в течение многих месяцев, сотрудничал в газете специфической направленности — «Борьба за Россию».

Под руководством великого князя Николая Николаевича Кутепов продолжал свою контрразведывательную деятельность. Агенты его сети, как правило, рекрутированные среди членов Русского общевоинского союза Врангеля, тайно проникали в Советскую Россию, вели пропаганду, организовывали саботажи и убийства, собирали оппозицию и недовольных внутри страны в обширную секретную организацию под названием «Трест»[5]. Когда в 1927 году все раскрылось и Кутепов узнал, что в действительности «Трест» был задуман и организован ОГПУ, что подлинные агенты Белого движения были ликвидированы в Москве, он не потерял присутствия духа и решил продолжать борьбу, используя новую базу и новых агентов. В 1928 году в Брюсселе умирает генерал Врангель; ходили слухи, что он был отравлен ОГПУ. В следующем году уходит из жизни великий князь Николай Николаевич и Кутепов становится председателем и полновластным руководителем Союза. Он считает необходимым расширить деятельность своей организации.

«Существование русской эмиграции, — объявляет он публично, — может быть оправдано только постоянной борьбой за освобождение России».

Деникин соглашается с этим, но совершенно не одобряет методов борьбы Кутепова. После скандала с «Трестом» он более чем когда-либо считает, что его деятельность носит «дилетантский» характер и не может иметь большого значения.

«Он (Кутепов) часто спрашивал у меня советов, но редко им следовал. Мое скептическое отношение к его деятельности в конце концов начало его раздражать».

В ноябре 1929 года состоялся последний разговор между Деникиным и Кутеповым на квартире в Ванве. Деникин приводит его в своих «Воспоминаниях»: «Кутепов, казалось, был очень уверен в себе.

— В России происходят великие события. Никогда еще оттуда не прибывало столько людей с предложениями сотрудничать с их тайными организациями.

— Не боитесь Вы, что это просто провокаторы?

— Конечно, среди них есть и провокаторы, но я тотчас же их распознаю. Процесс контролируется мной. Впрочем, даже провокаторы приносят свою пользу.

[…] То, что мне рассказал затем мой собеседник, потрясло меня. Номер телефона одного из агентов с точностью до одной цифры совпадал с номером советского посольства, но случалось,

что телефонисты ошибались. Совсем недавно произошло следующее недоразумение: агент получил сообщение по-русски, предназначенное для одного из членов посольства. Продолжая игру, он притворился, что он и есть этот человек. Ему назначили свидание в определенном месте и в определенное время с целью передать ему чемодан (!). Кутепов поручил это дело своему брату; тому передали пакет. Документы, содержащиеся в нем, в настоящее время расшифровываются, некоторые уже были раскодированы. Они представляли большой интерес: речь шла о советских шпионах, работающих под видом белоэмигрантов.

— Александр Павлович, не говорите мне, что Вы верите во все это! Вас хотят еще раз мистифицировать.

— Нет, это не похоже на мистификацию. То, что эти документы попали в наши руки, вредит больше им, чем нам.

Кутепов принялся цитировать имена известных эмигрантов, оказавшихся агентами ОГПУ. Моя жена, вошедшая в комнату для того, чтобы объявить о том, что чай готов, услышала его слова и в ужасе воскликнула:

— Вы должны немедленно объявить об этом всем. Надо предостеречь всех, кто им доверяет. Мы не можем продолжать жить в этом кошмаре.

— Конечно. Но раньше надо кое-что выяснить, надо разобраться во всем внимательнее.

Я одобрил его слова:

— Вот именно, надо разобраться во всем внимательнее. Что касается меня лично, я был уверен в том, что агенты большевиков достаточно компетентны и опытны, чтобы по недоразумению отдавать столь важные документы неизвестному человеку, не потребовав от него никакого пароля, не установив его личности. Я сказал об этом Кутепову, провожая его до двери. Такое мое заключение не понравилось ему».

Два месяца спустя агенты ОГПУ похитили Кутепова и убили его.

Относясь с недоверием к деятельности Кутепова, Деникин по неизвестным мне причинам очень симпатизировал деятельности политика Федорова и историка Мельгунова, которые основали тайную организацию. Ее комитет состоял из ограниченного числа лиц и был представлен, помимо вышеназванных, Гукасовым (по-видимому, финансирующим организацию), Марковым, правой рукой директора «Последних новостей», и… Кутеповым. Другие члены комитета, не вмешиваясь в личные дела Кутепова, уважали его и прислушивались к его советам. Тайная организация издавала антибольшевистский периодический орган «Борьба за Россию», выходящий во Франции, но прежде всего

предназначенный для широкого распространения внутри Советской России. В 1944 году Деникин признавал в своей незаконченной рукописи: «По правде говоря, у меня нет никакой уверенности, что кипы журналов попадают по назначению, а не прямо в руки ОГПУ. Некоторые данные заставляют предположить, что и экспедиция «Борьбы за Россию» просматривалась большевиками.

В еженедельнике «Борьба за Россию» я опубликовал письмо ко мне советского командира, бывшего офицера старой русской армии, и мой пространный ответ. Озаглавлена была эта переписка «Оттуда» и «Туда». Общий смысл моего послания «туда» заключался в следующем:

1. Необходимость забвения прошлого и примирения всех, кто сохранил русское национальное самосознание.

2. Защита России от иноземных захватчиков есть священный долг Красной армии, эмиграции и всего русского народа.

3. Настоятельная необходимость для Красной армии совершенствовать свои боевые качества, не оставляя подпольной работы, имеющей целью свержение советского режима.

Успех статьи был потрясающим — в смысле, конечно, сенсации. Месяца два со страниц эмигрантских газет, особенно правых, не сходили отклики на «переписку» и обсуждение затронутых в ней вопросов. Откликнулась и советская печать».

Занималась ли эта тайная организация только распространением пропагандистской литературы? В этом можно усомниться, если познакомиться с работой американца Пола У. Блестока, опубликованной в 1973 году. Бывший сотрудник секретной службы США, ставший профессором истории международных отношений в Университете Южной Каролины, добросовестно исследовав в лондонской экономической школе архивы покойного Мельгунова, нашел там некоторые разрозненные материалы, касающиеся деятельности печатного органа «Борьба за Россию». Этот очень осторожный историк и конспиратор забыл их уничтожить. Они позволяли утверждать, что цели организации выходили за рамки простого распространения своей печатной продукции в Советской России, что в 1928 году, например, ее агенты, проживающие в СССР, пытались… убить Сталина. Блесток делает заключение: «Мне трудно все же решить, где принималось это решение — в Париже или в СССР».

С гибелью Кутепова печатный орган «Борьба за Россию» прекратил в 1930 году свое существование. Его редакция, члены которой были убеждены в том, что в организацию проникли агенты ОГПУ, была распущена.

Лето 1930 года Деникины проводили не в Капбретоне. Маша чуть не умерла, переболев тяжелой формой скарлатины, и врачи рекомендовали ей горный воздух. Удалось снять дом в деревне провинции Дофине, расположенной на склоне массива Беллфон, напротив гор Гранд Русс. И возраст девочки, которой исполнилось 11 лет, и хорошие отметки за семь школьных месяцев (в течение пяти месяцев каникул генерал занимался с ребенком только русским языком) побудили родителей перевести ее из начальной школы Нотр Дам де Франс в лицей. Поскольку ремесло писателя не могло больше кормить семью, Деникин оказался вынужден принять предложение работать в одном из пансионов, которые союз бывших русских послов создал (на средства, положенные в свое время Временным правительством в иностранные банки) для «известных, почетных и… полезных эмигрантов».

Сумма в 1300 франков в месяц исключала всякую возможность снимать на долгое время «современную» квартиру с удобствами в Ванве. Встал вопрос, где проводить зиму?

Бывший подчиненный Деникина — полковник Лельявский разводил кур и кроликов на небольшой ферме в Карро (район приморских Альп) и мечтал приобрести другую по соседству, которая была, однако, слишком большой для одной семьи. Если бы его бывший начальник захотел?..

29 августа 1930 Деникин пишет Лельявскому: «Нам с Вами ни денежно, ни в смысле работы справиться с усадьбой невозможно. Я лично могу работать по содержанию в порядке виноградника и сада, но для окапывания не гожусь (у Деникина грыжа). Если же работы производить наемными руками — по Вашему расчету, для виноградника нужно пять человек и три месяца — то такой расход непосилен».

В конце концов после интенсивной переписки и обсуждения этого проекта он был оставлен. 18 октября Деникин уведомил Лельявского: «Во всей этой истории с поисками жилища наиболее мне неприятно, что доставил Вам столько хлопот и, как оказалось, напрасно.

Обстоятельства заставляют меня быть поближе к Парижу, и завтра выезжаю в район Шартра, где нашли жилье (жена Деникина уже «на месте»).

«Ликвидация» летнего жилья в Альмоне, укладка, перевозка пришлись на сей раз исключительно на мою голову и посему замотался… Новый адрес: Дом мадам Руссле, Сен-Пиа, департамент Орэ Луар».

Две комнаты в доме «мадам Руссле», снятые для Деникина Мелчуновым, будут лишь временным жилищем: семья скоро

переедет в Ментенон. Они проведут два года в небольшом доме на улице Ноай, будут разводить гусей, уток, индюков, кур, кроликов и даже голубей, обрабатывать сад. В конце зимы 1933 года будут вынуждены вновь, в который раз, сменить место жительства из-за «драмы», пережитой Мариной.

В конце октября 1930 года я поступила на правах полу пансионерки в пятый класс лицея молодых девиц в Шартре. В течение двух лет получила много наград за исключением тех, что выдавались за оценку «превосходно». Объяснялось это, и не без основания, «склонностью к болтовне и недостаточной дисциплинированностью». Однако с мая 1932 года после убийства президента Думера «русским белогвардейцем» (в действительности агентом советской разведки) все изменилось. Директриса лицея мадам Лакруа, никогда меня не жалующая, вбила себе в голову отделаться от чужака, которым она меня считала. Так как мои преподаватели склонны были заступиться за меня, она решила обвинить меня… в краже. Мадам Рене Пуарье, преподававшая литературу, посоветовала моей матери сменить учебное заведение прежде, чем должно было осуществиться это несправедливое деяние. Мадам Пуарье, которая раньше жила в Севре, удалось устроить меня в севрский лицей, куда теперь надо было переезжать. Во флигель по адресу 15, улица Галле с нами переехали только два кролика и несколько кур. Отца (матери удалось заставить его поверить, что причиной исключения из лицея оказался какой-то дисциплинарный проступок) переезд ближе к Парижу вполне устроил. У меня же по сей день остается чувство горечи, оставленное незаслуженным обвинением со стороны ксенофобки мадам Лакруа.

Издательства отказывались переиздавать книги Деникина, хотя все они были распроданы, а существующие русские издания проявляли «идеологическую» недружественность. Поэтому для того, чтобы заставить услышать себя и отчасти пополнить тощий кошелек, генерал решил принять участие в конференциях. В марте 1932 года он прибыл в Ментенон, где собрались парижские эмигранты. «Последние новости» сообщают об этом событии следующим образом: «С 8 часов вечера улица Дарю чернела от народа, который толпился при входе в зал Шопена. Все пытались во что бы то ни стало проникнуть в битком набитый зал, хотели услышать, что генерал Деникин, 12 лет воздерживающийся от всякого участия в политической жизни, будет говорить о дальневосточных проблемах России.

При появлении бывшего главнокомандующего большая часть зала встала и приветствовала его овациями. Генерал Деникин не только не разделял взглядов белых эмигрантов, делающих ставку

на помощь японцев, но даже считал, что эта помощь будет гибельной для интересов России. Часто прерываемый аплодисментами, оратор энергично осудил «лживых патриотов»: «Наша поддержка тех, кто хочет овладеть русскими землями, совершенно недопустима»».

На этих ставших регулярными конференциях в Париже, а также на конференциях, проводимых в Югославии и Чехословакии, Деникин излагал идеи, общее содержание которых можно резюмировать следующим образом:

Быть на стороне Красной армии, но только тогда, когда она сбросит большевистское иго.

Выступать против любого иностранного агрессора, желающего захватить русскую землю.

Русские эмигранты не должны продавать себя.

Что же выбрать, удавку, которую большевизм набросил на шею России, или чужеземное ярмо? Отвергать как удавку, так и ярмо.

Тем временем стало ясно, что работы по разведению домашней птицы и садоводству не по силам старому генералу и его не блещущей здоровьем жене. Поэтому семья Деникиных покинула флигель на холме и переехала в меньшую, но более комфортабельную квартиру по адресу: 19, улица Лекок, недалеко от Севрского лицея, где Марина заканчивала учебу. С успехом сдав экзамен на бакалавра (по философии), она в сентябре 1936 года уезжает усовершенствовать английский и преподавать французский. Письма от отца приходят очень часто.

Декабрь 1936 года.

«В нашей личной жизни никаких перемен. Только не слышно Твоего голосишки… А извне тучи сгущаются, положение очень неопределенное, будущее темное. […] Там (в Советском Союзе) по суду и без суда продолжается избиение негодных Сталину старых большевиков. Грызутся пауки в банке, истребляют друг друга. А это приближает к развязке».

Март 1937 года.

«Рад Твоему приезду. Встречу Тебя на вокзале. Ты пишешь, что приедешь в 5 часов утра. В прошлогоднем расписании есть только один такой поезд, приходит в Париж в 5 ч 23 мин утра. Первое метро запоздает. Поэтому подожди меня на вокзале в буфете».

Май 1937 года.

«Дорогая моя детка, так недолго Тебя видел и так мало беседовал с Тобой. И потом душонка замкнутая… Поэтому как живешь — знаю, а чем живешь — не знаю.

Не радует и общее положение: оно становится все более

тревожным. «Улица» берет власть. Не ново — испытали у себя. Не страшно — бывали положения и похуже. Но в достаточной степени противно.

К Пасхе — большая переписка. Но отовсюду слышишь только о горе людском: нужда, разорение, болезнь, неудачи и т. д.

Будь здорова, милая, бодра духом: вся жизнь впереди!»

Июнь 1937 года.

«У нас обстановка ничуть не изменилась. Падение Блюма — простая конституционная формальность. Продолжает править тот же «народный фронт».

Ты спрашиваешь, что случилось в России? Идет самопожирание большевизма. […] Никаких «измен» и «продажности», конечно, не было. Тухачевский — авантюрист, человек беспринципный и жестокий, но и он никому не «продавался». Вообще, никакой идейности в происходящем нет, есть только борьба за власть. Теперь Сталин довел кровавую «пирамиду» до самой верхушки и остался с глазу на глаз со своим ближайшим помощником и другом Ворошиловым. Очередь за последним. Сталин и Ворошилову перережет горло, если тот не догадается вовремя перегрызть горло Сталину…

Твои хозяева (англичане) ведут странную и неискреннюю политику в испанском вопросе. Чего они хотят? Ведь не советскую же Испанию?»

Июль 1937 года.

«Дорогая моя детка. Твое письмо нас смутило: мы не предполагали, что Ты, давая объявление, ищешь место гувернантки. Учительница — одно, гувернантка — другое. Первое — свободная профессия, второе — в большей или меньшей степени имеет подневольный характер и при недостаточной чуткости людей может быть очень неприятно».

Жребий, однако, был брошен, так как Марина «имела легкомыслие» дать обещание в письме некоему мистеру Грею, жившему в Эссексе. Его шестнадцатилетняя дочь выразила желание изучать французский язык. А слова назад не берут! Будущая гувернантка, вернувшись на август и сентябрь во Францию, должна была в октябре вновь уехать в Англию, но задержалась.

Генерал Миллер, бывший командующий небольшим фронтом Белой армии в окрестностях Архангельска, в 1930 году заменил убитого Кутепова на месте председателя Русского общевоинского союза и попытался перестроить созданную своим предшественником сеть контрразведки. Ближайшим сотрудником очень доверчивого Миллера был другой белый генерал — Скоблин, который «работал» также на немцев, бельгийцев, но

получал приказы… из Москвы. В 1936 году он помог Гейдриху осуществить план (в действительности разработанный Сталиным), приведший к обезглавливанию Красной армии и к казни Тухачевского. В 1937 году НКВД поручило ему еще одну задачу. 22 сентября ему удалось заманить Миллера в ловушку, устроенную агентами советской разведки прямо в XVI округе Парижа. Скоблин сдал Миллера в руки большевиков в 13 часов дня, но на этом не счел свою миссию завершенной. Теперь ему надо было заняться Деникиным.

Последний через несколько недель заявит об этом ведущему «дело Миллера» судье Марша в следующих словах (если только верить тому, что записал секретарь суда):

«В 17 часов 22 сентября ко мне явился генерал Скоблин в сопровождении полковника Трошина и полковника Григуля для того, чтобы поблагодарить меня за согласие присутствовать на банкете бывших офицеров корниловского полка.

Скоблин уже являлся ко мне в прошлую среду с просьбой позвать на этот банкет мою жену и дочь. Я сказал, что они еще в Мимизане. Он сразу же выразил желание отвезти меня в Мимизан на своей машине. Я должен был резко оборвать его. 18 сентября Скоблин опять заговорил со мной об этом праздновании в честь Корнилова, имеющем быть в Бельгии, и с такой же настойчивостью предложил довезти меня на своей машине. Я отказался».

Раздосадованный упорством и твердостью Деникина, никак «не хотевшего», чтобы его похитили, Скоблин утешал себя своей, как он считал, удачей с Миллером, не зная, что обычно столь доверчивый Миллер на этот раз проявил недоверчивость и оставил в конверте с надписью «открыть в случае…» листок, где указывалось место свидания и сообщалось о сомнениях относительно Скоблина.

Листок этот был обнаружен поздно вечером, полиция была предупреждена, но Скоблину удалось скрыться. Задержали только его жену, известную певицу Плевицкую.

Жена и дочь Деникина, проводившие сентябрь в Ландах, были крайне встревожены появившимися в газетах напечатанными крупный шрифтом заголовками статей: «Похищение генерала Миллера», «Генерал Деникин чуть не стал второй жертвой».

Они немедленно вернулись домой. Последовали визиты комиссара севрской полиции, журналистов, вызовы к следователю… Так как отец так и не научился достаточно хорошо говорить по-французски, то переводчицей часто приходилось быть Марине. Мистера Грея предупредили, что гувернантка

вернется только к началу ноября.

В то время, когда искали и не могли найти Миллера и Скоблина и следствие достигло кульминации, Деникин получил официальное послание из Румынии.

Король Карол приглашал генерала на банкет. На нем должны были присутствовать те немногие офицеры, которых покойный король Фердинанд когда-то наградил орденом Михаила Бесстрашного. Транспортные расходы в вагоне первого класса оплачивало заранее посольство в Париже. В Бухаресте Деникина собирался принимать сам король. Поскольку дочь обожала путешествия, отец решил взять ее с собой в качестве секретаря. Деньги, предоставленные посольством, позволили купить обязательный для банкета пиджак, которым пришлось довольствоваться вместо парадного мундира, и два билета туда и обратно в третьем классе до границы Румынии и в первом классе по самой стране: положение обязывало. Что касается мистера Грея, он мог подождать…

Пребывание в Бухаресте оказалось очень приятным, несмотря на то, что к генералу и его секретарю и днем и ночью были приставлены телохранители. Разместили их в лучшей гостинице Бухареста, где проживали также и члены советской делегации. В газетах, вышедших 8 ноября, подчеркивалось совпадение: «В то самое время, когда посольство СССР давало пышный завтрак в честь двадцатой годовщины Октябрьской революции, король Карол в своем дворце принимал бывшего главнокомандующего Белой армией». В память об этом дне Деникин оставит у своего секретаря королевское меню, написанное на великолепном французском языке, с автографом Карола. Вина и ликеры в меню не фигурировали; но, по утверждению Деникина, «они были превосходны».

20 ноября временно исполняющая должность секретаря отправилась в путь, чтобы приступить к своим функциям гувернантки. Страхи отца оказались напрасными. Члены семьи Грей были людьми тактичными, чуткими и воспитанными. Отношения их со своей гувернанткой стали такими теплыми, что они обращались с Мариной, как с родной дочерью, и когда через несколько лет Марина должна была выбирать псевдоним для своей журналистской деятельности, она остановилась на имени своих «английских родителей».

В это время Деникина начало беспокоить совершенно иное.

Декабрь 1937 года.

«Читаю твои письма, дорогая моя, читаю описания внешней стороны твоей жизни и испытываю двойственное чувство: с одной стороны, удовлетворение, что живешь Ты в довольстве,

пользуешься комфортом и развлечениями. С другой стороны, и некоторую тревогу: весь этот образ жизни, с его интересами, потребностями, известной роскошью, не соответствующий нашим возможностям, не выбьет ли он тебя из колеи, не создаст ли разочарованности при переходе к жизни скромной, трудовой… Хочу верить, что этого не случится. Обнимаю Тебя крепко».

Весной 1938 года генерал Деникин и его жена, здоровье которой все больше и больше ухудшается, покидают Севр и отправляются отдыхать в Савою. Этот отдых омрачает тревога, которую начинает испытывать западноевропейское общество в дни, предшествующие мюнхенским соглашениям.

27 сентября 1938 года.

«Валлюар ждет полной эвакуации и, в случае мобилизации, все дороги будут запружены. Поэтому мы сундук и вообще более тяжелый багаж отправили заблаговременно в Сен-Мишель; остальное укладываем и уедем отсюда в ближайший день, как только поправится больная мать.

В Сен-Мишель, вероятно, задержимся дня на три; парижская квартира остается за нами, но вопрос осложняется тем, что и Париж предполагают эвакуировать… Таким образом, судьба, по-видимому, заставит меня пережить четвертую войну, но пережить пассивно — во чужом пиру похмелье!»

5 октября 1938 года.

«В течение целой недели мы жили у Михайловых в Сен-Мишель. Завтра уезжаем в Париж. Оказалось, что французы, занимающие нашу будущую квартиру, съедут не 5-го, а только 15-го. Придется отправиться в Ашэр, к Шиловым».

16 октября 1938 года.

«Отдохнули мы больше недели в Ашэре, избавленные от хозяйственных работ и воспользовавшись отличной погодой и шиловским гостеприимством.

Во вторник утром переедем на новую квартиру — 40, улица Лакордер, Париж, 15».

25 октября 1938.

«Мы на новой квартире, маленькой, но удобной во всех отношениях, кроме одного: темная. И это обстоятельство удручает особенно Твою маму. Пока полный хаос, так как обоим нездоровится, и поэтому работа по устройству квартиры идет медленно».

11 декабря 1938 года.

«Я кончил уже показания в суде, но мама бывает там каждый день — до среды. Если английские газеты напечатают о процессе, привези вырезки».

Речь шла о нашумевшем процессе Плевицкой, обвиняемой в

сообщничестве со своим мужем, белым генералом Скоблиным, в деле похищения генерала Миллера.

Певицу приговорили к 20 годам заключения, и она умерла при странных и невыясненных обстоятельствах в Реннской тюрьме 21 сентября 1940 года.

18 октября 1938 года Деникин писал своей дочери: «Маша, птенчик мой, я скучаю без тебя. Мне очень не хватает твоего ворчливого голосишки…»

«Ворчливый голосишко» скоро опять зазвенел на четвертом этаже дома на улице Лакордер. Закончив обучение своей питомицы Анны Грей французскому языку и культуре, Маша вернулась как раз тогда, когда ее отец проводил в Париже последнюю конференцию на тему: «Международные события и русский вопрос».

«По-прежнему мир стоит на распутье. По-прежнему призрак смертоносной войны витает над землей. Мюнхенские решения не остановили вооружений, не разъяснили тревоги и не установили реальных основ сколько-нибудь длительного перемирия. Ибо обещания даются и не исполняются; договоры подписываются и нарушаются; над всеми нормами международного права висит кулак; сила и дерзание попирают право.

«Идеология» в большинстве случаев является лишь прикрытием реальных политических и экономических вожделений и интересов — агрессивных или оборонительных. Вожди и партии раздувают идеологическую вражду, а правительства — устанавливают тактические соглашения с идеологическими противниками. […]

Не противопоставление демократии диктатурам нарушило европейское равновесие и привело к чрезвычайно напряженному положению во всем мире, а выпадение из нормального международного оборота великой Российской империи, возрождение германской и итальянской вооруженной силы при исключительном динамизме обеих наций и военной неготовности Англии и Франции.

Серьезность этого положения видна из сопоставления вооруженных сил «оси» и «блока» великих держав. Я не касаюсь комбинаций с участием малых держав, ибо характер их совершенно гадательный и надо думать, после предостерегающего чехословацкого урока, они воздержатся от опасных союзов, постараются сохранить возможно дольше нейтралитет, а если и выступят, то на стороне… заведомо побеждающего. […] А между тем в силу геополитических и экономических условий, как в период, предшествовавший мировой войне, так и ныне, единение Франции с национальной

Россией является проблемой жизненной, естественной и обоюдно необходимой. […]

В отношении гитлеровской Германии эмоциональность политики известных кругов русской эмиграции достигает наибольших пределов, в особенности в эти последние дни.

На русскую эмиграцию Берлин обратил внимание впервые лет пять назад. Попытки привлечения на свою сторону как некоторых организаций, так и видных русских эмигрантов не прекращались.

Стало уже банальностью повторять определения, прогнозы, национальные задачи, поставленные в «Майн кампф». Но ведь эта книга до сих пор составляет основу воспитания в жизни. Ведь Гитлер еще вчера говорил в ней с величайшим презрением о русском народе. Что же, изменил он свой взгляд сегодня? Ведь он требовал отторжения от России Украины, «казачьих государств», Кавказа и Туркестана с тем, что «большевизм останется Великороссии».

Мы познакомились достаточно с лицемерием «идеологической борьбы». Теперь для нас не может быть и речи о принципиальной враждебности или принципиальной дружбе к чужим державам. Не может быть и речи о долге в отношении их. После того, как весь мир отнесся к великому русскому несчастью, мы не должники, а кредиторы».

Деникин цитирует Поля Валери: «…До сих пор вся политика спекулировала на изолированных действиях. Это время приходит к концу. Каждое действие вызывает многочисленные и непредвиденные последствия. Обстоятельства, иногда незаметные или не обратившие на себя внимание, дают о себе знать внезапно и в любое время. В несколько недель весьма отдаленные обстоятельства превращают друзей во врагов, врагов в союзников и победу в поражение»…

«Прекрасная характеристика политики «сегодняшнего дня» и предостережение для Гитлера и для многих. Мы видели воочию, как «возвращается ветер на круги своя» и караются грехи прошлого. Как рассчитывается Англия за свой союз и помощь Японии в создании ее флота и в поражении России в 1905 году… Как «Брест-Литовск» в кратчайшие сроки вызвал развал германской армии и революции… К каким потрясениям привел уже и приведет еще 1919 год, когда небольшое усилие бывших союзников в пользу Белого движения могло бы избавить мир от красной напасти… Мы увидим еще и последствия «стратагемы» Пилсудского… И уже видим, как исторический бумеранг бьет по польским и советским головам за разжигание украинского сепаратизма.

«В несколько недель весьма отдаленные обстоятельства превращают друзей во врагов, врагов в союзников и победу в поражение»… Эта изменчивость политических настроений, комбинаций и режимов в любое время может изменить в корне международную обстановку и создаст, непременно создаст в дни борьбы такое положение, когда для тех, что ныне забыли или поносят Национальную Россию, возрождение ее станет желанным, быть может, единственным для них якорем спасения».

1 сентября 1939 года немцы вторгаются в Польшу. 3 сентября Франция и Англия объявляют войну Германии.

Глава XXV
МИМИЗАН ВОЕННЫЙ

Во время странствий по Франции мои родители, сменив около 20 городов и деревень, нигде долго не задерживались. Эти странствия привели их в один из расположенных в Ландах городков под названием Мимизан. Они пробудут здесь дольше всего — пять лет. Эти годы оказались для них самыми тяжелыми, и большую роль здесь сыграл эгоизм молодого двадцатилетнего существа.

Объявление войны застало меня как раз в Мимизане, где я проводила каникулы в семье Лабади, у родителей моей тулузской подруги, жившей на большой, выходящей к морю вилле в дюнах. Мои родители в это время дышали чистым воздухом в глухом местечке Монтей-ле-Виконт. Поскольку всякое сообщение было прервано, я последовала за Лабади в Тулузу и встретилась с моими родителями только в марте 1940 года в Бур-ла-Рен, где они снимали флигель у мадам Пуарье, моей бывшей учительницы французского языка в Шартрском лицее. Поскольку немецкая армия уже приближалась к Парижу, мы сели в такси русского полковника Глотова, предварительно набив его битком, и направились в сторону Мимизана, где предупрежденная телеграммой семья Лабади предложила нам свою виллу Remember[6].

Немцы продолжали продвигаться к югу, и вилла, являющаяся одним из украшений пляжа, могла привлечь их внимание: мой отец решил поэтому переехать в глубь местности, туда, где был расположен сам город Мимизан. Мы сняли треть длинного дощатого домика. Подходили немцы. Глотов уехал в Париж. Началась тоскливая, одинокая, трудная жизнь.

Моя мать регулярно вела дневник: «8 октября 1940. Три дня подряд дождь льет как из ведра. Повсюду песок, но, несмотря на это, под нашей дверью такие лужи, что для прохода мы кладем доски. Наш дом стал прибежищем сквозняков и сырости. Тень от вьющегося виноградника перед окном лишает нас света. Единственный стол завален бумагами Ивановича, и для того, чтобы поесть, их приходится раскладывать на полу. На кухне дымит. Нам, конечно, надо уезжать отсюда, жилище временное. Но где найти более пристойную квартиру?

27 октября мы переехали на новое место. Стены дома каменные, но он выходит на большую дорогу, соединяющую город с пляжем, и с утра до вечера вы видим, как по ней движутся

немцы.

Лес здесь редкий, снабжение плохое, движение по главной дороге очень затруднено».

Отношения между мной и моей матерью с некоторых пор стали натянутыми. Вопреки опасениям отца, пребывание в семье Грей не привило мне вкуса к роскоши, но научило ценить свободу. Мне был уже двадцать один год, а моя мать продолжала относиться ко мне как к маленькой девочке. Я сопротивлялась, ворчала, иногда срываясь на грубость. Моего отца это очень огорчало, и так как он считал мать серьезно больной (специалист диагносцировал острую форму неврастении), то принимал сторону матери и защищал ее. Я решила расстаться с семьей.

Один из моих друзей, учащийся школы изящных искусств, с начала войны мобилизованный в парижский полк инженерных войск, попросил моей руки. Я согласилась. Мой отец пришел в отчаяние, так как будущий зять не был крещен. Жених поспешил исправить это и принял православие. В конце декабря 1940 года я покинула Мимизан и переехала к родителям жениха в Париж. Венчание было назначено на 23 февраля 1941 года в православной церкви в Бордо, куда должны были приехать мои родители.

Автобус из Мимизана обычно уходил в пять часов утра. 22 февраля он ушел на четверть часа раньше, и мои родители опоздали на него. Мы с мужем решили задержаться на один день и заехать в Мимизан. Отец, увидев нас, очень обрадовался:

— Вы смогли заехать! Слава Богу! Мать весь день проплакала. Она пыталась меня убедить, что случай с этой проклятой машиной — плохое предзнаменование.

Мать, к сожалению, была права…

Мой отец регулярно писал мне.

19 марта 1941 года.

«Здоровье матери ни лучше, ни хуже. Доктор назначил новый курс лечения. Б. не прислал ничего на март месяц (ожидаемая пенсия, 1800 франков). Быть может, почта неисправна. Спроси, пожалуйста, его лично по служебному телефону. Вася (наш старый кот) здоров и Тебе кланяется».

30 апреля 1941 года.

«Присланные часы не ходят. Не ходят и мои. Живем по солнцу и по фабричным гудкам. Ничего не поделаешь!

Живем по-прежнему. Я чувствую большую усталость. Здоровье матери опять ухудшилось. На днях она взвесилась: потеряла в весе, так же как и я, одиннадцать кило! Причем еще не голодали…»

5 июня 1941 года.

«Не везет и в нашем маленьком хозяйстве. Глядишь — в огороде то солнце что-либо спалит, то вредители уничтожат; петушка украли; прохвост лавочник пожалел цинка, плохо залудил коробки, и наши консервы из курицы сгнили. И т. д., и т. д. Впрочем, когда миры крушатся!..»

Мать писала в своем дневнике: «Постоянно нет картошки. Осенью мне удалось достать 3 килограмма чечевицы. Открываю мешок. Чечевица мелкая, смешанная с викой, камешками, насекомыми. Я рассыпаю ее горстями на ткани, мы с Иванычем надеваем очки и начинаем перебирать».

«Иваныч зря простоял целый час в очереди за куревом: сигарет так и не привезли».

Говоря на шести языках, моя мать слушает по радио все, что можно поймать, читает все журналы и газеты, которые удается достать, и по-своему интерпретирует происходящие события.

9 июня 1941 года.

«Англичане и голлисты вошли в Сирию. С точки зрения стратегической, это объяснимо и простительно, но с точки зрения моральной и психологической, я думаю, что это ошибка». 15 июня 1941 года.

«Новый порядок торжественно признает еще одна страна — Хорватия. Произошло это в Венеции и, вероятно, потому, что Хорватия находится в зоне итальянского влияния, если не под сапогом Италии…»

21 июня 1941 года.

«По-видимому, англичане хорошо учли урок сражения под Саламом: они стали надежнее закрепляться на заранее выбранных позициях. У немцев был выбор — масло или пушки. Они выбрали пушки. Англичане выбрали и то, и другое. Вот к чему это их привело!»

23 июня 1941 года.

«О, Россия! Чаша страданий еще не испита тобою до дна! Тебя попирают два антихриста. Конечно, нападение Германии означает конец коммунизма в России, но какую цену придется за это платить! Сейчас же немецкие бомбы разрывают на части русские тела, проклятые немецкие танки заполнили нашу страну, льется русская кровь!..»

25 июня отец послал мне короткую открытку: «Немцы решили отправить всех русских — как мужчин, так и женщин моложе 55 лет — в концентрационные лагеря. Сегодня немецкие солдаты увезли твою мать в Мон-де-Марсан. Русские белоэмигранты внушают им такой страх, что они дали только полчаса на сборы. Я условился с матерью принимать меры к ее освобождению только после получения от нее известий».

28 июня 1941 года.

«Сегодня получил первые известия от мамы. Содержат их сносно. Очевидно, перестарались местные власти. Надеется вернуться в ближайшие дни. В приезде Твоем сейчас нет необходимости. Если нужно будет, я напишу письмо главнокомандующему оккупационными войсками».

2 июля 1941 года.

«Сегодня мать вернулась. Очень уставшая, но морально бодрая. […] Напиши, как твое здоровье. Выяснилось ли окончательно?»

Я была беременна. Мой сын родился 3 января 1942 года. Отец писал: «Конечно, рады и внуку, и тому, что Ты так легко и благополучно перенесла роды, и от души желаем дальнейшего благополучия в Твоей новой жизни».

Тем временем «новая жизнь» Деникиных в Мимизане становилась все более и более тяжелой. Каждую неделю их посещал офицер комендатуры для того, чтобы удостовериться в их присутствии и порыться в их вещах и бумагах в поисках «чего-то подрывающего новый порядок». Поскольку прибрежная зона объявлялась зоной повышенной опасности, семья все время находилась под угрозой эвакуации. Мать разбила единственные очки, и снабжение продовольствием становилось все хуже и хуже.

Уже несколько недель бывшие подчиненные моего отца (генерал Писарев, полковники Глотов, Чижов и Колтышев, капитан Латкин и другие, чьи имена я забыла), которые как-то сводили концы с концами в Париже и иногда в Германии, складывались и посылали моим родителям посылки. Чтобы не оскорбить моего отца, они в качестве отправителя указывали меня. Отец и мать долго считали, что я веду роскошную жизнь, и я старалась укрепить эту веру в письмах, скрывая отсутствие денег, свои финансовые трудности и нелады в моей семейной жизни.

Отец, который все это время не прекращал писать, попросил меня достать напечатанный текст его выступления на последней конференции. Русский книготорговец сообщил мне, что эта публикация, ровно, как и все предшествующие, внесена в список «Запрещенных книг на русском языке» и ее изъяли из обращения. В Мимизане вскоре объявились гости. Впоследствии мой отец опишет этот визит таким образом: «На следующий день приехал комендант Биаррица, один из штабных офицеров и переводчик, услуги которого не понадобились, как так жена хорошо знает немецкий язык. Штабной офицер сообщил, что мой личный архив обнаружен в Праге и перевезен в Берлин. И затем любезно спросил:

— Не желаете ли Вы, генерал, переехать в Берлин. Вы могли бы работать в своем архиве…

Офицер при этом окинул взглядом бедную комнатку, в которой мы с женой ютились, и снисходительно добавил:

— В Берлине, конечно, вам будут предоставлены совсем другие, более благоприятные условия.

Я спросил:

— Это приказ или совет?

— Нет, какой же приказ, просто совет.

— Я до конца войны никуда из Мимизана не уеду.

На этом мой контакт с немцами кончился. Добавлю, что когда «фюрер» Жеребков объявил обязательную регистрацию русских, мы с женой не зарегистрировались у него».

Этот непрошеный визит, постоянная неврастения матери, больные почки отца — все это заставило моих родителей написать завещание. 29 сентября 1942 года они оформили завещание у господина Ривьера, нотариуса Эскурса. Своей дочери они могли завещать только архивы и документы.

1 ноября, выставленные за дверь хозяином, родители переехали в соседнюю лачугу. Мой отец писал 12 ноября 1942 года: «Темная, холодная, грязная, с убогой и недостаточной мебелью и т. д., и т. д. А кроме того, хозяева — прохвосты. Еще никогда нам не приходилось жить в такой обстановке.

На будущий неделе собираемся оба в Бордо к докторам, так как наш доктор Дюртени нашел у меня дефект, требующий осмотра специалистом».

26 ноября 1942 года.

«Решил по ряду обстоятельств «резаться» в Бордо. Клиника — одна из лучших; хирург — известный специалист. Поступаю в клинику 1-го, во вторник. Дня два или три будут подготавливать к операции. И потому Твой приезд желателен 4-го или 3-го; лучше 3-го. Надеюсь, все сойдет благополучно и тогда Тебе придется пробыть в Бордо дней 5–6 после операции, пока я несколько не оправлюсь».

3 декабря я спала на диване, который «в лучшей клинике Бордо» был поставлен для меня в палате моего отца. С первой же ночи меня принялись терзать вши. 5 декабря отцу сделали операцию простаты. Он терпеливо, как старый солдат, перенес местную анестезию — укол в позвоночник. После того как его перевезли в палату, признался мне: «Укол оказался очень болезненным, потом, однако, я уже ничего не чувствовал, но видеть над собой «зеркало» хирургической лампы и то, как меня разделывали, оказалось тягостнее, чем я это мог предположить…»

Операция длилась три часа. В следующие несколько дней

отец испытывал боль, затем все пришло в норму, и 12 декабря я вернулась в Париж к сыну. 13 декабря пришла телеграмма, что отец умирает, а 14 декабря — что ему лучше. Он тяжело перенес операцию и вернулся в Мимизан только в начале января 1943 года.

Мои родители нашли наконец 5 июля приличный дом в центре города. Квартира — две комнаты и кухня. 15 июля — трехлетняя годовщина моего замужества (по новым законам я могла теперь требовать развода) — я вернулась к своей матери и погрузилась в будни мимизанского существования. Мой отец колол дрова, качал воду, топил печь на кухне. Я ездила на велосипеде за яйцами, мукой, картошкой, салом, стирала и мыла посуду. В те редкие дни, когда мать могла присматривать за сыном, мы с отцом, вооружившись удочками и запасаясь червями, брали напрокат лодку и отправлялись удить рыбу на озеро Орелан. На несколько часов между нами, как прежде, устанавливалось полное согласие. Я думаю, что в эти часы мы были почти счастливы. Окуни и лини шли на обед. Кот Вася лакомился лещами. Вечером, после того как засыпал сын, мы сквозь треск глушения пытались поймать Лондон. Мать продолжала вести дневник.

17 августа 1943 года.

«Летний зной изнурил нас настолько, что потребовалось взятие Мессины для того, чтобы меня разбудить…» 20 августа 1943 года.

«Издохли два кролика сестры Марии. Смоловары находят в лесу мертвых или умирающих белок. Черчилль и Рузвельт проводят конференцию в Канаде. Надеюсь, там не так жарко…»

23 августа 1943 года.

«Иваныч уже восемь дней в Даксе. Он страдает ревматизмом, и доктор Шевальро рекомендует грязевые ванны. Мы собрали последние деньги и сняли за приемлемую цену приличное жилище».

4 сентября 1943 года.

«Союзники совершили воздушный налет на Париж и Берлин. Если делать выводы из того, что передает Лондон, то высадка в Италии только «отвлекающий маневр», а настоящая операция должна происходить в другом месте. Но где?»

6 октября 1943 года.

«Мы ожидали всего, но только не того, что случилось сегодня. Мимизан оккупирован… русскими. Сколько раз я и Иваныч задавали себе вопрос: при каких обстоятельствах мы встретим наших соотечественников оттуда? Но никогда не могли предположить, что это будет в октябре 1943 года, в Мимизане, в

Ландах!»

Утром, выходя за молоком для сына, я встретила солдат нового гарнизона, прибывших поздно накануне, которые разговаривали между собой на моем родном языке.

Отец будет объяснять это в 1946 году следующим образом: «Чтобы пополнить свои людские резервы, германское правительство решило использовать русских военнопленных, объединив их в специальные воинские подразделения. На этот рискованный эксперимент оно могло решиться, только учитывая нелюбовь русского народа к своему правительству, порочная политика которого привела к атрофированию национального сознания. За исключением русских военнопленных, военнопленные всех стран могли рассчитывать на помощь своего правительства и Красного Креста. Пленные же русские солдаты были брошены на произвол судьбы: их считали предателями и дезертирами. Поэтому, когда германское командование предложило голодным, униженным, лишенным всякой надежды и поддержки людям приличное жалование и денежное содержание, многие из них решили надеть немецкие серо-зеленые мундиры.

Пусть бросят в них камень те, кто может…»

Когда батальон «добровольцев» прибыл в Мимизан, их удивление было столь же большим, как и наше. Их посадили в вагоны где-то в Западной Германии и выгрузили здесь. Русских военнопленных лишили права выходить на остановках, и они не знали, в какой стране находятся. Возраст солдат и офицеров колебался от 16 до 60 лет. Они были уроженцами самых разных областей и республик, происходили из самых разных социальных слоев — от колхозников до преподавателей университетов. Некоторые были членами партии, другие беспартийными. Опыт жизни советских граждан, а затем жизнь в плену научили их искусству камуфляжа: члены партии перед тем как сдаться уничтожали свои партийные билеты. Многие офицеры, боясь, что с командирами будут обращаться хуже, сорвали знаки отличия. Другие, подчиняясь противоположной логике, присваивали себе звания, которых они не имели. Зная, что в СССР семьи сдавшихся в плен преследуются, так как военнопленные считаются предателями, многие на допросах называли другие фамилии и другие адреса.

Они заполнили наш дом. Приходили группами, парами, поодиночке. Мы говорили обо всем: о жизни там, о Красной армии, о войне, об их судьбе. Каждого из них интересовал главный вопрос: «Считаете ли вы, что когда-нибудь мы сможем вернуться в Россию?» Они больше не верили в победу великого рейха, не скрывали своих германофобских настроений. Смотрели

на карту, висевшую на стене, где я булавками ежедневно отмечала неумолимое продвижение Красной армии вперед. Я чувствовала, что они гордятся ее подвигами и одновременно испытывают тревогу за свою судьбу. Мое сердце обливалось кровью, когда я смотрела на этих попавших в ловушку судьбы русских людей. Они искали у меня утешения, надежды. Я не могла им обещать никакого снисхождения со стороны советских властей, но уверяла их в том, что они могут доверять союзникам, которым мечтали сдаться при первой же возможности. Позднее я действительно узнала, что большая часть русских соединений сдавалась тотчас же, как только они замечали американцев или англичан.

В 1943 году я не могла вообразить себе, что после войны США и Англия смогут вероломно выдать русских военнопленных советским властям…

8 то время как Деникин, разговаривая со своими соотечественниками, испытывал чувства, которые впоследствии еще долго и много раз будут побуждать его к размышлениям, его жена вела дневник, отмечая повседневные события и факты.

9 октября 1943 года.

«Старый кубанский казак называет меня барыней; я говорю ему, что это обращение устарело, но его это не убеждает. Те, кто помоложе, называют меня «гражданкой», другие именуют «мамашей». Кто-то спрашивает: «Как вас звать?» Я отвечаю: Ксения Васильевна. Моя дочь для всех Марина, все играют с маленьким Мишуней. Они мне рассказывают все, чему их в школе учили о нас, «белых бандитах». Удивляются чистоте улиц и домов, обилию скатертей и подушек в комнатах, роскоши меблировки, вежливости обитателей…» И октября 1943 года.

«Не очень образованный черноморский моряк рассматривает на висящей на стене карте продвижение Красной армии и спрашивает Деникина:

— Как вы на все это смотрите? Может ли кто-то победить Россию?

— Нет, никто.

— Я думаю также. Ну так мы вернемся туда вместе?

— Может быть. Но может так случится, что мне позволят вернуться, а вам нет, или же наоборот…

Моряк задумался.

— Этого не может быть. Слишком много людей погибло. Как обойтись без моих рук и вашей головы, папаша!

И они крепко пожали друг другу руки.

Каждый или почти каждый гость приходил с каким-нибудь подарком: бутылкой шнапса, булкой, банкой консервов, которую,

по русскому обычаю, вскрывали вместе».

14 октября 1943 года.

«Наши отношения с обитателями Мимизана начали охлаждаться. До прибытия русского батальона они считали нас хотя и странными, но все же своими людьми. Но когда наш дом заполнили немецкие мундиры, они стали проявлять к нам недоверие. Невозможно было им что-либо объяснить. Они не понимали. Постоянно возникала извечная дилемма «советских» побед и «русских» побед. Мы продолжали, несмотря ни на что, принимать своих соотечественников и радоваться их приходу».

Петя, донской казак, называвший меня барыней, спросил однажды:

— Правда ли, что Швейцария недалеко отсюда, а дальше находится Англия? Покажите на всякий случай, в каком направлении идти…

Летчик Ваня нанес на нашу старую карту 1914 года отсутствующие железные дороги.

У командира батальона, полковника, была немецкая фамилия. Он жил в районе Мимизана, расположенном у пляжа».

16 октября 1943 года.

«Вчера командир нанес нам визит. Это был бывший офицер императорской гвардии, эмигрировавший в Польшу. И он, и мы соблюдали крайнюю осторожность, и разговор оказался неинтересным». 17 октября 1943 года.

«Встретила в парикмахерской Сережу. Он, тщетно пытаясь объясниться с парикмахером, лохматил себе волосы. Требовал репейного масла и удивлялся, что парикмахер не знал этого очень известного в России лосьона».

14 ноября 1943 года.

«Все русские офицеры, в том числе и полковник, были понижены в должности. Немецкие власти считали, что их собственным офицерам лучше удастся удерживать дисциплину. По-видимому, батальон, расквартированный в Мимизане, являлся частью армии Власова».

22 ноября 1943 года.

«Мы узнали, что атаман Краснов, доставивший Деникину столько неприятностей в 1918–1919 годах, встал в Берлине во главе армии казаков и получил такие же (то есть не получил никаких) полномочия, что и Власов. Нуждаясь в пушечном мясе, немцы все больше и больше спекулировали на антисоветских настроениях эмигрантов, так же как и на отчаянии «добровольцев», бывших советских солдат».

2 января 1944 года.

«Вот и год 1944. По старой русской традиции, високосные

годы отличались от остальных в лучшую или худшую сторону.

Вчера Ваня принес бутылку настоящего довоенного шампанского. Мы выпили за наше «общее возвращение». Я быстро спрятала тетрадь, услышав, как в 10 часов вечера постучали в ставни. Но это были лишь Миша и Ефим. Они только что узнали, что их батальон покидает Мимизан».

3 января 1944 года.

«К обеду пришел Степа. Он посещает нас редко. Работает помощником повара в офицерской столовой. В Советском Союзе был капитаном, до этого работал в министерстве финансов. Он объяснил:

— Наше правительство гордится тем, что официально упразднило косвенные налоги. На самом деле оно их заменило монопольными. Очень выгоден, например, налог на хлеб. Его продают на 75 процентов дороже себестоимости. Монополия на алкоголь еще выгоднее. В этом обвиняли царскую власть, но советское правительство сохранило его и даже усовершенствовало, так как теперь водка продается на 150 процентов дороже, чем она стоит государству».

5 января 1944 года.

«Ближайший отъезд повергает наших соотечественников в отчаяние: им трудно расстаться с нами. Одни считают, что их отправят в Испанию (почему именно в Испанию?), другие — в Италию или Сербию. Сережа вздыхает, почесывая свою лохматую голову.

— Достоверно только то, что мы попадем в мясорубку, неважно, где и в какой стране. Мы умрем за великий рейх!

Саша иронически поправил его:

— За великий рейх? Ты не читаешь газет, которые нам дают. Там говорят, что мы спасаем Россию.

Миша возмущается:

— Ты уже видел, как спасают Россию эти идиоты, высадившиеся на берегах Франции?

Он бросил окурок на землю и яростно затоптал его ногой.

В этот вечер к нам пришел проститься и тот, кого я прозвала Демианом, член партии, бывший служащий министерства спорта, тщетно расточавший свое красноречие и свою слюну в попытках обратить нас в свою коммунистическую веру. Ему так же не хотелось покидать нас, как и остальным».

6 января 1944 года.

«Пришло православное Рождество. Саша принес маленькую елку, вставленную в крестовину. Сережа достал из карманов два десятка разноцветный свечей, которых в нашей области достать очень трудно, и прицепил их на рождественскую елку.

Полковник, которому мы совершенно напрасно не доверяли, прибыл на лошади попрощаться с нами. Его руки так дрожали, что Иванович был должен помочь ему привязать лошадь к нашей балюстраде.

Этим вечером у нас гостили семь самых близких нам и сдружившихся с нами солдат. Избалованный ими, Мишуня лез к ним прямо в карманы за сластями. Веселился только он один, все остальные только и говорили о своей близкой смерти. Сережа не выдержал:

— А ну, братцы, коли умирать, так уж умирать весело и с песней!

И высоко подняв Мишуню, он пустился танцевать, тогда как его товарищи грянули веселую, бесшабашную песню».

7 января 1944 года. «Они уезжают!

В 8 часов утра Саша постучал нам в ставни.

— Получен приказ. Мы отправляемся в 3 часа.

Мы спустились вниз, собрались напротив гостиницы. Мишуня переходил из рук в руки. Немецкие офицеры смотрели на нас с явным недоброжелательством. Сибиряк Володя, отец одиннадцати детей, плакал навзрыд. Сережа приблизился к лошади, ему передали Мишуню. Офицер лающим голосом выкрикнул приказ. Мы попытались оторвать малыша, цепляющегося за шею своего любимого дяди. Офицер начал сердиться. Саше наконец удалось отцепить ревущего Мишуню от Сережи, лицо которого покрылось красными пятнами. Он попытался говорить, но не смог и сел на лошадь, чтобы догнать авангард отряда.

Стараясь улыбнуться, мы пожали друг другу руки. «Не забывайте нас», «Вспоминайте нас», «Да хранит вас Господь!»

Прошла последняя русская телега, последняя русская лошадь, последний русский солдат, когда я заметила другую колонну, идущую в противоположном направлении и пересекающую нашу. В поселок входил новый гарнизон, состоящий из немецких солдат.

Сегодня православное Рождество».

После этой столь богатой эмоциями интермедии жизнь в Мимизане показалась более бесцветной, чем когда-либо. В конце января я уехала в Париж, чтобы заняться своим разводом. Владимир Лебедев, крестный отец моего сына, и его жена очень гостеприимно приняли меня у себя.

Отец напишет мне 2 марта.

«Изредка получаем письма от соотечественников. Хотя живут в гиблых местах, в Нормандии, но пока без потерь. Убит только один Кривошеее. Фамилия знакомая, а который — не знаю. Не

помнишь ли? (Вспомнила — убит был Сережа, с которым больше всего любил играть мой сын). Степа на севере Франции — на курсах переводчиков».

30 марта.

«Обеспечение продуктами все более и более осложняется.

Мы получаем немного мяса лишь раз в неделю, рыба совершенно исчезла, а раздача молока прекратилась еще на прошлой неделе. Последнее обстоятельство для нас особенно тяжело. Ситуация осложняется еще тем фактом, что я получил лишь 1000 франков за февраль и ничего не получил за март. Могла бы ты навести справки по телефону? Объясни им, что это единственное, чем я располагаю».

«Они» поняли и поспешили выслать в Мимизан 1800 франков за март и 800 недостающих франков за февраль. Отец смог вернуться в Дакс на лечение. 4 мая он пишет своей жене: «Кормят, как и раньше, прилично. Яйцо в день в виде добавки, этого будет достаточно.

Ходил за вином по указанному Робером адресу. Это в версте по крайней мере. Устал. Там мне указали, что никакого Робера не знают и вино отпускают только по карточкам. Поэтому, пожалуйста, постарайся достать красного вина и пришли».

6 июня мама отмечала в своем дневнике: «В 2 часа утра я проснулась, разбуженная гулом самолетов. Гул не прекращался. В 6 часов я решила наконец разбудить Иваныча, спавшего сном праведника:

— Послушай! Происходит что-то серьезное.

Мы включили приемник и сразу же узнали, что союзнические бомбардировщики и корабли обстреливают «французскую» береговую охрану и что небо темно от парашютистов. Это было лишь начало. Союзники высадили десант».

Мимизан «освободили» только 24 августа, то есть в этот день последний немец покинул поселок, хотя никто из жителей не заметил ни единого партизана. Во Франции начали сводить счеты. Коммунизм угрожал затопить страну. Деникин решил не прерывать своего грустного пребывания в Мимизане.

Мать продолжала вести дневник: «Совет Сопротивления выразил решительный протест против решения де Голля распустить внутренние вооруженные силы и включить их в состав регулярной армии. Мне жаль де Голля. Ему понадобится много мужества, воли и такта, чтобы оздоровить обстановку во Франции».

6 декабря 1944 года.

«Руководящие деятели социалистических и коммунистических партий созвали свой первый съезд в целях

согласования действий. Таким образом, французские социалисты выбрали самоубийство!»

13 декабря 1944 года.

«Многочисленные журналы, посылаемые нам из Парижа, пишут о партии. С тех пор как социалисты сделали себе харакири во Франции, не оставалось больше никаких авторитетных партий, кроме коммунистов».

5 января 1945 года.

«Имена лиц, симпатизирующих де Голлю, имена евреев и коммунистов, которых раньше расстреливали немцы, заменили в сообщениях, печатаемых нашими газетами, именами коллаборационистов, становящихся жертвами массовых казней. И правительство не осмеливается осудить эту форму правосудия, этот террор страха перед коммунистами.

Опять мы начинаем испытывать неприятное чувство, которое, как мы уже думали, никогда не повторится, опять я прячу свой дневник, опять жители Мимизана боятся хоть слово сказать открыто, толкают друг друга локтями или подмигивают за спиной местных демагогов-горлопанов…»

В начале мая 1945 года родители наконец решили уехать из Мимизана. Возникли две проблемы: для переезда нужны были деньги и квартира в Париже.

Отец писал мне 10 мая: «Ты знаешь, что у меня на черный день осталось 50 ф. (английских фунтов). Пришла сейчас надобность, и я передал их Крячко, прося обменять. Но сегодня прочел в газете, что якобы билеты эти аннулированы. Здесь в этом вопросе разобраться мне трудно. Во всяком случае он причинил мне большое беспокойство.

Поэтому прошу Тебя сейчас же переговорить по телефону с Крячко и спросить, обменял ли он? Если мои опасения правильны и Крячко ничего сделать не может, то возьми у него билет и постарайся устроить дело через своих знакомых. Иначе — беда! Это ведь все, что у нас есть…»

13 мая 1945 года.

«Порывались слушать Тебя по радио, но кроме шума ничего не слышали на волне 368. Теперь Ты пишешь о намерении «писать в газетах». Я не подозревал такого таланта у Тебя…

Очень рады, что квартира найдена, но очень смущены, что 3 комнаты, кухня, ванная… Вообще боимся, что будет дорогая. Ведь у нас никаких средств и почти никаких перспектив, кроме одной, о которой с Тобой будем говорить по приезде. Так что пиши скорее, сколько эта квартира будет стоить. А также каким путем и кто Тебе ее предложил, насколько этот источник достоверен?»

После того как 50 фунтов были обменены на франки и

друзьями моего будущего мужа мне была предоставлена квартира, родители с котом Васей выехали из Мимизана на грузовичке капитана Латкина, заправленного в Париже достаточным количеством горючего. 30 мая они поселились на бульваре Массена, 129, на четвертом этаже.

Глава XXVI
ПАРИЖСКИЕ РАЗОЧАРОВАНИЯ

В течение пяти лет жизни в Мимизане генерал не переставал писать. Он вспоминал события далекого прошлого, думал позднее дополнить эту рукопись и назвать ее «Моя жизнь». Он следил за настроениями эмигрантов, пытаясь образумить поклонников Гитлера, распространял среди них отрывки речей и статей нацистских вождей (переведенных с немецкого его женой), в которых раскрывалось их истинное отношение к русскому народу, разоблачались их реальные цели. Два раза в год — 15 ноября (годовщина создания Добровольческой армии Алексеевым в 1917 году) и 22 февраля (годовщина начала первой антибольшевистской кампании в 1918 году — Ледового похода) он писал краткие послания своим бывшим соратникам по оружию.

Так, 15 ноября 1943 года он призвал их молиться за то, чтобы был положен конец уничтожению русского народа: «Вздыблена, взвихрена наша бедная Россия! Рушатся каторжным трудом воздвигнутые заводы-гиганты. Горят полымем наши города и села. Гибнет русское добро от своей и чужой руки…

Без конца гибнут и русские люди. Гибнут в кровавых боях, в братоубийственных стычках и в темных застенках. Гибнут от холода, голода и труда непосильного, мрут без ухода от ран и болезней — в своих и чужих лагерях, нет конца русским страданиям, нет меры русской скорби!

Но дух народный жив. Его не угасить никому и ничем. […] Бог правды, Бог брани, ниспошли избавление стране нашей родной от всех ее лютых врагов и лиходеев, дай мир и свободу исстрадавшемуся народу!»

Он настоятельно предостерегает бывших русских белогвардейцев: «Двадцать седьмую годовщину основания Добровольческой армии мы вспоминаем в обстановке, весьма отличной от той, которая существовала в последние четыре года. Но не менее сложной, вызывающей целую гамму противоречивых чувств и застающую русскую эмиграцию опять на распутье. А подонки ее — вчерашние мракобесы, пораженцы, гитлеровские поклонники — уже меняют личины и славословят без меры, без зазрения совести новых господ положения…

Международная обстановка в корне изменилась. Враг изгнан из пределов отечества. Мы — и в этой неизбежности трагизм нашего положения — не участники, а лишь свидетели событий,

потрясавших нашу Родину за последние годы […]. Мы испытывали боль в дни поражений армии, хотя она и называется «Красной», а не Российской, и радость — в дни ее побед. […]

Но не изменилась обстановка внутрироссийская. В дни, когда весь мир перестраивает свою жизнь на новых началах международного сотрудничества, социальной справедливости и самодеятельности от эксплуатации капиталом и государством, не могут народы русские пребывать в крепостном состоянии. Не могут жить и работать без самых, хотя бы необходимых, условий человеческого существования: основных свобод, раскрепощения труда, упразднения кровавого произвола НКВД, суда независимого, равного для всех, основанного на праве. […]

Пока этого нет, мы будем идти своим прежним путем, завещанным нам основоположниками Добровольчества, какие бы тернии ни устилали нам путь.

Ибо судьбы России важнее судеб эмиграции».

По возвращении в Париж генерал Деникин понял, что его призыв — глас вопиющего в пустыне. Большинство русских, воевавших в Белой армии, опьяненные успехами советских войск, в порыве патриотизма осаждали нового посла Богомолова в надежде добиться права на возвращение в Советский Союз. Сам глава православной церкви во Франции «отправился в Каноссу…».

«Вместе с русским народом, но против большевистского режима» — этот девиз не нашел отклика (временно) в эмигрантской среде.

Генерал сожалел, что злодеяния фашистов в нацистских лагерях, казалось, заставили забыть все то, что было совершено в советских лагерях.

Внешняя политика Сталина возмущала его и заставляла опасаться наихудшего. «Зоны влияния», распространившиеся на треть Европы, являлись прелюдией полного порабощения Прибалтики, Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии и части Германии. Не породит ли этот не знающий меры экспансионизм новых бесчисленных врагов России.

«Порабощенные страны, доведенные до отчаяния, в один прекрасный день восстанут против своего угнетателя, тогда небывалая угроза нависнет над нашей страной. Будут поставлены под вопрос ее территориальная целостность и ее независимость…»

Другое, может быть более горькое, разочарование заключалось в следующем: Рузвельт и Черчилль приняли обязательство по ялтинскому соглашению выдать Сталину всех русских пленных! Таким образом, все эти Миши, Ефимы, Саши, Володи, которым генерал советовал сдаться «достойным

всяческого доверия» англичанам и американцам, были обречены на расстрел! Необходимо помешать этому предательству, этому преступлению! Но каким образом? Нужно обратиться к ответственным лицам, возбудить общественное мнение, разъяснив все аспекты этой проблемы. Но эта задача невыполнима во Франции, где значительно влияние Советов и их сообщников, французских коммунистов. Политика Англии в этом отношении не совсем ясна. Остаются Соединенные Штаты, наиболее сильный член союзнической коалиции. Здесь еще сохранилась свобода слова…

В Америку уезжало много бывших участников Белой армии. Некоторые звали своего главнокомандующего эмигрировать в США, один из его офицеров — Валериан Августинович (ставший вскоре мистером Монвитом) предложил ему свой дом в Форест Хилле, в одном из кварталов Нью-Йорка, и обещал найти издателя для публикации книги «Моя жизнь».

В Париже Деникин навел справки в консульстве и в посольстве Соединенных Штатов. Квота для «русских белых эмигрантов» не оставляла никакой надежды. Но дверь оставалась полуоткрытой для просителей польского происхождения. Деникин и его жена родились в русской провинции, входящей теперь в границы Польши. Они могли начать добиваться визы.

В ответ на вопрос: «Поеду ли я с ними?» — их ждало новое разочарование. Я отказалась. Я не хотели уезжать из Парижа, где у меня была любимая журналистская работа и где жил человек, чьей женой я хотела стать.

Шли дни, заполненные бесконечными хлопотами: визиты в консульство, в посольство, к врачам, на которых была возложена обязанность выдавать свидетельства о здоровье. Наконец в двух нансеновских паспортах были поставлены по две печати: транзитная английская виза и американская эмиграционная виза.

21 ноября 1945 года мои родители, доверив мне старого Васю, уехали в Дьеп. Они хотели провести три или четыре дня в Лондоне, а затем сесть на корабль, отбывающий в Соединенные Штаты.

В поезде, идущем из Ньюхевена в Лондон, мать написала короткое письмо капитану Латкину, одному из тех бывших бойцов Белой армии, которых не соблазнило пение советских сирен: «Весь путь через Ла-Манш я пролежала на кушетке. А.И. (Деникин) сначала прогуливался по палубе, потом задумал истратить все франки, которые у нас остались, — 400 франков, роскошно пообедав. Ему подали жаркое из баранины с картофелем и зеленой фасолью, английский сыр, в больших количествах, хлеб (белый!), масло и три чашки кофе. И как вы

думаете, сколько все это стоило? Всего лишь 50 франков!

В Ньюхевене английский носильщик, взяв наш багаж на судне, донес его до поезда и настоял на том, чтобы дать мне сдачу с купюры в 50 франков. Зато наш французский носильщик в Дьепе состроил кислую мину, когда я ему протянула 100 франков…»

30 ноября мать написала мне: «Мы еще в Лондоне. Наше судно потерпело аварию и стоит на ремонте в доке. Мы сядем на более быстроходное судно и доплывем до Нью-Йорка за четыре дня вместо шести — семи, которые предусматривались первоначально. Наше судно называется «Королева Елизавета».

Твой отец чувствует себя хорошо, но я нахожу, что он слишком много ест и мало двигается.

Как дела у маленького Мишуни и старого Васи? Мы обнимаем вас всех троих.

Через несколько дней будем в Нью-Йорке».

Глава XXVII
НОВЫЙ СВЕТ

8 декабря 1945 года. «Дорогая Марина. Вот мы и приехали. К сожалению, наше судно подошло к причалу так рано, что в темноте еще невозможно было разглядеть ни статуи Свободы, ни небоскребов!

Нас встречали офицеры эмигрантской службы, благодаря им мы сошли на берег быстро и без всяких затруднений. На набережной, как рой мух, на нас набросилась толпа журналистов. Один из них даже пощупал пальто Твоего отца, чтобы понять, из какой ткани оно сшито! На их вопросы мы отвечали жестами, чтобы дать им понять, что не знаем английского. Сопровождающие нас офицеры говорили за нас. В конце концов они заставили нас пройти через запасную дверь, где ждала машина. Нам почти не удалось посмотреть город, так как Августинович живет на окраине. Движение на улицах мне показалось ужасным, но водители столь дисциплинированы, что и ребенок без труда может пересечь любую улицу.

Я ужасно устала, но твой отец, казалось, чувствовал себя прекрасно. На пароходе он прекрасно ел и прекрасно спал. Наши соотечественники заполнили дом еще вчера, с момента нашего приезда. Последние посетители ушли в полночь, а сегодня все началось сначала.

Нам сказали, что здесь есть известный врач, лечивший Рузвельта, по происхождению русский. Предложили свозить к нему в ближайшую среду. Я согласилась.

Мне трудно ориентироваться в деньгах, но здешние цены кажутся мне низкими. Один ананас — хороший нечищеный ананас — стоит 50 центов (25 французских франков), а три красивых грейпфрута — 20 центов. Здесь нет ни литров, ни метров, ни килограммов. Двери и окна закрываются не так, как во Франции. Нужно всему переучиваться, а это не так легко в наши годы.

В комнатах так тепло, что мы ходим без шерстяной одежды. Все надо мной смеются, что я, выходя из комнаты, тушу свет. Мне говорят, что не к чему экономить электричество, поскольку оно ничего не стоит благодаря Ниагарскому водопаду.

Обязательно спроси Латкина, должны ли мы ему отдать деньги, которые у него заняли во франках и долларах? Как себя чувствует наш старенький Вася?»

10 декабря 1945 года.

«Дорогой Петр Михайлович (Латкин).

Вот мы и в самом большом городе мира. Он произвел на нас невообразимое, грандиозное впечатление, для нас это поистине новый свет! Мосты высотой в три этажа и длиной в три километра, самые маленькие туннели — три-четыре километра. Небоскребы окружены большими садами. Кругом благоденствие и комфорт.

В аптеках продаются сандвичи, книжки для детей и погребальные венки, там же можно выпить кофе. У сапожников можно видеть сидящих без обуви клиентов, читающих журналы в ожидании ремонта их ботинок. В химчистке вам предлагают раздеться в отдельной кабине и через некоторое время приносят вычищенные костюм или платье.

Мы свели знакомство со многими соотечественниками и встретили старых друзей. А.И. встретился с двумя офицерами, которые в 1916 году служили в его Железной дивизии. Как вы меня и просили, я послала вырезки из журналов, касающиеся приезда А.И. Одна — из самой толстой газеты «Таймс». Я не знаю, сколько в ней страниц, но весит она добрые полфунта. Вы увидите, что эта статья менее фантастична, чем другие. Но нужно признать, что все они довольно благожелательны.

Здесь не нужно делать обязательных визитов в комиссариаты и префектуры, не нужно обновлять удостоверение личности, здесь не существует продовольственных карточек. Никто и не думает обращаться с вами как с грязными иностранцами, но здесь… все такое другое! Колонию русских не связывают внутренние связи, каждый живет сам по себе. Я вспоминаю о Вас и обо всех наших парижских друзьях. Как Вы, наверное, страдаете от холода. Передаю перо А.И.

Нью-Йорк нас встретил весьма приветливо. Многих людей уже видел. Успел и Богу помолиться — в воскресенье, в день святого Георгия, причем настоятель храма особенно подчеркнуто поприветствовал меня, старейшего георгиевского кавалера… Осматриваемся, ориентируемся, изучаем быт, решительно непохожий на «французский».

После морского переезда жену до сих пор немножко «укачивает». Я же чувствую себя удовлетворительно. С завтрашнего дня оба начинаем лечиться по американской системе. Посмотрим, что из этого выйдет. Наш адрес: Mr Dinikin 109-15 Queens Blvd. Forest Hill. New York».

18 декабря 1945 года.

«Дорогая Марина.

Вчера послала тебе посылку: теплый халат и нейлоновые чулки (они кажутся очень прочными) для тебя, теплые тапочки

для тебя и для Мишуни. Для него игрушки и конфеты. Подари их ему от нас на день рождения и пожелай ему от дедушки и бабушки расти здоровым и умным.

Если ты в чем-либо нуждаешься, пиши. Все, что будет в наших силах, я попытаюсь тебе послать. Твой отец все время говорит о необходимости «обеспечить материальную базу»… Я надеюсь, что нам это удастся».

Начало «материальной базы» было положено 5 февраля 1946 года, когда семьсот слушателей заплатили по доллару, чтобы послушать выступление Деникина на второй конференции в Манхэттенском центре. Первая имела благотворительные цели и была проведена в пользу русских инвалидов во Франции. К июлю месяцу должен быть подписан контракт (с авансом) между генералом и издательским домом У. Р. Даттон и Ко, который взялся опубликовать «Мою жизнь» в американской версии, сделал заказ на начатую Деникиным рукопись, которую он собирался назвать «Вторая мировая война. Россия и эмиграция».

Контракт запаздывал, поскольку после радушного приема в Нью-Йорке ситуация временно ухудшилась.

О приезде Деникина в Соединенные Штаты сообщила 5 декабря 1945 года самая значительная ежедневная газета на русском языке «Новое русское слово». В этот день в ней появилось короткое сообщение: «Мы узнали, что генерал Деникин покинул Францию и направляется в Соединенные Штаты с эмигрантской визой. Его приезд в Нью-Йорк ожидается послезавтра».

Эта новость произвела сенсацию в среде русских эмигрантов и вызвала интерес у американских журналистов. Деникин отказывался давать интервью и согласился принять лишь корреспондента «Нового русского слова» Андрея Седых, которого он встречал до войны. Интервью появилось в газете 9 декабря: «А.И. Деникин за прошедшие пять лет почти не изменился. Прежними остались прямой и твердый взгляд его стальных глаз, способность подбирать точные выражения для своих мыслей. Не изменилась и его политическая позиция. Бывший главнокомандующий ВСЮР остался все тем же русским патриотом, антибольшевиком, каким мы его знали раньше. «Вместе с русским народом, против советского режима»!»

Далее следовали вполне предвиденные ответы на следующие вопросы: «Почему вы уехали из Франции?», «Как вы пережили немецкую оккупацию?», «Что вы думаете о сегодняшней ситуации во Франции и во всем мире?»

Публикация этого интервью, перепечатанного и в американских газетах, спровоцировала, как ни удивительно, враждебную реакцию как левых, так и… правых. Коммунисты и

американские евреи набросились на «вдохновителя погромов», прибывшего теперь в Соединенные Штаты, чтобы очернить наших советских союзников, собрать реакционные силы и подготовить третью мировую войну. Эмигранты правого толка обвиняли Деникина в том, что он выбрал для выражения своей позиции «журнал, директором которого является еврей Вайнбаум, владелец типографии — еврей Шимкин, а интервьюером — еврей Седых». Коммунистическая пресса и пресса американских евреев призвали своих читателей и сторонников к проведению манифестации с требованием к правительству о немедленной высылке генерала Деникина. Одна из этих демонстраций (впрочем, последняя) состоялась 5 февраля при входе в Манхэттенский центр. Около 30 человек размахивали плакатами с угрожающими лозунгами, но не входили в зал, где проходила конференция.

Обвинения в газетах публиковались несколько недель. Деникин отправил письмо своему старому другу Лельявскому, живущему теперь в Ницце: «Времена действительно смутные и подлые. И на себе лично испытываю их давление. Коммунистические, просоветские и еврейские организации стараются всеми силами помешать моей работе, подняв кампанию против меня в прессе, путем митингов и протестов, обращенных к правительству. К тому же начавшаяся с весны прошлого года болезнь (расширение аорты) не прекращается. Тем не менее продолжаю бороться и не теряю надежды. И Вы не падайте духом».

«Я сражаюсь на нескольких фронтах»… Поставив цель объединить всю белую эмиграцию под лозунгом «С русским народом, против советского режима», Деникин не забывал и своих мимизантских «подшефных», пытаясь объяснить мотивы, заставившие их надеть немецкую форму, доказать невинность этих людей, сдача которых советскому командованию однозначно обрекала их на смерть. Он написал статью о «власовцах», которую перевели на английский язык и которую он предложил нескольким американским газетам. Ее нигде не взяли. 31 января 1946 года Деникин обратился непосредственно к генералу Эйзенхауэру.

«Ваше превосходительство, я читал в газете «Тайме» о тех ужасах, которые происходят в лагере Дахау, который находится в настоящее время в ведении американской администрации и где заключены русские военнопленные — власовцы. Они предпочитают смерть выдаче советским властям. Я читал о том, как они вонзали себе напильники в грудь и медленно умирали в страшных мучениях, как поджигали свои бараки и в огне срывали

с себя одежду для того, чтобы сгореть быстрее. Смерть они предпочитали пыткам в казематах ГПУ.

Могу себе представить, что испытывали американские офицеры, оказавшиеся вынужденными свидетелями и соучастниками этих ужасов. […] Мне хочется верить, что Вы не знаете подлинной истории этих людей, я могу попытаться изложить Вам ее.

Я знаю, Ваше превосходительство, о существовании некоторых положений Ялтинского соглашения, но знаю также, что человеческая свобода (хотя она часто попирается) и права политического убежища остаются демократическими традициями.

Кроме того, существует кодекс военной этики, осуждающий насилие по отношения к поверженному врагу. И, наконец, милосердие и справедливость предписывает нам также и христианская мораль.

Я обращаюсь к Вам, Ваше превосходительство, как солдат к солдату, и надеюсь быть услышанным».

Начальник штаба Эйзенхауэра генерал Томас Гарди в своем вежливом ответе подчеркнуто ссылался на ялтинские соглашения и давал понять о нецелесообразности дальнейшего ходатайства. Мало-помалу Деникин осознал, что ненависть американцев ко всем, кто носил немецкую форму, была еще очень свежа, как и их наивная вера в возможность длительного сотрудничества с советскими союзниками, которых лучше было не гладить против шерсти.

Стараясь спасти своих подопечных, генерал считал также важным поделиться с английским и американским правительствами своими опасениями. Для сохранения России и свободы всех стран, пока еще не находящихся под коммунистическим гнетом, он считал необходимым противиться зловещему расширению зон советского влияния. Он составил меморандум, обращенный к английскому и американскому правительствам. Но если министр иностранных дел Эрнест Бевин принял генерала, то его американский коллега не дал себе труда сделать это.

Конференции, статьи, меморандумы не мешали моему отцу работать в то же время над двумя книгами: «Моя жизнь» и «Вторая мировая война». В Нью-Йорке он проводил целые дни в поисках новых материалов, делал записи в Общественной библиотеке штата Коннектикут, куда друзья пригласили его летом 1946 года. Он исписывал горы бумаги, печатал на машинке. 11 сентября он писал мне: «Я продолжаю писать и работать, как раньше, и даже больше, чем раньше. К сожалению,

наш летний отдых был несколько испорчен капризами моей проклятой аорты».

А мать к этому добавляет: «Скоро мы возвращаемся в Нью-Йорк или, скорее, в его пригород, где мы наконец нашли маленькую квартиру в доме, окруженном деревьями и зеленью, почти на берегу моря. Наш новый адрес: 160-16 авеню, Уайтстоун, Нью-Йорк.

Здоровье не улучшается, хотя мы провели это лето в исключительных условиях. Я убедила твоего отца проконсультироваться у немецкого специалиста сразу, как только мы вернемся в Нью-Йорк».

Русский врач, лечивший Рузвельта, несколько разочаровал моих родителей. Он поставил диагноз: коронарная закупорка, но не прописал ничего, кроме нитроглицерина в случае приступа. Накануне осмотра у немецкого специалиста мать, собираясь быть переводчицей, проверила и уточнила перевод некоторых слов: позвоночник — Ruckgrat, усилие — Anstengung, причина — Ursache. Отец сделал для памяти краткие записи в книжке:

«Операция простаты в 1942 году.

Ревматизм позвоночника.

Застарелая грыжа.

Хронический бронхит с 60 лет.

В настоящее время:

внезапные боли в груди несколько раз в день во время физических усилий (длительной ходьбы, подъем по лестнице), при сильном ветре, иногда без всяких причин.

Отдышка, особенно ночью.

Тяжесть во всем теле.

Общая слабость».

Доктор-немец слушает, простукивает больного, прописывает ему капли и пилюли, настаивает на режиме похудания.

30 января Ксения Деникина пишет капитану Латкину: «После нескольких дней улучшения А.И. опять страдает от сердечных припадков. А живем в тепле и комфорте — удивительная страна, все здесь есть, ни сезоны, ни неурожаи не имеют значения…»

А.И. прибавляет несколько строк: «Благодарю за поздравления и желаю всякого благополучия, у нас — без перемен. Похварываю. Много работаю. Труд рассчитан на два года…»

На Пасху отец поздравил меня и просил прислать некоторые документы, оставленные на бульваре Массена. Его обычный оптимизм на этот раз изменил ему: «Воистину Воскресе!

Поздравляю со Светлым Христовым Воскресением, хотя и прошедшим, и желаю всем вам возможного благополучия. Не

знаю, придется ли еще увидеть своего внука, но если он не будет говорить по-русски, для меня это будет большим огорчением. Где проведем лето, пока что не знаем».

В июне 1947 года мои родители направились к канадской границе. Друзья Бибиковы пригласили их провести лето на своей ферме, расположенной на берегу озера Мичиган.

Глава XXVIII
ДВЕ КОШКИ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

Может показаться странным, что последнюю главу этой книги я посвящаю кошкам. Но для меня история о них тесно связана со смертью отца.

Генерал не любил кошек. Однажды, когда я еще была маленькой (мы жили в Брюсселе), я заметила, как он ущипнул кошку, пытающуюся забраться к нему на колени. Я возмутилась. Мой отец попытался оправдаться:

— Я люблю всех животных: лошадей, собак и даже кур и гусей, но я не выношу этих мурлыкающих притворщиков, этих когтистых лицемеров…

Через два года в Капбретоне соседка подарила мне маленького котенка. Я плакала весь день, добиваясь позволения оставить кошку у себя. Мы назвали ее Бим-Бом. После каникул мы вернулись в Ванв. Кабинет отца стал любимым местом Бим-Бома. Она часами лежала на его бумагах, стала их частью. Напротив стола, на камине восседал фарфоровый медведь, с которого отец сам вытирал пыль, боясь, как бы его не разбили. Бим-Бом не оценила этих предосторожностей. Однажды, когда отец работал, она вскочила на камин. Отец работал. Он поднял глаза от бумаг и погрозил кошке пальцем.

— Осторожнее, там медведь!

Продолжая смотреть на хозяина своими голубыми глазами, Бим-Бом решительно ударила лапой своего соперника, он упал на пол и разбился. Я ожидала, что отец выйдет из себя, но ничуть не бывало. Он послал меня за веником, шепча про себя: «Не ожидал, что она так ревнива».

Мы отдыхали в каникулы в деревне провинции Дофине, когда Бим-Бом съела отравленную мышь. Здесь трудно было найти ветеринара, к тому же они лечили только коров, лошадей, коз и — в исключительных случаях — собак. Кошка умирала в своей корзине, поставленной рядом с кухней. Мой отец ушел за пистолетом. Отсылая нас из кухни, он прибавил:

— Я не могу видеть, как страдает это животное. Я должен с этим покончить.

В течение часа мы ждали выстрела. Дверь кухни открылась, появился отец с пистолетом в руке.

— Все кончено. Она мертва. Я не смог выстрелить. Ее голубые глаза все время смотрели на меня.

Отец больше не хотел и слышать о кошках. Через год в

Ментононе я спасла от утопления одного котенка тигровой масти. Отца не было дома. Мама и я спрятали завернутого в тряпку новорожденного в нижнем ящике буфета. На следующее утро отец обнаружил его и сильно разгневался. Мама бросила ему вызов:

— Прекрасно, тогда покончи с этим маленьким существом без промедления.

Мы кормили котенка с помощью соски и назвали его Вася. Едва открыв глаза, он сразу стал отдавать предпочтение отцу и спал на его бумагах или на его кровати. Он попал в расставленные для лисиц силки, выжил, переезжал со своими хозяевами в Севр, Валлуар, Ашер, Париж, Монтей-ле-Виконт, Мимизан. Кормила его моя мать, но любил он отца. У него уже не было ни когтей, ни зубов (суровые годы, проведенные в Мимизане, можно было считать один за два), когда мои родители уехали в США. Время шло. Вася уже не мог взобраться на стул, спал в корзинке, ел пюре из мяса и рыбы. Время от времени он смотрел на входную дверь и ждал возвращения своего хозяина.

7 августа 1947 года (сын гостил у моих бретонских друзей) я ушла на работу, как обычно. Стояла летняя жара, и я оставила окно открытым. Подоконник был так высок, что Вася не мог на него запрыгнуть. Вечером я не обнаружила кота. Никто не приходил в мое отсутствие. Для него был один лишь путь — окно. Я спустилась вниз, опросила трех консьержек, никто ничего не мог сказать. Без всякой надежды я спустилась в подвал и стала звать Васю, но тщетно. На следующий день после полудня (в этот день я была выходная) я услышала звонок в дверь. Капитан Латкин, слишком взволнованный, чтобы говорить, со слезами на глазах протянул мне телеграмму:

«Оповести Марину, что отец умер. Ксения Деникина».

Моя первая реакция должна была удивить Латкина:

— Вася уже знал, что его хозяин умер! Вчера он… исчез!

Труп Васи так и не был найден.

Через две недели я получила мамино письмо.

«Маришка, ужасно трудно мне взяться за перо и написать тебе все это. Каждый раз собираюсь и каждый раз откладываю. Я все еще живу, как в какой-то ненастоящей жизни, хожу, говорю, читаю и все — ощущение какого-то страшного сна. Первое время мне давали так много наркотиков, что я и в самом деле жила в полусознании. Нет сил признаться самой себе — его нет, я — одна, кончена жизнь.

Хочу рассказать тебе все по порядку. В больницу мы его перевезли потому, что он стал кашлять и опухли ноги. Я его лечила от бронхита. Наш милый хозяин Бибиков предложил

положить папу на 10 дней в клинику университета Ан Арбор (Мичиган), который известен своими лучшими специалистами по сердечным болезням, и сделать так называемый cheek-up, то есть полную проверку всего организма. Он не хотел слушать возражения папы, что у нас нет денег, и мы с ним вдвоем уломали папу и отвезли его в больницу. И меня они взяли к себе в свой дом, который им принадлежит и где я сейчас живу. Отсюда было близко до больницы, всего 20 минут, и каждое утро они меня туда отвозили и вечером за мной приезжали. У профессора по сердечным болезням оказался ассистент — русский (еврей), очень симпатичный, тотчас же папе помог все объяснить. Исследовали его так, что папа говорил: «Каждую клетку моего организма рассмотрели». Оказалось, что у него из-за плохой работы сердца много воды в организме и отек обоих легких, отчего он и кашлял. Ему стали выгонять воду, и в 6 дней он похудел на 14 фунтов, перестал кашлять, пропала опухоль ног и ни одного припадка. Чувствовал себя очень хорошо, он говорил, как десять лет себя не чувствовал. Кормили его гораздо больше, чем я ему давала последнее время, так как доктора в Нью-Йорке говорили, что он должен похудеть. Он стал уже работать, я привезла ему его бумаги, а через несколько дней мы должны были вернуться «домой», т. е. на прелестную ферму Бибиковых, где нам так нравилось, было так тихо, красиво и удобно и где мы так надеялись хорошо отдохнуть за лето…

5 августа утром, во вторник, позвонили из больницы, что у него случился сердечный припадок и чтоб я приехала. У меня оборвалось сердце, но я все же не думала, что это конец… Мы поехали. Мне казалось, что я своим напряжением толкаю автомобиль. Вот больница, огромный небоскреб среди лугов и лесов, сюда больные приезжают из Нью-Йорка и Вашингтона. И почему-то в этот момент, когда я увидела здание, я почувствовала, что смерть близко… Папа лежал в кислородной палатке, верхнюю часть его тела вместе с кроватью заключили в прозрачную оболочку, кругом стояли машины, накачивающие в нее кислород и прохладу. Накануне началась такая жара, что побила все рекорды за много лет. Доктор предупредил меня в коридоре, что лопнул сосуд в сердце, положение серьезное, но надежда не потеряна, что рассосется и зарубцуется, так как организм очень здоровый. В этот момент ему было лучше, он стал мне рассказывать, как это случилось. Он, оказывается, брил себе голову, а бритва была плохая, и он очень долго брился, подняв руки кверху. Это и оказалось фатально, мне потом доктор сказал. Но никому не пришло в голову, что ему вредно поднимать руки. Никто из докторов даже мне этого не сказал, я бы уж за этим

усмотрела… Но, конечно, это был повод. Причина — сердце было в гораздо худшем состоянии, чем нью-йоркские доктора определяли… Если бы вовремя поставили правильный диагноз, я бы его уберегла… Эти постоянные поездки в публичную библиотеку в метро и их ужасные лестницы…

Папа совсем не отдавал себе еще отчета, что было плохо, говорил мне: «Вот был бы анекдот, если бы я упал, не добрив головы». Но доктор не велел разговаривать — полный абсолютный покой. Под его палаткой было на 20 градусов ниже, чем снаружи. Совершенно дикая тропическая жара. Очень скоро положение стало ухудшаться. Он задыхался, ему стали впрыскивать морфий. Делали переливание крови и всякие вещи, которые мучили его. Но медицина должна была сделать все, что может. Эти ужасные три дня… Русского доктора не было в госпитале, американцы меня не понимали, сестры тоже. Я не умела телефонировать, конечно, теперь я знаю, что ничем нельзя было помочь. Но тогда тысяча мелочей мне казались необходимыми, важными, возникала тысяча вопросов. Я даже не знала, что с ним делают, когда меня выдворяли в коридор. Я металась, беспомощная, пугая людей своим отчаяньем, забыв и то немногое, что знала по-английски. А он задыхался, он погибал. Я просовывала свои руки под его палатку и держала его руку, его голову в холодном поту. 6-го в среду, перед вечером, когда пришел русский доктор и пытался говорить слова утешения — «надо перетерпеть эти неприятные дни, уже ваш пульс и давление лучше», он вдруг очень внятно и громко сказал: «Не надо, доктор, я старый солдат». Потом стал держать правую руку вверх. Я просунула свою и хотела опустить его руку, он снова поднимал ее и смотрел мне в глаза. Я поняла. Он благословлял меня. Потом очень явственно и совсем нормальным голосом сказал: «благословляю маму» — он хотел сказать «Марину» или «Машу», но выговорил — «маму». «Благословляю Машу и Мишу, оставляю им честное имя и тебя». Потом тише сказал: «Жаль, что не доживу до спасения России». Потом он почти не разговаривал. Говорил «больно» и показывал на грудь. Ему делали какие-то уколы, он тихо стонал и все задыхался. 7-го в четверг он уже был в полусознании. Но на мой голос открывал глаза и чуть слышно говорил «ближе».

Он уже плохо меня видел. Я подлезла под его палатку, он целовал мои руки, я держала его голову. Часов около двух он уже перестал открывать глаза, только судорожно дышал. Когда пришла Маруся, жена Трилевского, в 8 часов он уже был совсем тихий. Я держала его руки, они были совсем теплые, когда она тронула меня за плечо и сказала: все кончено. Было 10 часов

вечера. А теперь я все во власти ужасного чувства, что можно было его уберечь. Пусть на два года, на год еще… Дирекция госпиталя, считая, что он — историческое лицо и что на них ответственность, постановила сделать вскрытие. На его бедном сердце нашли шесть рубцов, то есть шесть зарубцевавшихся сосудов, которые также лопнули и сами зарубцевались. А мы и не знали. И лучший нью-йоркский специалист, к которому его повезли по моему настоянию, тоже не сказал, что было так серьезно, что его надо так страшно беречь. Правда, не я с ним ездила к этому профессору, все мое несчастное незнание языка.

Про похороны тебе писал Трилевский. Тут не так много русских, но все же нашлось достаточно и бывших офицеров. И церковь русская, и священники, и епископ. Два священника приехали из Канады. Американцы прислали отряд солдат, откуда-то издалека, так как здесь нигде нет воинских частей. Были отданы воинские почести. Почетный караул у гроба несли бывшие русские офицеры. Штат отрядил почетный караул из полицейских мотоциклистов».

Ксения Деникина пережила своего мужа на двадцать шесть лет. Она стала гражданкой Соединенных Штатов и работала в течение двадцати одного года в департаменте славянских архивов в Колумбийском университете (Нью-Йорк), потом вернулась во Францию, где и умерла 2 марта 1973 года. Она похоронена на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Останки моего отца, сначала похороненного на кладбище Ивергрин в Детройте (Мичиган), были затем перенесены на русское кладбище Святого Владимира в Джексоне (Нью-Джерси). На надгробной плите между двумя православными крестами было написано на русском и английском языках:

Генерал А.И. Деникин
4 декабря 1872
7 августа 1947.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ А.И. ДЕНИКИНА [7]

То, что было сказано на нашем собрании, очертило уже ярко образ Антона Ивановича — человека исключительного личного благородства и гражданской чести. Нам, современникам, не дана полная возможность исторической оценки дела спасения России, которому в трудный момент жизни нашего государства бескорыстно и жертвенно служил вождь Добровольческой армии. Независимо от оценки итогов белого движения история должна будет низко и благоговейно склониться перед памятью соратников генерала А.И. Деникина — тех, кого называли первопоходниками, ибо такие порывы в период общественной смуты поистине спасают честь страны и народа.

Всегда с некоторым сожалением лично я воспринимаю тот факт, что этот подвиг в сознание будущих поколений войдет под названием «Белого движения». Не соответствует такая терминология действительности, т. е. задачам, поставленным себе зачинателями и вдохновителями массовой активной борьбы с большевицким насилием. В мировом прошлом белый цвет искони являлся как бы символом пореволюционной политической реакции и социальной реставрации, т. е. защиты неких классовых интересов. Нет, не во имя возврата сословных или иных привилегий со своим призывом обращались вожди Добровольческой армии к русскому народу; не во имя реституции призраков прошлого будили они общественное сознание; не по своекорыстным соображениям собирались под знамена Алексеева, Корнилова и Деникина молодые энтузиасты — они шли умирать, спасая страну, они жертвовали своей жизнью за попранные права человека, за честь и достоинство русского народа. К сожалению, сам Антон Иванович неосторожным словом, назвав свою армию классовой, «сузил ее значение и дал оружие в руки противников». По истинному замыслу это была армия русской интеллигенции в широком смысле слова, а последняя никогда не защищала эгоистических интересов отдельных групп и искони служила общественной правде и справедливости. Белая армия — это название пришло из вражеского стана и родилось на почве демагогической пропаганды неизбежного якобы появления торжествующего усмирителя разбушевавшейся народной стихии, мстителя в лице традиционного генерала на белом коне.

Суть, однако, не в запоздалых сожалениях о неудачной

исторической терминологии, а в определении подлинных лозунгов борьбы, как они рисовались тем, кто ее провозгласил.

Сам А.И. много раз определял ее содержание так: свержение советской власти и защита России. Неправильно объяснять название «Белое движение» и тем, что программа его представляла собой как бы чистый лист, на котором могла быть начертана любая схема построения будущей России. Именно это — утверждают многие — было причиной его неудачи: русский народ его не поддержал.

Неверно, что русский народ не поддержал белого движения. Так склонен был думать в историческом уже аспекте сам Деникин. Я не могу вступать на траурном собрании в спор с А.И. при горьком сознании, что он ушел из жизни навсегда. С этой легендой надо твердо и навсегда покончить — это отзвук психологического восприятия современников, объективно — это историческая неправда. Если русский народ не поддержал белого движения, то еще более изолировано было дело так называемых красных.

Историческая жизнь идет извилистым путем и далеко не всегда осуществляют идейные предначертания. Много темных пятен появилось на чистом фоне идейного служения родине. Не кто иной, как сам вождь нашел резкие, осуждающие слова для тех явлений корысти и мести, которые извращали святое дело спасения страны. И тем не менее в истории они не могут затемнить тех идеалистических начал, которые легли в основу славного добровольчества.

Мне скажут, что я должен тогда признать высокие побуждения, которыми руководились и те, кто стремился перестроить мир на новых началах социальной справедливости. Но в большевизме идея органически была связана с насилием над человеком и с полным презрением к его личности. Она неизбежно должна была привести к цинически оголенной диктатуре. Поэтому так лживо в своей основе сопоставление красного и белого террора применительно к гражданской войне в России — сопоставление разнузданных эксцессов и актов взбудораженной мести с кровавой теоретической проповедью насилия. Когда из уст Деникина или Колчака вышло слово насилия? Мы знаем, как морально мучился бурно-пламенный верховный правитель от того, что делалось крутом. Страдал и благородный Деникин. Ленин и его присные не страдали — они гордились идейным палачеством и воспевали его.

Недостойны, однако, звания человека и гражданина те, кто рабски подчиняется насильственным экспериментам в лучшем случае фанатиков. Гиблой бы страной была Россия, если бы

большевицкое насилие не вызвало борьбы, в какие бы даже уродливые формы она подчас ни выливалась. Эта борьба и будет положена в будущем на исторические весы. История далеко не всегда лавровые венки возлагает на победителей. Она, скорее, возводит в герои неудачных борцов, погибших за правду.

В.А. Оболенский сказал, что А.И. был слишком чистым человеком с сознанием большой моральной ответственности перед своей собственной совестью. Он не подходил для того, чтобы действовать в годы, когда разгораются в отравленной атмосфере гражданской войны дурные страсти. Прямолинейный вождь по натуре своей не мог быть безответственным демагогом и эластичным дипломатом, идущим на компромиссы и легко отступающим перед требованиями жизни. Быть может, в этом замечании кроется глубокая правда. Эта прямолинейная честность приводила к некоторым роковым ошибкам. Я склонен до некоторой степени присоединиться к тем, кто считает, что правитель Юга России, как и адмирал Колчак, не сумел проявить достаточной гибкости в разрешении вызванных революцией национальных вопросов, которые крайне осложнили достижение целей Добровольческой армии. Бескомпромиссно поставленный лозунг единой, неделимой России отбрасывал в лагерь противников возможных попутчиков в деле восстановления национальной России. Но белое движение имело все шансы быть вынесенным на гребень победы. И еще вопрос — собрало ли бы оно силы, если бы шло под другим лозунгом. Лозунг — Единой, Неделимой был противопоставлен разнузданной и примитивной проповеди сепаратизма и расчленения России. Оправдание Деникина в том, что идея федерации была еще в зачаточном состоянии; общественное сознание того времени далеко еще не освоило здоровой мысли областной федерации как начала прочного единства исторического организма, именуемого Россией.

Если допустить, что личные свойства А.И. делали его положение подчас трагическим в годы гражданской войны, то эти свойства перевоплощались в величайшее благо для русской общественности в дни нашего тяжелого эмигрантского бытия, когда от всех нас требовалось большое напряжение воли, дабы не пал дух. Непоколебимая твердость и моральный авторитет б. вождя добровольцев служили как бы залогом нашей непримиримости к насилию, воцарившемуся на родине. Никакого соглашательства — вот символ ген. Деникина. За все годы он остался в эмиграции неизменен, никакие политические сирены не могли его заставить поверить в эволюцию большевицкой власти. Советская власть должна быть свергнута при нашем участии

словом и делом — такова всегда была позиция ген. Деникина. Его эмигрантская программа оставалась формулой белого движения: свержение советской власти и защита России. Надо ли напоминать о тех острых спорах, которые были перед войной и в которых активно принимал участие А.И., борясь, по его выражению, с «сорными травами пораженчества и псевдооборончества». В предвидении событий споры принимали драматический характер — каково будет наше поведение во время войны? Деникин неизбежно отвечал: «Свержение советской власти и защита России». Это вызывало упрек в нереальности. Нельзя, де, защищать Россию, подрывая ее силы свержением власти: нельзя свергнуть советскую власть без участия внешней силы. Словом, или большевицкая петля, или чужеземное иго. «Я не приемлю ни петли, ни ига», — отвечал Деникин…

А. Ив. ошибся несколько в прогнозах, как ошиблись многие. Он считал невозможным, чтобы вооруженный русский народ во время войны не восстал против своих поработителей. А что если в случае войны народ русский отложит расчет с внутренними захватчиками и встанет единодушно против внешних? Только в этом случае мы были бы бессильны вести прямую борьбу против советской власти — отвечал Деникин. Это была та третья позиция, которую отвергал Милюков, странным образом пытаясь доказать, что те, кто в данный момент не был бы со Сталиным, неизбежно оказался бы в лагере Гитлера. Эту третью позицию разделял значительный сектор эмиграции. Авторитетный голос Деникина удержал многих от увлечения вступить на путь, исторически явно ошибочный, как показало то, что произошло.

Но переверну эту страницу прошлого… Итоги войны, патриотический угар породили другой мираж. У Деникина не было раздвоения, столь отчетливо сказавшегося на психике части эмиграционной элиты. Он остался на своих прежних позициях — непримиримого врага советской власти и защиты подлинно национальных интересов России. Он оставался с народом, но не был с властью. Он не поверил в эволюцию большевицкого двуликого Януса. В своем последнем обращении к единомышленникам он призывал не поддаваться гипнозу отождествления советской власти с народом российским и писал: «…недопустимо замалчивать зло, ею творимое, воздерживаться от осуждения и тем более оправдывать — из опасения якобы повредить России. Ничто так повредить России не может, как оправдание большевицкого режима и большевицкой агрессивности. Надо правду называть правдой, ложь — ложью и преступление — преступлением».

Тяжелая тогда пора наступила для нас — пора сомнений и

политического разложения эмиграции. Она еще не изжита совсем, но наваждение проходит, и поэтому не хочется о нем вспоминать. Лучше перевернем и эту страницу прошлого и заглянем в будущее.

Никогда еще так остро не вставала российская проблема, как в наши дни, и не потому только, что она соединена ныне с вопросом о существовании всего культурного мира. Война дала глубочайшую трещину в большевицком, по внешности монолитном, организме. Теперь железный занавес весь в ржавчине. Он не сможет сдержать напор струи свежего воздуха, который проникает в души угнетенных народов. Внутренние российские силы — это уже не сладкая мечта эмигрантов-утопистов. Между эмиграцией и родиной могут быть протянуты ощутимые нити, связывающие две половины России для единой цели — борьбы с продолжающимся большевицким насилием. Если мы, старые эмигранты — по крайней мере многие из нас, — дошли до «предельного возраста», то на смену нам пришло молодое поколение из России, поколение, испытавшее на себе весь ужас и гнет небывалого в мире государственного пресса. Оно ненавидит власть и пламенеет не ослабевшим еще от времени пылом активной борьбы. Это как бы новая смена первопоходников, тех идейных и жертвенных добровольцев, которые составляли основные ряды вставших под знамена ген. Алексеева, Корнилова и Деникина. Горестно сознавать, что в этот ответственный момент нашего исторического бытия, когда нужно найти и выковать формулу для единства мысли и действия, мы больше не услышим проникновенной речи Антона Ивановича Деникина. Но его заветы живы и послужат нам светильником, который проведет нас в предрассветные еще сумерки через все препятствия на скользкой тропе организации нашей дальнейшей, неослабевающей борьбы за возрождение России и счастье русского народа.

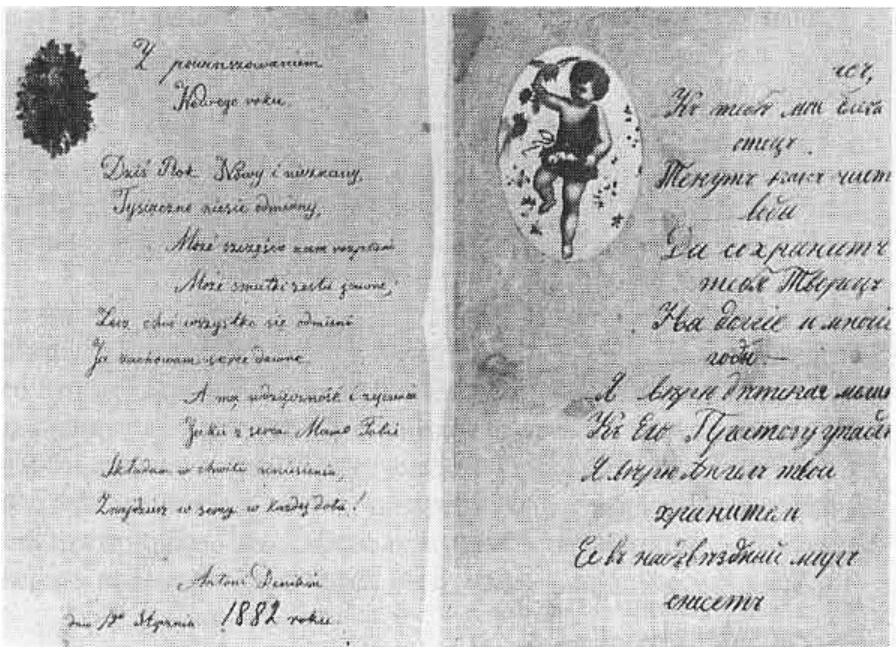
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Марин Антоновна Грей

Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России генерал-лейтенант А.И. Деникин, 1919 г.

Отставной майор Иван Ефимович Деникин — отец А.И. Деникина.

Елисавета Федоровна Деникина (Вржесинская) — мать А.И. Деникина.



Стихи Антона, посвященные 75-летию отца.

Поручик А.И. Деникин — третий слева в верхнем ряду среди офицеров 2-й артиллерийской бригады.

А.И. Деникин с сослуживцами(первый слева), 1904 г.

В кругу друзей с «незнакомкой», 29 октября 1904 г., с. Хандаохецзы.

Полковник А.И. Деникин, Варшавский военный округ.

Элизабет Чиж: первое увлечение А.И. Деникина… его будущая теща.

Ксения Чиж: А.И. Деникин присутствует и на ее крещении, и на ее свадьбе… женихом.

Полковник А.И. Деникин в позе Наполеона…

Императоры Николай II и Вильгельм: по-братски обменявшись военными мундирами, еще не знают, что скоро война.

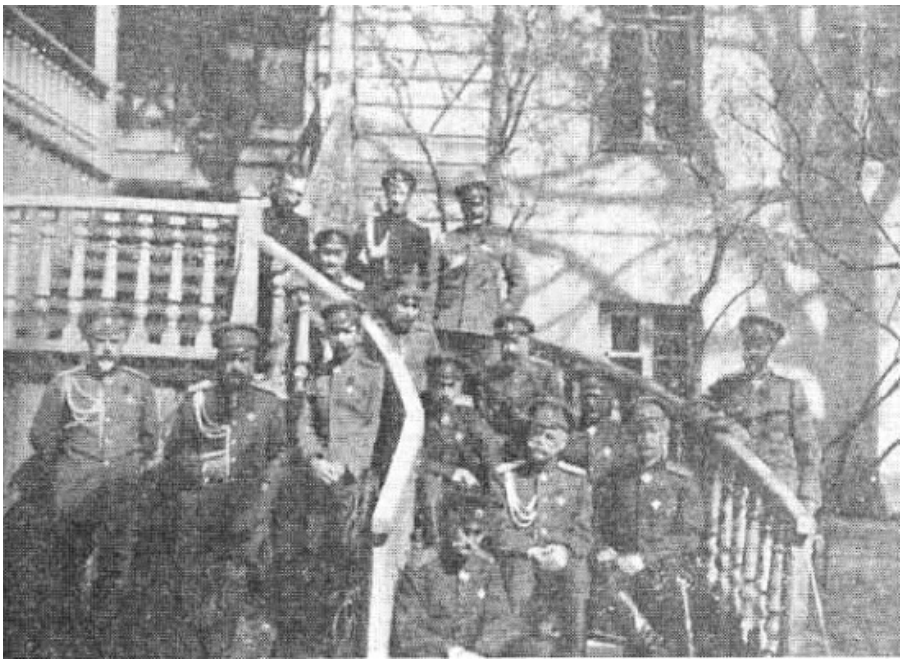
Полковник Генерального штаба А.И. Деникин.

Командир 4-й (Железной) дивизии А.И. Деникин со своим штабом, от него справа — начальник штаба полковник С.Л. Марков. Осек, 21 декабря 1914 г.

Командир Железной дивизии во время военных действий, март 1916 г.

Верховный главнокомандующий Русской армией Великий князь Николай Николаевич поздравляет поздравляет командира Железной дивизии с успехом. Галиция, 1915 г.

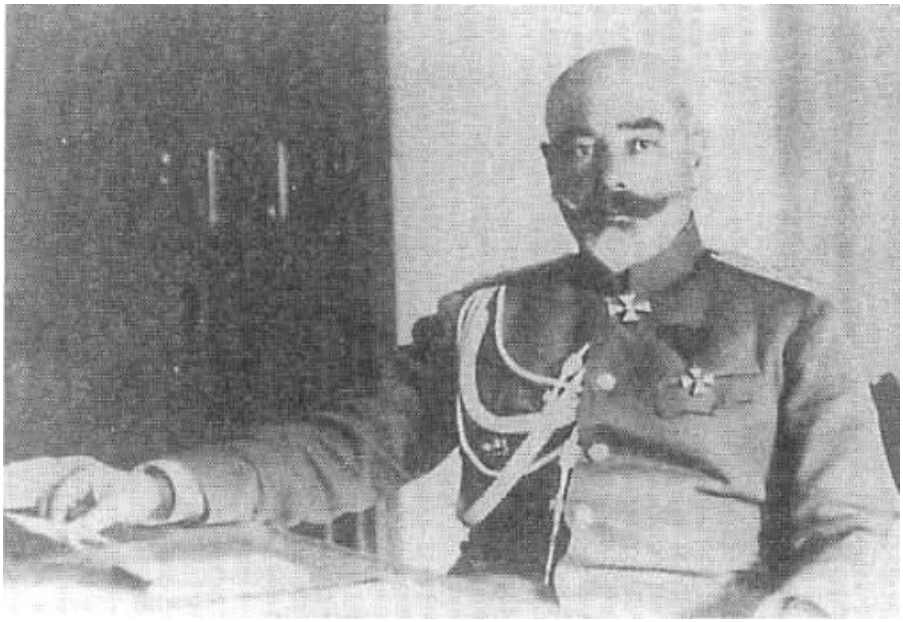
Церемониальный марш Георгиевских кавалеров. Деникин в первом ряду второй слева. Ровно, 26 ноября 1915 г.



Во время съезда главнокомандующих (весна 1917 г.). Генералы Деникин, Ханжин, Духонин, Драгомиров, Егорьев, Гурко, Алексеев, Щербачев, Брусилов.

Артобстрел закончен, можно передохнуть. В центре генерал Деникин — командующий 8-м армейским корпусом. Осень 1916 г.

Генерал М.В. Алексеев — начальник штаба Верховного главнокомандующего (август 1915 — март 1917 г.). Верховный главнокомандующий (март — май 1917 г.), организатор Добровольческой армии.



Генерал А.И. Деникин — помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего. Могилев, март 1917 г.

Генерал Л.Г. Корнилов — Верховный

главнокомандующий (июль — август 1917 г.)

Встреча генерала Л.Г. Корнилова, прибывшего в Москву на заседание Государственного совещания (август 1917 г.)

Участники корниловского мятежа в Быховской «тюрьме» (здание женской гимназии) у костела. Третий и четвертый слева — генералы Деникин и Корнилов. Быхов, ноябрь 1917 г.

Генерал Н.Н. Духонин — Верховный главнокомандующий (ноябрь 1917 г.)

А.И. Деникин и Ксения Васильевна Чиж накануне своего бракосочетания, Новочеркасск, декабрь 1917 г.

Генерал Л.Г. Корнилов — организатор Добровольческой армии и ее первый командующий, 1918 г.

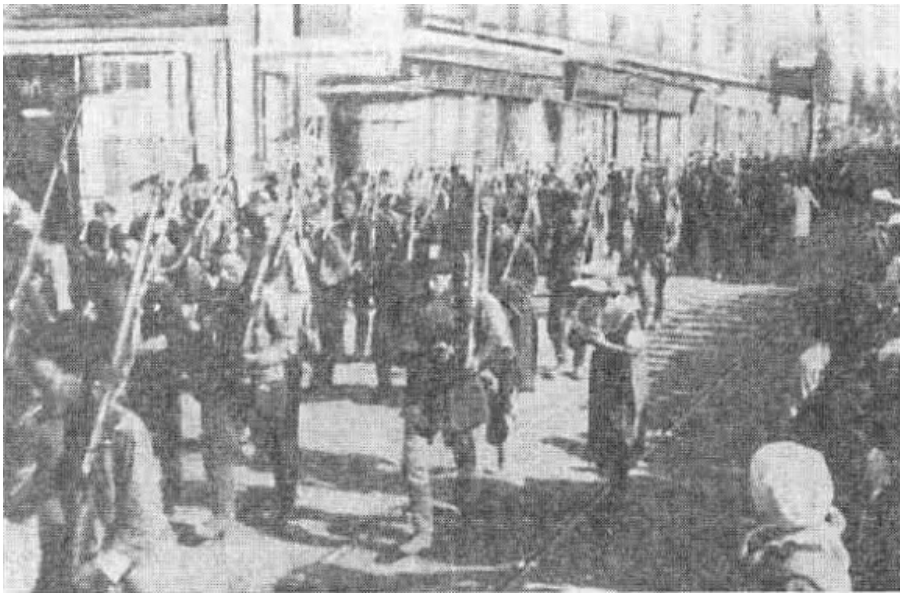
Генерал А.М. Каледин — атаман Войска Донского (июнь 1917 г. — январь 1918 г.)

Генерал А.И. Деникин — командующий Добровольческой армией. Конец 1918 г.

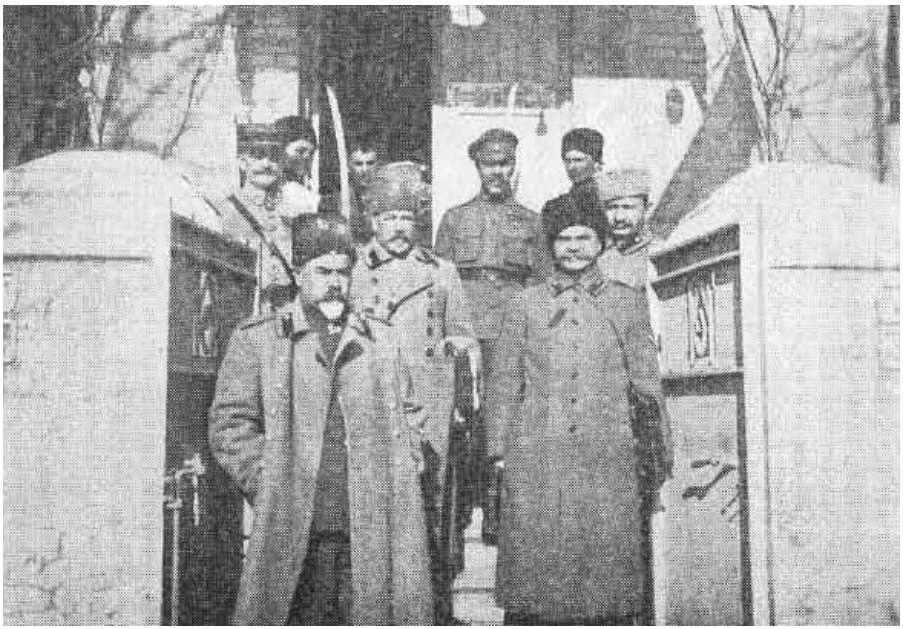
Генерал С.Л. Марков — командир 1-го офицерского полка Добровольческой армии. Во время 1-го Кубанского похода.

Генерал И.П. Романовский — начальник штаба Добровольческой армии.

Генерал А.С. Лукомский — заместитель председателя, затем председатель Особого совещания, председатель правительства при Главнокомандующем Вооруженными силами юга России генерале А. И. Деникине.



Вступление Добровольческой армии в Екатеринодар. 3 августа 1918 г.



Генералы А.И. Деникин, А.М. Драгомиров, А.С. Лукомский, И.П. Романовский, французский военный атташе капитан Фукс, адъютант Деникина ротмистр А.Г. Шапрон дю Ларре. Екатеринодар, ноябрь 1918 г.

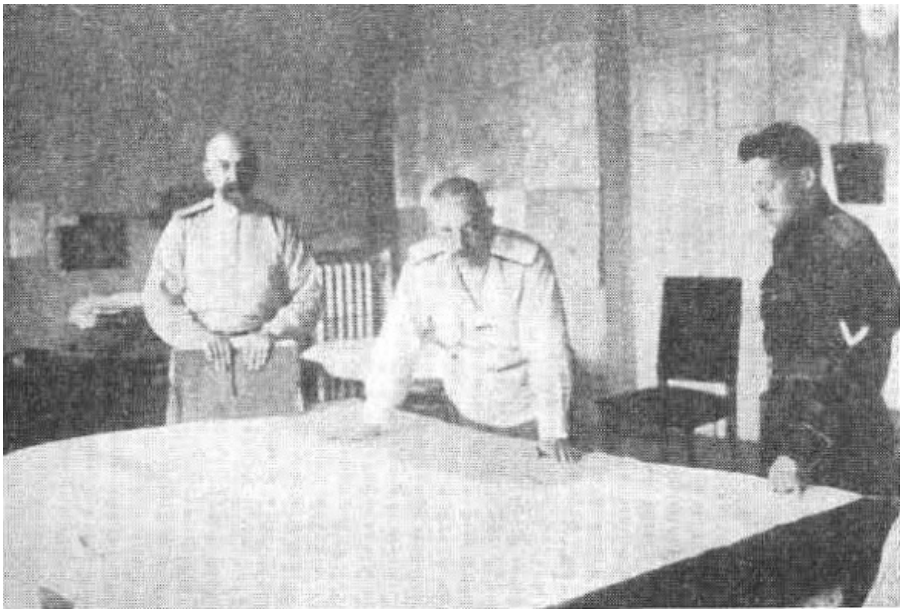
Генерал А.И. Деникин принимает парад Корниловского полка. Екатеринодар, декабрь 1918 г.

К.В. Деникина (Чиж) с дочкой Мариной. Кисловодск, 20 июля 1919 г.

Донской атаман генерал Н. Краснов. Новочеркасск, август 1918 г.

Гетман Украины генерал П.П. Скоропадский в германском штабе с генералами Гинденбургом и Людендорфом. Весна 1919 г.

В кабинете Главнокомандующего ВСЮР: (слева направо) генерал Романовский, генерал Деникин, К.Н. Соколов, стоят: Н.И. Астров, Н.В. Савин.



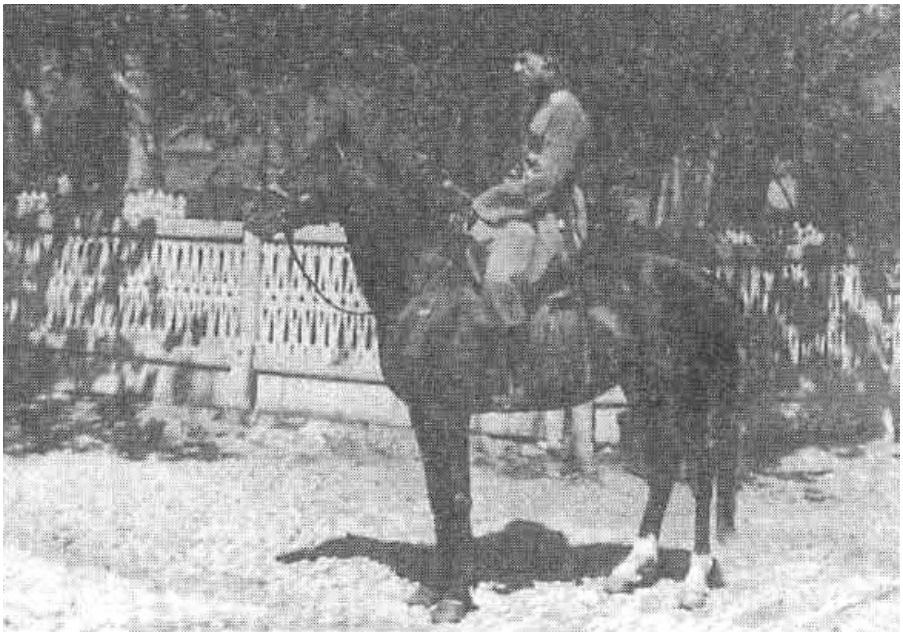
В кабинете начальника штаба ВСЮР (слева направо): генерал-квартирмейстер Ю.Н. Плющевский-Плющик, начальник штаба генерал Романовский, офицер для поручений полковник П.В. Колтышев. Таганрог, 1919 г.

Генерал А.М. Драгомиров — председатель Особого совещания при Главнокомандующим ВСЮР.

Генерал В.И. Сидорин — командующий Донской армией (1919–1920 г.)

Генерал К.К. Мамонтов — командир 4-го Донского корпуса, 1919 г.

Генерал А.А. Боровский — командующий Крымско-Азовской Добровольческой армией, 1919 г.



Генерал П.Н. Врангель — командующий Кавказской Добровольческой армией, 1919 г.

Генерал А.П. Кутепов — командующий 1-м армейским корпусом Добровольческой армии (1919–1920 г.)

Генерал В.Л. Покровский — командующий Кубанской армией (1918 г.), командир 1-го Кубанского казачьего корпуса ВСЮР (1919 г.)

Генерал А.Г. Шкуро — командующий 3-м Кубанским казачьим корпусом (1919 г.), затем Кубанской армией.

Генерал А.П. Богаевский — Донской атоман (с 19 февраля 1919 г. по 1934 г.)

Атаманы казачьих войск: Терской — генерал Г.А. Вдовенко, Донской — генерал А.П. Богаевский, Кубанский — генерал А.П. Филимонов, Астраханский — генерал В.П. Ляхов.

Чеченский съезд (сидят слева направо): генералы Алиев, Ляхов, Бриггс, Деникин, Романовский, Вдовенко. Февраль 1919 г.

Представитель английского командования — генерал Бриггс.

Представитель английского командования, сменивший Бриггса — генерал Пуль.

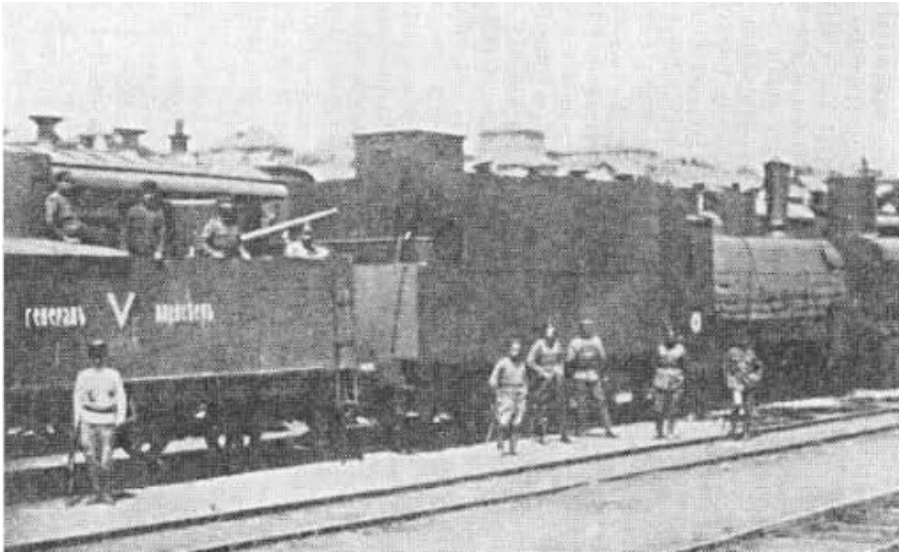
Представитель французского командования — генерал Бертело.

Представитель французского командования — генерал Франше д´Эспре.

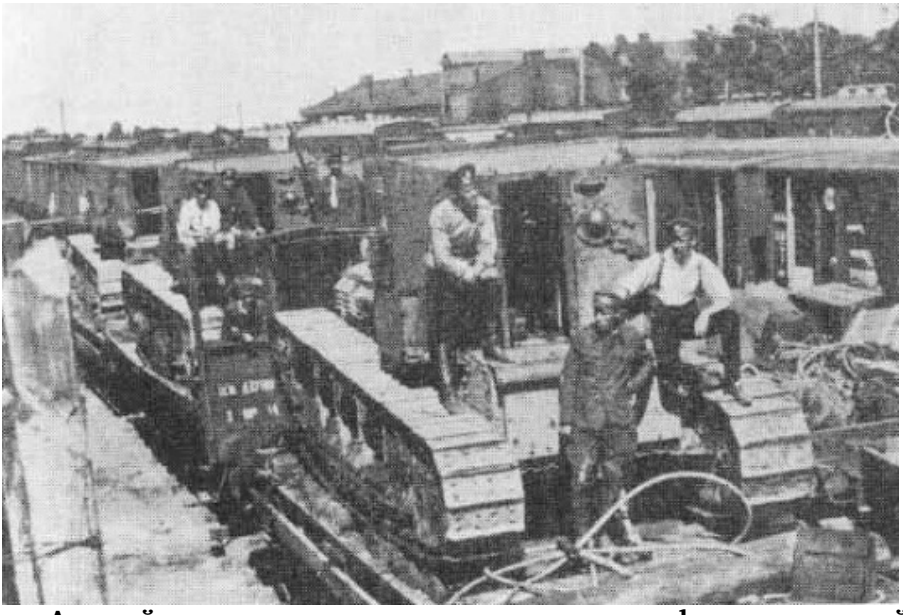
Прибытие Главнокомандующего ВСЮР генерала Деникина в британскую союзническую миссию. Таганрог, 1919 г.

Почетный караул встречает Главнокомандующего ВСЮР генерала А.И. Деникина.

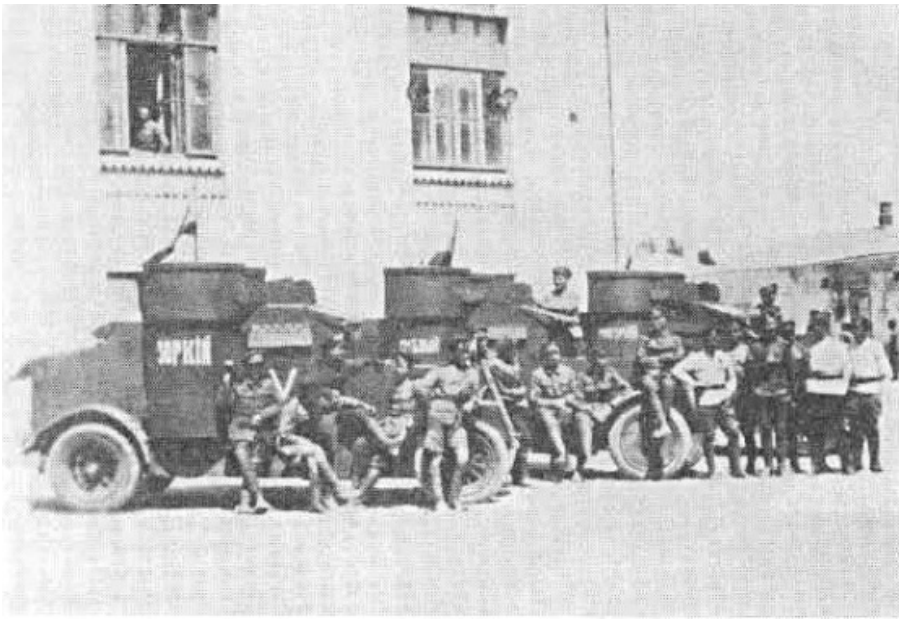
А.И. Деникин — визит к английскому адмиралу.



Бронепоезд «Генерал Алексеев».



Английские танки отправляются на фронт русской гражданской войны.



Броневики Кавказской Добровольческой армии.

Верховный правитель России, Верховный главнокомандующий белых армий адмирал А В. Колчак. Омск, 1919 г.

Адмирал А.В. Колчак во время посещения воинских частей на фронте (весна 1919 г.).

Адмирал А.В. Колчак в кругу приближенных генералов.

Адмирал А.В. Колчак: последняя фотография в дар Донскому атаману А.П. Богаевскому (25 июня 1919 г.).

Вступление Добровольческой армии в Царицын. Слева направо: генералы Мамонтов (верхом), Романовский, Деникин, Врангель. Июнь 1919 г.

Смотр войск в Царицыне. Июнь 1919 г.

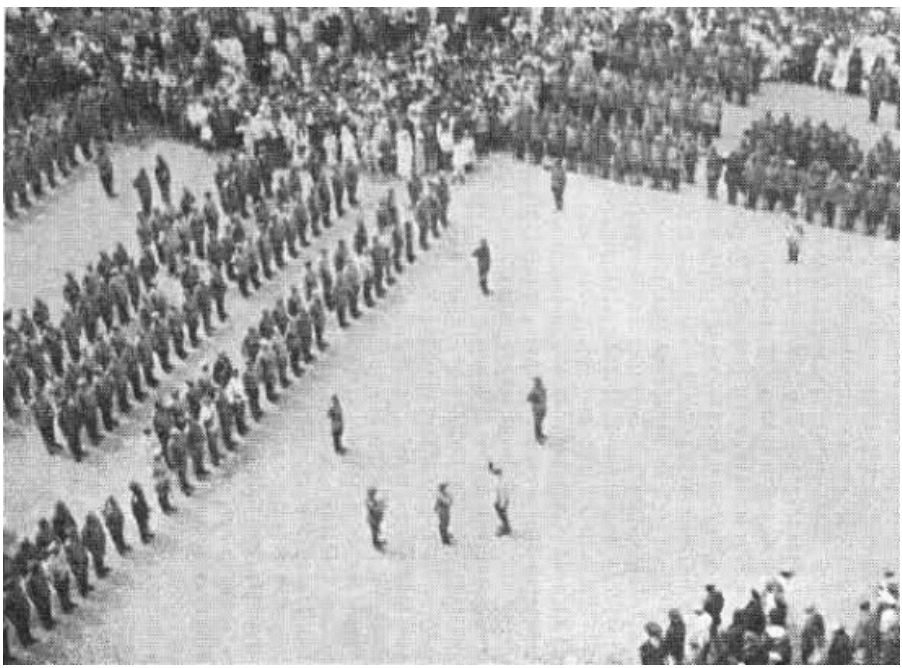
Смотр 2-го Корниловского полка: командующий Добровольческой армией генерал В.З. Май-Маевский, за ним — Макаров, «адъютант его превосходительства». Лето 1919 г.

Смотр 2-й дивизии Добровольческой армии в Сочи: в центре — генерал А.И. Деникин и генерал И.П. Романовский.

Генерал Деникин. Цветы освободителю. Харьков, июнь 1919 г.

Генерал А.И. Деникин со штабом перед молебном. Харьков, июнь 1919 г.

Военный парад в Харькове 22 июня 1919 г. Слева направо: генералы Деникин, Романовский, Плющевский-Плющик.



Военный парад в Харькове.

«Новороссийская катастрофа»: эвакуация на английских военных судах.

Главнокомандующій
Вооруженными Силами
на Югѣ Россіи.
20 марта 1920 г., № 145.
Феодосія.

Многоуважаемый

Абрамъ Михайловичъ!

Три года Россійской смуты я велъ борьбу, отдавая ей всѣ свои силы и неся власть, какъ тяжкій крестъ, ниспосланный судьбой.

Богъ не благословилъ успѣхомъ войскъ, мною предводимыхъ. И хотя вѣра въ жизнеспособность Арміи и въ ея историческое призваніе не потеряна, но внутренняя связь между вождемъ и Арміей порвана. И я не въ силахъ болѣе вести ее.

Предлагаю Военному Совѣту избрать достойнаго, которому я передамъ преемственно власть и командованіе.

Уважающій Васъ А. Деникинъ.

Его Высокопревосходительству
А. М. Драгомирову.
Предсѣдателю Военнаго Совѣта.

Прошение Главнокомандующего ВСЮР А.И.Деникина об отставке, 20 марта 1920 г.

Преемник генерала А.И. Деникина на посту Главнокомандующего генерал П.Н. Врангель.

Последнее правительство юга России (слева направо

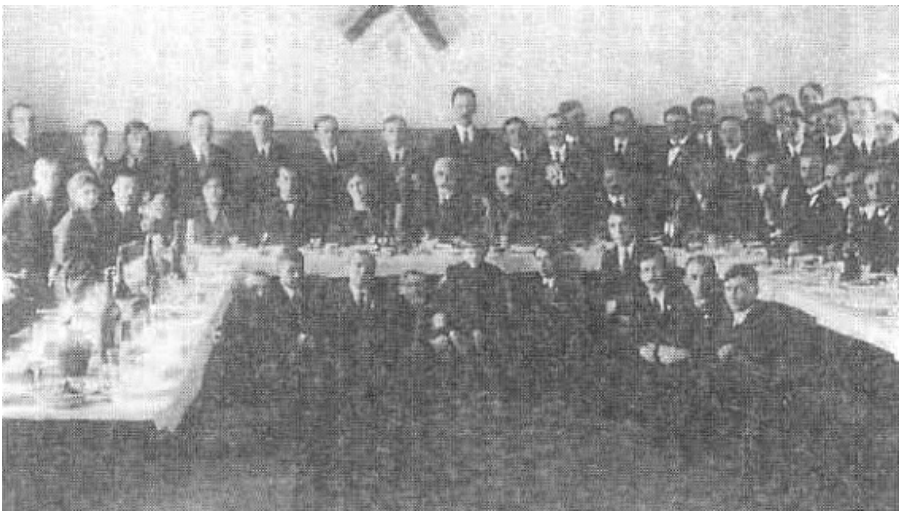
сидят): начальник штаба генерал П.Н. Шатилов, Астраханский атаман Н.В. Ляхов, Терской атаман Г.А. Вдовенко, Донской атаман А.П. Богаевский, Главнокомандующий П.Н. Врангель, заместитель Кубанского атамана Иванис, помощник Главнокомандующего Д.В. Кривошеин, и.о. председателя Донского правительства Корженявский.

А.И. Деникин — эмигрант. Лондон, апрель 1920 г.

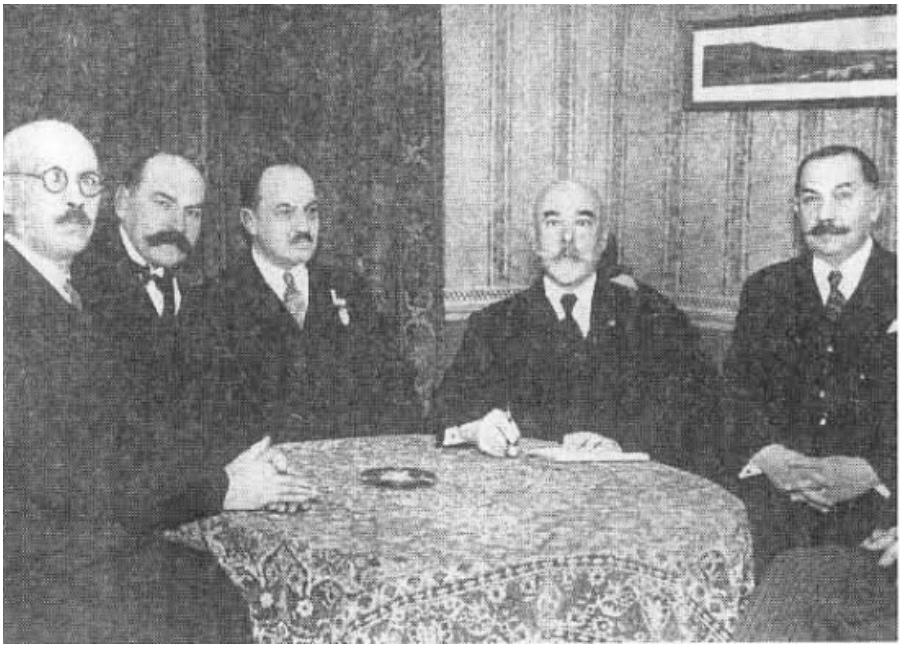
М.А. Деникина (Грей): «Мне кажется, что свою первую победу над отцом я одержала в первые месяцы пребывания в Англии…»

Визит княгини Брассовой, морганистической невестки императора Николая II генералу А.И. Деникину и М.В. Деникиной. Справа — генерал А.Г. Шапрон дю Ларре.

Ксения Васильевна, Марина и Антон Иванович в кругу друзей. Лондон, 1920 г.



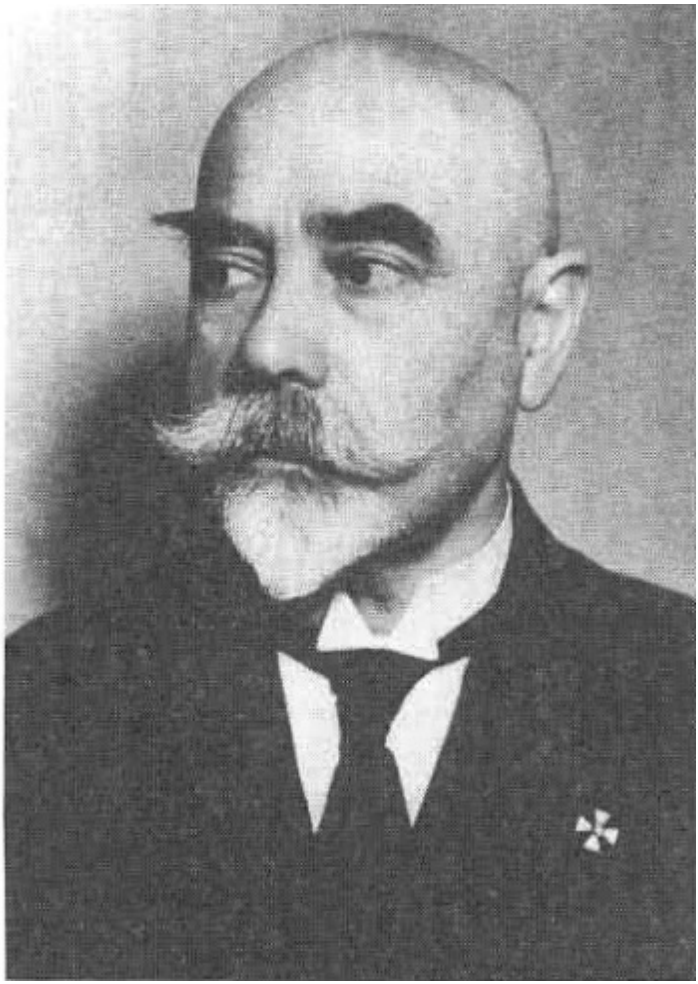
Собрание Корниловского полка. В центре Деникин и дочь Корнилова — Наталья. Брюссель, 1924 г.



Заседание бывших вождей белого движения: в центре — Деникин, слева от него — Донской атаман Богаевский. Париж, февраль 1931 г.

Генерал Е.К. Миллер — председатель Русского общевоинского союза, Париж, 1930-е гг.

С.П. Мельгунов — историк, издатель и редактор журналов «Борьба за Россию», «На чужой стороне», «Возрождение» и др. Создатель ряда эмигрантских организаций. Франция, Шампиньи-сюр-Манн, 1951 г.

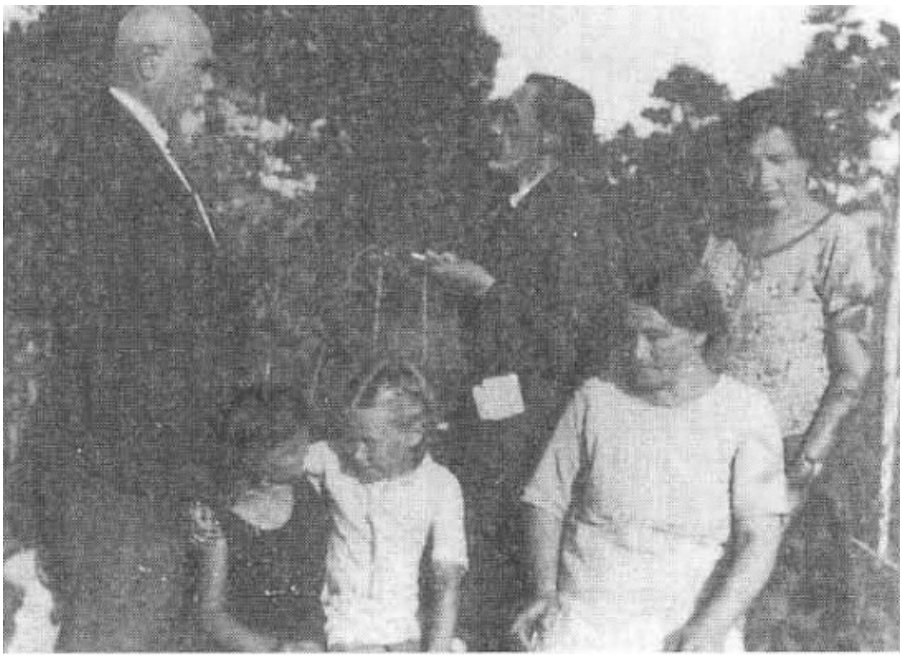


Деникин во время чтения лекции в Чехословакии Прага, 1934 г.

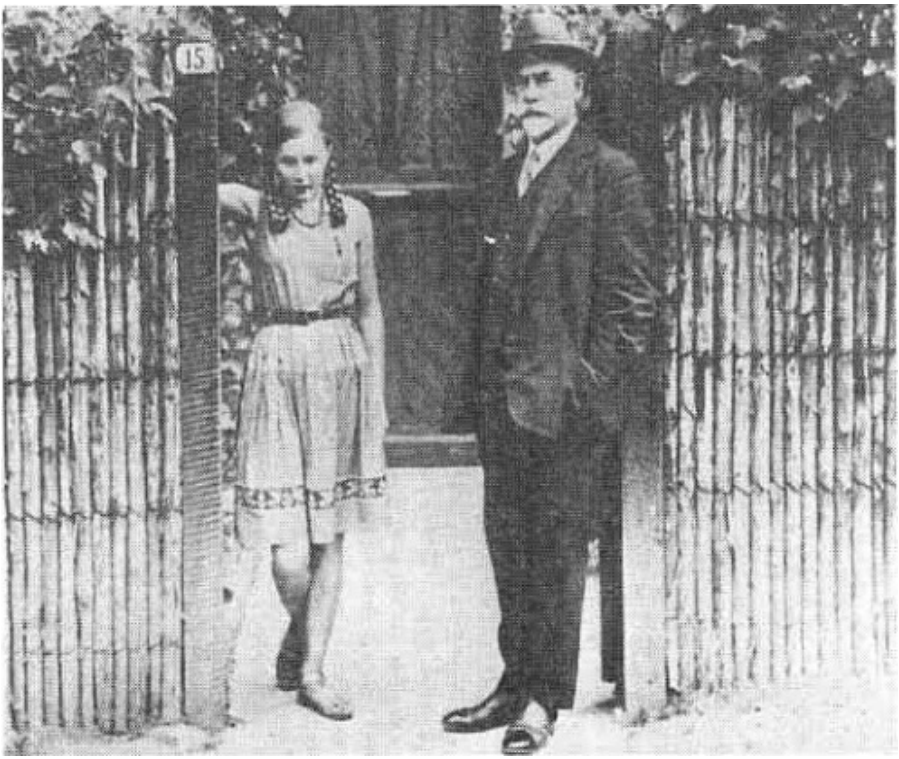
Деникин на отдыхе в горах Франции, 1930 г.

Деникин среди бывших сослуживцев. Франция, 1927 г.

А.И. Деникин, поэт К.Д. Бальмонт, писатель И.С. Шмелев, его племянник Ив Жантийом-Кутырин, О.А. Шмелева.



Генерал и писатель: А.И. Деникин и И.С. Шмелев, их жены — К.Е. Деникина и О.А. Шмелева, дети — Марина Деникина и Ив Жантийом-Кутырин.



Деникин и Марина перед домом, в котором они жили в Севре. Франция, 1933 г.

На прогулке в окрестностях Парижа. К.В. Деникина, Марина, А.И.Деникин.1935 г.

На сборе грибов: К.В. и А.И. Деникины. Франция, Аллемонт, 1935 г.

Деникин (справа) после приема румынским монархом Каролем. Бухарест, 1937 г. Из этого белого плаща Марина сошьет себе в 1941 г. подвенечное платье.

А.И. и К.В. Деникины с переодетыми власовцами. Два русских «крестника» Деникина скрывают ненавистные немецкие мундиры под одеждой, выданной им генералом. Франция, Мимизан, 1944 г.

К.В. и А.И. Деникины. Мимизан, 1943 г.

Последние счастливые дни: К.В., Марина и А.И. Деникины на отдыхе. США, 1947 г.

А.И. Деникин: «Мне нужно два года для окончания двух работ. Я надеюсь, что Господь сделает эту милость и даст мне их…»

Книги А.И. Деникина.

notes

Примечания

1

Вьетнамец.

2

Советник императора Японии.

3

Генерал Сидорин в эмиграции тайно перешел к большевикам и работал среди русских эмигрантов как их агент. — Ксения Деникина.

4

Значительную часть архива А.И. Деникина, включающую семейные фотоальбомы, М. Грей безвозмездно передала в 1993–1998 г.г. Государственному архиву Российской Федерации. — Ред.

5

«Трест» — кодовое название операции, проводимой ОГПУ, легендированная же им организация для эмиграции называлась «Монархическая организация Центральной России» (МОЦР). — Ред.

6

Помни. — Ред.

7

Речь СП. Мелыунова на парижском собрании памяти генерала Деникина, организованном Союзом первопоходников в октябре 1947 г., опубликованная в журнале «Возрождение» к пятилетию со дня кончины А.И.Деникина. Публикуется в авторской редакции.